

Любовь Фунина

Приёмная дочь Бабы Яги

16+

Любовь Викторовна Фунина

Приёмная дочь Бабы Яги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66141968

SelfPub; 2021

Аннотация

Ежели ты царевна, да к тому же дочка Кощеева, то самую судьбой тебе начертано замуж выйти за царевича или княжича, а может и за цельного принца, и жить с ним долго и счастливо... Только вот что делать, если перед самой свадьбой с этим самым царевичем, жениха на измене подлавливаешь? Конечно же, отменить свадьбу и бежать, куда глаза глядят, да ноги несут. А глаза-то глядят на Избушку-на-Курьих-Ножках, что в сердце Чёрного болота стоит, аккурат на границе земель Кощея и Змея Горыныча. Но придётся учесть, что тихонечко отсидеться там, не получится. Много всего предстоит выдюжить Златославе, дочери царя Кощея – и с тёмной волшебной столкнуться, и мёртвому колдуну дорогу перейти, и с женихом бывшим свадебный обряд справить. Но всё это мелочи житейские! Самое-то главное дочку приёмную вырастить, да в люди вывести, а это, посложнее всего прочего будет...

Любовь Фунина

Приёмная дочь Бабы Яги

ПРОЛОГ

Дождь шёл тугими ледяными струями, от которых даже у самого закалённого непогодой человека сводило судорогой пальцы на руках, и так не к месту появлялась вездесущая простуда окрашивающая нос в рдяный цвет и добавляющая голосу тот милый гнусавый акцент превращающий «мокрого» в «бокрава». Дождь шёл вот уже вторые сутки. Вторые сутки раненым зверем ревел стылый осенний ветер, заглушающий даже громовые раскаты непонятно по какой причине проявившейся в разгар осени грозы. Раскалённые рошчерки молний второй день приводили в смятение и так до смерти напуганных крестьян, раздражали своей навязчивостью более богатое общество и повергали либо в бешенство, либо в уныние редких странников, отважившихся высунуть нос из сухого и тёплого дома. Именно такого вот путника, бредущего по берегу Звонкой, а ныне мутной, бурлящей и пузырящейся, речушки и увидела русалка Верейя.

Верейя в отличие от людей не пугала разбушевавшаяся стихия. Наоборот. Ей доставляло удовольствие просто сидеть на замшелом камушке, помнящем ещё Верейку-птичницу с горя бросившуюся в Звонкую, не пережив первого в своей семнадцатилетней жизни предательства. Тогда, две

сотни лет назад, этот неприглядный валун находился на берегу, сейчас же воды в реке поднялись и камень оказался в добрых трёх саженьях от поросшего травой бережка. Тогда жил Денька кузнецов сын, променявший любовь первой красавицы села на богатое приданное дочери скорняка и на эту самую дочку собственно.

Так много лет прошло. Умер от старости в окружении большой семьи предатель Денька с рябой жёнушкой, умерли их дети, внуки и правнуки..., а Верея до сих пор до боли чётко запомнила самодовольное круглое всё в оспинках лицо дочери скорняка и прячущего от неё глаза Деньку. Русалка фыркнула, тряхнула мокрой копной чёрных с заметной прозеленью волос, ударила босой ножкой по воде и засмеялась, ловя ладошками, брызги и дождевые капли. Её смех резко оборвался, когда невдалеке послышался отчаянный рёв человеческого младенца.

Верейка закрутила головой, стараясь понять, откуда доносится плач, приметив направление, соскользнула с валуна и стремительно поплыла на звук. Зачем? Это люди придумали, что русалки бесчувственные и холодные, что мстя, убивают мужчин, заманивая их в воду и там топя. Что сделаешь, если эти самодовольные глупцы, вместо того, чтобы бежать завидев речную деву, сами бросаются к ней пытаясь поймать. Конечно, русалки тоже не безгрешны. Они частенько увлекают приглянувшихся мужчин для того, чтобы развлечься, а заодно и жизненных сил попить, но их ли вина, что мужчины

хотят большего и погибают, не дотянувшись до желаемого.

Плач перерос в громогласный рёв, тут же и оборвавшийся. Если бы сердце у Вереи до сих пор билось, то в тот момент оно бы точно пропустило удар, а то и два. Она услышала всплеск, будто от крупного брошенного камня, перекрытый новым громовым раскатом. Одновременно со всплеском из кустов волчьего лыка, росшего у поворота Звонкой, быстрым шагом вышел давешний путник высокий и нескладный, закутанный в плащ с глубоко надвинутым на голову капюшоном. Он, не оглядываясь, зашагал прочь от реки и быстро скрылся за пеленой дождя. Но Верея не стала дожидаться, когда он отойдёт достаточно далеко. Она плыла на пределе своих немалых возможностей, но похоже всё равно опоздала.

Русалки видят в водяной толще даже лучше чем на суше, и Верейка мгновенно заметила серый комочек, медленно опускающийся на дно. Подплыла, обхватила руками, вынырнула на поверхность и, как рыбка, выскочила на бережок, прямо под раскидистой ивой. Русалка села на оставшуюся до сих пор сухой под густым пологом листвы траву и поспешно начала разматывать ткань, в которую было укутано маленькое тельце.

Первый раз за много столетий Вереи хотелось рыдать и выть в голос от безысходности. Крошечная новорождённая девочка не дышала. У русалки вырвался тоненький всхлип и на глаза навернулись слёзы.

– Как же так?! – разревелась она, бестолково встряхнув

маленькое тельце.

Новый приступ рыданий перекрыло изумление, граничащее с шоком – девочка открыла глаза...

Глава 1. Кот, русалка и младенец в люльке.

На уютной небольшой кухоньке было полутемно, только одинокая свеча на грубоватом столе из цельного дерева освещала пространство вокруг, выхватывая из тьмы небогатый интерьер жилища. Большая белёная печка с полатями, прикрытыми красной занавеской с вышитыми бело-чёрными узорами, была жарко натоплена. Рядом с печкой притулилась широкая лавка, на которой дремал крупный рыжий кот с лобастой головой и длинным пушистым хвостом, нервно подёргивающимся время от времени. Коту, возможно, снились мыши или, что вернее, лягушки, в изобилии водившиеся на болоте где и стоял домик.

У дальней от стола стены высился массивный шкаф, расписанный цветами и птицами. Чуть левее стоял длинный разделочный стол, на котором громоздились кувшины и кувшинчики, баночки, ступки, пестики, ложечки различной вместимости и главным украшением были большие медные весы с начищенными до блеска чашечками. Чуть в стороне от весов в рядок стояли гирьки. Над столом, подвешенные к потолочной балке, сушились пучки ароматных трав.

Из кухни вели две двери: одна в просторную спальню, другая в тесные, полутёмные сени. Именно со стороны второй двери и слышались сначала лёгкие, явно женские, шаги,

затем тихонько скрипнула вредная третья ступенька крылечка, ещё несколько лёгких шагов, тихое шебаршение и едва слышное возмущённое бормотание. Наконец дверь распахнулась, впуская хозяйку и порывистый ледяной ветер, чуть не затушивший одинокую свечу.

–Тьфу ты, ну ты! – выругалась девушка от души и поспешила притворить дверь, оставляя стылый ветер горестно стелиться по ту сторону.

Немного поразмыслив, она ещё и щеколду задвинула, так, на всякий случай. Затем девушка зябко передёрнула плечами, сняла с себя и повесила вымокший насквозь плащ поближе к печке. Прошлёпала босыми ногами по застланному затейливыми циновками полу в свою спальню. Подол чуть коротковатого старенького сарафана, заканчивающийся в районе щиколоток, был заляпан бурыми, начавшими подсыхать пятнами грязи и когда девушка делала шаг, мокрая, выстившая ткань липла к ногам, заставляя морщиться от неприятных ощущений. Увы, но чтобы переодеться, необходимо было сначала добраться до сухих вещей.

В спальне было темно. Девушка тихонько шепнула простенькое заклятье, и в помещении разом вспыхнул десяток толстых свечей, расставленных в разных частях комнаты. Тёплые жёлтые огоньки осветили обстановку, совершенно не вяжущуюся с предыдущей комнатой. Если кухня была обставлена привычными для простой пусть и зажиточной знатки вещами, то спальня, отделённая распахнутой сейчас

дверью, больше походила на горницу какой-нибудь княжны.

Просторная комната днем, несомненно, была самым светлым, солнечным местом этого дома, благодаря большим окнам, прорубленным в трёх из четырёх стен. В окнах были вставлены справные сосновые рамы с настоящими хрустально прозрачными стёклами, что являлось не просто знаком достатка хозяйки, а указывало на привычку к роскоши.

Помимо окон, примечательным в помещении являлось почти всё: начиная с внушительной кровати светлого полированного дерева и заканчивая заморским туалетным столиком с громадным зеркалом в овальной раме. В спальне присутствовали и другие занимательные вещицы. В широком пространстве между двух окон расположился массивный книжный шкаф, плотно заставленный забранными в кожу дорогими фолиантами. Напротив шкафа стоял стол с письменными принадлежностями и кипами дорогой именной бумаги. Одна часть стены рядом с дверью была стыдливо отгорожена высокой ширмой на манер восточных царств. За ширмой пряталась большая и вместительная медная ванна, блестящая начищенными боками. По другую сторону от двери стоял ещё один далеко немаленький шкаф, но на этот раз платяной, сработанный из ореха, отделанный медными накладками и ручками изумительно тонкой работы. Рядом со шкафом, прямо под одним из окон, стоял сундук, покрытый мохнатой медвежьей шкурой. Судя по лежащей на меху книге, сундуком девушка пользовалась не по прямому на-

значению, а в качестве удобной широкой лавки для чтения и тихих посиделок у окошка. Шкуры закрывали и гладкий деревянный пол спальни, но не медвежьи, а волчьи разных оттенков серого. Над кроватью подвешенный за большое металлическое кольцо едва заметно колыхался расшитый тонким, витиеватым узором шёлковый полог.

Не только мебель, но даже мелкие безделушки говорили о хозяйке дома многое. Серебряная с перламутровыми вставками щётка для волос, небрежно забытая на бархатном покрывале постели. Хрустальный кувшин с водой, примостившийся на крохотном столике у кровати. Чернильница из малахита, сработанная в виде диковинного бутона. Что уж говорить о большой красивой шкатулке, украшенной мозаикой из янтаря, приоткрытая крышка которой давала полюбоваться на скрытые в её нутре жемчуга и украшения с драгоценными камнями. Всё это и многое другое в голос кричало о самом что ни на есть благороднейшем и высоком происхождении хозяйки, чей домик затерялся на непролазном болоте на самой границе Царства Кощеева и земель рода Змея Горыныча.

В действительности хозяйкой сего дома, а вернее не просто дома, а самой что ни на есть настоящей Избушки-на-Курьих-Ножках, была Златослава, официально пропавшая, а на самом же деле просто сбежавшая из родного дома младшая дочь царя Ростислава Кощея. Венценосный папенька и прочие царственные родственники вот уже пару лет «отчая-

лись» найти пропажу и объявили всем желающим знать, что царевна де таинственным образом исчезла прямо перед своей свадьбой по причине злобного и мстительного характера местной Бабы Яги. Мол, вредная ведьма похитила девицу красную, дабы разладить отношения царя Кощея и его, так и не состоявшегося зятя, наследного царевича Светорецкого царства Ивана. Многие даже верили в эти рассказы.

Мало кто знал, что на самом деле Баба Яга это не имя ведьмы, о которой в народе ходили разные слухи и жуткие, и вполне мирный, а почти что титул и род занятий многих женщин Кошеева рода. Издавна дочери сего царского семейства становились хранительницами своих земель, проводницами судьбы, привратницами в потусторонний мир. Они могли наделить любую вещь волшебной силой, помочь советом, а порой и более радикально вмешивались в людские судьбы. Яг в Кошеевом царстве почитали, но сторонились. Считалось, что нарушивший покой Бабы Яги без её на то дозволения или без поистине важного дела, может прогневить судьбу и удача навсегда отвернётся от него.

Так и жили Бабки Ёжки в царстве Кошеевом, помогали нуждающимся, давали надежду отчаявшимся и направляли ищущих. Увы, но род Кошеев никогда не был многочислен и девочки в нём рождались крайне редко, потому-то вот уже лет этак тридцать с небольшим Избушка-на-Курьих-Ножках пустовала, оставшись горькой сиротинушкой после трагической гибели последней Яги Прямиславы. Пустовала бы она

боле, если бы не стечение обстоятельств, заставившие царевну Златославу сбежать почти из-под венца и искать убежища на Чёрных болотах в чудном жилище своей двоюродной бабки. С тех пор-то и жила Злата в Избушке, взвалив на свои плечи обязанности Бабы Яги.

В прочем эти самые обязанности и не тяготили её. За два года желающих навеститься к Бабе Яге пока не нашлось. Всё это время царевна потихоньку обживала Избушку-на-Курьих-Ножках, училась вести хозяйство и изучала оставшиеся от прежних Яг колдовские книги. О прежней жизни вне стен Избушки и царского терема отца Злата старалась не вспоминать.

Сегодня Злата особенно гнала от себя мысли о годах, проведенных в чародейской академии, так же гордо именуемой Магической Академией Восточных Земель. К великому сожалению молодой Бабы Яги, воспоминания об учебе в сим заведении не отпускали её на протяжении всего утра, и потому девушкой было принято решение немедленно заняться чем-то таким, что позволило отвлечься от ненужных дум. Решение пришло мгновенно, стоило только взглянуть в окно на разбушевавшуюся по осени стихию.

Несмотря на уговоры Терентия, своего верного фамильяра, Златослава быстро собралась и отправилась на поиски цветов дождевика, которые обычно собирали именно в такую вот непогоду. Необходимости в этих несомненно полезных и довольно редких цветах у девушки не было, потому

как у неё сохранился небольшой запас ещё с прошлого года, просто Злате требовался повод покинуть Избушку.

Златка бежала из тепла ставшей уже родной избы, зная точно, что сегодня с ней не преминут связаться родные и в особенности отец. Общаться с ним ей не очень-то и хотелось, не потому что она не соскучилась, а лишь от того, что отец вновь будет настаивать на её возвращение в отчий дом. Бежавшая царевна была уверена, что Ростислав Кощей снова предпримет попытку достучаться до разума и совести дочери, чтобы вернуть ту в лоно семьи. Девушке были известны все доводы, которыми мог воспользоваться родной батюшка, потому-то спешила покинуть домик, пока зеркало в спальне не принялось звенеть бубенцами, призывая ответить вызвавшему к ней.

Ренька обзывал её дурой и обиженной девчонкой, с чем Златослава мысленно соглашалась. Действительно, только дура могла влюбиться в двуликого, как Изначальный Змей, царевича Ивана. И только обиженная девчонка могла сбежать из-под венца, жестоко не отомстив изменнику. «А ещё я трусиха, – мысленно добавляла Злата очередную черту к своему портрету, – ведь только трусиха будет прятаться на болоте и избегать любого напоминания о предателе».

Именно по этой причине девушка сбежала из собственного домика и допоздна бродила по самым непролазным местам обширного болота, названного в народе Пограничным. Злате казалось, что за это время она не просто вымокла на-

сквозь, а ещё и водой пропиталась, как морская губка.

Тихонько ругаясь себе под нос, чтобы не разбудить дремавшего Терентия, Златослава скинула промокшую и грязную одежду за ширмочкой и с блаженным вздохом забралась в исходящую ароматным паром ванну. Всё же положительные стороны от обучения в Академии были, хотя девушка бы никогда не призналась в этом даже самой себе. Не научись она управлять силой, не смогла бы так легко согреть себе воду для купания.

Расслабившись, Златка с наслаждением вытянула ноги и откинула голову на медный бортик. Усталость и дрожь словно бы растворялись в тёплой воде, а лёгкий аромат ромашки и череды успокаивал расшалившиеся от неприятных воспоминаний нервы. Девушка прикрыла глаза и, старалась ни о чём не думать, слушала, как за стенами родной Избушки заывает непогода.

Ветер то ревел раненым зверем, то стenal как не упокоенный дух, а порой в нём слышался отчаянный плач младенца... Младенца.... А ведь сложись всё по-другому и Злата сейчас наверняка баюкала на руках своего ребёночка. Если бы ровно два года назад она влюблённая глупая девчонка не пробралась тайком к любимому в спальню, то не увидела бы, как он развлекается с одной из своих холопок. Если бы она осталась в своих покоях с няньками и матерью, то на утро, как ни в чём не бывало, шла бы в Храм Богини Матери. Волхвы благословили бы их союз, и меньше чем через год на

свет появился их с Иваном малыш.

Златослава выругалась, стремительно подскочила на ноги, поскользнулась, чуть не упав при этом, и выбралась из ванны. Закутавшись в вышитое розами льняное полотенце, девушка выскочила из-за ширмы и раздражённо прошлёпала к платяному шкафу. Извлеки длинную до пят зелёную рубашку из заморского шёлка, Злата натянула её прямо на влажное тело, а снятым полотенцем замотала мокрые волосы.

Теперь чтобы успокоиться девушке необходимо было нечто другое, нежели ванна с травяным отваром. Сунув ноги в замшевые домашние туфли, Златка прошла на кухню и принялась отщипывать от травяных пучков сухие листики и цветы, собирая их пузатую глиняную кружку. Подогрев на жарких углях печи воду в медном ковшике, молоденькая Баба Яга залила травяной сбор и, присев за обеденный стол, принялась ждать, когда завариться успокоительный отвар.

Над кружкой поднимался густой пар с терпким запахом лечебных трав. Водя пальчиком по краю стола, Злата отрешенно заметила, что отвар почти заварился, а вот плач ветра стал громче и требовательнее. Девушка раздражённо тряхнула головой, но звук, выводящий её из равновесия, не утихал.

—Да, что же это, в конце концов, такое?! — разозлилась Баба Яга, вскакивая со стула и решительно направляясь в сторону сеней.

По пути Златослава подхватила просохший плащ и, наки-

нув его на плечи, сдвинула щеколду. Чуть приоткрыв дверь, она поежилась, почувствовав сырость и холод, передёрнула плечами и шагнула в темноту сеней. На ощупь нашла дверную ручку и прежде чем выйти на крыльцо накинула на всякий случай капюшон плаща.

Выглядывать даже на пару минут наружу, где бушевал промозглый осенний дождь, очень не хотелось, но только там она могла активировать заклятье охранного купола, который защитит Избушку не только от магических атак, но и от непогоды уберезет. Да, и этот плач ветра будет не слышен, а то уж больно громким он стал, будто и впрямь младенец надрывается.

Собравшись с духом, Злата дёрнула ручку и распахнула входную дверь. Тут же налетевший ледяной порыв ветра, заставил девушку зажмуриться на мгновение и поморщиться от попавших в лицо крупных дождевых капель. Последовавший за этим оглушительный громовой раскат и вовсе вынудил её чуть отступить назад под прикрытие родных стен. Когда же Златослава наконец решилась снова выглянуть наружу, то неожиданно обнаружила на ступенях крыльца странную гостью.

–Етишкин свет! – только и вымолвила Бабка Ёжка, разглядев кого принесла нелёгкая.

На широких дубовых ступенях, прижавшись к столбику перилец, сидела темноволосая русалка, пытающаяся укачать ороший мокрый свёрток. Златка прикрыла глаза в надежде,

что всё это ей примерещилось, но открыв их спустя какое-то время, ей пришлось признать, что всё увиденное присутствует на самом деле. На всякий случай девушка ущипнула себя за руку, к сожалению и это не помогло, только синяк на руке поставила.

–Э-эй! – неуверенно позвала Ёжка, не решаясь подойти ближе. – Э-эй, ты! Ты чего там делаешь?!

Русалка вздрогнула и, повернув голову, глянула на Златославу. В громадных глазах речной девы явно читалась растерянность и испуг. Злата отрешенно отметила, что русалкой незнакомка стала совсем ещё юной девчонкой.

–Помоги! – едва слышно, будто слово далось ей с трудом, произнесла нечисть.

Царевна Златослава испуганно замерла, глядя округлившимися глазами на русалку, просящую о помощи. А вот Бабка Ёжка Злата быстро взяла себя в руки и, отодвинувшись, чтобы не загораживать проход, скомандовала:

–Поднимайся-ка и в дом топай! Ну, чего глазами хлопаешь?! Живо давай!

Русалка, как маленькая испуганная девчонка, громко шмыгнула носом, но быстро поднялась на ноги и, прижимая к груди надрывающегося младенца, поспешно взбежала по ступеням наверх. У самых дверей она поскользнулась и упала бы, не подоспей вовремя Златка и не придержи холодную, как сам осенний дождь, гостью за плечи. Русалка от испуга тоненько заголосила, чем в конец рассеяла все страхи Злато-

славы в её отношении. Разве может эта неуклюжая девчонка с затравленным взглядом представлять угрозу пусть и для недоучившейся колдуньи.

– Дай сюда ребёнка, несчастье ходячее! – закатив глаза, потребовала девушка и протянула руки, чтобы забрать младенца.

Речница нервно дёрнулась, будто собиралась пуститься наутёк, но совладав с инстинктом, который буквально криком кричал в её голове об опасности, всё же передала маленькое тельце девушке. Злата приняла ледянущий свёрток и испуганно охнула, когда ребёнок нетерпеливо завозился, путаясь ножками и ручками в мокрой ткани.

– В дом быстро! – почти прорычала Ёжка и, подав пример, ринулась в тепло Избушки, бросив напоследок. – Дверь не забудь запереть!

С силой распахнув дверь, девушка ворвалась в кухню, но ни на секунду в ней не задержалась, бросившись в спальню. На ходу она разматывала мокрую и довольно грязную тряпку, в которую была замотана крошечная новорождённая девочка. Увидев бледную посиневшую кожу малышки и жгут пуповины сочащийся сукровицей, Златослава едва подавила в себе желание разрыдаться в голос.

Мысленно обозвав себя припадочной дурой, Злата закусила губу и, откинув мокрую тряпку в сторону, уложила ребёнка на свою кровать. Метнулась к шкафу, выдернула из аккуратной стопки шерстяной платок и бросилась на-

зад к малышке, уже не надрывающейся плачем, а едва попискивающей, что пугало намного больше громких криков. Склонившись над маленьким тельцем, девушка с осторожностью принялась растирать бледные ручки и ножки, разгоняя кровь.

Златослава никогда не имела дела с такими маленькими детьми, да и занятия по целительству в Академии она частенько пропускала, но память услужливо подкинула ей далёкое детское воспоминание, когда она, пятилетняя девчонка, потерялась в лесу. В тот день Злата и её старшие братья Владимир и Юрий отправились навестить матушку, отдохавшую в охотничьем доме, что в Звенящем Бору. Им оставалось проехать ещё треть пути, когда неожиданно началась метель.

Белая мгла скрыла и дорогу, и деревья. Всё, что было дальше трёх саженей, терялось в пелене снежинок, именно тогда кобылка царевны, испугавшись чего-то, сорвалась в галоп и унесла свою маленькую всадницу в неизвестность. Златослава чудом тогда удержалась на спине своей лошадки. Испуганное животное вломилось в самую гущу кустов дикой вишни, запуталась поводом и притихло. Спустя час и кобылу, и побоявшуюся слезть с животного царевну нашли братья и сопровождавшие их кмети. Девочка сильно замёрзла и никак не могла согреться, даже когда Владимир завернул её в свой плащ. Добравшись до охотничьего дома, братья спешно передали дрожащую как зайчишка сестрёнку в руки ма-

тери. Злата как сейчас помнила, сколь сурово были поджаты губы матушки, когда она смотрела на притихших сыновей и как осторожны были тонкие пальцы, когда она растирала замёрзшую дочку жёсткими шерстяными рукавичками.

Возможно, действия Златославы принесли пользу или, может быть, девочка согрелась в жарко натопленной Избушке, но кожа её медленно и верно начала приобретать свойственный ей розоватый, даже несколько более яркий оттенок. Всё это время девочка вяло шевелила ножками и ручками, слабо хныкала и то и дело, останавливая взгляд мутно синих глаз на Злате.

Решив, что уже достаточно, Ёжка прекратила растирать малышку и тепло укутала её сначала в шерстяной платок, а потом сверху ещё и в пуховый. Осторожно подхватив притихшую девочку на руки, Баба Яга поспешила в кухню, где её уже дожидалась забившаяся в самый дальний от печи угол испуганная русалка. Напротив речницы на расстоянии трёх локтей сидел Терентий и буравил взглядом зелёных глаз незваную гостью. Судя по нервно подёргивающемуся хвосту и прижатым к голове ушам, фамильяр был отнюдь не рад столь странной гостье.

–Ренечка, прекращай запугивать бедную девочку, – ласково обратилась Златослава к коту и нежным голоском добавила. – На хвост наступлю!

–Злая ты, Златка, и недобрая! – встрепенулся Терентий, принимаясь независимо точить когти о первую попавшуюся

половицу. – Вот уйду я от тебя, покукуешь!

–Куда ты денешься! – отмахнулась девушка от слов обиженного фамильяра и устремилась к уstraшенной Ренькой русалке. – Поднимайся и за стол садись!

Речница молча поднялась на ноги и сделала первый нерешительный шаг к столу. Опасливо глянула на вылизывающегося кота, почти бегом преодолела расстояние до стола и присела на краешек лавки, как можно дальше от печи, пышущей жаром, и украдкой следящего за ней Терентия, не перестававшего вылизывать переднюю лапу.

Златка произвольно усмехнулась и уже безбоязненно подошла к девчонке в тонкой, мокрой насквозь белой рубахе. Так близко русалку царевне видеть не приходилось, но разглядывать речницу получше она не стала. Не время сейчас. Вместо этого она вручила, сопящий свёрток в руки оторопевшей нечисти и наказала:

–Качай! Я молока для неё подогрею, у меня где-то было свежее.

Русалка только растеряно кивнула головой и принялась тихонько покачивать на руках младенца. Златослава направилась к внушительному шкафу, открыла дверцу и оглядела содержимое. Крынка с молоком стояла на нижней полке, оплетённая сетью заклятья, рассчитанного ровно на три дня. Девушка попыталась вспомнить, когда она последний раз была в Сколках, ближайшей к болоту деревеньке, где обычно закупала продукты. Вчера или всё же позавчера. Ка-

жется, всё же вчера.

Кивнув своим мыслям, Баба Яга взяла крынку и уже вместе с ней прошла к столу, где в растерянности и остановилась. Подогреть молоко – это просто, а вот как накормить им новорождённого ребёнка царевна не имела понятия. Наливая молоко в глиняную кружку, девушка пыталась вспомнить, как её маленьких племянников кормили нянюшки, но отчего-то перед глазами вставала картинка, как полуторогодовалый пухлощёкий Ярополк увлечённо копался расписной деревянной ложкой в плошке с кашей. Нет, так не пойдёт! Малышке всего-то в лучшем случае пару дней от роду и сама она ложку взять не сможет, да и не едят такие маленькие детки кашу, даже пусть и молочную.

Просунув руку в загнётку и поставив кружку ближе к заслонке печи, Злата присела на край лавки и задумалась. Умная мысль в голову пришла только одна.

–Ренечка, скажи, а как новорождённых кормят? – ласково спросила Златослава у фамильяра.

–Окстись, девка! – огорошено просипел Терентий, прекратив вылизывать заднюю лапу. – Ты спрашиваешь у кота, как вскармливать человеческого младенца?! У кота?! Златка, я был лучшего мнения о твоих умственных способностях.

–Рень, ну у кого мне ещё спрашивать, а? – не обидевшись, пробормотала царевна и, подперев щеку кулачком, продолжила. – Мне же ребёнка младше пяти лет не доверяли никогда. Младших сестёр и братьев у меня нет. Племянниками

няньки и невестки занимались, я их и видела-то хорошо пару раз в седмицу и то только на чужих руках. А ты, сокровище моё рыжее, на полвека старше меня, кому как не тебе такие вопросы задавать?

–Злат, я кот, а не кормилица, – возмущённо фыркнул фамильяр.

–Ну, Реня-я! – почти простонала девушка. – Чем мне кормить ребёнка?!

–Грудью! – выверился рыжий и с независимым видом направился в спальню.

–Твоей?! – теперь уже вышла из себя Златослава и дёрнула проходящего мимо Теренития за пушистый хвост.

–Своей! – зашипел кот, пытаясь извернуться и ударить лапой Ёжке по руке.

–Только посмей! – пригрозила та, отпуская помятый хвост своего фамильяра.

–Дура! – огрызнулся Терентий.

–Корм для блох! – выпалила в ответ Баба Яга.

–Ах, ты по больному бить! – задохнулся от возмущения фамильяр. – Да, я тебе...

–У вас рожок есть? – неожиданно подала голос русалка.

Девушка и кот сверлили друг друга тяжёлыми взглядами, но тихий голос речницы вовремя остановил готовое начаться кровопролитие. Оба они дружно обернулись и, глянув на русалку, решили отложить смертоубийство на неопределённый срок.

–Рожок? – переспросил Терентий.

–Зачем? – добавила Златка.

–Если мать родами умирает или молока у неё нет, младенца из рожка кормят, – спокойно принялась объяснять русалка. – Внизу дырочку делают маленькую, молоко с водицей разводят и малышу дают.

–Чего сразу не сказала? – с подозрением прищурив зелёные глаза, потребовала ответа кот.

–А вы у меня и не спрашивали, – фыркнула речница, после перепалки этих двоих переставшая бояться и Бабы Яги, и её кота.

–Рожок, – задумчиво пробормотала Златослава, уже не обращая внимания на русалку и вполголоса ворчавшего на неё фамильяра. – Рожок!

Златка бросилась в спальню, никому ничего не объяснив. Озадаченный поведением хозяйки Терентий шмыгнул за ней и успел как раз в тот момент, когда Ёжка скинула с сундука шкуру, откинула крышку и залезла чуть ли не с головой в его недра. Из сундука при помощи ловких ручек девушки в разные стороны полетели до того момента аккуратно уложенные вещи, присланные отцом года полтора назад. Златке смутно помнилось, что, просматривая присланный из отчего дома сундук, наткнулась на небольшой охотничий рожок оправленный серебром и самоцветами. Тогда она решила, что видимо кто-то из племянников перед самой отправкой умудрился туда засунуть свою игрушку. Именно этот ро-

жок царевна и пыталась найти.

По воле провидения рожок оказался на самом дне сундука и, когда девушка до него добралась, оказалось, что пол вокруг неё усеян скомканными отрезами разнообразных тканей, тесьмой, лентами и мотками пряжи. Злата обвела удивлённым взглядом разбросанное добро, но тут же махнула рукой и поспешила обратно на кухню. Рожок требовалось тщательно вымыть и желательно хорошенько прокипятить. По пути царевна умудрилась наступить на хвост Терентию, который не преминул взвыть дурным голосом на всю Избушку, чем конечно же напугал и без того впечатлительную русалку. Речница нервно дёрнулась, разбудив до того момента тихо посапывающую малышку. В жилище Бабы Яги повторно раздался отчаянный детский плач, переходивший порой в тихие жалобные всхлипывания, которые заставляли сердце девушки сжиматься от жалости.

–Реня, если подобный вопль повторится ещё раз, я тебе этот самый хвост вообще оторву, – как-то совсем буднично и почти спокойно предупредила Яга кота, одновременно набирая в черпачок чистой воды.

Возражать и возмущаться фамильяр не стал. Чувствуя свою вину и, уж чего греха таить, побаиваясь, что Златослава исполнит обещанное, Терентий бочком-бочком прошмыгнул вдоль стены и спрятался за печку. Русалка, пытавшаяся успокоить ребенка, заметив изворот кота, только презрительно фыркнула и что-то тихонечко почти на грани слы-

шимости запела.

Златка не обратила внимание ни на одну, ни на другого. Девушка была занята. Сначала она кинула рожок в черпак и колдовством вскипятила в нём воду, подержала его в кипятке и подлила холодной воды. Только после этого Ёжка осторожно вытащила рожок и положила его на чистый полотенчик. Затем из загнуётки была извлечена кружка с тёплым молоком, содержимое, которой было живо разбавлено колодезной водицей и залито в рожок. На кончике рожка тут же выступила крупная белёсая капля, не удержавшаяся и упавшая на пол, а на её месте к тому времени уже появилась другая.

Удовлетворенно кивну, Златослава позволила следующей капле упасть на тыльную сторону ладони. Молоко было не горячим и не холодным, а приятно тёпленьким, почти как парное. Вот теперь малышку можно было и накормить.

– Вот держи! – царевна протянула речнице рожок.

– Нет, – отрицательно покачала головой русалка и поспешила объяснить, – тебе самой надо учиться её держать и кормить. Я не могу тебе в этом помочь. Я же нечисть, в конце концов, и даже находиться в доме долго не могу, мне уже становится не по себе. Прошу, позаботься о девочке! Ты живая, у тебя тёплый дом и в нём обязательно найдётся место для этой малышки...

Девушка ждала чего угодно, но не такой прочувствованной, горячей речи от водяной нечисти. Сказать, что Злата была удивлена – это ничего не сказать. Царевна изумлённо

хлопала глазами и не знала, что ей на это ответить.

Ёжка нащупала пустующий табурет и осторожно опустилась на него, пытаясь подобрать нужные слова, чтобы объяснить русалке, почему она не может оставить у себя этого ребёнка. Слова отказывались подбираться, да и в голове стоял сплошной кисель вместо связных мыслей.

Как объяснить давно умершей и переродившейся в речницу девчонке, что она незамужняя девка, к тому же царевна, которая просто не может взять на себя ответственность за судьбу этой малышки. Ведь рано или поздно в Избушку обязательно нагрянет кто-то из Кощеева семейства. Как она тогда объяснит родичам и отцу, откуда у неё появился новорождённый ребёнок?.. Ну, ладно. Допустим, отцу она объяснит, расскажет всю правду, и он даже ей поверит и поймёт. А как тогда объяснять прочему люду, почему получилось, что сбежавшая два года назад из-под венца царевна обзавелась ребёнком? Это же какой срам! Что о ней подумают?..

Поток почти несвязных мыслей, скачущих как ручеёк по камушкам, прервался, когда Злата обнаружила на своих коленях свёрток с ребёнком. В тот момент, когда произошло осознание случившегося, русалка как раз поправляла её левую руку так, чтобы царевна держала головку ребёнка чуть приподнятой.

–Ну, вот теперь можешь кормить, – удовлетворённо сообщила речная дева и сделала два стремительных шага назад, прочь от Бабы Яги.

–Етишкин..., – начала было Ёжка, но вовремя умолкла и с каким-то священным ужасом уставилась на копошащуюся на её коленях девочку.

–Рожок к её ротуку поднеси, – посоветовала русалка, наблюдая с безопасного расстояния за действиями Златославы.

–Ага, – нервно сглотнув, произнесла царица, осторожно выполняя указание, и после сдавленно пискнула. – Ой, она ест!

На эти слова речница только фыркнула и отступила ещё на шаг. Новорожденная малышка, громко причмокивая, посасывала кончик рожка, а Златка не отрываясь, как зачарованная, наблюдала за умилительно сосредоточенным личиком девочки и её крошечным кулачком, который она умудрилась высунуть из тепла и теперь время от времени упиралась им в руку девушки. Оторваться от этого зрелища было почему-то невозможно, а ощущение маленького тельца на своих коленях было таким правильным и приятным, что с каждым мгновением мысли о том, что девочку необходимо кому-то отдать на воспитание становились совсем малопривлекательными и вообще какими-то кощунственными.

–Где ты её нашла? – наконец задала Злата вопрос, который надо было бы задать раньше. – Что вообще случилось?

–Я на полоскальном камне сидела, что в Звонкой возле Старых Сколок, когда услышала, как ребёнок плачет, – тихо начала свой немного сбивчивый рассказ речница. – Вернее попервах я мужика увидела..., ну, я так думаю, что му-

жика,.. высокого такого в плащ закутанного. Он по берегу шёл и будто что-то выискивал, а потом за кустами скрылся у поворота и тогда я плач и слышала. Потом всплеск и плач оборвался. Вот я нырнула и поплыла. Сразу догадалась, что он ребёнка кинул. Я когда доплыла, малышка уже почти на дно опустилась. Схватила и сразу на берег, там под старой ивой пелёнки развернула, а она... не дышит. Я разревелась, трясти её начала, а она вдруг, раз и глаза открыла, заплакала, и дышать стала. Я подхватила и побежала сюда, к вам...

–То есть ко мне? – удивилась Златка, но взгляд от малышки, увлечённо причмокивающей рожком на её коленях, так и не смогла оторвать, потому не заметила, как в насмешливой гримасе скривились губы русалки.

–Кикимора местная ещё по весне сказывала, что в Избушке новая Яга появилась, – нехотя пояснила нечисть и, тяжело вздохнув, решила покаяться. – У нас тут все давно про вас знают, только показываться на глаза боялись. В прежние времена Яги с нечистью лесной, речной и болотной дружбу водили, а последняя, Прямыслава которая..., – русалка помялась и несколько скомкано закончила, – ... не очень нас жаловала.

–Не знаешь почему? – заинтересовалась Златослава и на мгновение перевела взгляд на речницу.

–Да откуда ж мне знать, – пожалала плечами та, отрешённо принявшись заплетать подсохшие волосы в косу. – Леший говаривал, что она в Избушке поселилась, когда жива

была Яга Милаока. Милаока-то и с лешим дружбу водила, и с водяным, и кикимор с русалками привечала, даже домовой у неё жил, а вот с Прямыславой не задалась у них дружба, терпела она нечисть, а когда Милаока померла так и вообще везде вокруг Избушки какие-то чудные обереги навесила. Пробовал тогда леший к ней с поклоном прийти, поддержкой заручиться, чтобы лес вместе хранить, но обереги эти его огнём опалили, чуть в головешку не спекли. После этого нечисть Избушки-на-Курьих-Ножках и сторонится.

–Странно, – пробормотала под нос Бабка Ёжка и, невольно улыбнувшись смешно наморщившей нос девочке, решительно заверила русалку. – Но я обязательно с этим разберусь и узнаю причину. А сейчас... Э-э-э.... Ой, а как мне тебя звать-то?

–При жизни меня Вереей звали, – удивлённо хлопая ресничками, послушно назвалась русалка.

–А меня Златославой зовут, но можешь звать просто Златой, – охотно представилась девушка и, широко улыбнувшись речнице, уверенно заявила. – Теперь я тут Ягой буду и мне бы хотелось тоже с нечестью местной дружить. Живём-то рядом, чуть какая беда и обратиться не к кому. Ты Верeya, кого знаешь из тутошних, скажи, что, мол, Яга Златка в гости зовёт, познакомиться хочет, да на дружбу крепкую рассчитывает. Передашь?

–Передам, – необычайно серьёзно кивнула русалка и робко спросила. – А мне можно будет приходиться?

Русалка спросила и даже губу прикусила, ожидая ответа, а взгляд её полный грусти и надежды был устремлён на уже сладко посапывающую во сне малышку, крохотной ручкой вцепившуюся в уже пустой рожок. Злата заметила взгляд Верейки и всё прекрасно поняла. Как и царевна, русалка тоже когда-то была просто девушкой, мечтавшей о любимом муже и детках. Только теперь будучи нечистой, она понимала, что матерью ей не стать и потому, речнице так страстно хотелось быть ближе к спасённой девочке, чтобы хоть изредка, хотя бы на пару мгновений почувствовать крохотное детское тельце в своих руках и представить..., нет, не представить, просто порадоваться, что не отняла жизнь, а смогла её спасти.

–Конечно, – заверила её царевна, принявшись тихонечко покачивать спящего младенца. – Ты можно сказать ей вторая мама. Конечно же, мы будем тебе рады.

–Вторая мама? – удивилась Верейка.

–Да, – теперь уже Баба Яга приняла серьёзный вид и не дрогнувшим голосом произнесла. – Я её мать. Ты меня поняла Верейка? Никто не должен догадаться, как всё было на самом деле. Я её мать, ты названная матушка, а Избушка станет для неё родным домом, иного она знать не должна. Понимаешь?

–Ты готова назвать дочерью эту малышку?! – ещё больше удивилась русалка.

–Да, – без колебаний подтвердила Златослава и сама себе

удивилась.

Мысль не просто взять на воспитание, а именно удочерить малютку пришла внезапно и так же быстро переросла из желания в острую потребность. Даже намёка на то, что эту девочку будут укачивать чужие руки, была отчего-то нестерпима. За мгновение в её голове даже была измышлена целая жизнь. Злата почти видела, как растёт эта малышка, как учиться сидеть, ползать, ходить и говорить. Первое слово обязательно будет «мама» и молодая Яга хотела, чтобы мамой назвали именно её. Ну, не случилось ей побывать женой, так хоть матерью станет.

–Злата, это глупая мысль! – подал голос из-за печки Терентий.

–Я поняла и буду молчать, – одновременно с ним произнесла Верея.

–Спасибо! – благодарно улыбнувшись, вымолвила девушка.

–Злата! Девка дурная, ты, что это удумала, а?! Представь, что маменька с папенькой на это скажут! – всё ещё прячась за печью, увещевал её фамильяр. – Папка за такое по головке не погладит. Думаешь, он тебе даст этого ребёнка растить? Да, когда он узнает, мигом примчится, отходит тебя хворостинкой по заду и в тереме зайдёт, а малявку эту отдаст в какую-нибудь семью...

–Реня, умолкни, пожалуйста! – почти нежно пропела царица, бережно укачивая завозившуюся девочку.

–Злата, я твой фамильяр и молчать не буду! Кто-то же должен тебе глаза открыть на ту глупость, что ты учинить собралась, – распался кот и даже выглянул из-за угла печи, пытаясь достучаться до разума Бабы Яги. – Ты царевна и никто не позволит тебе позорить семью...

–Терентий, не выводи меня из себя, – пригрозила девушка и, вдруг тихонько рассмеявшись, весело добавила. – Я же уже два года как Баба Яга, а не царевна Златослава. И знаете, что? Царевной я больше быть не желаю, и возвращаться в отчий дом не собираюсь. А на счёт твоих слов Терентий, что малютку у меня могут отобрать, я скажу вот, что – не смогут. Знаешь ли, роясь в книгах моих предшественниц, я нашла много любопытных обрядов. Очень любопытны из них были те, что на крови. С помощью одного такого обряда я смогу ввести в семью эту девочку.

–Царь-батюшка нас прибьёт! – хрипло выдавил из себя кот и постарался хлопнуться в обморок, что у него не получилось, как он ни старался.

–Не прибьёт, – отмахнулась царевна, вспоминая суровое лицо отца и его мудрые серые глаза, но нехотя добавила. – Хотя хворостиной отходит точно.

–Тебя может и отходит, а меня как пить дать прибьёт, – простонал Терентий, распластавшись на полу и пытаясь изобразить умирающего.

–Не прибьёт, – повторила Златка и, нервно хихикнув, пообещала, – я тебя спрячу от него, пока он не успокоится.

–Злат, а может не надо? – робко предложил кот.

–Надо, Реня! Надо! – непререкаемо сообщила Ёжка и, задумавшись, неожиданно выдала. – А где же малышка будет спать?

–На чердаке есть люлька, – охотно просветил её фамилляр, прекратив изображать из себя умирающего. – Завтра достанешь и отчистишь, а сегодня придётся тебе потесниться на кровати.

–Откуда там люлька? – удивилась девушка, забыв даже покачивать малышку.

–Златка, вот ты, правда, такая глупая или прикидываешься? – вкрадчиво поинтересовался рыжий нахалёнок. – Не уже ли ты думала, что все Яги жили затворницами? Между прочим, у Яги Милаоки муж был и два сына, один из которых погиб ещё до твоего рождения, а другой тебе прекрасно известен – это Святозар Добролюбов.

–Учитель Святозар?! – неподдельно удивилась Златослава и нервно хихикнув, выдала. – Никогда бы не подумала, что Сухарь сын Бабы Яги.

–Сухарь?! – теперь уже удивился кот.

–Ну, да, – усмехнулась девушка и поспешила объяснить, – его так ученицы прозвали, отчаявшиеся завладеть душой и сердцем самого завидного холостяка Академии.

–Ох, дуры же вы девки! – по-доброму усмехнулся Терентий.

–Ты это, не обобщай, пожалуйста, – погрозила ему паль-

цем Ёжка.

На это кот только насмешливо фыркнул, запрыгнув на лавку, где спал до прихода Златославы, обвинил передние лапы пушистым, как у белки, хвостом и принялся невозмутимо разглядывать речницу. Под внимательным взглядом Терентия русалка перетупилась с ноги на ногу, снова чувствуя себя не уютно. От рыжего кота с нагловатым характером веяло чем-то странным, и Верeya не желала знать, чем именно. Нечисть нервно передёрнула плечами и неожиданно охнула, когда заплетённая ею собственноручно коса ощутимо хлестнула её по спине. За два столетия русалка успела отвыкнуть от сего предмета девичьей гордости. Даже самая тугая коса под водой быстрой распускается, потому-то все русалки и не заплетают волосы в косы, предпочитая оставлять их как есть, распущенными. Верейка сама не помнила, когда она оставила попытки привести свою шевелюру в пристойный вид, наверное, в первый же год жизни в качестве речницы. А вот здесь в уютном тепле Избушки-на-Курьих-Ножках на какое-то время напрочь забыла, кем стала, давным-давно поддавшись глупому порыву и совершив самый страшный в своей жизни поступок. Именно здесь первый раз за своё существование в качестве речной нечисти, Верeya горько пожалела о том страшном дне, когда утопила своё горе и свою жизнь в Звонкой.

–Пойду я, – наконец вымолвила русалка не глядя на Бабу Ягу. – Пора мне.

– Может, останешься ещё? – предложила Злата, поднявшись на ноги, но, не переставая покачивать малютку. – Я могу тебе на печи постелить...

– Ох, Залатослава, насмешила! – вполголоса хихикнула речница и, прикрыв рот ладошкой тихонько засмеялась. – Я же нечисть! Забыла? Ну, какая мне может быть печка? Не выносим мы долго тепла, открытого огня и присутствия живых, да и без родной стихии слабеем. Мне правда пора, но я ещё приду, раз ты мне позволила у тебя бывать.

– Мы будем ждать, – улыбнулась царица и, спохватившись, добавила. – Подожди немного! Я сейчас маленькую на кровать положу и провожу тебя...

– До крыльца проводи и будет с меня, – улыбнулась Верейка, остановившись у двери в сени.

Осторожно ступая, чтобы не разбудить девочку, Златка направилась в свою спальню. Остановившись у кровати, она бережно положила спящего ребёнка на покрывало. Малютка не проснулась, только чуть разжались крохотные пальчики и снова сложились в кулачок. Девушка непроизвольно улыбнулась, нежно коснулась кончиком пальца маленькой ручки и шепотом позвала:

– Реня, иди сюда! Присмотри пока за малышкой!

Кот спорить и пререкаться не стал, мягко спрыгнул с лавки и, пробежавшись, запрыгнул на кровать. Потоптавшись по покрывалу, Терентий улёгся рядом с ребёнком и, склонив голову на бок, с интересом принялся изучать спящую

малышку.

Ёжка невольно улыбнулась идеалистичности картины и поспешила обратно в кухню, где у дверей её ждала русалка. Сдвинув щеколду и отворив дверь, Златослава, поморщившись от холода и сырости, шагнула в сени, за ней последовала и речница. Сделав два больших шага, девушка оказалась у выхода ведущего наружу, коснулась деревянной ручки и, приложив немного усилий, толкнула разбухшую от влаги дверь. Мимо неё в проход тут же проскользнула русалка, радостно взвизгнула и, подставив лицо уже почти стихшему дождю, закружилась на широком крыльце Избушки.

– Больше такого дождя не будет до самых заморозков, – неожиданно остановившись, сообщила Верея и задорно потрянула распутившимися из косы волосами.

– И то ладно, – хмыкнула Злата, стоя в дверях, желания выходить под мелко морозящий дождик у неё не возникало.

– Пойду, – заявила уверенно речница и пообещала. – Слова твои про дружбу до местных донесу, так что жди гостей. Ну, до встречи Златослава! Мир твоему дому, здоровья близким!

– Спасибо! И тебе всего хорошего! – пожелала Баба Яга и, проводив взглядом сбегающую по ступеням русалку произнесла. – До встречи, Верея!

Дождавшись пока тоненькая фигурка в белой рубахе скроется за кустами болотной голубики, Злата затворила и заперла дверь, миновала сени, вошла в кухню и поспешила

в свою спальню. На пороге девушка остановилась и, закрыв обеими ладошками рот, беззвучно засмеялась и причина была настолько удивительная, что не сразу верилось.

Терентий, оставленный присматривать за малышкой, добрался к ней совсем близко и, щуря зелёный глаза, тихонько пел колыбельную песенку, перемежая её с утробным мурчанием. Похоже, эта кроха сумела за краткий миг покорить сердце рыжего фамильяра.

Постояв ещё чуть-чуть в дверях и понаблюдав немного за своим котом, девушка направилась к кровати. Стараясь не потревожить сон малышки и не обращать внимания на укоряющий взгляд Терентия, Ёжка осторожно устроилась на самом краю, положив между собой и спящим ребёнком большую подушку, чтобы ненароком во сне не прижать девочку. Ещё раз полюбовавшись на безмятежное личико младенца, Златка опустила голову на согнутую в локте руку и шепнула коту:

–Всё, Реня, давай спать! Сегодня был тяжёлый день...

Фамильяр её уже не слышал, потому что уснул мгновением раньше, так быстро как это умеют все представители кошачьего рода. Златослава тоже уснула, даже не договорив, что хотела. Спала и безымянная пока кроха, на чью долю в тот день выпали самые тяжёлые и страшные испытания.

Если бы кто-то посторонний, совершенно незнакомый человек вдруг очутился в Избушке-на-Курьих-Ножках, он бы очень удивился представшему перед ним зрелищу в про-

сторной по-царски обставленной спальне. На большой кровати мирно спали трое. Крупный, с добрую собаку, ярко рыжий кот свернулся клубком почти на самой середине постели, укрыв мордочку длинным пушистым хвостом с белым кончиком. На краю скрутившись калачиком и подложив ладошку под голову, спала стройная девушка в зелёной нижней рубаше, её длинная золотисто-русая коса свешивалась с кровати до самого пола. А между котом и девушкой лежал новорождённый младенец, укутанный в тёплую пуховую шаль, и во сне смешно причмокивал губами. Глядя на них никто бы не смог догадаться, что видят перед собой самого настоящего фамильяра прожившего на свете в пять раз дольше, чем любой другой кот и саму Бабу Ягу, которой время от времени пугают непослушных детей. Но самым удивительным было, конечно же, то, что крохотная спящая девочка оказалась приёмной дочерью этой самой Бабы Яги. Да-да, и такое порой случается.

Глава 2. Первые трудности и новые знакомства.

Возможно, Златослава и надеялась, что приняв решение воспитать спасённую девочку, как собственную дочь, жизнь её ничуть не изменится. Во всяком случае, ни с кем этими мыслями она не делилась, даже с верным Терентием. Проблемы же стали появляться, даже раньше, чем Ёжка осознала, какую громадную ответственность она на себя взяла.

Первый месяц с того памятного дня, когда Злата обнаружила на крыльце своей Избушки русалку с человеческим

младенцем на руках, выдался крайне тяжёлым, как для неё самой так и для её неожиданно взявших помощников. Перенести без последствий тот страшный день, когда чуть не погибла на дне реки Звонкой, малютка не смогла и серьёзно заболела. Девушка старалась не отходить от крохи ни на шаг, потчuya её отварами, приготовленными по рецептам из древних книг, оставшихся от прежних Яг.

За время болезни девочки царевна перечитала все лекарские заметки своих предшественниц и успела узнать, казалось бы, всё возможное о хворях новорождённых. Успела узнать и убоиться. У девушки не укладывалось в голове, как вообще возможно, что такое крохотное беззащитное существо подвержено такому немалому числу всяческих немочей. Что же говорить о том, что помучиться Златке пришлось и с пуповиной, которую следовало перевязать.

Пока малютка хворала, неоценимую помощь и поддержку юной Ёжке оказали и Терентий, в меру своих сил и возможностей, и Верея, и даже новый знакомец – леший Хмурич, присматривающий за лесом по ту сторону болота уже в землях Змея Горыныча. Без них Златке пришлось бы туго.

Пока Баба Яга выискивала рецепты лечебных зелий, готовила укрепляющие отвары для своей приёмной дочки, Терентий с готовностью изображал живую грелку. Устраиваясь под боком у малютки, фамильяр пел ей колыбельные или просто мурлыкал что-то успокаивающее, а порой даже использовал собственный неприкосновенный и бережно леле-

емый хвост в качестве пушистой игрушки. Девочка почти сразу успокаивалась, стоило ей почувствовать рядом этого большого и как оказалось очень заботливого кота, что давало Злате немного времени не только на приготовление лекарств, но и на исполнение своих необходимых потребностей.

Когда перед Ёжкой встала необходимость отлучить в Сколки, чтобы пополнить запас продуктов и раздобыть для ребёнка свежего молока, за девочкой вызвалась присмотреть Верея, которая являлась в Избушку-на-Курьих-Ножках регулярно два раза в день. Так как дорога до деревни занимала достаточно много времени, а русалка не могла долго находиться вдали от родного водоема, то её стал подменять Хмурич.

Дружба с местным лешим стала для девушки немалым подспорьем. Хмурич, в первый же день знакомства оглядев Избушку, Ёжку и ёжиного кота, уверенно заявил, что тут необходима мужская рука и тут же приложил эту самую руку весьма и весьма умело. Скрипучая ступенька была проверена и заменена. Избушкины ножки были придирчиво осмотрены и тщательнейшим образом очищены от наросшего мха и поганок. Старенький табурет, который Златка давно собиралась пустить на растопку печи, был обновлён и занял своё место в кухоньке в качестве удобной подставки под корытце с водой. Теперь в хозяйстве у Яги было всё починено, все ножи заточены и даже образовалась приличная поленница

дров для печки.

Вообще узнав у Златославы, что та топит печь в основном хворостом и теми остатками древесного угля, что нашла в кладовой Избушки, леший только неодобрительно покачал головой. Он прекрасно знал, чтобы поддерживать тепло в Избушке всю долгую зиму, необходимы были именно дрова, причём не малое количество. Хмурич только подивился, как Ёжка пережила две прошлые зимы. Пришлось Златке признаться, что печь в Избушке совсем не простая и заклята колдовством бывших владельцев, может держать жар несколько дней и даже иногда может обходиться совсем без дров, горя колдовским огнём. На это откровение леший только искренне рассмеялся и заверил Ягу, что волошба – это ещё не всё и дрова в любом случае необходимы. Ещё раз подивившись неопытности юной Ёжки в таких житейских вопросах, Хмурич пообещал взять на себя проблему восполнения сгоревших в нутре печи дров.

Весьма хозяйственным и рукастым оказался леший Хмурич, что очень удивило царевну, и она не преминула спросить о том, откуда он вообще так много знает о человеческом быте. Пришлось тому поведать историю о том, как он стал лешим.

Давным-давно, почитай четыре сотни лет назад, жил в лесной деревеньке Ольшанке молодой охотник Самовлад, по прозвищу Хмурич. Однажды зимой случилось так, что пришлось ему отправиться на промысел в лес через болото. В ле-

су у родной деревни дичины совсем не осталось, зима стояла лютая малоснежная и морозная, зверьё какое ушло в поисках лучшей доли, какое просто не пережило таких сильных заморозков. Да и в самой деревни уже к середине седня почти не осталось припасов, и перед жителями стояла будущность медленной смерти от голода. Словно все, какие только есть, напасти преследовал Олышанку. Сперва по осени от какой-то заразы погибла добрая половина общинного стада. Затем на амбар с зерном напали оголодавшие крысы. Теперь вот ушла вся дичь. Потому-то и отправился Самовлад через болото в старый ельник, где возможно и посчастливилось бы ему набрести на медвежью берлогу или на стадо оленей.

Удача отвернулась от мужчины ещё в самом начале, когда с ним наотрез отказались идти два других охотника. Уже в пути на самой границе болота его нагнала метель, укрытия поблизости найти не удалось и пришлось Самовладу продолжать свой путь дальше. Мороз крепчал, пелена снега не давала разглядеть ничего и выхолаживала последние крохи тепла из добротной зимней одежды. Каждый шаг давался мужчине с трудом, сознание начало мутнеть, а спать хотелось так сильно, что мысль о том, что если его сморит сон, то он обязательно замёрзнет, просто не успевала оформиться и трепыхалась на самых задворках разума.

В конце концов, охотник понял, что живым ему никогда не вернуться. Близость собственной смерти не пугала Самовлада, зато была злость на свою слабость и глупость, а ещё

мужчину глодало чувство вины перед теми, кто ждал его с добычей. В деревне осталось так много беспомощных стариков, женщин и детей, которые не переживут эту зиму, если он не вернётся с добычей. А он не вернётся....

В этот момент его ноги подкосились. Мужчина упал лицом в снег, и сознание покинуло его тут же.

Очнулся он уже нечистью, хозяином леса – лешим. Первым, кого Самовлад увидел, был древний седой старец в одежде из грубой холстины с запутавшимися в густой бороде и встрёпанных волосах сухими листьями и хвоей. Старик представился Остальцем. Он то и поведал удивлённому охотнику, что тот умер и переродился в лешего, такого же каким был сам старик. Отчего-то эту правду мужчина воспринял спокойно и только спросил, может ли он помочь своей деревне с дичью.

– Можешь, только не переусердствуй, – со вздохом погрозил ему пальцем Осталец. – Люди они на добро падки, так и будут потом от леса чудес ждать.

С таким нельзя было не согласиться. Старик пообещал Самовладу направить пару оленей, которым уже пришла пора умирать, к деревеньке, но не более. Леший на то и хозяин леса, чтобы беречь его, чувствовать, что необходимо сделать для того чтобы растениям и животным было привольно жить. Где-то нужно убрать поваленное непогодой дерево? Леший направит лесоруба напрямик к нему, не забывая отваживать от других здоровых и полных сил деревьев. Слиш-

ком много расплодилось мышей, грозящих голодом другой живности? Значит, появится больше проворных рыжих лисят в тёплых норах под корнями сосен. Вот и олени эти, как чувствовал Осталец, уже отделились от стада, зная, что скоро помрут, а хищников нуждающихся в пропитании поблизости нет, так что можно и пожертвовать рогатых на благо деревеньки.

Оленей в сторону Ольшанки направил сам Самовлад под суровым руководством старого лешего. Мужчина даже постоял под прикрытием разлапистой ели на опушке, наблюдая за родной деревней, чтобы убедиться – дар лешего не пропал зря. Когда оленей заметили деревенские мужчины, подстрелили и потащили к общинному дому чтобы освежевать, теперь уже не охотник Самовлад, а леший Хмурич, направился вместе с Остальцем обратно в густую чащу. Больше к Ольшанке мужчина не приближался.

Старый леший учил молодого как заботиться о вверенном ему хозяйстве, как чувствовать всё вокруг, будь оно живое или не живое. Много знаний передал Осталец прежде чем покинуть своего ученика навсегда. Как только старик решил, что Хмурич готов принять во владение лес и сможет его хранить без посторонней помощи, так и стал готовиться уйти на покой.

Леший, не только хранитель, но и часть леса. Он не может умереть или покинуть его надолго. Вот только порой, и хозяин леса устаёт нести бремя ответственности, тогда он ищет

приемника, передает ему все свои знания, а сам потихоньку уходит, переселяется духом в полюбившееся дерево. Бывает такое, идёшь по лесу и тут возле дерева замираешь, чувствуя, как от него почти осязаемо веет теплом и спокойствием – это душа лешего греет всё вокруг.

Осталец оставил Хмурича один на один с лесными проблемами через семь лет. Первое время молодой леший тяготился одиночеством, а потом однажды на границе леса и болота появилась Избушка-на-Курьих-Ножках, в которой хозяйничала бойка молодая Ёжка Дарёна. С тех пор и сдружился с Ягами Хмурич, пока однажды не объявилась Прямыслава, не пожелавшая дружить с нечестью. На том, как казалось лешему, и закончилась дружба, пока в Избушке не поселилась царевна Златослава. Вся местная нечисть обходила стороной новую Ягу, не забывая присматриваться к ней. Когда же Верея донесла до них слова Ёжки, было принято решение послать Хмурича, узнать какова из себя юная Баба Яга. Леший познакомился и остался доволен, Златка понравилась ещё по рассказу русалки, а уж после знакомства и того больше.

Помимо лешего и русалки пока знакомиться к ней больше никто не приходил, чему Злата была крайне удивлена, и что таить, немного обижена. Девушка не знала, что Хмурич попросил знакомую нечисть повременить с визитами, пока приёмная дочка Ёжки не пойдёт на поправку.

Недуг малютки поддавался лечению тяжело, и Яга просто

выбилась из сил, не зная, что и предпринять, пока не вспомнила, про обряд, которым пугала Терентия. Суть обряда заключалась в том, что бы смешать кровь ребёнка и приёмного родителя, таким образом, признавая родство, а по окончании дать новоявленному члену семьи имя, тем самым защищая от нападок тёмных сил. Пока девочку все называли Ивой, но помимо прозвища ей требовалось и нормальное имя, всё же она будет не только дочерью Бабы Яги, но и внучкой самого царя Кощея.

Ёжке долго довелось помаяться с выбором места для проведения обряда. Согласно записям проводить обряд следовало в полдень у родового камня или другой семейной реликвии, да чтобы обязательно присутствовали три свидетеля, перед которыми приёмная мать должна пообещать любить дитя и радеть о его благе. Всё было вроде бы просто на первый взгляд, только вот не было у Кошеев родового камня. Зато была у Бабы Яги древняя подвеска, передававшаяся от одной Ёжки к другой: медный кругляш с полустёртыми письменами вокруг вплавленного крупного овальной формы рубина. Чем не родовой камень?! И как же хорошо, что Злата вспомнила о нём так вовремя.

К обряду Злата готовилась два дня. Тщательно отбирала необходимые порошки и травы для курильницы. Выискала на чердаке ритуальную чашу и костяной нож, такие же древние, как и подвеска Яг. С помощью Вереи добыла живой воды, источник которой обнаружился, как раз на дне Звонкой

у той самой ивы, где была спасена малютка. И последним приготовлением стало то, что царевна заручилась поддержкой Вереи, Хмурича и даже Терентия, которого и увещевать особо не пришлось.

Когда всё было готово и свидетели созваны, Златослава начала обряд. Так как малышка была слишком слаба, всё действие происходило на кухне Избушки, откуда предварительно убрали всё лишнее. Шкаф у стены, да, разумеется, ещё и печка всё так же остались на своём месте. После этого девушка расставили по комнате три курильницы, в которых медленно тлели ароматные травы. Оглядев невозмутимо скрестившего руки на груди Хмурича, Реньку застывшего мохнатым столбиком возле ног лешего и Верею, державшую на руках малышку, Ёжка нервно всем улыбнулась и опустила на колени, принявшись выводить ритуальные знаки.

На справно подогнанных друг к другу досках пола мелок, зажатый в девичьей руке, оставлял ровный жирный след. Вот появились знаки Матери Земли и Отца Неба, Великое Дерево и все девять небес со светилами. Закончив рисунок, девушка приняла из рук стоящего неподалёку Хмурича чашу и нож. Царевна поставила подле знаков чашу и бросила осторожный взгляд на Верею, качающую на руках малютку, неожиданно решившую немного поскандалить. Русалка, заметив её взгляд, только слабо улыбнулась, пытаясь успокоить ребёнка. Яга улыбнулась ей в ответ и, собравшись с

духом, приступила к основной части обряда.

– Матушка Земля, кормилица наша, к тебе взываю, – начала произносить Злата воззвание к богам, крепко держа в правой руке рукоять ножа, – молю прояви свою милость, будь свидетельницей моей клятвы!

Не успела Ёжка договорить до конца, как дрогнула Избушка-на-Курьих-Ножках, покачнулась, но устояла, будто под ней сама земля заволновалась. Златка нервно сглотнула, обвела взглядом притихших и чуточку напуганных помощников, и продолжила:

– Отец Небо, защитник наш, прошу, стань свидетелем моей клятвы! Огради нас светом от Тёмных Богов, покуда не завершится обряд!

На мгновение стало темно, и вдруг в единственное окно полился яркий солнечный свет, настолько тёплый и ослепительный, что невозможно было поверить – всего-то четверть часа тому назад снаружи было пасмурно и дождливо, как и полагается в осеннюю пору. Сейчас же казалось, что лето вдруг заблудилось у ёжкиной Избушки.

– Благодарствую, что откликнулись на мой призыв! – переведа дух, вымолвила Баба Яга и, облизнув вмиг пересохшие губы, громко возвестила. – Я Златослава Ростиславовна, дочь царя Кощея, заявляю, что отныне я мать сего дитя, – при этих словах Верейя сделал быстрый шаг к Злате и передала ей притихшую девочку, – кровь моя подтверждает эту клятву, дух мой ответит за неё, род мой поддержит её.

Осторожно придерживая одной рукой ребёнка, другой же Яга сильно сжала лезвие ножа над чашей. Из рассеченной ладони тоненькой струйкой потекла кровь, собираясь на дне сосуда. Перехватив нож за рукоять, девушка поднесла его к крошечной ручке малышки и остановилась. Златка понимала, что уже начавшийся обряд, на который откликнулись боги, необходимо закончить, и для этого нужна капля крови ребёнка. Только духу не хватало поранить малышку, мысль о том, что нужно причинить ей боль была невыносима. Ёжка стиснула зубы и запретила себе об этом думать, иначе не получится довершить обряд, а без него не известно, сколько ещё проболит ребёнок. В колдовских книгах говорилось, что благодаря такому обряду, приёмная мать сможет оттянуть любые хвори дитя на себя, значит и боль оттянет.

Златослава, прикрыв на мгновение глаза, и тут же их распахнув во всю ширь, кончиком ножа уколола ладошку Ивы. Маленькая, словно красная бусинка, капля крови выступила на бледной коже и тут же была осторожно поддета на лезвие и смешена с кровью девушки в чаше. Малышка не издала ни звука, будто бы прониклась важностью момента, и только таращила большие глазища на Ягу. Златка не выдержала, улыбнулась малютке и чмокнула её в макушку, покрытую светлыми пушистыми волосиками.

Перемешав кончиком ножа кровь в чаше, Ёжка приняла из рук лешего небольшой пузырёк, наполненный живой водой, и полностью вылила его содержимое, смешивая с кровью.

Багровой жидкости в чаше было не так много и её полагалось разделить на части, одну из которой надо было смешать с молоком и дать Иве, другую требовалось употребить самой царевне. Но сперва туда на мгновение окунули подвеску Яг, напитывая жидкость колдовской силой.

Рожок с молоком подавала Верeya, держа его в своих руках пока Злата капала туда несколько капель смеси из живой воды и крови. Когда молоко стало бледно-розовым, девушка забрала рожок из рук русалки и приложила к пухлым губкам малышки. Ива, громко причмокивая, принялась сосать молоко, сосредоточено хмуря лобик и отчего-то в тот момент так сильно напоминая маленького котёнка, что вызвала невольные улыбки у всех.

Дождавшись, когда исчезнет последняя капля молока, царевна протянула руку к чаше. Морщась, принюхалась к тяжёлому запаху крови и, зажмурившись, выпила её залпом. На языке остался неприятный, солоноватый с металлическим привкус. Сглотнув и прочистив горло, Ёжка приступила к завершению обряда.

–Нарекаю тебя Василисой, – произнесла Златка, глядя только на девочку. – Отныне ты Василиса Кощей, дочь Бабы Яги Златославы Ростиславовны Кощей, внучка царя Ростислава Всеволодовича Кощей – да будет так! Матушка Земля, Отец Небо, прошу, подтвердите мою клятву и благословите наречённую Василисой!

После слов Яги повисла давящая тишина, нарушаемая

лишь дыханием собравшихся, но продлилось это не долго. Боги и вправду решили благословить малышку. Сначала, солнечные лучи как живые змейки поползли вперёд, окутали и Злату и лежащую у той на коленях Василису, теперь уже наречённую по всем правилам, мягким золотистым облачком, которое словно бы впитывалось в новоявленную мать и дочь. Это Отец Небо обласкал их своей милостью, подтверждая силу проведённого обряда. А ещё, потом через много-много лет Злата узнает, что это было не просто благословение. Бог-отец своей силой связал несоединимое, сделав ребёнка рождённого другой женщиной по-настоящему родным для Яги, связав их кровью.

Потом и богиня-мать дала своё благословение. Когда сияние окончательно пропало, а солнышко вновь скрылось за пеленой туч, земля снова дрогнула. Избушка-на-Курьих-Ножках даже подпрыгнула от неожиданности, как и все присутствующие в ней. Когда всё успокоилось, затих звон и стук упавших вещей, а так же тихие и чуть испуганные вскрики Яги и русалки, на одеяльце, в которое был укутан ребёнок, оказался небольшой медальон.

Серебряный похожий на чуть продолговатую монетку медальон появился, казалось бы, из ниоткуда. Златослава осторожно взяла его в руки, чтобы рассмотреть лучше и удивлённо вскрикнула. С обратной стороны в медальон был вплавлен почти такой же овальный рубин, как и на её подвеске Яги, а с другой красовалась искусно выгравированная пла-

кучая ива.

–Ну, вот, теперь мы одна семья, – подвела итог царевна, переведя взгляд на дочь.

Маленькая Василиса безмятежно спала, причмокивая во сне губками и то, сжимая в кулачок, то разжимая крохотные пальчики. Златослава усмехнулась и, осторожно поднявшись на ноги, понесла малютку в свою спальню. Девушка вошла в просторное, изменившееся за этот месяц помещение и замерла, разглядывая раньше непривычный для неё быт. Рядом с кроватью появилась подвешенная к потолку на прочных канатцах резная люлька, её там собственноручно укрепил Хмурич, а тонкий полог над люлькой мелким речным жемчугом вышивала сама Веря. Внутри колыбельки лежал маленький матрасик, набитый пухом, и тёплое одеяльце, которые шила уже Злата, так же как и пару крохотных рубашонок, нашедших своё место в большом шкафу. Ткани, присланные отцом и покоившиеся до недавнего времени в сундуке, тоже сгодились, из мягко льна получились неплохие пелёнки. Кроме всего прочего появились и первые игрушки, сделанные лешим деревянные погремушки, так ладно сработанные и натёртые им до блеска, захочешь, руку не занозишь, что уж говорить про ребёнка, который скоро начнёт тянуть новую игрушку в рот.

Широко улыбнувшись, девушка прошла вперёд, уложила малютку в колыбель и укрыла её одеялком. Девочка даже не проснулась. Ёжка ласково провела кончиком пальца по го-

ловке дочери и решительно развернувшись, направилась обратно на кухню, где вовсю хозяйничала сдружившаяся с ней нечисть.

Веря, вспомнив свою человеческую жизнь, ловко орудовала тряпкой, смывая с пола нарисованные знаки. Хмурич под чутким руководством Терентия расставлял вынесенные на улицу вещи и мебель. Баба Яга тоже не стала сидеть без дела. Дождавшись, когда леший вернёт кухонный стол на его законное место, Злата принялась за стирку, и совсем скоро в печку отправился тушиться горшок с рубленой капустой, в бадейке подходило тесто для пирогов, а из закровов были добыты кувшинчики с мёдом и вареньем.

К тому времени, как девушка закончила замешивать тесто и оставила его в покое, русалка и леший завершили уборку и ушли каждый по своим делам, прежде пообещав вернуться к вечеру, чтобы всем вместе отпраздновать счастливое завершение обряда. Златка проводила их до крыльца, глубоко вдохнула влажный осенний воздух, и вернулась в тепло Избушки. У Ёжки осталось немного времени, чтобы вздремнуть, потому оставив Терентия приглядывать за тестом, она прилегла на кровать и тут же уснула. Сон её был от чего-то беспокойным и даже тревожным, проснулась Златослава немного растерянная и подавленная, но заботы быстро стёрли неприятные воспоминания от сна.

Яга пекла пироги, сладкие ватрушки и булочки. Дух от румяного печева стоял такой дивный, что даже фамилляр с

интересом поглядывал на горку сладких булочек. Златка тихонько напевала себе под нос и, почти пританцовывая, бегала между столом и печкой, порой заглядывая в спальню, чтобы проверить всё ещё сладко спящую Василису, которую мысленно так и продолжала звать Ивой. Девочка спала безмятежно и крепко, небольшой жар, который был у неё ещё во время обряда, теперь прошёл, лихорадочный слишком яркий румянец на щёчках тоже и, осознавая это, царевна чувствовала себя как никогда счастливой.

Уже поздно вечером, когда на кухонном столе, покрытым праздничной алой скатертью, появилось всё разнообразие Златкиной выпечки, пузатый, большой и довольно дорогой заморский кувшинчик, называемый странным словом – чайник с травяным отваром и чашечки с душистым мёдом и вареньем, наконец-то появились Верея и Хмурич. За травяным отваром да плюшками потекла неспешная беседа.

И пусть кто угодно говорит, что нечисть не ест человеческой еды, всё равно собравшиеся знали, что это не так. Леший с удовольствием поглощал пироги с капустой, запивая всё брусничным морсом, специально приготовленным для него Ёжкой. Верейка, широко улыбаясь, отщипывала кусочки от плюшек и макала их в тёмный гречишный мёд. Даже Ренька получил свою долю, большую румяную ватрушку и добрую миску густых сливок.

Златка тоже уплетала своё печево за обе щёки, смеялась над шутками Хмурича, слушала рассказы русалки и ехидные

комментарии кота. Царевна и сама не заметила, как принялась рассказывать о своей учёбе, об отцовском тереме, старших братьях. Она даже поведала историю своего неудавшегося замужества и вполне удавшегося побега. Верея сочувствовала ей, а леший помянул крепким словом Ивана-царевича, да так ладно его при этом охарактеризовал, что Златослава рассмеялась в голос, почувствовав, как уходит обида и злость, как растворяется боль, а душу наполняет спокойствие. Это было так непередаваемо чудесно, что хотелось обнять весь мир. Обнять весь мир не получилось, а вот всхлипывающую, расчувствовавшуюся русалку и хмурившегося брови лешего вполне, даже Терентий, проникшись моментом, запрыгнул к своей хозяйке на колени и заурчал. В тот момент Злата поняла, что у неё появилась ещё одна семья, немного странная, но на этот раз своя. У неё была одна семья, оставшаяся в царском тереме Белояжска: отец, мама, братья, невестки и племянники. Теперь появилась вторая семья: маленькая дочка, фамильяр в качестве усатой няньки, леший и русалка в роли то ли добрых тётушек-дядюшек, то ли братьев-сестёр.

За время дружеских посиделок Василиса несколько раз просыпалась, требуя еды и внимания, и, в конце концов, перекочевала из колыбельки в большую берестяную корзину, которую Злата поставила на лавку подле себя. Эту самую корзину не так давно сплёл Хмурич и, вручая её Бабе Яге, пояснил, что на руках ребёнка не натаскаешься, а так уложил ди-

тятко в корзинку, укрыл одеяльцем и пошёл, и ребёнку уютно и тебе удобно.

Вот так малышка и посапывала тихонечко в своей корзинке под приглядом всей дружной компании. Иногда она просыпалась, и ещё даже не успев должным образом возмутиться, тут же получала тёплое молоко и, довольно причмокивая, сосала рожок, придерживаемый кем-то из взрослых.

Глядя на умильное крошечное личико с курносом носиком и насупленными бровками, Ёжке было страшно представить, что этого маленького чуда у неё могло и не быть. Осознав это, Златка попыталась прогнать дурные мысли, но они то и дело возвращались. Думы о том, что бы случилось, не будь Верейки в нужный час, поднимали из глубин души девушки тёмную тяжёлую ненависть. Царевна Златослава, нравом пошла в мать, никогда не отличавшуюся злобой и мстительностью. Баба Яга Златка решила, что в некоторых ситуациях мстительность и злоба просто необходимы. Она дала самой себе зарок, во чтобы то ни стало разыскать того, кто посягнул на жизнь Василисы и сделать так, что бы тот очень сильно пожалел о содеянном.

–Верея, скажи, а ты того человека узнала бы? – в затишье между разговором спросила Яга.

–Не уверена, – нахмурившись проговорила русалка, сразу догадавшись о ком идёт речь.

–Хмурич, а ты смог бы выяснить, кто тот человек, что... – на этом месте Злата запнулась, но тут же продолжила сквозь

зубы, – бросил Иву в реку?

– Могу спросить у водяного и лешего, который по ту сторону болта живёт, – задумчиво выдал тот и погода добавил. – Ещё зверье лесное поспрашивать можно, вдруг кто заметил. Хотя, близко от человеческого жилья. Слишком близко. Крупный зверь не подойдёт, а от мелких толку мало, их глазами смотреть неудобно. Ну, может кто-то из птиц чего углядел. Поспрашиваю у них и расскажу.

– Спасибо! – тихо поблагодарила Яга и с каким-то злорадством заявила. – А я, пожалуй, в Старые Сколки наведаюсь. Пройдусь, поспрашиваю, вдруг какая девка недавно на сносках была...

– Злат, ты действительно хочешь знать? – осторожно спросил её Терентий, первый раз видевший в глазах своей подопечной холодную расчётливую злобу.

– Хочу, – хмуро подтвердила она и вдруг делано беззаботно проговорила. – Должна же я спасибо за дочь сказать...

– Злата..., – попытался образумить её кот, но не успел.

– А давайте я ещё трав заварю! – снова беззаботно улыбаясь, предложила царевна и, подхватив чайник, направилась к печи.

Возвращаться к разговору о настоящих родителях Василисы и о том человеке от чьей руки она чуть не погибла, никто более не желал. Сперва повисло какое-то неловкое молчание, почти сразу же нарушенное Терентием. Фамильяр живо припомнил детские хулиганства Златославы и выдал,

как на духу, по чьей вине пропадали спицы и пяльцы у её нянюшек, и куда они на самом деле девались. Царевна краснела и делано возмущалась «подлости хвостатого предателя», а мысленно благодарила мудрого и догадливого фамильяра за то, что так ловко перевёл разговор в мирное русло.

Реня же громко вещал о Златкиных проказах, то и дело прикладываясь к своей миске со сливками и, казалось бы, вообще не обращал на Ягу внимания, но это, конечно же, было не так. Ёжка то и дело ловила на себе насмешливый прищур зелёных кошачьих глаз, в которых читалось немое согласие с принятым ею решением. Терентий действительно был согласен и к тому же прекрасно понимал, что с намеченного пути царевна уже не свернёт и лучшее, что он может для неё сделать – это поддержать. Ведь приняв на себя заботу о малышке, Баба Яга сумела полюбить её той любовью, которая присуща настоящей матери и теперь за свою дочь она готова была, и убить, и умереть. «Ну, до этого уж точно не дойдёт!» – мысленно усмехнулся фамильяр и снова мокнул розовый язычок в сливки.

И вновь мирно потекла беседа, позвякивали чашки, слышался приглушенный смех и тихое мурчание. Разошлись они далеко за полночь. Проводив друзей, Златослава широко зевнула и пошла укладывать малютку Василису в люльку. Девочка даже не проснулась, когда мать взяла её из корзинки и уложила на матрасик, тепло укутав одеялом. Ёжка постоянно боялась, что кроха мёрзнет и порой, по мнению

Терентия, чересчур усердствовала.

Осторожно, чтобы не разбудить, поцеловав светлую макушку дочки, Злата переделалась в длинную ночную рубаху и, юркнув под одеяло, сразу же уснула. Кот же в тот момент пребывал в сомнениях, куда ему податься. Он мог вернуться в кухню поближе к печи, но оставлять без присмотра уже двух своих подопечных он не хотел. Фамильяр мог устроиться на кровати царевны, что собственно время от времени и проделывал, благо кровать была настолько большая, что им двоим на ней было просторно. Но Терентий выбрал не то и не другое.

Рыжий кот запрыгнул на край кровати, но задерживаться на ней не стал. Переминаясь с лапки на лапку и смешно виляя пушистым хвостом, Реня примеривался к другому объекту. Резкий прыжок. Мягкое приземление и вот уже в плавно качнувшейся колыбели оказалось двое: спящий младенец и фамильяр. Ребёнок не проснулся, а Терентий, дождавшись, когда люлька прекратит раскачиваться, осторожно устроился в пустом пространстве в ногах Василисы. Колыбель делалась в расчёте на то, что и двухгодовалого малыша можно в ней спать укладывать, так что крупному коту и девочке, которой всего-то месяц от роду, было не тесно.

Терентий свернулся калачиком, прикрыв мордочку пушистым хвостом так, что бы он не мешал временами поглядывать на спящего ребёнка. Удостоверившись, что малютка спит, кот протяжно вздохнул и, прикрыв глаза, задремал.

* * * * *

Утро началось для Златославы странно. Вначале сквозь дрему ей почудилось, что на кухне гремит посуда. Девушка перевернулась на другой бок и снова заснула, но чудеса на этом не закончились.

Второй раз Яга проснулась от того, что услышала какое-то невнятное возмущённое бормотание, живо напомнившее ей голос старой нянюшки. Именно так старушка тихонечко причитала, сетуя на Златкину манеру разбрасывать игрушки по всей светёлке. Ёжка готова была повторить прошлую хитрость, а именно повернуться на бок и заснуть, как вдруг поняла что-то не так. Не успела она додумать эту мысль, как с кухни раздался грохот и возмущённый женский крик:

–Ах ты, ирод! Куда это ты, идолище поганое, окорок потащил?! А ну вертай немедля!

В ответ раздалось только громкое возмущённое шипение и странное постукивание, будто некто тащил по полу что-то тяжёлое то и дело, пытаясь это поднять, но, не удерживал, и ронял на пол. Раздался глухой стук, затем полный тоски кошачий «мяв» и громкое:

–У-у-у, поганец хвостатый, я тебя научу уму-разуму! Будешь знать, как со стола тащить! Вот тебе!

–А-а-а! Злата, помоги! Убива-а-аю-ют! – истошно заорал Терентий, так будто его и впрямь жизни лишали.

Конечно, сей балаган не мог не разбудить Василису. Малышка проснулась и жалобно захныкала. Ёжка метнулась к

дочери, подхватила её на руки и принялась успокаивать и укачивать. То, что ничего опасного ни для жизни Бабы Яги, ни для жизни малышки незваная гостя не несла было очевидно. Если бы она желала причинить вред, Терентий не вопил, с таким наигранным ужасом, словно и вправду пострадавший от чужого произвола, а скорее всего уже напал на обидчицу и в меру своих кошачьих сил, приправленных небольшой толикой подвластного ему колдовства, попытался остановить до того момента, как Злата придёт ему на подмогу. Тем не менее, девушке было крайне любопытно, кто же пожаловал к ней в столь ранний час, не озаботившись предупредить о визите и даже не спросив разрешения, хозяйничал на её кухне.

–Ш-ш-ш, маленькая! Всё хорошо, бояться нечего, – шептала Златослава, прижавшись губами к светлой макушке Ивы. – Мама тебя в обиду не даст.

Девочка быстро успокоилась и даже заулыбалась беззубым ротиком. На лице Златы появилась счастливая ответная улыбка, а сердце радостно запрыгало в груди. Её доченька первый раз улыбнулась! Девушка даже на мгновение забыла обо всём, только улыбалась, осторожно покачивая малютку.

Возможно, Ёжка простояла бы так очень долго, замороженная первой улыбкой своего ребёнка, если бы не повисшая в Избушке напряжённая тишина, как ни что другое напомнимшее с чего началось это утро. Златка поцеловала Иву в курносый носишко и осторожно уложила обратно в люль-

ку. Убедившись, что девочка сосредоточено разглядывает подвешенных над колыбелькой берестяных птичек выкрашенных яркими красками, Яга подбоченись, как ярморочная торговка, направилась в кухню. То, что она там увидела, вынудило девушку отложить свои кровожадные планы, а именно надрать уши и хвост одному чересчур громкому фамильяру.

Перед печью застыла чудная композиция из кота и крохотной, всего-то в локоть высотой, полнотелой женщины. Терентий лежал на спине, правдоподобно изображая из себя умирающего: жалобно постанывал, нервно подёргивал лапками в воздухе и выразительно закатывал нахальные зелёные глазища. Маленькая женщина стояла над котом, грозно постукивая веником по ладони и грозно нахмутив брови.

–Что здесь происходит? – потребовала ответа Баба Яга, внимательно осматривая свою кухню.

–Златка, защити! Без вины погибаю! – просипел кот, вываливая набок язык.

–Молчи, ирод! – прикрикнула на него женщина и, погрозив коту веником, обратилась к Златославе. – Ты, хозяйюшка, не серчай, но я этого ворюгу веником отхожу! Где ж это видано, чтобы кот со стола тащил, а?! Да ежи ли б он мелочь, какую уворовал, я бы уж простила, но ведь цельный окорок поганец унёс! Цельный окорок!

–Клевета! – встрял фамильяр, прекратив изображать умирающего, метнулся к царевне и принялся заискивающе те-

реться о ноги. – Я его только понюхать хотел, вдруг испортился. Тут она как налетит и веником давай стращать, по хребту так огрела, чуть не прибила вовсе...

–А, ну, прекратили! – грозно прикрикнула Ёжка и, сложив руки на груди, фыркнула. – Устроили тут балаган, ребёнка мне напугали...

–Ох-хохонюшки! – запричитала странная гостья, бросив веник и схватившись за голову. – Дитяtko напугали...

–Это всё ты виновата! – обвинил её Ренька.

–А ну цыц, мешок блохастый! – погрозила та ему кулачком. – Ты вспомни сам как орал!

–Да, прекратите вы или нет! – начала выходить из себя Злата. – И вообще мне кто-нибудь, в конце концов, объяснит, что здесь произошло? И кто вы такая?

–Ох, память моя дырявая! – повинилась женщина и, нервно расправив складки красного сарафана, представилась. – Меня Марфой кличут, теперячи я ваша домовая.

–Вот оно как, – только и смогла вымолвить Яга и неожиданно тихим голосом спросила. – А разве такие бывают? Домовые ведь вроде как все мужчины, разве не так?

–Да с чего же вы взяли-то? – хихикнула домовушка, снова оправляя сарафан. – Домовые и женщины, и мужчины бывают. Мы же ж тоже не из воздуха берёмся. Просто женщины реже людям на глаза показываются, да и не селятся в простых домах.

–Только не говори мне, что у вас дети бывают, – слабо

произнесла Злата, для которой это было не просто открытием, а чем-то схожим с шоком.

–Как же без этого, – добродушно улыбнулась Марфа и назидательно пояснила, – и детки бывают, конечно.

–Хорошо, – невпопад пробормотала Златослава, пробираясь к табурету и осторожно на него присаживаясь. – Ты мне только объясни, а как так получилось, что ты именно моей домовой стала?

–Как? – удивлённо переспросила домовушка и, когда Яга утвердительно кивнула, принялась объяснять. – Так обыкновенно. У меня мамка с папкой в Старых Сколках живут. Слух по деревни прошёл, что в наших местах Баба Яга поселилась, Избушку вот обживает, так мамка мне совет дала к вам идти. Домового у вас хозяйюшка нет, а без домового порядочной Бабе Яге тужо будет, тем паче, что у вас дитятя малое. Вы не подумайте, я не только по хозяйству помочь могу, но и за дитятком приглядеть. У хозяйки прежней, где мамка живёт, пятеро ребятишек было, так я присматривала за ними.

–Верю, – кивнула девушка и с интересом принялась изучать замолчавшую домовую.

Если бы не крошечный рост и собственно принадлежность к домовој нечисти, Златка бы дала Марфе лет тридцать по человеческим меркам. Домовушка была полнотела. Её круглое приятное лицо так и лучилось добродушием, а прямой чистый взгляд голубых глаз не давал усомниться в

правдивости её слов. Русые косы её, уложенные на голове подобием венца, отливали рыжиной и такими же рыжими были мелкие веснушки на аккуратном носике. Наряд домово́й состоял из просторной рубахи небелёного льна с вышивкой по вороту и красного сарафана. На ногах Марфы красовались лапти, а на шее висели бусики из рябиновых ягод.

Баба Яга смотрела на домовушку, и думал, что ей несказанно повезло. Ведь действительно именно сейчас ей как никогда нужна была помощь. Конечно же, Верейка и Хмурич помогали ей по мере сил, но они не могли слишком много времени проводить в Избушке подле малютки Ивы. У лешего были свои обязанности по отношению к лесу, а русалка быстро слабела вдали от родного водоёма, к тому же близилась зима и совсем скоро, когда реку скуют ледком первые заморозки, Верейка уснёт на дне Звонкой до весны, и не дозвёшься её, пока по весне не тронется лёд. А вот Марфа всегда сможет быть рядом с девочкой. Она и накормит, и присмотрит и работу по дому сделает, если вдруг Злате снова придётся отлучиться. И вообще, чувствовала Ёжка, что с появлением в Избушке домово́й только веселее жить станет.

– Ну, что же Марфа, рада видеть тебя в своём доме! – приветливо улыбнувшись, произнесла Яга и представилась. – Моё имя Златослава, а это, – она кивнула в сторону спрятавшегося за печкой кота, – Терентий. Мою дочку зовут Василисой. Если тебе что-то понадобится, говори, я обязательно достану.

–То есть вы, хозяйюшка, разрешаете мне остаться? – осторожно уточнила домовушка, теребя край рукава.

–Я буду рада, если ты поселишься с нами, – заявила царевна и, вздохнув, призналась. – Мне ведь на самом деле не помешала бы помощь.

–Будьте спокойны, хозяйюшка, помогу, чем смогу, – заверила её разублававшаяся Марфа.

–Злата, а как же я? – простонал из-за печи фамильяр. – Она же меня веником била!

–Реня, скажи спасибо, что она это сделала, – очень мягко произнесла Златка и угрожающе добавила, – а то я бы тебя за твои вопли вообще ухватом приласкала бы!

–Злая ты! – обиделся Терентий, не решаясь покинуть свой укромный уголок за печкой, благоразумно боясь и веника, и ухвата.

–Я доброй никогда и не была, – хмыкнула в ответ Ёжка и, широко зевнув, заявила. – Пойду, оденусь, и будем завтрак готовить.

–Так, всё уже готово, – всплеснув руками, сообщила домовая и, метнувшись к печи, принялась вынимать снедь. – Вы, хозяйюшка, идите, а я пока на стол накрою.

–Марфа, ты золото! – от всего сердца заявила Златка спустя четверть часа, уже умытая, одетая и причёсанная возвращаясь на кухню и заметившая накрытый к завтраку стол.

Чего только не было на этом столе: и горка румяных сырников, и горшочек с кашей, и разогретые вчерашние пироги

и свежий хлеб, намазанный душистым мёдом, и исходящий паром чайник с ароматным травяным взваром. Даже Терентий, презрев свой страх перед веником, осторожно пробрался к столу и, устроившись на лавке, смотрел голодными глазами на еду. Заметив печально-заискивающий взгляд кота, домовушка прыснула в кулачок, но миску с молоком и пару сырников ему выделила.

–Ох, действительно золото! – довольно урча, искренне заверил её фамилляр.

–Я и деточке молочка подогрела, – произнесла Марфа, протягивая кувшинчик и рожок.

–Спасибо! – поблагодарила Златослава и, забрав и то, и другое, отправилась кормить дочку.

Ёжка сидела на застеленной постели и с умилением наблюдала за дочкой, посасывающей молоко, когда до неё неожиданно донёсся тихий перезвон бубенцов. Девушка вздрогнула, уже понимая, кто с ней пытался связаться, и растеряно уставилась на пошедшую рябью зеркальную гладь, где всё явственней можно было различить проявляющийся облик красивого светловолосого мужчины.

–Златослава Ростиславовна, мне бы хотелось услышать ваши объяснения немедленно! – раздался глубокий мужской голос со стальными нотками.

–Здравствуй, папочка! – только и смогла пролепетать царица, пристыжённо опустив голову и боясь поднять глаза.

–Здравствуй, доченька! – обманчиво мягко произнёс царь

Кощей и, изогнув тёмную бровь, проговорил. – Надеюсь, теперь покончив с приветствиями, я всё же услышу твои объяснения.

– Папочка, я тебе сейчас всё расскажу! – поспешно заверила его девушка, чуть приподняв повыше насытившегося ребёнка, чтобы можно было беспрепятственно пересесть ближе к зеркалу.

– Жду с нетерпением, – произнёс Ростислав Всеволодович, тихонько хмыкнув и принявшись со спокойным любопытством разглядывать малютку, лежащую на руках дочери. – А то, знаешь ли, дочь моя, как-то совсем неожиданно, я стал дедушкой. Не поверишь, но меня это несколько волнует. Ещё вчера на нашем семейном древе вот этого милого листика по имени Василиса не было, а сегодня уже появился. Чудно, не правда ли?

Яга облегчённо вздохнула. Судя по уже совершенно спокойному голосу и даже несколько благодушному выражению лица, отец скорее был удивлён, чем недоволен случившемся. Самое же главное, он был готов её выслушать. Злата любила эту черту в характере собственно родителя, он никогда не поддавался гневу и всегда старался быть беспристрастным, даже если дело касалось его собственных детей. Девушка была уверена, что узнав обо всём случившемся, батюшка возможно и не одобрит поспешности действий дочери, но и не осудит её слишком строго.

– Пап, давай так, я расскажу тебе всё от начала и до се-

го момента, а ты стараешься меня понять? – предложила Златослава, нервно теребя краешек одеяльца, в которое была укутана Ива.

– Я тебя внимательно слушаю, – безмятежно произнёс Кощей, своими словами намекая дочери, что выводы сделает, только услышав весь рассказ.

– Спасибо, папа! – пытаюсь скрыть неуместную сейчас улыбку, пробормотала Злата.

Нежно покачивая на своих руках малютку, царевна вдумчиво и подробно посвящала отца в суть случившегося. Девушка старалась вспомнить все незначительные детали, поступки, как свои, так и остальных, даже вспыхнувшие эмоции постаралась описать. Ей очень хотелось, чтобы отец понял, как важна для неё Ива и что без этой девочки жизнь для неё, для Златы, потеряет смысл.

Ростислав Всеволодович слушал дочь внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, только изредка хмурился и таким знакомым для Златки жестом задумчиво потирал подбородок. Когда царевна закончил своё повествование, Кощей не проронил ни слово, только отстранённо смотрел куда-то вдаль, мимо Ёжки.

Девушка не вмешивалась и не отвлекала родителя, впавшего в глубокую задумчивость, просто сидела и ждала его решения. Размышления царя Кощея несколько затянулись, что даже терпению его дочери почти пришёл конец. Именно в тот момент, когда Златослава собиралась окликнуть отца,

Ростислав неожиданно тряхнул головой и довольно улыбнулся. От этой его улыбки, по спине у Яги прошлись мурашки и в душу начало закрадываться нехорошее предчувствие.

Именно такая улыбка была у отца в тот памятный день, когда семнадцатилетний Юрий пришёл к нему признаваться в том, что умудрился проиграть своего коня заезжим шарлатанам. И тогда Кощей не ругал нерадивое чадо. Он просто запретил выдавать сыну деньги на расходы, а сумму за проигранного жеребца предложил вернуть в казну. Конечно же, денег у Юрши не было, и тогда царь-батюшка приневолил провинившегося сыночка отработать долг, пристроив того помощником царского казначея. Ох, и помаялись они оба: и казначей, и наказанный царевич, пока последний не обучился всем премудростям ведения учёта денежных средств так же ловко, как и его наставник. Теперь, когда Юрию сравнялось двадцать семь, он входил в ближний совет отца как помощник по финансовым вопросам.

–Батюшка! – осторожно позвала Златослава батюшку.

–Что доченька? – улыбка, не сходящая с губ Ростислава Всеволодовича, чуть-чуть нервировала.

–А почему ты так загадочно улыбаешься? – задала мучавший её вопрос царевна.

–Ох, доченька, настроение у меня замечательное, – отвечивал ей счастливый донельзя царь.

–Хорошо, – нервно улыбнувшись, произнесла Ёжка и снова спросила. – Папа, а какое решение ты принял?

–Самое что ни наесть верное, – таинственным шепотом ответил ей Ростисла Кощей и весело рассмеявшись, огоршил Злату сообщением. – Жди в гости, дочка! Вот разберусь с делами и к тебе направлюсь.

–Папа,... – девушка попыталась образумить родителя и отговорить от поездки, но не успела и слова молвить.

–Мне пора! До скорой встречи, доченька! – как бы невзначай перебил её отец, а зеркало, снова стало зеркалом, даже прежде чем он успел договорить.

–Реня, ты что-нибудь понял? – растеряно обратилась Златослава к замершему у её ног фамильяру, прокравшемуся в спальню ещё в начале разговора и до того момента прятавшегося за юбкой своей подопечной.

–Ругать нас не будут, – задумчиво выдал кот и, вздохнув громко и печально, почти как человек подытожил. – Но то решение, какое принял Ростислав Всеволодович, нам обоим точно не понравится.

–Ты думаешь, он отберёт у меня Иву? – испуганно спросила Баба Яга.

–Нет, – уверенно покачал головой Терентий, и смешно пошевелив усами, произнёс. – Думаю, он попытается выдать тебя замуж.

–Замуж?! Реня, окстись! Кому нужна девка с ребёнком? – нервно усмехнулась Златка, поднявшись, и направилась укладывать заснувшую Василису в люльку.

–Простая девка никому, – не стал спорить кот и назидательно

тельно продолжил. – Только ты-то не простая девка.

–Глупости, – отмахнулась Ёжка, укрыв одеяльцем ребёнка и направляясь в кухню. – Пошли лучше завтракать. А когда отец приедет, тогда и разберёмся, что он хочет сделать. Мне же собственно бояться нечего, я же всё-таки Баба Яга...

–Ага-ага, – усмехнулся в усы фамильяр и, ехидно прищурив зелёные глаза, выдал. – Пошли есть, Ягуся!

После завтрака Злата решила прогуляться вокруг Избушки, размять ноги и посмотреть на те самые обереги, которые, по словам Вереи, однажды чуть не спалили Хмурича. С собой она взяла Теренти, отчаянно сопротивлявшегося, и заверявшего девушку, что честные фамильяры по такой грязюке неходят. Получив лёгкий шлепок веником по тому месту, откуда хвост растёт, Ренька всё же и вполголоса стеная на разные лады, направился за Бабой Ягой. Марфа осталась присматривать за Василисой, попутно прибираясь везде, где, как ей казалось, у хозяйюшки не дошли руки.

Ёжка тепло оделась и выскользнула наружу. За дверью сразу пахнула холодной сыростью, прелыми листьями, мокрой корой и хвоей. Солнце, скрытое за пеленой туч, почти не давало света, и полянка вокруг Избушки-на-Курьих-Ножках оставалась в неуютной полутьме. Тихонько поскрипывали под лёгким ветерком деревья, а где-то далеко гулко ухала припозднившаяся сова.

Девушка обошла Избушку кругом, внимательно всматриваясь в потемневшие брёвна, разглядывая наличники на ок-

нах и крышу, будто впервые видела. Раньше её не интересовало, как выглядит снаружи её убежище, а вот теперь стало любопытно. Столько Яг жило в этих стенах и уж они-то должны были позаботиться об охране своего чудного жилища, наложили же они заклятья на печь и утварь, значит и саму Избушку без защиты не должны были оставить. Но, увы, разглядеть витиеватый узор защитного колдовства Златка не могла, как ни всматривалась, используя свои силы.

–Реня, я чего-то не пойму, – обратилась Ёжка к коту, задумчиво делая очередной круг, – везде навешаны чары берегущие вещи от всевозможных бед, а на самой Избушки даже отворачивающего беду знака нет. Как так?

–Вот скажи, чем ты занималась в Академии столько лет, а? За Ваней своим бегала что ли?! – возмутился рыжий и тут же пристыженно притих под недобрый взглядом Златославы.

–Можно просто коротко и по делу? – хмуро уточнила злая Яга.

–Можно, – покладисто согласился кот и правой передней лапкой указал в сторону Избушкиных ножек. – Вон там, под самой Избушкой, на земле вычерчены колдовские знаки. Два из них мне знакомы – это оберег от пожара и воровства. Остальные уж больно заковыристые, я их чего-то не узнаю.

–Ой! – теперь уже устыдилась Баба Яга, переведя взгляд изменившихся зрачков на чуть мерцающий узор заклятий, видных только колдовским зрением. – Любопытно! Надо бу-

дет потом в книгах про них поискать.

Внимательно изучив узор, попытавшись запомнить как можно больше деталей, Злата поразмыслила чуть-чуть и отошла от Избушки шагов на двадцать, примерно на этом расстоянии от жилища все колдуны обычно ставили защитные амулеты. Сама девушка, когда только начала обживать Избушку-на-Курьих-Ножках, тоже именно на таком расстоянии спрятала выданные отцом кристаллы, творящие защитный купол, которым Ёжке ещё так ни разу и не пришлось воспользоваться в полную силу. Кристаллы сами по себе без особенных чар могли только распознавать чужую волошбу и развеять её, а уж если бы Злата сотворила нужное заклятье, то появился бы мощный защитный купол, которому многое было нипочём из колдовских штук.

Царевна медленно брела между деревьями, внимательно разглядывая всё вокруг в надежде найти обереги оставшиеся от Прямыславы. Яга была уверена, что за долгое время все чары рассеялись и обереги стали просто не нужными побрякушками, но всё равно необходимо было их проверить, а лучше всего уничтожить. Чужое колдовство может быть непредсказуемо, вдруг да осталось немного силы в зачарованной безделушке и ведь не известно во что может эта сила вылиться.

Терентий следовал за подопечной, брезгливо перебирая лапками по мокрой листве, но меж тем и округу оглядывал. Именно рыжий фамильяр заметил первый амулет, туго при-

мотанный тонкой верёвкой к ветке покорёженного дубка, и позвал Бабу Ягу. Оберег и верёвка почти за полвека вросли в древесную кору, и добыть оттуда гладко отполированный ониксовый глазок было трудновато.

Рассматривая камушек, Златка раздумывала, как ей с ним поступить. Чёрный продолговатый камень с вырезанными на нём символами был совершенно «пуст» и опасности не представлял, но мало ли. Переделывать обереги под себя Яга не умела, а оставлять находку на месте ей не очень-то хотелось, вдруг какая оказия и этот камушек её саму огнём приласкает.

–Реня, скажи, как мне его обезвредить? – нехотя попросила совета у своего фамильяра девушка.

–Его бы по-хорошему вынуть и разбить, – задумчиво пробормотал кот и, помявшись, осторожно присел на относительно сухой клочок земли. – Только вот если его доставать начнёшь, он же и полыхнуть может, мало, как там его Прямислава зачаровала. Думаю, для тебя самым лучшим вариантом будет нарушить символы на камне, поцарапай их чем-нибудь что ли.

–И что поможет? – с сомнением спросила Баба Яга.

–Должно помочь, – отозвался Терентий и поспешно добавил. – Только ты как-нибудь сбоку это делай, а то если остаточное заклятье вырвется, оно по прямой пойдёт, будешь напротив камня стоять заденет.

–Ох, Ренька, смотри у меня! – погрозила коту Ёжка и со

вздохом добавила. – Ошибёшься – останешься без подопечной!

–В Академии учиться надо было лучше, лентяйка! – обиженно фыркнул Терентий и отвернулся, нарочито внимательно разглядывая ближайший куст голубики.

Ответить Яге было нечего, ведь в словах фамильяра была доля правды. Учась в Академии, Злата не понимала необходимости изучения многих заклятий и потому, частенько прогуливала занятия, чем чрезвычайно опечаливала родителей, которым наставники незамедлительно сообщали обо всех проступках их дочери. Потом царевна влюбилась в Ивана Светорецкого и совсем забросила учёбу, о чём теперь крайне жалела. Злость на ту свою девичью глупость и не дала Златке что-нибудь возразить Терентию. Пусть это и не лень была, дурость влюблённой девчонки, но это её совсем не оправдывает и вообще надо бы восполнить пробелы в своих знаниях. По-хорошему, ей бы вернуться в стены Академии и завершить обучение, но имея на руках маленького ребёнка такой поступок, был для неё невозможен. Может поговорить с отцом? Он точно что-нибудь придумает.... Ага, уже придумал! Ещё бы узнать, что такого решил батюшка-царь в отношении своей нерадивой дочери, что и не разгневался почти совсем.

–И чего стоишь, как осина на ветру? – язвительно поинтересовался кот. – Давай, заканчивая корни пускать, черкани уже по этому камушку чем-нибудь, и пойдём дальше. У

меня лапы замёрзли и уши, а нос вообще скоро отвалится.

Закатив глаза к завешенному тучами небу, Баба Яга отстегнула от плаща застёжку и, спрятавшись за дерево, протянула руку и с нажимом чиркнула по камню. Всего одна бледная огненная искорка вылетела из амулета, когда чародейский рисунок пересекла тонкая и неглубокая бороздочка, и тут же потухла. Кот хмыкнул в усы, Златослава удовлетворённо улыбнулась, и вскоре они двинулись дальше.

Пока обходили Избушку по кругу, им попало ещё семь подобных оберегов и только два из них, полыхнули достаточно сильным столбом огня, при нарушении чар, благо от этого не пострадал никто, даже деревья и кусты. Сделав на всякий случай ещё один круг, Ёжка и кот вернулись в тепло Избушки. Злата, как обратил внимание Терентий, была очень задумчива, она размышляла над тем, как бы и ей самой создать такие вот обереги, так, для пущей сохранности.

Глава 3. О том, что вредно злить Бабу Ягу.

Время летело быстро, уже отсчитывая последние мгновения осени. Дни становились ещё короче, ночи длиннее, а утро всё чаще и чаще серебрило инеем первых заморозков землю, опавшую листву и хвою.

Первой вестницей зимы, как не удивительно, стала Веря. Русалка пришла в ранних сумерках и грустно сообщила, что в ночь ударит сильный мороз и ей скоро будет пора отправляться спать. Речница весь вечер просидела в обнимку с корзинкой, где весело агукала малышка Ива, словно проникша-

ся моментом и изо всех своих крошечных сил пытаюсь обрадовать свою вторую маму.

Ровно в полночь Верейка поцеловала уснувшего ребёнка, натянуто улыбнулась и, пожелав Златославе здоровья и удачи, поспешно покинула Избушку-на-Курьих-Ножках. Только на ступенях Яга догнала русалку и, крепко обняв холодную речную деву, улыбнулась и твёрдо заявила:

—Мы будем ждать, когда ты к нам вернёшься и очень скучать!

Речница на мгновение застыла глядя на царевну огромными удивлёнными глазами. Несмелая улыбка коснулась губ Вереи и, словно бы, испугавшись собственных, присущих больше человеку, нежели нечисти, эмоций, резко развернулась и легко, едва касаясь подмерзшей земли, побежала в сторону Звонкой. Она обернулась только однажды, прежде чем исчезнуть за голыми кустами, чтобы на прощание помахать рукой своей единственной подруге.

После того как русалка исчезла в ночной мгле, Баба Яга ещё немного постояла на ступенях полной грудью с наслаждением вдыхая наливавшийся морозной свежестью воздух. Проснувшись утром и выглянув в окно, Златка обнаружила, что не просто мороз ударил, а пошёл первый снег. Белые пушистые хлопья величаво кружились и падали на землю, заставляя Ёжку невольно улыбаться, почти прижимаясь носом к холодному стеклу.

Увы, но уже к вечеру чуть потеплело, и пушистый белый

ковёр снега растаял. Через два дня снег выпал вновь, но снова растаял. Так происходило ещё раза четыре, прежде чем сильно завьюжило, и ударили настоящие зимние морозы.

Царь Кощей пока так и не появился, что заставляло Златославу здорово понервничать, мысленно перебирая всяческие варианты развития событий. Ничего путного, к сожалению, на ум ей не приходило. Оставалось ждать приезда отца, ожидание которого оказалось бы довольно томительным, если бы не зачистивший в гости Хмурич.

Памятуя о разговоре в день удочерения Василисы, леший принялся разыскивать свидетелей среди лесного зверья, и ему посчастливилось напасть на след. Первым на призыв откликнулся молодой лис, который в тот день переждал дождь в корнях старой ели, росшей на самом краю леса. Он видел странного человека, вышедшего из чащобы и направившегося в сторону реки. От человека пахло кровью, опасностью и странной силой. Лис видел его только в тот отрезок пути, когда человек пересёк опушку и скрылся в прибрежных зарослях волчьего лыка. Всего лишь крохи информации, но начало было положено. Позже сыскался ещё один свидетель. Маленькая белочка, наблюдавшая, как человек вернулся в лес. К сожалению, рыжий зверёк был настолько напуган необычной «силой» человека, что заметив его в опасной близости, поспешил скрыться как можно дальше.

Каждый раз, узнав что-то новое, Хмурич являлся в Избушку для подробного отчёта. Потом вместе со Златкой и

Терентием они строили догадки, кто же это мог быть. Увы, но слишком мало фактов они узнали от зверей о таинственном человеке, почти то же самое, что поведала им Верея. Человек был высок, нескладен, передвигался странным дёрганным шагом и обладал «силой». Лица так никто разглядеть и не смог, но леший предположил, что человек, скорее всего, был либо ранен, либо просто хромал, раз у него была такая неестественная походка. Терентий склонялся к первому варианту, заявляя, что запах крови, который почувствовали и лис, и белка точно указывают на то, что человек был ранен. Злата же была уверена, что человек был просто хром, а кровью от него пахло, потому что он, скорее всего, присутствовал или даже принимал роды у матери Василисы. Хмурич предпочитал в это время помалкивать, потому что фамилляр и его подопечная каждый раз затевали настоящие баталии, пытаясь отстоять свою версию, а попадать под горячую руку или лапу ему совершенно не хотелось. В такие моменты честь быть судьёй он отдавал спокойной и рассудительной Марфе, которая пресекала свару простыми словами: «Хозяюшка, а может чайку с плюшками?». Обычно этого хватало, чтобы примирить кота и девушку.

Домовушка, к слову, внесла и свою лепту в розыск неизвестной родительницы малышки. Благодаря Марфе выяснилось, что в Старых Сколках матушки Ивы точно нет. Домовая совершенно уверенно заявила, что в родной деревеньке и было-то на сносях две девки, но обе благополучно разро-

дились здоровыми и крепкими мальчиками.

Расследование зашло в тупик. Златка почти смирилась с тем, что узнать о настоящих родителях своей дочери ей не удастся. А имело ли это смысл?.. Ёжка часто стала задаваться вопросом, стоило ли выяснять, кто эти люди, которые пытались так жестоко избавиться от новорождённого ребёнка. Может лучше забыть об этом? Ведь однажды она может проговориться Василисе, а девочке уж точно не следует знать, как на самом деле она появилась в жизни Златославы. С другой стороны её глодал беспричинный, казалось бы, страх, что эти таинственные родные каким-то невообразимым образом прознают, что малютка жива и однажды появятся на её пороге.... Нет, все эти домыслы однозначно сведут её с ума! Необходимо решать проблемы по мере их поступления.

–Если, да кабы, да во рту росли грибы, – пробормотала Златка и нервно хихикнув, добавила, – солить их было бы куда труднее.

–Малахольная, – приоткрыв один глаз припечатал спавший до того момента на лавке Терентий.

–Сам такой! – ничуть не обидевшись, отозвалась Ёжка и, поднявшись, обратилась к Хмуричу. – Ты всё же ещё поищи, вдруг кто-то ещё видел того человека, а я пожалуй завтра в Карповку схожу, там народ спрашиваю тихонько, да и прикупить кое-чего надо. Марфа уже который раз пряжу просит и спицы, а в Сколках всё равно ничего подходящего нет.

–Далековато собралась, – покачал головой леший. – Уве-

рена, что тебе туда нужно?

– Уверена, – со вздохом подтвердила девушка и снова присела за стол напротив Хмурича. – Во-первых, и правда, многое такое нужно купить, чего в Сколках и Платовке нет. А во-вторых, ну не могу я успокоиться, пока не выясню, появлялся ли там этот человек или нет. Может кто-то про роженицу, что знает. В общем, как я решила, так и будет. Вот!

– В такие моменты ты такая ца-аревна! – противным голосом протянул фамилляр, на этот раз, даже не открывая глаз.

– Тьфу, на тебя! – всё же обиделась Златослава и обратилась к лешему с вопросом. – Хмурич, ты случаем не подсказешь, какая завтра погода будет?

– Морозно будет, но снега не обещаю, – задумчиво произнёс тот, чуть прикрыв глаза и словно прислушиваясь к чему-то.

– Это хорошо, значит, к вечеру обратно приду, – кивнула Яга и, обратившись к домовушке, проговорила. – Марфа, тебе завтра за Ивой надо приглядеть пока меня не будет. Справишься?

– Справлюсь, хозяйюшка, – подтвердила она, теребя в руках передник и застенчиво попросила. – Вы только осторожней там, в Карповке. Нехороший там народ, дурной прямо.

– То есть? – удивилась Златка, внимательно разглядывая зардевшуюся домовушку.

– Люд в Сколках каждый раз после ярмарки на них жалуется. То де обманут на торгу, то обвесят, то обворуют. К дев-

кам нашим охальники их пристают. Парней поколачивают, – ответила Марфа со вздохом. – У мамкиной хозяйки гусыню с телеги украли, а ихней староста даже разбираться не стал. Сказал, мол, сама клуша проворонила, так тебе и надо. Говорю, дурные они там!

–Спасибо, Марфа! Я буду внимательна, – улыбнулась ей девушка, мысленно делая себе заметку, что и впрямь надо в Карповке осмотрительнее быть.

–До вырубки тебя провожу, – кивнув своим мыслям, выдал Хмурич. – Ты же до рассвета выйдешь?

–Ага, – подтвердила она его предположение и не успела ничего спросить, как леший резко поднялся из-за стола и направился к выходу.

–За час до рассвета буду ждать тебя у Избушки, – произнёс мужчина, взявшись за дверную ручку. – Оденься теплее, но слишком уж тяжёлую одежду не вздевай. Я тебя короткой тропой проведу, слишком много на себя напаялишь, тяжело идти будет. Да, котомку с едой возьми. Всё. Завтра свидимся!

–Ага, – только и смогла вымолвить Ёжка вслед уходящему Хмуричу.

–Вот, это мужик! – неожиданно подал голос Терентий и даже восхищённо прицокнул. – Ты бы, Златка, присмотрелась к нему! А что?! И рукастый, и головастый, и заботливый. Будет у Ивы папка, у тебя муж и вообще мужик в доме появится. Не всё же мне одному отдуваться?!

–Рень, ты ополоумел, что ли? – ошеломлено уточнила девушка. – Он леший вообще-то!

–И что? А ты Баба Яга, – ничуть не смутился рыжий. – Чем не пара лешему?

–Ой, да ну тебя! – отмахнулась от него царевна и направилась в спальню, где малышка Василиса увлечённо лупила погремушкой о край колыбельки.

Осторожно подкравшись к люльке, Яга закрыла ладошками лицо, сделала ещё один шаг и посмотрела на притихшую дочку сквозь щёлку между пальцами. Василиса смерила мать недоуменным взглядом, сунула кулачок в рот и принялась его задумчиво посасывать.

–Ку-ку! – сказала Златослава, со смешком отнимая руки от лица.

Малышка два раза моргнула, вынула кулачок изо рта и, широко открыв и без того большущие глаза, засмеялась. Смех Ивы перешёл в весёлое взвизгивание, когда Ёжка повторила своё «ку-ку» ещё раз. Эту незамысловатую игру Злата и Василиса освоили не так давно, но обеим она очень нравилась и непонятно кому она доставляла больше удовольствия: матери или дочери.

Ещё немного «покуковав», девушка взяла уже изрядно прибавившую в росте и весе кроху на руки и уложила на свою постель на животик. Василиса на мгновение задумалась, а потом довольно уверенно оперлась крохотными ручонками о покрывало и приподняла головку, покрутила ей немного,

опустила назад, перевернулась на спинку и снова засунула кулак в рот.

– Не так быстро, Ивушка! – улыбнулась Яга ребёнку и осторожно убрала маленькие ручки девочки от лица.

Царевна снова перевернула ребёнка на животик. На этот раз малютка не спешила поворачиваться. Василиса опять приподняла голову, сказала своё веское «у-у!» и перевернулась на спину, чтобы через мгновение снова оказаться на животе. Кроха затаилась и, хмуря бровки, поглядывала на мать. Златослава провела ладошкой по спинке ребёнка, растрепала пушистые светлые волосики и улыбнулась. Малютка Ива, всё ещё хмуря брови, улыбнулась ей в ответ и резво перевернулась на спину, поймав руками свою собственную ножку и потащив её в рот. Яга рассмеялась в голос и, склонившись над ребёнком, шутливо поцеловала розовую пяточку, которой тут же получила в нос. Почти сразу удостоилась извиняющегося «уа» и прикосновения тёплой ладошки к пострадавшему месту.

– Ты же моё солнышко! – заворковала Ёжка, перецеловывая каждый пальчик и курносый носишко в придачу. – Мамина ты радость!

– Уи-и-и! – подтвердила слова Яги Василиса и засмеялась.

Вот такое нехитрое развлечение за последнее время стало у Златославы излюбленным занятием, но, увы, не продолжительным. Малютка ещё очень мало бодрствовала и почти всё время спала, изредка прерываясь на еду и вот такие игры с

мамой. И сейчас немного пошалив, Василиса принялась зевать, а недавно столь задорно блестящие глазки стали сонными и так и порывались закрыться. Заметив это, царевна уложила ребёнка и, присев на край кровати, начала тихонечко покачивать колыбель.

Сколько она так просидела глядя на спящую дочь, царевна не знала, но зато когда поднялась на ноги и со стоном распрямилась, поняла, что времени прошло много. За окном было уже темно, а на кухне беззлобно переругивались Марфа и Терентий, решая кому идти звать Златку ужинать.

После ужина Баба Яга сразу приготовила одежду, которую собиралась надеть завтра в дорогу и легла спать. Снилось ей почему-то чёрная грозовая туча, от которой приходилось прятаться под телегой, с которой здоровенный ворон утащил гусыню. В тот самый момент, когда Златка отбивалась метёлкой от тучи и пыталась одновременно камнем попасть в наглую чёрную птицу, сон резко поменялся на более понятный – весеннюю лесную поляну в незабудках, которой во сне девушка любовалась до самого пробуждения.

В нужный час Златославу разбудила домовушка, успешная не только собрать котомочку для хозяйюшки, но ещё и стол к завтраку накрыть. Ёжка нехотя открыла глаза и медленно поднялась с постели, зевнула широко, прошла к тазу с водой, умылась холодной водицей и быстренько начала натягивать на себя одежду. К тому времени как она вошла на кухню, за столом уже сидел Хмурич с аппетитом жующий

кусочек пирога с грибами, а на лавке подле него устроился Терентий нализывающий до блеска блюдечко, где не так давно была густая сметанка.

– Утро доброе! – поприветствовал Ягу леший и сделал глоток сбитня из своей кружки. – Как спалось?

– Доброе! – потёрла Златка заспанные глаза и с любопытством спросила. – Не знаешь, к чему тучи и вороны снятся?

– Я что на волхва похож? – усмехнулся мужчина, продолжая поглощать пироги.

– И то верно, – согласилась Баба Яга, присела за стол и принялась за еду.

Подкрепившись и поблагодарив Марфу, девушка и леший поднялись из-за стола. Яга повязала шерстяной платок, одела короткий тулупчик и лёгкие сапожки, взяла котомку с едой и, наказав домовушке и фамильяру приглядывать за Василисой, вышла вслед за мужчиной в серые предрассветные сумерки. Мороз, как и обещал Хмурич, стоял крепкий, он кусочке впивался в нос и щёки, пробирался холодком под одежду. Когда забрезжил рассвет, Ёжка выбилась из сил, пробираясь какими-то дебрями вслед за лешим. Ещё через час Златка взмолилась о пощаде и попросила остановиться, передохнуть. Решено было сделать привал.

Леший довёл Ягу до поваленной осины, помог ей забраться и сесть на широком стволе, чуть помедлив, присел рядом с ней. Златка молча развязала котомку, достала завёрнутые в тряпицу пирожки и, поделившись с Хмуричем, принялась

жевать холодную, но всё равно вкусную выпечку. Подкрепив силы, они снова отправились в путь.

Дальше лес стал более светлым и приветливым, наверное, потому что ельник сменился дубравой, деревья, которой были настолько старыми и могучими, что казалось, они застали сотворение мира. Подлеска здесь не было, лишь изредка то там, то тут ютились кусты дикой малины или шиповника. Древний дубы не терпели близкого соседства и располагались друг от друга на довольно большом расстоянии, что для уставшей царевны было только в радость, ведь идти стало куда легче.

Теперь, когда не было необходимости огибать густые заросли или протискиваться сквозь пушистые лапы близко растущих ёлок, дорога стала веселей. Злата шла рядом с Хмуричем и засыпала его вопросами: где в лесу можно найти калину и чернику, есть ли надежда договориться с водяным о помощи в розыске корней кувшинок и прочее без сомнения нужное и полезное, старалась узнать у него девушка. Леший отвечал на вопросы подробно, иногда с доброй усмешкой поглядывая на сосредоточенно пытающуюся всё запомнить Бабу Ягу. Он был уверен, что, даже следуя его объяснениям, сама она вряд ли сможет найти хотя бы треть из того, что ей необходимо и поэтому первое время ему придётся её сопровождать. Мысль эта Хмуричу нравилась, не так скучно будет жить и смотреть за лесом, когда под боком такая неуёмная и деятельная соседка. С Ёжками всегда было

веселей.

Спустя полтора часа после привала, леший вывел Ягу на окраину леса, откуда, если приглядеться был виден частокол стены вокруг Карповки. Здесь мужчина остановился, порылся в кошеле, висящем на поясе, откуда достал деревянную свистульку, вырезанную в виде крохотной птички, и протянул её Златославе. Яга взяла в руки свистульку и принялась её недоуменно крутить в руках.

–Когда соберёшься назад, свистни в неё и птицы донесут до меня твой призыв, – пояснил леший на немой вопрос во взгляде царевны, – и я буду знать, что пора встречать тебя на опушке. Пока спрячь в карман и иди, не так уж и много времени у тебя осталось. Постарайся управиться быстрее. Лучше всего, если ты вернёшься сюда задолго до захода солнца.

–Хорошо, я постараюсь, – пообещала Ёжка и, улыбнувшись, немного смущённо произнесла. – Спасибо за помощь и заботу!

–Я буду здесь, когда ты вернёшься, – сказал Хмурич, кивком обозначая, что принял благодарность, и напомнил. – Про свисток не забудь!

–Не забуду! – заверила она его.

–Ну, всё иди! – развернув лицом к Карповке и мягко подтолкнув Злату за плечи, произнёс мужчина.

Златослава последовала его совету, спрятала свистульку во внутренний карманец тулупа, сделала несколько решительных шагов вперёд, но потом остановилась и резко обер-

нулась. Хмурича уже и след простыл, но у девушки было такое чувство, что он на неё всё ещё смотрит. Снова повернувшись в нужную сторону, Баба Яга решительно и больше не оглядываясь, зашагала к деревне.

Собственно Карповку деревней можно было назвать с трудом, скорее это уже был небольшой городок, обнесённый высокой, почти крепостной стеной увенчанной внушительными воротами. Сейчас ворота были приветливо распахнуты и у криво сбитой сторожки, стояли два высоченных парня, видимо приставленных эти самые ворота охранять. Помимо Златки на дороге, ведущей в Карповку, оказалось ещё несколько крестьянских телег с товарами и пара пеших путников, из чего девушка сделала вывод, что попала под ярмарочный день. «Тоже не плохо», – рассудила она, вставая в конец очереди пеших желающих, попасть на ярмарку.

Когда царевна добралась до ворот, дорогу ей заступил один из «стражей», не давая пройти дальше. Яга нахмурилась и смерила парня недовольным взглядом снизу-вверх. Тот невозмутимо и даже несколько нагло смотрел на Ёжку и улыбался, обнажая жёлтые кривые зубы, а ещё от доблестного «стража» просто разило медовухой. Злата едва совладала с собой, чтобы брезгливо не сморщить нос.

–Плату за проход давай! – протягивая громадную лапищу, произнёс парень. – За бесплатно тебя в ярмарочный день сюда никто не пустит.

–Сколько? – хмуро уточнила царевна, решившая не нары-

ваться на неприятности и по возможности не вдыхать отвратительную сивушную вонь.

– Три медяка, – всё ещё радостно скалясь, сообщил тот. – Или твой поцелуй, девица-краса.

– Вот тебе четыре медяка и никаких поцелуев! – поспешно всыпала монетки ему в ладонь Златка.

Пересчитав монетки, «страж» хмыкнул и дал Ёжке пройти в ворота. Златослава перевела дух и направилась вперёд, как раздался звучный хлопок, и одновременно с этим место чуть пониже спины обожгло резкой болью. Парень, обиженный невниманием со стороны красивой девицы, решил хоть как-то потешить своё самолюбие, но силушку не смог рассчитать и огрел царевну так, что наверняка синяк останется.

– Ах ты, козёл безрогий! – зло взвизгнула Баба Яга, стараясь не обращать внимания на раздавшийся отовсюду обидный хохот.

Повернувшись, уже было собралась высказать охальнику все, что о нём думает, но поостереглась, понимая, что не в силах ничего ему противопоставить, а защиты, если что и ждать не от кого. Смерив гогочущих злобным взглядом, Ёжка развернулась и стремительно зашагала в сторону общинного дома, на обширном пустыре возле которого и развернулась ярмарка. Настроение у Златы было преотвратное и становилось всё хуже и хуже с каждой минутой. Ох, права была Марфа!

Пока Яга ходила от лотка к лотку, приобретая нужные ей

продукты и вещи, её несколько раз грубо толкнули, оттоптали ноги, много раз пытались обвесить и обсчитать, ей довелось переругаться почти со всеми торговками. Помимо всего прочего ей подсунули погрызенную молью пряжу и протухшие яйца. Обнаружив такое, Злата не вытерпела и вернулась, чтобы вытребовать обратно свои деньги и всласть поругаться с дородной тёткой, которая всё это ей и продала.

– Ты что это мне тут подсунуть вздумала?! – хлопнув по прилавку корзинкой с яйцами, потребовала ответа Златослава. – Они же тухлые! А ну, денежки возвращай!

– Чего орёшь, коза припадочная? – подбоченись, гаркнула торговка. – Ничего они не тухлые! Нормальные они! Это рожа у тебя тухлая!

– Это у кого тут рожа?! Ты себя в зеркало видела? Оно чать сразу треснуло, как ты в нём отразилась, кикимора болотная! – взвилась Ёжка, сжав кулаки.

– Чаво?! – взревела раненой медведицей тётка и, перегнувшись через прилавок, уставилась на Златку налившимися кровью глазами. – Ах ты, курица оципанная! Да я тебя сейчас...

Не успела торговка озвучить свою угрозу, как девушка почувствовала, как кто-то срезал с её пояса кошель. Она попыталась схватить воришку, оказавшегося тощим грязным пацаном, одетым в какое-то рваньё, но тот ловко ускользнул и затерялся в толпе, окружившей девушку и торговку плотным кольцом и наслаждающейся дармовым представлением. До-

вольные лица, крики торговли за спиной и украденный кошелек стали для Златки последней каплей. Из глубин души поднималась тёмная удушливая злоба напополам с желанием проучить всех здесь собравшихся.

–Что же вы за люди такие поганые? – с гневом произнесла Яга, чувствуя как копится в ней тёмная сила. – Человека обманули, обокрали, а вы радуетесь! Хорошо ведь как, правда? Ведь не с вами это случилось, а с другим! Чтоб вам пусто было! Чтоб удача от вас отвернулась! Да глаза бы мои...

Договорить Златославе не дали. Чья-то сильная рука ловко заткнула ей рот, в то время как другая обхватила за талию и приподняла Ягу над землёй, а тот, кому эти самые руки принадлежали без каких либо усилий потащил её прочь от толпы.

Сперва Ёжка от неожиданности растерялась, но потом, разозлившись ещё больше, попыталась вырваться. Увы, ей это не удалось. Мужчина, которого Злате никак не удавалось разглядеть, на долю мгновения выпустил её талию, чтобы тут же обхватить девушку поперёк туловища, чтобы руки её были крепко прижаты к телу. Как бы царица не вырывалась, похититель был во много раз сильнее и, похоже, имел опыт обращения с извивающимися и пытающимися его укусить девицами.

Оттащив брыкающуюся ношу за здание ближайшей харчевни, мужчина поставил Бабу Ягу на ноги, но отпускать не спешил. Злата тоже притихла, готовясь к очередной попытке

вырваться.

–Тише, девочка! Тише! – раздался над ухом насмешливый и такой знакомый голос, что от страха у Ёжки задрожали колени, а сердце пропустило пару ударов. – Ты и так «пожелала» такого, что мне теперь до самого вечера последствия разгребать придётся. Сейчас я уберу руки и настоятельно советую ничего непоправимого не произносить. Ты же умная девочка, Златослава! Ты же не будешь и меня проклинать?

–Не-еэт, не-е буду, – проблеяла царевна в ужасе от содеянного и, зажмурившись, неожиданно для самой себя выдала. – А что вы тут делаете?

–Изначально проезжал мимо, пока не увидел, как одна знакомая ведьмочка-недоучка проклинает население целой деревни, – с изрядной долей язвительности ответил мужчина, – пришлось вмешаться.

Злата нервно икнула и с опаской приоткрыла один глаз. Ага, не ошиблась – действительно он. Снова зажмурилась, обречённо вздохнула и открыла оба глаза. Мужчина, стоявший перед ней, не исчез, и даже ничуть не изменился.

–Здравствуйте, учитель Святозар! – натянуто улыбнулась девушка и сразу же опустила взгляд, желая провалиться от стыда под землю.

–Здравствуй-здравствуй, Златослава Ростиславовна! – не меняя тона, произнёс тот. – Может, ты всё же согласишься посмотреть на меня и перестанешь так виновато вздыхать?

Ёжка стиснула зубы и взглянула на учителя. За два года

Святозар Добролюбов ничуть не изменился, впрочем, как всякий сильный колдун он не скоро изменится. Мужчина был очень высок, так что Златке приходилось сильно задирать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Широкие плечи и мощное телосложение недвусмысленно намекали любому прохожему, что перед ним колдун-воин, а уж торчащая за левым плечом гарда меча и крупный серебряный знак гильдии, скрепляющий тёплый подбитый чернобуркой плащ, только подтверждали род занятия мужчины.

Капюшон его плаща был откинут за спину, открывая коротко стриженные каштановые пряди и даже сейчас, лютой зимою, загорелое лицо. Разглядывая это лицо, будто впервые видя, Злата неожиданно для себя согласилась со своими подружками по Академии – учитель Святозар был действительно очень красив. Мужественный лик, волевой подбородок, чётко очерченные губы, нос с едва заметной горбинкой и высокие скулы были настолько гармоничны, что девушка на время забыла о шрамах на его лице, которые в первую встречу вызвали у неё неприятие. Но больше всего в облике Добролюбова выделялись глаза, светло-серые, почти серебряные в обрамлении невероятно густых длинных ресниц, изящно загнутых почти как у девушки. Именно эти глаза на мгновение приковали взор Златославы, вызывая в душе что-то похожее на умиление, которое она испытывала к малышке Василисе. Осознав это, Яга почувствовала, как к её щекам прилила кровь, и они загорелись, будто она долго находилась

на солнце и знатно обгорела.

Стыд-то какой! Разглядывает учителя, как влюблённая дурочка какого-то мальчишку. Наверное, именно так она и на Ивана смотрела. Мать-Земля, сохрани от такого позора!

Наблюдая за мимикой Ёжки и что-то для себя решив, учитель Святозар нахмурился так, что сразу стали сильно заметны шрамы на лице. Один шрам глубокой бороздой шёл от виска вниз, через всю щёку, удар чьего-то меча чудом не лишил мужчину глаза, хотя чуть-чуть повредил нижнее веко. Второй шрам рассекал губы ближе к уголку, заходя на подбородок. Последний, едва заметный росчерк, пересекал лоб, теряясь где-то в густой шевелюре.

–Раскаянье это хорошо, – наконец вымолвил мужчина и поспешил накинуть на голову капюшон. – Но для наглядности лучше бы тебе посмотреть к чему приводят вот такие на первый взгляд простые слова, когда их в запале произносит совершенно непростая девушка. Пойдём-ка!

Добролюбов взял Бабу Ягу под локоток и не спеша повёл её обратно на площадь. Златослава не сопротивлялась, только в душе подивилась какому-то детскому огорчению, когда глубокий капюшон скрыл от неё лицо учителя. Ёжка прямо всем своим существом чувствовала разочарование, исходившее от мужчины, и ей было очень обидно и, чего уж скрывать, столь же сильно стыдно за содеянное, хотя она ещё до конца и не понимала, что такого могло случиться от сказанных в гневе слов.

Завернув за угол харчевни, и оглядев ярмарку, Яга вздрогнула. Вот она оказывается какая – сила слова! Между лотками, за прилавками и на прилавках творился самый настоящий бедлам. Люди то спотыкались, то натыкались друг на друга, опрокидывали лотки, поскальзывались, падали, давили свой собственный товар или покупки. То там, то тут неожиданно ломались справные до того момента вещи. В общем, удача действительно отвернулась тут ото всех.

–Ой! – пискнула Златка, прижав обе ладони к губам. – Ой-ёй-ёй!

–Вот, тебе и «ой-ёй-ёй»! – беззлобно хмыкнул учитель и назидательно произнёс. – А теперь представь, что было бы, договори ты о том, что бы глаза на них не глядели? Или вдруг ещё чего похлеще сказала. Представила?

–Мамочка! – простонала Ёжка, закрывая ладонями лицо. – Что же делать-то?

–Сейчас я всё исправлю, но только в этот раз, – сурово проговорил мужчина. – Дальше тебе придётся самой справляться, – чуть помолчав, он добавил, – а в идеале тебе бы доучиться не мешало.

–Я об этом уже и сама думала, – со вздохом призналась Баба Яга и осторожно спросила. – Учитель, а возможно ли мне как-то так учиться...ну, самой у себя дома, а экзамены потом в Академии сдавать?

–В принципе возможно, – задумчиво выдал Святозар. – Я пообщаюсь на эту тему с руководством. А теперь давай-ка

исправлять тобою содеянное.

С этими словами мужчина устремился напрямиком к высокому крыльцу общинного дома, с которого вероятно был довольно неплохой обзор на всю ярмарку. Златослава поспешила его догнать и, пристроившись за ним, старалась лишний раз не смотреть по сторонам.

Добролюбов стремительно поднялся по ступеням и развернулся лицом к творящемуся беспорядку. Яга тоже поднялась вслед за ним и спряталась за широкой мужской спиной от греха подальше. Колдун окинул взором гомонящую, ругающуюся и визжащую толпу, едва слышно хмыкнул, поднял руки и, совершив замысловатый жест, что-то зашептал. Как Злата не прислушивалась, разобрать слова учителя ей не удалось.

Замолкнув, Святозар развернул ладони вниз и словно бы что-то с них стряхнул. От рук колдуна заструился свет, ударился о землю и светящейся белёсой волной прокатился через всю ярмарку, ослепляя рассерженных и испуганных людей. Свет погас где-то далеко за пределами деревенского частокола, и наступила оглушительная тишина. Весь народ, собравшийся на ярмарке, был перед Златкой, робко выглядывающей из-за плеча учителя, как на ладони. Люди стояли и хмуро молчали, глядя на колдуна, видимо догадавшись, чья именно волошба, только что прокатилась по их рядам. Возможно, его бы даже обвинили в сотворенном проклятье, но сделать этого люд не успел. Обведя всех собравшихся суро-

вым взором, учитель Святозар сделал шаг вперёд и одновременно с этим откинул капюшон.

– Полагаю, случившееся послужит всем вам хорошим уроком, – его холодный голос разнёсся над площадью, заставив людей сделать произвольный шаг назад. – И очень надеюсь, что вы уяснили, как нельзя вести себя с тем, кто только на вид выглядит слабее. По своей глупости вы обидели самую Бабу Ягу и отделались малым, всего лишь на короткое время лишились своей удачи, а ведь она была в своём праве наложить и более страшное проклятье. Видимо за долгое время, что Избушка-на-Курьих-Ножках пустовала, вы успели забыть, какой силой обладали её хозяйки и сколь важны всегда были их деяния. Так вот я вам напомним – издревле Яг в этих краях почитали и любили, обидеть Ягу – навлечь на себя гнев самой Матушки-Земли, покровительницы всех Ёжек. И сегодня учинив обиду Ёжке, вы прогневили Богиню-Мать и она, защищая своё дитя, дала небывалую силу её словам. Удача должна была отвернуться от вас на всю оставшуюся, и поверьте очень недолгую жизнь. Мне удалось частично развеять проклятье, но не снять его до конца. Знайте, едва вы лишь помыслите сотворить зло – любое зло, как снова лишитесь своей удачи и уже теперь навсегда.

Люди молча смотрели на Добролюбова и не двигались. Видимо страх проклятья сделал своё дело, заставляя быть более осторожными. Но как порой бывает, среди толпы нашёлся кто-то шибко умный и самоуверенный.

–Ха, а откуда нам знать, что это не ты тут всех проклял? И вообще, может, и проклятья никакого нет, а это так случайность была, – раздался насмешливый юный голос.

–Если бы я вас проклял, то никто не выжил бы и сейчас над этим местом горел погребальный костёр, – с нехорошей усмешкой произнёс мужчина. – А самое приятное, что мне как воину колдовской гильдии достаточно сказать, что в вашей замшелой деревеньке случилась чума, например, и мне как единственному колдуну, находившемуся поблизости, пришлось применить суровые, но оправданные меры для устранения угрозы и пресечения распространения заразы, – улыбка Святозара стала не просто зловещей, а откровенно пугающей, даже Злату пробила дрожь. – Так, что вам следовало с облегчением вздохнуть и помолиться богам, что не я вас проклял.

–Ну, а проклятье-то есть всё-таки, али нет? – осторожно подала голос та самая торговка, с которой не так давно сцепилась Ёжка.

–Есть, – пожал плечами колдун и делано добродушно предложил, – но если не верите, можете, к примеру, камень в нас кинуть, только за последствия я не отвечаю – как смог, так проклятье и ограничил.

Народ опять умолк, пытаясь осознать и принять сказанное. Учитель Святозар же тихонько хмыкнул себе под нос, снова накинул капюшон на голову и, повернувшись, протянул Златославе руку.

–Пойдём, Ёжка! Провожу, – Яга скорее почувствовала, чем увидела в тени капюшона его улыбку.

Поправив на плече увесистую котомку со своими нехитрыми покупками, которую чудом умудрилась не выпустить из рук всё это время, Баба Яга вложила свои пальчики в широкую ладонь мужчины. Сильные пальцы его осторожно сжали ёжкину руку, и потянул её вслед за собой.

Мужчина и девушка спустились с крыльца, но Святозар не пошёл сквозь толпу, а свернул за угол общинного дома и повёл Ягу какими-то закоулками к цели, ему одному и известной. Злата молча старалась не отставать от учителя и размышляла над тем, почему ей вдруг стало так спокойно, когда её ладошка оказалась в руке мужчины, и отчего ей сейчас даже не жалко украденных денег. Здравых ответов на ум не приходило, крутилась лишь какая-то чепуха. Златослава так увлеклась разгадыванием собственных чувств, что не заметила, как Добролюбов подвёл её к высокому и мощному гнедому жеребцу, преспокойно стоявшему у развесистой калины.

Учитель Святозар отпустил пальчики царевны и, ничего не объясняя, вдруг оглушительно свистнул. От неожиданности Златка вздрогнула и, сделав шаг назад, наткнулась спиной на коня, тоненько взвизгнула и, отпрыгнув в сторону, налетела уже на колдуна, снова попыталась отскочить, но подвернула ногу и начала падать. Сдавлено охнув Ёжка вдруг почувствовала, что собственно никуда и не падает, а

уже очень даже спокойно стоит, плотно прижатая к широкой мужской груди. Щеки опалило румянцем, а из груди исторгся полный муки и стыда стон. Руки, державшие её за плечи и всё ещё прижимающие к телу учителя, слегка напряглись, тело за спиной задрожало, а у самого уха Яги послышался звук подозрительно похожий на едва сдерживаемый хохот.

– Ты чего испугалась, Ёжка? – сквозь смех спросил Святозар и, разжав пальцы, выпустил царевну на свободу. – Я что на Соловья Разбойника похож?

Сказать что-то в ответ Златослава не смогла, только низко опустила голову и отрицательно покачала головой, молясь Матушке-Земле, чтобы её предательски алеющие щёки не были видны учителю. Очередной сдавленный смешок, подсказал девушке, что молитва оказалась напрасной. Протяжно вздохнув и смирившись со всем происходящим, Баба Яга подняла-таки взгляд на Добролюбова, но оказалось, что колдуна уже занимает нечто другое. Вернее некто.

– Ты?! – непроизвольно взвизгнула Златка, приметив возникшего напротив Святозара маленького воришку.

Весь запал девушки тут же прошёл, когда она присмотрелась к мальчику. Ребёнок стоял напротив мужчины, понурив голову, и ковырял носком прохудившегося валенка промёрзшую землю расчищенной от снега тропинки. Воришка был одет в штопанные холщовые штаны и поеденный молью кургузый тулупчик, короткие рукава, которого давали вдосталь налюбоваться на костлявые руки, густо покрытые гря-

зью, синяками и царапинами. На невымытых русых космах едва держалась какая-то подозрительная тряпка, видимо заменяющая мальчишке шапку.

– Дёма, вот скажи, я тебя предупреждал? – мягко обратился к мальчику колдун и даже на корточки перед ним присел, чтобы оказаться с ним наравне.

– Угу, – кивнул пацан, звучно шмыгнув носом и тут же утёр его и без того грязной ладонью.

– Тогда в чём дело? – не повышая голоса, мирно спросил Добролюбов.

– Дядька Святозар, ну, бес попутал! – выпалил воришка, отчаянно краснея, и ударил себя кулачком в грудь.

Услышав такое объяснение, Златка не удержалась и прыснула в кулачок. Она понимала, что следовало бы сердиться на вороватого мальчика, но отчего-то не получалось. Учитель тоже не спешил наказывать мальчишку и даже не повысил на него голос, просто коротко и серьёзно велел:

– Верни и извинись!

Первый раз за время беседы, мальчик поднял глаза на Добролюбова, тяжело вздохнул и повернул голову в сторону Златославы. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, пока не вмешался колдун. Святозар хмыкнул, подтолкнул ребёнка в сторону царевны. Мальчишка сделал пару шагов, остановился, засунул руку за пазуху и вынул ёжкин кошелёк. Баба Яга стояла и наблюдала за дальнейшими действиями воришки, не делая попыток подойти и забрать свою

собственность. Пацан тем временем с задумчивой мордашкой взвесил кошель, грустно вздохнул и, в два больших шага преодолев расстояние их разделявшее, протянул на раскрытой ладони уворованное добро.

–Вы это... простите меня! – запинаясь, пробормотал мальчишка и, видя, что удивлённая Злата не забирает протянутое, сам быстро всунул в её безвольную ладонь кошель и пустился на утёк, только пятки сверкали.

Девушка ошарашено уставилась вслед убежавшему мальчику, невольно сжимая в кулаке мешочек с деньгами. Ей вдруг стало жаль маленького воришку. Ведь обокрал её пацан не просто ради забавы. Заметно было, что живётся мальцу не сладко, тощенький такой – видно, что недоедает.

–Ты Златослава на Демьяна зла не держи, – тихо попросил Добролюбов, выпрямляясь во весь рост, – он парень хоть и вороватый, но, в общем-то, не плохой. Да, ежели посудить, не виноват он в этом, как собственно и жители не виноваты в своей злобе...

–Ага, прямо бедняжечки одни собрались! – возмущённо выпалила Баба Яга, перебив учителя.

Колдун смерил Ёжку оценивающим взглядом, словно пытался определить стоит ли с ней разговаривать или нет, но так ничего в ответ и не сказал, просто развернулся и направился к своему жеребцу. Злата почувствовала, как в душе у неё поднимается что-то гаденько нашептывающее, что учителя тоже не мешало бы проклясть, но чем-то таким... без-

обидным, но неприятным. Яга поймала себя на том, что изучает широкую мужскую спину и азартно перебирает в мыслях снадобья, какими можно было бы украдкой попотчевать Добролюбова. Девичья гордость склонялась к послабляющим зельям, уязвлённое самолюбие выбирало рвотное, а так вовремя проснувшаяся ягушенская вредность требовала и того, и другого, и желательно в больших дозах. Златка почти видела предположительный результат своих возможных действий, как вдруг вспомнила про Хмурича и врученный им свисток. Надо же его предупредить, чтобы он её встретил!

Не мешкая, Златослава вынула свистульку и поспешно в неё дунула. Переливчатый похожий на соловьиную трель звук далеко разнёсся в морозном воздухе и заставил колдуна и даже его коня обернуться к царевне. Как отметила Яга, учитель был не сильно удивлён, что её немного насторожило, заставляя мысленно перебирать все подробности их встречи и дословно вспоминать разговоры. Вот тут-то её и «накрыло» неприятным осознанием – люд в Карповке теперь знает, что она Баба Яга и ... стоять залётные!.. как колдун узнал, что Златка стала Ягой?!

– Учитель, а не скажите ли вы недалёкой Ёжке, откуда вы узнали, что она Ёжка? – обманчиво мягко поинтересовалась девушка, пряча обратно в карман свистульку.

– Златослава Ростиславовна, тебе не кажется, что глупо задавать такой вопрос тому, кого воспитывала такая же Ёжка, как и ты? – с усмешкой произнёс мужчина, перекидывая уз-

дечку через голову коня и закрепляя её конец на высокой луке седла.

–Э-э-э, – только и смогла проблеять Яга, так быстро и не придумав, что ему на это ответить.

–Бэ-э-э! – передразнил её мужчина и, лукаво подмигнув, огорошил новостью. – А вообще Ростислав Всеволодович ещё год назад оповестил руководство Академии о том, куда ты так опрометчиво подалась и кем решила стать. Ещё он просил, придержать за тобой местечко на факультете ведовства.

–Вот это новость! – ошарашено произнесла царевна, но быстро взяла себя в руки и задала следующий не менее животрепещущий вопрос. – А вы зачем народу сказали, что я Баба Яга, а? Они же мне покоя не дадут! Со свету сживут!

–Наоборот побоятся, – утешил её Добролюбов и одним неувлимым движением взлетел в седло. – Вот не знали бы они, что ты Баба Яга, решили бы, что так, ведьмочка какая неказистая или вообще за знахарку приняли. Тогда бы тебя на полпути к воротам поймали бы, да быстренько устроили судилище и полыхал бы вечерком костерок с одной незадачливой Бабой Ягой. А так они теперь знают, кто ты и даже не смотря на проклятье, побоятся гневить Богиню Мать и тебе вредить.

Замолкнув, Святозар направил жеребца в сторону Златы. Когда конь поравнялся с задумавшейся над сказанным Ёжкой, колдун наклонился, обхватил ту поперёк туловища и

ловко усадил перед собой боком. Златослава даже пискнуть ничего не успела. Колдун невозмутимо подтянул Злату, застывшую соляным столбом, ближе к себе и сжал коленями бока своего жеребца. Умное животное не пришлось дважды просить, конь неспешно потрусил в сторону ворот.

Передвигаться верхом на лошади, сидя в одном седле ещё с кем-то, царевна отвыкла. Нет, когда-то в детстве её так катал отец и старшие братья, но с тех пор минуло много лет и уже, будучи взрослой, Златке ни разу не довелось так разъезжать. Странно, но в детстве такой способ передвижения вызывал восторг, сейчас же девушка ощущала только некоторое неудобство из-за того, что лука седла больно упиралась ей в бедро и собственно смущение, что её так крепко прижимает к себе мужчина, не являющийся кровным родственником.

–Злата, я хотел обратиться к тебе с просьбой, – неожиданно заявил учитель и, не дождавшись какой-либо реакции, продолжил. – Прошу, не суди слишком строго жителей Карповки! И прежде чем ты начнёшь возмущаться, я тебе объясню, почему прошу за них. Ты готова выслушать?

–Угу, – кивнула Ёжка, готовая согласиться, на что угодно, лишь бы отвлечься от навязчивых мыслей, бродивших в её голове.

–Спасибо, – девушка прямо всем затылком снова ощутила, что он улыбнулся. – Я прошу тебя снисходительно отнестись к жителям этой несчастной деревеньки, потому что

они действительно не виноваты в том, что творят. **Над всеми ними тяготеет проклятье, которое три с половиной десятка лет назад наложила на них Яга Прямислава.** По какой причине она это сделала мне, к сожалению, не известно. Единственное, что удалось выяснить, это суть проклятья и срок. Мы называем его «серая пелена», и призвано оно, пробуждать в людях самое плохое, когда-то давно его использовали в военных целях, чтобы внести смуту в ряды врагов.

– Это как? – тут же полюбопытствовала Злата.

– Очень просто, – принялся пояснять учитель. – Представь себе, что ты воевода и завтра у тебя бой с противником, войско которого превосходит твоё на треть. Представила? – дождавшись неуверенного кивка, он продолжил. – На первый взгляд исход битвы предрешен и у тебя нет шансов на победу, но тут появляется луч надежды. В твоём войске есть умелый и сильный колдун, который с безопасного расстояния может проклясть войско противника, что он собственно и делает. И вот в тот самый момент, когда часть вражеских воинов мирно спит, набираясь сил перед грядущей битвой, а часть охраняет лагерь и точит клинки, проклятье начинает действовать. Действие его незаметно, но разрушительно. Сначала возникает беспричинное раздражение, человек припоминает все причинённые ему обиды, придумывает новые и ещё сильнее злится. При малейшем толчке злость переходит в агрессию и вот тут в стане врага начинается...

прошу меня простить за подобные слова!.. в общем, начинается голимым мордобой.

–Хм, и долго такое проклятье может действовать? – зада-
ла новый вопрос Яга, понимая, что с каждым ответом Свя-
тозара вопросов будет всё больше и больше.

–Смотря кто его накладывал, и чего хотел добиться, – ото-
звался Добролюбов и сухо добавил. – Прямислава, к приме-
ру, вложила много своих сил и прокляла от души. Семь по-
колений сменится в Карповке, прежде чем проклятье будет
изжито.

–И что ничего нельзя сделать? Никак помочь? – Ёжка за-
возилась, извернулась и смогла посмотреть в лицо колдуну. –
Ведь неправильно наказывать тех, кто даже ещё не родился!

–Неправильно, – подтвердил учитель и, нахмурившись
нехотя произнёс. – Она за это тоже расплатилась сполна.

–Так помочь им можно или нет? – не унималась царица,
всё ещё пытливно вглядываясь в лицо учителя Святозара.

–Нет, – покачал головой мужчина. – У «серой пелены»
есть одно нехорошее свойство, его может снять только тот,
кто наложил, а разрушить проклятье, не дано никому. По-
верь, многие наши колдуны пытались пересилить его и ни у
кого не получилось.

–Но почему она это сделала? – отвернувшись от Добро-
любова, едва слышно произнесла Златослава. – Что такого
ей могли сделать, что она так жестоко поступила?

–Уж прости Златослава, но я задам встречный вопрос, –

мужчина невесело хмыкнул и очень сурово потребовал ответа. – А что тебе такого ужасного сделали те люди, что ты лишила их удачи и готова была проклясть страшнее? Они не пробовали тебя убить, не пытали, не угрожали твоим близким. Ты просто побранилась с торговкой и тебя обокрал уличный оборванец, а ты за это чуть не привела к гибели всех жителей. Для чего ты это сделала?

Баба Яга нервно сглотнула, но ничего не ответила. Нечего ей было отвечать. Ведь правда действовала она не оправданно, на эмоциях. Ведь могла послать склочную бабу лесом, плюнуть в неё, в конце концов, но предпочла прибегнуть к силе, пусть и не вполне осознанно. Да, себе можно и признаться – хотела ведь их проучить, очень хотела и понимала, к чему может это привести. Одно дело ответить оскорблением на оскорбление, но совсем другое обрушить на противника силу, которой противопоставить нечто соразмерное он не сможет. Это как воин доставший меч, против мальчика с рогаткой. Не честно.

–Вы, правда, не смогли с них моё проклятье снять? – едва слышно прошептала Златка, в глубине души обмирая и боясь услышать «да».

–Смог, – снова усмехнулся Добролюбов и таким довольным шепотом, как мальчишка, сотворивший какую-то каверзу, сообщил Яге, – но деревенским не обязательно знать правду.

–Учитель! – возмущённо воскликнула Златослава, взви-

лась и сверзилась бы со спины коня, благо мужчина держал крепко и не дал ей упасть.

—Уже пятнадцать лет как учитель, — насмешливо заметил колдун, а затем, посерьезнев задумчиво произнёс. — А теперь вернёмся к вопросу, почему Прямислава прокляла деревню. Ты, Златослава, наверное, даже смогла бы узнать причину, побудившую прежнюю Ягу это сделать. В Избушке-на-Курьих-Ножках хранится Летопись, старинная колдовская книга, где жизнь каждой Ёжки расписана практически по дням. Летопись почти разумная, она сама решает, какие события в неё войду, и возможно там можно будет найти нужные ответы.

—А почему вы эти ответы не нашли? Вы же наверняка искали, когда пытались снять проклятье, — теперь уже хмурилась Златослава, нервно покусывая губы.

—Потому что Летопись эту могут прочитать только Яги, для других книга будет пуста, — как маленькому ребёнку пояснил ей мужчина.

—Понятно, — пробурчала девушка и, прикусив губу, огляделась.

Оказывается, пока они беседу беседовали, Карповка осталась далеко позади, а впереди уже маячила знакомая вырубка и не менее знакомая мужская фигура виднелась между деревьев. Самое же интересное заключалось в том, что учитель Святозар направил своего жеребца именно в сторону нервно вытаптывающего снег Хмурича.

– Учитель, а вы ничего не хотите мне объяснить? – вкрадчиво задала ему вопрос Баба Яга, дивясь и откуда столько наглости у неё взялось.

– Например, откуда я знаю, что именно тебя ждёт вон тот леший? – не совестясь, засмеялся он.

– Ну, вообще-то именно это я от вас и хотела услышать, – Злату пробрало непонятное раздражение, вызванное догадливостью учителя.

– Мне знаком свисток, которым ты дала Хмуричу знак, чтобы он тебя встречал, – всё ещё потешаясь над растерянной девушкой, заявил колдун. – Мне слишком хорошо знаком этот лешак, и скажу тебе по секрету, он тоже меня хорошо знает.

– Ну, вы..., – начала было возмущённо Златослава, но тут же замолкла, устыдившись.

– Что я? – с каким-то детским любопытством в голосе поинтересовался мужчина.

– Ничего, – буркнула себе под нос девушка, решив, а не обидеться ли ей.

– Не дуйся, – примирительно попросил Святозар, – я не хотел тебя обидеть, просто иногда ты не замечаешь очевидных вещей и не знаешь общедоступных истин, что немного забавляет...

– Ах, забавляет?! – возмущённо выкрикнула разъярённая Баба Яга и попыталась вырваться из кольца сильных рук.

Будь на месте Добролюбова кто-нибудь другой эта попыт-

ка Злате возможно и удалась, закончившись очень плачевно, ибо в тот момент жеребец колдуна петлял по той части вырубки, где ещё не выкорчевали или не до конца выкорчевали пни. Большие пни с острыми щепами, торчащие во все стороны корни, а кое-где и суковатые брёвна – это не то место, где было бы безопасно спешиваться даже вполне обычным способом. Царевне ещё повезло в том, что вёз её не просто мужчина, а боевой колдун, конь, которого был вышколен не обращать внимания на любые даже самые неожиданные и пугающие звуки, что в условии битвы было просто жизненно необходимо. Да, и у самого колдуна была прекрасная выучка, и к неожиданностям, даже таким вот нелепым, он был готов.

Мужчина невозмутимо удерживал брыкающуюся и ругающуюся в полголоса Ёжку, что по какой-то непонятной причине злило ту ещё сильнее. Златка пыхтела, с усилием пытаюсь расцепить сомкнувшиеся в замок на её талии мужские пальцы. Не получилось, словно стальные прутья согнуть пытаешься. Тогда царевна обозлилась окончательно.

Ага, сидит такой спокойный и держит. Забавляется, наверное. Смеётся над ней, скорее всего. От этих мыслей в душе девушки зрела обида наполоам с желанием доказать, что она не такая уж и недалёкая, какой себе представляет её учитель. Она ему ещё докажет! Он больше не будет над ней потешаться!

С этими воинственными мыслями Златослава на мгнове-

ние затихла, прекратив вырываться, и сделала то, что даже Святозар от неё не ожидал. Яга не стала больше пытаться расцепить руки мужчины, она просто сделала резкое движение, пытаясь соскользнуть с седла вниз. Колдун едва успел вовремя втянуть глупую Ёжку обратно в седло перед собой и даже встряхнул для прояснения мыслей.

– Никогда так больше не делай! – с расстановкой чётко и холодно произнёс мужчина. – Поняла?

Златка нервно дёрнулась и посмотрела вниз, осознав, что ещё чуть-чуть, и она могла «соскользнуть» вниз прямо на здоровенную острую щепу в локоть высотой, словно пика, торчащую из пня. Не держи её Святозар, Яга бы сильно поранилась приземлившись. Ой, дура!

– Поняла?! – с нажимом произнёс Добролюбов и снова встряхнул девушку. – Не слышу?

– Да, – пискнула испуганная Ёжка и низко опустила голову, устыдившись своей глупости. Как маленькая капризная девчонка себя повела!

Вдруг мужские руки приподняли Злату и осторожно повернув, посадили вполоборота к учителю. Щёки девушки вмиг вспыхнули смущённым румянцем, когда почти перед носом оказалась застёжка плаща со знаком гильдии. Похоже, её сейчас будут отчитывать. Златослава тяжело вздохнула, опустила голову ниже и приготовилась молча выслушать все те нелесные для неё слова, которые наверняка вертелись на языке колдуна, после её глупой выходки. И ведь он и повода

особого не подал для столь бурных истерик.

–Злата, посмотри на меня, – уже спокойным голосом попросил учитель.

Девушка поспешно покачала головой, обозначая отказ. Да, как ей после этого в глаза ему смотреть?

–Почему? – наверное, Яге показалось, но в голосе мужчины слышалось огорчение.

–Мне стыдно, – пришлось нехотя признаться Златке.

Тихий хмык, больше похожий на полужадушенный смешок, вырвался из груди мужчины. Пару мгновений длилось молчание, и вдруг длинные сильные пальцы очень осторожно приподняли лицо Ёжки за подбородок, заставляя взглянуть в серые глаза. В этих глазах, как с радостью отметила Златослава, не было ни насмешки, ни злости, ни даже лёгкого раздражения, там отражалась только добрая улыбка с толикой удовлетворения.

–Я рад, что ты понимаешь, насколько неправильно ты поступила и признаешь это. Первые признаки взросления на лицо, – мягко произнёс колдун и поучительно добавил. – Тебе пора взрослеть, Златослава. Детство кончилось. И раз уж ты стала, – тут он на секунду замолк, словно обдумывая, что сказать и почти сразу же продолжил, – Бабой Ягой, необходимо учиться ответственности. Ты должна осознавать и оценивать последствия своих действий, Злата. Тебе это ясно?

–Угу, – кивнула Яга, что было достаточно затруднительно, ведь её подбородок удерживали его пальцы, и поспешила

повиниться. – Простите меня, учитель! Я повела себя просто отвратительно.

– Умница, что осознаешь это, – искренне и так заразительно улыбнулся мужчина, что не ответить на его улыбку было невозможно, а затем, выпустив её подбородок, шутливо щёлкнул девушку по кончику носа пальцем.

Златка непроизвольно фыркнула и наморщила нос. Так делали в детстве её братья, когда любопытная младшая сестрёнка влезала в их «мужские» разговоры. На братьев она обычно в такие моменты обижалась. Обидеться на Святозара Добролюбова за такую вольность отчего-то не получалось.

– Вот мы и приехали, – возвестил неожиданно колдун, глядя поверх головы Ёжки и уже обращаясь, по-видимому, к Хмуричу произнёс. – Здравствуй, друг! Сдаю с рук на руки. Береги её!

– И тебе здравствуй! – послышался чуть насмешливый голос лешего. – Поберегу, не беспокойся.

– Пора прощаться, Златослава, – снова посмотрев на девушку, произнёс мужчина и помог спрыгнуть той на снег. – Я должен ехать дальше.

Баба Яга посмотрела на учителя, глянула на ярко красное закатное солнышко, коснувшееся краем горизонта, прикинула в уме время. Почему-то она была совершенно уверена, что в Карповку, устраиваться на ночлег, мужчина не вернётся, а до другой ближайшей деревушки даже на лошади ехать придётся до утра. Это они с Хмуричем пешком через

лесные буреломы путь срезали порядочно, а колдуну верхом двигаться придётся по дороге и сделать большой крюк.

– Да, куда же вы, на ночь глядя поедете? – Златка только что руками не всплеснула от нахлынувшего негодования. – Может, в Избушке переночуете? Место есть...

Вот тут Златка поняла, что именно и кому всё это сказала. Покраснела. Побледнела и уже была готова понести какой-то несуразный лепет, но мужчина вовремя заговорил.

– Спасибо за предложение, но я действительно тороплюсь! – сказал он без тени улыбки и спокойно добавил. – А если приглашение останется в силе, то на обратном пути я загляну. Давненько я не был в Избушке.

– Да, конечно, – запинаясь, согласно закивала Ёжка.

– Вот и договорились, – подытожил учитель Святозар. – Ну, до встречи!

– До встречи! – подал голос до того момента молчащий Хмурич.

– До встречи! – эхом повторила Златка, наблюдая, как колдун заворачивает коня и направляет его в сторону тракта.

Глава 4. Чёрный ворон, что ж ты вьёшься...

Златослава следила за удаляющимся всадником до того момента, пока ей на плечо не опустилась тяжёлая ладонь лешего. Девушка вздрогнула и обернулась, встретившись взглядом с карими глазами Хмурича.

– Пойдём, Злата! Там Ивушка, наверное, соскучилась, да и Марфа с Терентием заждались, – мягко проговорил хозяин

леса, осторожно потянув её за собой.

–Ивушка? – растеряно переспросила Ёжка и последний раз глянула на едущего верхом по тракту колдуна.

–Да, – подтвердил мужчина, уже настойчиво тяня Ягу за собою вслед. – Весь день ребёнок без тебя....

–Ивушка! Доченька! – неожиданно встрепенулась Баба Яга, словно кто-то сбросил с неё оцепенение. – Что же мы стоим? Пошли быстрее!

Теперь уже Злата потянула Хмурича вглубь леса, совершенно забыв, что сквозь этот бурьян не она сама шла, леший её провожал. Рвения Ёжки хватило на двадцать шагов. Дальше она в растерянности остановилась возле двух громадных поваленных крест на крест сосновых стволов. За спиной раздался едва слышный смешок хозяина леса, и мужчина вдруг одним неуловимым для глаз движением скользнул вперёд, увлекая девушку за собой. Он поднырнул под мохнатую сосновую лапу, и оказалось, что за ней есть вполне большой лаз, в который без труда протиснулся и широкоплечий мужчина, и уж тем более невысокая девушка.

Дальнейший путь слился для Златки в сплошную сероватую линию. Солнце уже село за горизонт и лес погрузился в сумерки, лишая возможности разглядеть окружающую обстановку. У Хмурича же с этим проблем не было, он целеустремленно вёл Ягу в сторону Избушки, не давая той замедлить шаг. Ведь остановишься и сразу усталость почувствуешь, идти труднее станет. А Златослава, как уже отметил для

себя леший, и так вымотана. Ей бы теперь быстрее вернуться в родную Избушку, поесть и спать лечь, чтобы силы восстановить, а уж завтра можно и о делах поговорить. Мужчине было, что сообщить Бабе Яге, только вот она была не в том состоянии, чтобы слушать внимательно и сделать правильные выводы.

Когда наконец-то впереди стал виден свет из окон Избушки, а Хмурич чуть сбавил шаг, Ёжка почувствовала, как сильно умаялась. Ноги едва держали Злату, в голове звенело, и единственным желанием было упасть и уснуть. Последние три десятка шагов дались царевне особенно трудно. Тело просто взбунтовалось, отказываясь передвигаться и настаивая на том, что снег тоже вполне удобен для отдыха. Пришлось идти через «не могу».

Леший, задумчиво наблюдавший за борьбой Златки с собственными непослушными конечностями, решил, что неожиданно открывшееся знание о человеке, чуть не лишившим Иву жизни, лучше поведать Бабе Яге на свежую голову, то есть завтра утром. Поймав в очередной раз споткнувшуюся о корень Златославу, мужчина только уверился в своём решении. Доведя Ягусю до крыльца и сославшись на кучу не переделанных лесных дел, Хмурич поспешил откланяться, прежде предупредив девушку:

–Утром завтра жди меня в гости! Потолковать надо. Ну, Ёжка, доброй ночи!

–И тебе доброй! – отозвалась сонная Златка, прикрывая

ладошкой очередной зевок.

Не успела она и глазом моргнуть, как леший буквально растворился в редком подлеске. Ещё раз зевнув, на этот раз открыто и с наслаждением, ведь стесняться больше было некого, Злата поднялась по ступеням и вошла в родную Избушку. В сенях теплился огарочек свечи, зажжённый заботливой Марфой. Перед дверью в кухню Баба Яга остановилась и прислушалась. По ту сторону двери текла неспешная тихая беседа, перемежающаяся Василисиными вескими «агу» и тихой колыбельной. На душе у Ёжки сразу стало так спокойно и радостно, забылись все неприятности дня, и захотелось обнять не только своих домочадцев, но и весь белый свет.

Задув свечу, царевна осторожно открыла дверь и скользнула в тепло кухоньки. Сидевшие за столом, Терентий и Марфа обернулись на тихий скрип половиц. Домовушка тут же расплылась в доброй улыбке, пушистый подхалим Ренька прыгнул с лавки и как простой кот принялся тереться о ноги девушки.

– Как у вас тут дела были? – тихонечко спросила Златка, нагнувшись и принявшись чесать фамильяра за ухом.

– Мурррр! Дела неплохо! – утробно урча, сообщил жмурящийся кот и, плюхнувшись на спину, подставил белое круглое пузико. – Мы ели и спали. Спали и ели. И даже немного поиграли. Мурррр! Сейчас вот засыпаем.

– Молодцы! – похвалила Баба Яга и, напоследок почесав

кошачье брюшко, поднялась и направилась к Марфе.

Ещё собираясь в Карповку, Златослава уложила маленькую Василису в корзинку, чтобы домовушке было проще приглядывать за ребёнком, кормить его и при необходимости переодеть. Несмотря на свой крошечный рост, Марфа пока ещё могла самостоятельно справиться с младенчиком, к тому же ей была подвластна и всякая бытовая волошба, так что особого труда приглядывать за малюткой ей не составляло.

По пути девушка стянула тулупчик. Сапожки и мешок с покупками она оставила ещё в сенях, а теперь разматывала платок. Разобравшись, наконец, с верхней одеждой Яга осторожно положила её на лавку и на цыпочках подкралась к корзине.

Василиса уже сладко спала, засунув пальцы в рот, и скорее всего уже видела десятый сон. Злата полюбовалась чуток своей малышкой и поняла, что ещё немного и её саму сморит сон, прямо здесь, в кухне. Подавив зевок, Ёжка нашла-таки в себе силы оторвать взгляд от ребёнка, по которому успела ужасно соскучиться и направилась в спальню. Переоделась, умылась, расстелила постель и вернулась за малышкой.

– Хозяюшка, может, отужинаешь? – осторожно обратилась к девушке Марфа. – Умаялась, поди, проголодалась.

– Ага, весь день не жрамши, – вторил ей Терентий, – так и отощать не долго.

– Спать хочу, есть не хочу, – подмигнув коту и домовушке,

сообщила Златка, аккуратно взяла в руки корзину и направилась с ней в спальню. – Всем спокойной ночи!

–Доброй ночи, хозяйюшка! – пожелала Марфа и тихо добавила. – Если что – на столе пирожки с капусточкой и молочко тёпленькое.

–Ох, Златка, поела бы ты, – едва слышно хмыкнул фамильяр. – Мужики же не собаки, на кости не кидаются.

Услышав слова Терентия, царевна только усмехнулась. В спальне Ёжка взяла Василису из корзинки на руки и, стараясь не разбудить, уложила на кровать, сама прилегла рядом, привычно положив между ребёнком и собой большую подушку. Заснула Златослава быстро, и снились ей серебристые очи учителя Святозара.

Утро у Бабы Яги как обычно началось рано. На рассвете проснулась довольная и бодрая Василиса, заворочалась, захныкала, требуя внимания матери. Златка проснулась тут же, не поднимая головы, открыла глаза и улыбнулась малютке Иве, чья светловолосая головка с насупленной как у котёнка мордашкой виднелась поверх лежащей между ними подушкой. Укоризненный взгляд больших синих глаз виделся Яге не долго, девочка быстро устала держать голову так высоко. Схватив за уголок и кинув подушку за спину, девушка подползла ближе к уже перевернувшемуся на спину ребёнку и чмокнула в нос. Дочка наморщила носишко и чихнула, а потом цепко ухватила пальчиками прядь волос Златки, выбившуюся из косы, сжала в кулачок, повертела туда-сюда и

дальше без каких-либо сомнений потянула в рот.

–Э-э-э, нет, милая! Мамины волосы жевать не надо, – разжав пальчики и вынув собственный локон, произнесла Ёжка.

–У-у-у! – громко озвучила свои претензии Василиса и, строго сдвинув брови, глянула на мать.

–Держи лучше это, – царевна вручила крохе погремушку взамен своих волос и поспешила подняться с постели.

Время от времени поглядывая на ребёнка увлékшегося погремушкой, Златослава умылась, оделась и переплела косу. Когда она закончила и уже собиралась позвать Терентия, чтобы присмотрел за ребёнком пока она сходит на кухню за молоком, фамильяр вошёл в спальню сам.

Рыжий кот вальяжно прошёлся до центра комнаты, уселся на пол и принялся с независимым видом умыть лапой усатую морду. Златка хихикнула, наблюдая за Ренькой. Старательно намывая лапой нос, кот так и не смог утереть оставшуюся после завтрака сметану на подбородке, склеившую пушистый мех в сосульки.

–Рень, я очень надеюсь, что сметану ты без спроса Марфы не брал, а то боюсь даже представить, что она тебе в отместку учинит, – тихонько сказала Баба Яга, перекидывая за плечо косу.

–Обижа-а-аешь! – хитро прищурившись, протянул кот и тут лихо стёр лапкой сметанные капельки на подбородке. – Марфа мне сама наложила, и блинчиков с мя-а-аском тоже. Ох, Ягуся, и как только мы без Марфушки жили? – на этом

месте кот горестно взвыл и упал пластом на пол, изображая видимо как именно они жили до того момента, как в Избушке появилась домовушка. – Голодненькие, холодненькие, не приласка-а-аные...

–Терентий, не перегибай палку! – царица строго погрозила пальцем фамильяру, больше всего в тот момент напоминавшего ярмарочного скомороха, только шапки с бубенцами не хватало.

–Злая ты, Златка! – завёл свою любимую песню кот и, быстро приняв сидячее положение и обвив передние лапы хвостом, уже обыденным тоном добавил. – Кстати, молоко для маленькой готово. Иди, забирай, а я за ней пока пригляжу.

Девушка проследила за тем, как Реня легко пробежав несколько шагов, лихо запрыгнул на постель. Василиса, увидев любимого пушистого няня, восторженно взвизгнула и радостно потрясла погремушкой. Кот насмешливо фыркнул, демонстративно помял лапами одеяло и после этого улёгся напротив ребёнка.

Златослава к этому моменту уже вошла на кухню, где деловито хозяйничала домовушка, пожелала ей доброго утра, получила молоко и направилась кормить дочку. Вернувшись в спальню, ей предстала забавная картина.

Василиса самозабвенно пыталась поймать мелькавший вблизи кончик кошачьего хвоста. Фамильяру приходилось быть крайне осторожным, чтобы его драгоценный хвост не

попал в крохотные цепкие пальчики. Со стороны могло показаться, что ребёнок просто пытается дёрнуть кота за хвост. На самом же деле это была ещё одна любимая игра малышки Ивы. Терентию впрочем, тоже нравилось так дурачиться, если судить по лукаво блестящим зелёным глазам.

–Всё! Хорошего понемножку, – возвестила Злата и, присев на край постели, непреклонно добавила. – Пора завтракать, маленькая.

После того как девочка подкрепилась, её стало клонить в сон. Движения Ивушки стали вялыми, а глазки так и норовили закрыть. Яга перенесла дочку в колыбель и принялась тихонько ей напевать:

Баю-баюшки-баю, колыбельную пою
Для малютки, я для дочки,
Что не спит в такую ночьку.

Спи, малышка, засыпай!
Раньше солнца не вставай!
Сны чудесные смотри!
Всем на радость ты расти!

Баю-баюшки-баю, колыбельную спою
Про чудные жарки страны,
Про моря и океаны.

Я спою про стольный град
Со дворцом во сто палат,
Чудо-юдо там живёт,
Сласти деткам раздает.

Баю-баюшки-баю, колыбельную пою.
Глазки ты скорей закрой,
Маме дай своей покой!

Отдохнуть нам нынче нужно,
Ну, а завтра будем дружно
Вместе мы с тобой играть,
А теперь пора нам спать!

Баю-баюшки-баю, колыбельную пою
Для малютки, я для дочки,
Что б спала спокойно ночью.

Старая колыбельная, которую маленькой царевне пела мать, не раз выручала Злату в нелёгком деле успокоения и убаюкивания ребёнка. Правда слова песни девушка помнила смутно и, поэтому в каких-то местах приходилось их сочинить самой, так что поручиться за точность спетой колыбельной Ёжка не могла. Впрочем, и такая песенка ей нравилась, а главное она нравилась Василисе.

–Хозяюшка! – сквозь задумчивую полудрёму услышала

она голос Марфы. – Хозяюшка, кушать идите! Лялечка наша заснула, а вам подкрепиться нужно. Вы же так вчера и не поели.

– Да, – пробормотала Баба Яга, стряхивая с себя оцепенение и проследовав за домовушкой в кухню напрямик к накрытому столу.

После появления в Избушке-на-Курьих-Ножках Марфы завтраки, обеды и ужины превратились в самый настоящий праздник живота. Домовушка умудрялась наготовить разнообразных и очень вкусных яств ровно столько, сколько могут за раз съесть худенькая девушка, особо прожорливый кот, а время от времени и не особо прожорливый, но всё же имеющий хороший аппетит леший. Златка только дивилась этому умению, а Терентий умилялся и в моменты высшего благолепия называл домовую «кормилицей» или «душенькой». Марфа грозила подхалиму кухонным полотенцем, а Ёжка смеялась, ловя себя на мысли, что теперь Избушка стала не просто убежищем, а уютным, родным и по-настоящему любимым домом.

И сейчас наблюдала за очередной «отрепетированной» за многие дни сценой, а именно как Реня, заискивающе заглядывая в глаза Марфе, клянчит ещё блюдечко сливок, а она с напускным возмущением страшит кота попеременно то скалкой, то веником, то полотенцем, а в особом запале даже ухватом. Царевна смотрела, слушала и думала о своём. О том, что уже скоро должен появиться отец. О том, что нужно

сесть и написать письма матушке и братьям. Что необходимо снова взяться за изучение колдовских книг и найти ту самую Летопись, о которой говорил учитель Святозар.

Баба Яга так задумалась над делами насущными, что не сразу заметила, что за окошком Избушки велась оживлённая беседа, порой переходившая на повышенные тона. Один из двух голосов был девушке знаком и принадлежал лешему. Второй хриплый, отрывистый и раскатисто произносящий букву «р», узнать не получалось.

– Хорошо, добуду, – услышала Златослава слова Хмурича.

– И потроха, – потребовал нагловатый голос.

– Ладно, – сквозь зубы выдавил леший. – Что ещё?

– Мяса с кровью, – ответил ему всё тот же голос, потом на мгновение задумался и выдал. – Два!

– Чего два? – задал вопрос мужчина, судя по интонации едва сдерживая раздражение.

– Два куска, – пояснили ему и принялись дальше перечислять, – сердце тоже два и печёнку свежую..., – снова поразмыслил и добавил, – и потроха. Много!

– Слушай, может тебе ещё и почки с селезёнкой на золотом блюде притащить?! – вызверился леший.

– Твои? – педантично уточнил его оппонент.

– Мор, не нарывайся! – перешёл на зловещее шипение мужчина.

– Хорошо, – почти покладисто отозвался тот и убил лешего «наповал» следующим заявлением, – об остальном потом

договоримся, но потроха вперёд!

– Моррр! – возмущенно взревел Хмурич.

– Двести двадцать четыре года Мор, – язвительно произнёс голос и вредно добавил, – и что?

– Я убью тебя, курица неоципанная! – взвыл лешак и громко выматерился.

– Угрожаешь? – весело уточнил его нахальный собеседник и ехидно припечатал. – Тогда ещё кроличью тушку сверху и десять полёвок!

Снаружи повисла напряжённая тишина, и пока она длилась, Златослава успела выйти из-за стола, покинуть кухню, миновать сени и остановиться на крыльце Избушки. Взору её открылось занятное зрелище. Хмурич стоял напротив невысокой ёлочки и злым взглядом следил за тем, как крупный угольно-чёрный ворон, сидя на мохнатой еловой ветке, самозабвенно чистит перья хвоста. И с кем же тогда леший вёл такой оживлённый разговор? Где же его собеседник?

– Доброго утречка! – осторожно окликнула Ёжка друга и тихонько уточнила. – А с кем ты так громко ругался?

– А Златка, здравствуй! – леший отвёл взгляд от ворона, потёр кончиками пальцев переносицу и, ткнув пальцем в птицу ничуть не сомневаясь, заявил. – Вот с ним ругался. Бесстыжий тип, никакого сладу с ним нет!

– С вороном? – удивлённо переспросила девушка, косясь на невозмутимо сидящего на ветке пернатого.

– Да, – тяжело вздохнув, подтвердил мужчина, не обратив

внимания на явное сомнение в глазах Бабы Яги. – Вымогатель какой-то! Сколько раз я зарекался с ним дело иметь и вот...

–Что вот? – осторожно уточнила Златослава, всё ещё поглядывая на ворона одним глазом.

–Вот опять пришлось обращаться к этому комку перьев за услугой, – со вздохом пояснил леший и, строго глянув на птицу, произнёс. – Мор, кончай строить из себя глухаря и будь добр озвучь окончательные требования.

–Ка-а-ар! – веско и раскатисто выдал ворон и, сверкнув лукавым жёлтым глазом в сторону девушки, снова повторил. – Ка-а-арrrrr!

–Мор! – прикрикнул на него Хмурич и демонстративно сжал и разжал кулаки.

–Я тебе, кажется, говорил уже сегодня, что я дести двадцать четыре года Мор, – хрипловато хихикнув, выдал ворон, наконец, и, оглядев Злату, строго спросил. – Яга?

–Она самая, – подтвердила царевна, с прищуром глядя на говорившего человеческим языком ворона.

–Рад знакомству, мамзель! – склонив голову на бок и прижав лапку к груди, проникновенно произнёс Мор.

–Хмурич, это он меня сейчас как назвал? – проскрипела в негодовании Ёжка, примеряясь, чем бы таким тяжёлым запустить в наглую птицу.

–Не обращай внимания! – леший махнул в сторону ворона рукой и поспешил, объяснит злящейся Златке. – Мор лет сто

назад жил у колдуна заморского и нахватался у него всякой чепухи.

– Ладно, допустим, – хмуро процедила девушка и, поежившись от холода скомандовала. – В Избушку оба, чай не цветень на пороге, стоять морозно!

С этими словами Златослава развернулась и поспешила вернуться в тёплую кухню, там сидя за столом, она и дожидалась чудную парочку. Послышались шаги в сенях, без скрипа отворилась дверь, и внутрь вошёл Хмурич, на плече которого с важным видом восседал ворон. Леший молча прошёл к столу, присел на лавку и, ссадив птицу на подоконник, нервно пригладил растрёпанные волосы, решая с чего начать разговор.

– В общем, тут дело такое..., короче, вот этот пернатый гад видел того человека, – наконец вымолвил лешак, снова запуская пятерню в волосы на этот раз растрепав всё то, что до этого старательно приглаживал. – Он даже за ним проследил, но подробности рассказывать отказался.

– Даже так, – хмыкнула Баба Яга, неожиданно растянув губы в плотоядной усмешке. – И что даже мне не расскажет?

– Мамзель, а с чего это я вам такие ценные знания должен выдавать? – ничуть не смутился Мор, переступив с лапы на лапу. – Спасибом сыт не будешь!

– Действительно не будешь, – подтвердила Златка, сменив усмешку на почти настоящую понимающую улыбку.

Ворон смерил Ягу подозрительным взглядом и нахохлился.

ся. Девушка же добродушно улыбнулась, а в мыслях её уже выстроился план по добыче сведений. Несколько жестокий план, но, тем не менее, царевна была уверена, что он точно подействует в отличие от торга и уговоров со стороны Хмурича. В данный момент, Яге было глубоко безразлична нравственная сторона, единственное, что было важно это знание о человеке пытавшемся убить её дочь.

Ёжка обернулась, нашла взглядом тихонько возящуюся у печи домовушку. Чуть повернула голову и заметила так вовремя притаившегося возле двери в спальню Терентия, который то следил за колыбелькой со спящей Василисой, а то поглядывал на гостей. Девушка незаметно подмигнула верному фамильяру и делано беспечно обратилась Марфе:

–Марфушка, будь добра, пригляди за малюткой! И Реню попроси к нам присоединиться. Ах, да! Ещё дверку в спальню прикрой, а то вдруг ребёнка разбудим.

–Как скажешь, хозяйюшка, – кивнула домовушка, споро поставила в загнетку большой ковшик с травяным отваром и поспешила к Иве.

–Спасибо! – поблагодарила её Златослава, когда Марфа деловито проходила мимо нее, вытирая руки о белоснежный передник, и снова обратила свой взор на ворона. – Ну, так что любезный Мор, не соблаговолите ли вы изречь интересные меня подробности?

–Потроха вперёд! – невозмутимо выдвинул свои требования ворон.

–Вы получите свои потроха, любезный, только после того, как поведаете мне всё, что видели и знаете о том таинственном мужчине, – внесла свои коррективы Баба Яга.

Препираясь с птицей, девушка отметила про себя, что Марфа в спальню уже вошла и дверь за собою закрыла. Терентий же напротив незаметно проскользнул в кухню и в данный момент полз по направлению к обеденному столу, прижимаясь к стене и сверкая задором в зелёных глазищах. Фамильяр, знавший подопечную с пелёнок, угадал ход Златкиных мыслей и старался ничем не выдать своего присутствия, пока царица не подаст знак.

–Ну-ну! – расхохотался пернатый и, склонив голову на бок, внимательно оглядел Злату. – Чтобы я Яге на слово поверил? Не бывать этому! Вы Ёжки народ ветреный, сейчас одного обещаете, потом другое, а как до дела дойдёт, обманете бедную голодную птичку, и поминай, как звали. Так что потроха вперёд!

–То есть вы предлагаете мне заплатить за сведения, которые возможно мне не пригодятся? – вкрадчиво поинтересовалась Яга, постукивая пальчиком по столу.

–А вот это уже ваши проблемы, мамзель, – спокойно сообщил ворон и, в который раз за это утро, повторил своё требование. – Потроха вперёд и я весь ваш!

–Потроха вперёд, значит? – плотоядно улыбнулась девушка став похожей на ту самую Бабу Ягу, которой пугают маленьких непослушных детей. – Весь мой будешь, да?

–Я жду, мамзель, – напомнил Мор и демонстративно ца-
рапнул коготками подоконник, на котором сидел.

–Ну, потроха, так потроха, – делано печально вздохнув,
произнесла Злата и обратилась к коту уже сидевшему под
столом у её ног. – Ренечка, золотко моё, ты слышал? Наш
гость требует потроха, а у нас как не прискорбно это под-
тверждать, потрохов то и нет. Хотя... Реня, как ты думаешь,
а эту милую птичку устроят её собственные потроха?

–Не знаю как птичку, а меня птичкины потроха точно
устроят, – донёсся замогильный голос из-под стола.

Миг и на столе уже сидит крупный рыжий кот. Сидит и де-
монстративно облизывает нос, давая оценить белоснежные
клыки. Вот тут-то Мор и поперхнулся своей невозмутимо-
стью, застыл, боясь пошевелиться, и бочком попробовал ото-
двинуться подальше от фамильяра, поближе к лешему. Цеп-
кий взгляд зелёных глаз неотрывно проследил за птичьими
потугами. Ворон дёрнулся и с укоризной глянул на Злато-
славу.

–Мамазель, это знаете ли бесчестно с вашей стороны, –
осторожно попенял Мор царевне.

–Да?! – делано удивилась девушка и, добавив голосу том-
ности, произнесла. – Ох, мы же Ёжки такие ветреные! Вот
ещё пару минут назад мне хотелось выяснить, что вам из-
вестно, а сейчас уже не хочу. Ёжки, такие Ёжки, знаете ли!
Да, и фамильяр мой голоден, как видите.

–Давно я свеженького мяса с кровушкой не едал, – зло-

веще хохотнул кот и звучно облизнулся.

–Эй-эй-эй! Я совсем не свежий! Я ядовитый и жилистый! Мне вообще больше двухсот лет! Я почти реликтовая птица, меня есть нельзя! – растеряв все остатки своей наглости, за-верещал ворон, и метнулся было к двери, ведущей к сням.

–Мясо, ты куда?! – протяжно завопил Терентий и кинулся наперерез птице.

Поймав вопящего ворона в полёте, кот свалился на пол вместе с ним и проворно прижал птичью тушку лапами. Мор притих, как замороженный глядя в кошачьи глаза. Фамильяр для пущей убедительности оскалил клыки, примеряясь к шейке ворона. Птица выдала полупридушенное «каррр» и обмякла в кошачьих лапах, изображая мертвую.

–Я надеюсь хоть не обгадится для пущего эффекту, – с сомнением в голосе произнёс Терентий не выпуская добычу.

–Я тоже надеюсь, – со вздохом подтвердила слова кота Златослава, поднялась из-за стола и присела на корточки рядом с фамильяром. – Не хотелось бы Марфу утруждать.

Ворон приоткрыл один глаз, глянул на Ягу и вновь его закрыл. Больше Мор не двигался и почти не дышал, видимо в надежде, что лежачего не тронут, а мертвым побрезгуют. Терентий насмешливо фыркнул.

–Ну что, птичка, говорить будешь или как? – мягко поинтересовался он и с задумчивым видом вымолвил. – Я конечно ворон не люблю, у них мясо с душком, но ради моей Ягуси готов рискнуть собственным желудком. Так что, птичка, на-

до мне рисковать или не надо? Учти, я долго ждать не буду.

– Скажу я, – буркнул едва слышно Мор и открыл глаза. – Скажу! Только отпустите.

– Э-э-э, нет, пернатый, – покачал головой фамильяр, украдкой глянув на хранившую молчание Бабу Ягу. – Тебе веры нет. Расскажешь – отпущу. Будешь молчать – мне придётся давиться вороньим мясом.

Со стороны стола донёлся смешок Хмурича, который всё это время сидел, не двигаясь, и молча наблюдал за разворачивающимся действием. Златослава обернулась на миг, улыбнулась широко и одними губами произнесла: «Не порть представление». Напоследок девушка заговорщицки подмигнула лешему и снова обратила свой взор на ворона. Оказалось, что ворон в свою очередь смотрел на неё пронзительным укоряющим взглядом. Яга насмешливо фыркнула и напонила:

– Ну!? Мы ждём.

– И точим когти, – подтвердил Терентий, чуть выпустив эти самые когти, давая почувствовать Морю их остроту, и тут же их спрятав.

– Хорррошо, – выдал пернатый и, замолкнув на мгновение, уточнил. – Что именно вы хотите знать?

– Всё! – коротко, но ёмко ответил кот и звучно облизнулся.

– Хорошо, – повторил Мор и тут же без каких-либо предисловий принялся излагать последовательность событий. – В день большой грозы я прятался от дождя в дупле дерева,

росшего на самой опушке, и уже почти задремал, когда яркая вспышка чуть не лишила меня зрения. Мне стало любопытно. Я выбрался наружу, как раз вовремя, когда высоченный детина, закутанный в плащ прошагал в сторону реки. Я ещё было подумал, что за ненормальный человечиска потащился в такую погоду к реке. Топиться, что ли собрался...

– Мор, давай без этих твоих ненужных подробностей! – нахмурившись, произнёс леший.

– Говорю, как есть. А ты лучше не перебивай! С мыслей сбиваешь, – грозно выдал ворон и нахохлился.

Златка не удержалась и хихикнула. Уж больно забавно выглядела взъерошенная чёрная птица, лежавшая на полу и придавленная кошачьими лапами, но всё равно умудряющаяся огрызаться.

– Итак, на чём я остановился? – задумчиво спросил сам себя Мор и сразу ответил. – Ах, да! Думаю, топиться этот тип собрался, а это ведь хорошо, такой мордоворот, когда всплывёт, меня долго кормить будет.

После этих слов Терентий поморщился и гадливо передёрнул лапками, но птицу не отпустил. Ёжка позеленела. А Хмурич предупреждающе цыкнул на ворона.

– Ну, вот я и полетел следом, не мог же я упустить такую удачу, – Мор сделал вид, что выразительно показанный кулак лешего предназначался не ему. – От человека разило свежей кровью и волошбой, а ещё я слышал, как под его плащом тихонько кто-то хнычет. Понял, что ребёнок. Странно

всё как-то стало, но следить я не раздумал. Летел следом. У самой реки человек остановился, огляделся и решительно подошёл к самому краю обрыва, есть там в одном месте небольшой такой, вытащил из-под плаща ребёнка и бросил в воду. Ребёнок мне был не интересен. Детьми я не питаюсь, а вот то, что от человека кровью пахло, мне понравилось, и я дальше за ним следовать решил. Назад до опушки он шёл быстро, хоть и хромал. Вошёл в лес и тут же колдовать принялся, проход пробивать...

–Чего пробивать? – недоуменно переспросила Баба Яга, оглядывая собравшихся в ожидании ответа.

–Ох, Златка, пороли тебя в детстве мало, – припечатал Терентий, в негодовании закатывая глаза. – Ты, что совсем, что ли на занятиях ничего не слушала? О Ванечке, о своём мечтала, да?

–Реня! – возмущённо прикрикнула на него царевна и виновато вздохнула, в чём-то признавая правоту кота.

–Что Реня? Что Реня?! – продолжал негодовать фамильяр. – Бестолочь, ты, Злата! Проход – это такое колдовство сильное, которое позволяет, сделав один шаг, перенестись из одного царства в другое. Не знала, да?

–Реня-я-я! – на этот раз угрожающе протянула царевна, нехорошо сузив глаза.

–Слушать дальше будете или ещё поругаетесь? – спокойно поинтересовался Мор.

–Да! – дружно ответили и Златослава, и Терентий, и даже

Хмурич.

–Тогда слушайте и молчите! – прикрикнул ворон и продолжил свой сказ. – Пробыл он значится проход и чего-то замешкался, а на меня вдруг дурь какая-то нашла. Ну, вот я и рванул как ошпаренный в этот проход. Сияние меня ослепило немного, а когда проморгался гляжу, вокруг стены бревенчатые, с высоким потолком, а под потолком балка. Я к этой балке и ринулся, уселся на неё и уже оттуда осматриваться начал. Очутился я, оказывается в каком-то большом сенном сарае. Везде копна лежат, травой пахнет, а сквозь траву кровяной душок пробивается. Уже был готов сорваться с балки, чтобы сарай облететь, как тут колдун в проход шагнул и за собою его закрыл. Тут я затаился и стал за ним наблюдать. Он меня то ли не заметил, то ли не счёл нужным внимания обращать потому-то и не таился, прошёл в дальний угол, наклонился и вытащил из-за стога молодуху в окровавленной рубахе. Девка и на ногах-то сама стояла с трудом, да только он с ней не церемонился, толкнул вперёд. Она два шага сделала и упала, а он колдовать опять начал. Молодуха чуть привстала и голосочком слабеньким спросила, где, мол, её дитя. Станный у неё говор был, вроде наш, вроде не наш. Смысл вроде понятен, а говорить всё одно чудно.

–Как она выглядела? – тихо спросила Яга, перебив Мора.

–Молодуха? – переспросил ворон и, дождавшись утвердительного кивка, ответил. – Обычная девка, ладная конечно,

да и рубаха на ней хоть и грязная была, но дорогая, чудно пошитая. Волос светлый, чисто ковыль цветущий. Глаза зелёные. Красивая девка, в общем, явно не из простых холопов, да и не деревенская точно.

—Что дальше было? — Злата поторопила с рассказом вороны, уже начиная догадываться из каких далей занесло того колдуна.

—Колдун ей ничего не ответил, проход создал и к молодой направился, — продолжил Мор покладисто. — Хотел снова её за руку схватить, и видимо в проход швырнуть, да только девка вдруг сама на ноги вскочила, кинулась к нему, за грудки схватила и как давай трясти. Кричать начала: «Что ты ирод с деточкой моей сделал? Где доченька моя?». С колдуна капюшон-то и упал, а под ним башка лысая, разрисованная вся какой-то краской, уши аки лопухи торчат. Прямо не колдун, а вупырь какой-то страшнющий. Ох, и разозлился он на девку, по лицу её саданул, и в проход кинул и сам туда же шагнул. Я маленько погодил, дождался, когда он назад вернётся. Вернулся он один и с ножа кровь оттирал. Тут я думаю, пора и мне честь знать. Юркнул я в дыру в крыше и прочь оттуда полетел, оглянулся только раз и заметил, как сарай полыхает. Видно колдун следы заметал и поджёг его поэтому. Долетел я до ближайшего леса, огляделся места незнакомые, да теплынь стоит, будто летом и понял, что в Светорецкое царство угодил. Самому мне там бывать до того дня не приходилось, слышал только, что в царстве этом

зимы такой как у нас не бывает и лето дольше длится. Короче, подкормился я там и решил на родину возвращаться. Почитай шесть седмиц лететь пришлось, чуть от натуги не помер. Вот и весь сказ... А теперь давайте отпускайте меня! Вся спина отнялась уже.

–Рень, отпусти! – попросила Златослава, поднялась, присела на лавку и задумчиво уставилась пустым взором в стену.

–Чего это с ней? – озадачено поинтересовался ворон выпущенный Терентием на свободу.

Кот молчал, внимательно вглядываясь в лицо своей подопечной. Искорки задора в кошачьих глазах сменились на озабоченный острый блеск. После рассказа Мора у фамильяра уже появились кое-какие соображения на счёт личности настоящих родителей Ивы, к сожалению, пока эти догадки больше пугали, чем успокаивали.

–Я сейчас, – вдруг произнесла Златка, поднялась и, растеряно оглядев присутствующих, пояснила. – К ребёнку схожу и вернусь.

Хмурич молча кивнул, устраиваясь на лавке удобнее и вытягивая под столом ноги во всю длину. Мордочка Терентия приобрела задумчиво-хмурое выражение, но и он промолчал. Ворон смерив опасливым взглядом сначала Ягу, а потом кота резко вспорхнул и уселся на шкаф, разумно решив, что там его достать будет труднее.

Медленно повернувшись, царевна сделала два неуверенных шага. Остановилась. Сжала руки в кулаки и, притоп-

нув ножкой, решительно направилась в спальню. Отворила дверь, вошла в комнату и закрыла её за собой.

–Хозяюшка, что-то случилось? – с тревогой в голосе спросила Марфа, приглядывающая за спящим ребёнком и одновременно умудрявшаяся кружить по спальне наводя порядок.

–Нет, – девушка заставила себя беспечно улыбнуться домовушке, – всё хорошо. С чего ты взял, что что-то случилось?

–Глазки у тебя, хозяйюшка, уж больно встревоженные и грустные, вот я и подумала..., – маленькая женщина не договорив смущённо замолкла.

–Тебе показалось, – всё ещё удерживая на лице улыбку, произнесла Златослава и попросила. – Мурфушка, накорми гостей, пожалуйста. И ворону печенки, что ли дай. У нас вроде была, да?

–Была, – охотно подтвердила домовая, продолжая пытли-во вглядываться в лицо Ёжки. – Нужно ли ещё чего?

–Нет, ступай, – покачала головой она, продолжая стоять в центре комнаты.

Марфа уже давно ушла, а Златка всё ещё боялась подойти и заглянуть в колыбель. Какой-то неправильный страх поселился в душе Бабы Яги, когда после рассказа ворона её озарила страшная догадка. Ей казалось, что стоит ей взглянуть на дочку, как её лицо изменится, принимая чужие черты, которые Злата так боялась угадать.

Самый первый шаг дался с трудом. Златослава и боялась, и одновременно злилась на себя за эту трусость. Вот бы кто отругал, назвал глупой и сказал, что она чепуху себе всякую напридумывала! Только кто это сделает? С кем поделиться страшным озарением?

– Дура! – обругала себя Ёжка.

Голос прозвучал слабо и жалко, как мышинный писк. Это, наверное, и подогрело злость на саму себя, а уже злость дала толчок следующим действиям.

Пять стремительных шагов до колыбели. Вдох-выдох. Зажмуриться и снова сделать глубокий вдох. Открыть глаза и посмотреть на дочь.

Малышка спит, то губами во сне причмокивает, то вытягивает их смешно. Носишко курносенький, крохотный такой сопит тихонько. Пальчики в кулачки сжимает. То хмурится во сне, то улыбается. И... нет, не похожа она на него! Не похожа, и всё тут! Ведь не похожа?

Разве можно в ребёнке, которому едва исполнилось четыре месяца угадать черты родителей? Если оба родителя были знакомы, то возможно. А если только отец? Златка не видит этого сходства. Во всяком случае, сейчас не видит.

У него было очень красивое лицо. Впрочем, и сейчас есть, насколько ей известно. Очень красивое, кукольное даже. Мягкий овал. У мужчины и вдруг мягкий – неправильно как-то. Теперь царевна понимала, что это неправильно, а тогда млела и замирала, восторгаясь его неземной красотой.

Волосы светлые, золотятся чуть-чуть, а кончики почти прозрачные. Брови тёмные, дугой изогнутые, а под бровями глаза большие зеленовато-серые, а ресницы короткие, чёрные и густые. Тонкий нос, прямой и какой-то слишком уж идеальный. Пухлые губы, бледные, бескровные будто. Округлый подбородок с ямочкой.

Златослава передёрнула плечами, прогоняя видение этого некогда любимого лица. Теперь оно вызывало только неприязнь и взявшееся откуда-то чувство гадливости. Собственные чувства на миг озадачили девушку. Разве может любовь, пускай даже такая предавшая и «обиженная» переродиться в отвращение? Как видно может.

Прикусив губу, Баба Яга собралась было позвать Терентия, чтобы присмотрел за малышкой, пока та спит, но Василиска уже проснулась. Девочка открыла глазёнки, широко улыбнулась матери и весело агукнула, пуская пузыри.

–Что-то ты быстро выспалась, родная, – улыбнулась в ответ Ёжка и взяла на руки укутанное в одеяло тельце. – Пойдём, поприветствуем наших гостей!

Бережно удерживая малютку на руках, Злата вернулась в кухню, где Марфа закармливала всех присутствующих сытными мясными пирожками. Когда девушка появилась на пороге, Мор, увлечённо копающийся в тарелке с сырыми кусочками мяса и одним пирожком с выклеванной начинкой, окинул внимательным взглядом Ягу и ребёнка и прищурил бусины глаз. Царевна совершенно пренебрегла этот взгляд

и, усевшись подле Хмурича на лавку, устроила дочку на сгибе левой руки, правой же потянулась к кружке с травяным взваром.

– Это ведь тот ребёнок, да? – наконец произнёс ворон, переминаясь с лапы на лапу в нетерпении услышать ответ.

– О чём это ты? – делано удивлённо переспросила Злата, дела глоток, а про себя молясь Матушке-Земле, чтобы ни Реня, ни Хмурич не выдали её.

– Это тот ребёнок, которого в реку бросили? – перефразировал Мор, не отступившись от задуманного.

– Любезный Мор, окститесь! Как может быть моя дочка тем ребёнком, которого по вашим словам бросили в реку? Вы хотите сказать, что я умею воскрешать мёртвых? – Яга позволила себе лёгкую удивлённую улыбку, в душе же готова была пойти на крайние меры, если ворон попытается настаивать на своём.

– Да, мёртвых воскрешать ни одна Ёжка не умеет, – задумчиво выдала чёрная птица и, недоверчиво глянув на безмятежное лицо девушки, спросил ворчливо. – Тогда какое вам, мамзель, вообще дело до того колдунишки лысого и вообще всей этой истории?

– Не люблю, когда на моих землях всякие непотребства вершатся, – пожав плечами, безмятежно отозвалась Злата. – Тем более теми, которым в границах Белояжского царства показываться запрещено, не то, что волошбу творить.

– Чем же вупырь этот перед царём провинился? – тут же

полюбопытствовал ворон, пытливо разглядывая Ягу.

– Угрожать посмел, – сквозь зубы процедила та, вспоминая последний день в отцовском тереме, и смерив птицу предупреждающим взглядом вымолвила. – Более этого знать тебе нет нужды.

– Упаси, Отец-Небо! Я птица маленькая, к чему мне чужие тайны!? – запальчиво воскликнул Мор и принялся с удвоенным энтузиазмом копать в кусочках сырой печёнки.

На это Златка только хмыкнула и приподняла ребёнка, придерживая её на плече. Любопытная малышка завертела головенкой, но быстро устала и прижалась пушистой макушкой к материнской щеке и принялась увлечённо мусолить кулачок. Баба Яга поглаживала дочку по спинке, а сама размышляла над услышанным от ворона рассказом.

С одной стороны всё получалось довольно складно. Бывший жених, никогда не отличавшийся целомудрием, весело развлёкся с какой-то девицей, та поняла, что ждёт от него ребёнка, и пришла с требованием жениться на ней. Царевич Иван хоть и был ещё тем блудодеем, но дураком отнюдь не был. Скорее всего, узнав о том, что девка на сносях, он решил поскорее избавиться от неё, дабы о таком сраме никто не прознал. Иван, как и его батюшка, царь Евстей, всё ещё питали надежду, что она Златослава разыщет и бросится к гулящему женишку в жаркие объятия с криком: «Женись на мне!». Представив на секунду такую исход событий, девушка нервно хихикнула и невольно поёжилась от омерзения.

Итак, на чём она остановилась? Ах, да! Иван решил избавиться от девчонки и не рождённого ребёнка, но... Вот тут-то и начинало всплывать множество вопросов, на которых ответов у Ёжки пока не находилось.

Вот, например, почему ребёнку позволили родиться, а уже потом решили убить? Допустим, мать малышки нужна была живой и потому ей дали разрешиться от бремени, а после собирались убить ребёнка. Но ведь потом и девушку, судя по словам Мора убили. Непонятно.

Или другое. Ворон сказал, что девушка бы явно не из простых холопок, а это значит, что скрыть своё деликатное положение от окружающих она не смогла бы, родные заметили и дознались бы любыми путями, кто обрюхатил их чадушко. Чего доброго и от ребёнка избавились бы. Отваром ведьмовским напоили, она бы ребёнка сама скинула, прежде чем живот расти начал, и никто бы не догадался. Но нет же! Девчонка умудрилась сохранить и родить ребёнка. Как?

И, в конце концов, почему «чёрную» работу по устранению матери и ребёнка возложили на плечи царского колдуна Велимира, наставника Ивана? Лысый колдун слишком приметен для такого дела и его не спутаешь ни с кем. На самом деле проще было бы нанять за звонкие золотые каких-нибудь проходимцев, а вот уже после того как эти самые проходимцы устранят девку и младенца, колдун мог через какое-то время отследить и убить их, чтобы так сказать быть уверенным в сохранности тайны. Но и тут всё шло не так.

Слишком мало подробностей. Слишком мало. Вот если бы Златка видела всё это сама, своими собственными глазами, может и смогла подметить что-то такое, что не заметил ворон. Если бы она там оказалась, видела... Видела?

–Ох, голова дырявая! – в сердцах воскликнула Златослава, хлопнув себя по лбу свободной рукой.

–Злата, ты чего? – осторожно окликнул девушку до того момента увлечённо жевавший пирожки леший.

–Я? – царевна обернулась на голос Хмурича, одновременно принявшись успокаивать захныкавшего ребёнка.

–Ты, – подтвердил мужчина, а Ренька оторвавшийся от очередной миски сливок только кивнул усатой мордой.

–Вспомнилось, – уклончиво начала Яга, но встретившись с внимательным взглядом Мора, с преувеличенным энтузиазмом продолжила, – что в колдовстве потренироваться хотела, но вот незадача – мне перо нужно. Мор не поделишься?

–Вот ещё! Сдурела, что ли? – возмутился ворон, с неодобрением косясь на девушку и, бочком-бочком отскакивая от неё подальше.

–Тебе что, жако что ли? – надула губки Ёжка и уложила на коленях притихшего ребёнка. – У тебя в хвосте вон, сколько миленьких перышек...

–В хвосте?! – если бы позволяла глотка Мор, наверное, взвизгнул бы в негодовании. – На поругание не дам!

–Жадина! – обижено припечатала девушка и украдкой проследила за белым кончиком кошачьего хвоста, метнув-

шимся позади ворона.

Терентий понял желание подопечной Ягуси без слов. Кот подкрался к ворону со спины, незаметно придавил лапой несколько длинных перьев хвоста и, придвинув мордочку к голове птицы, вкрадчиво произнёс:

– Мясо, а делиться всё-таки придётся!

От неожиданности ворон резко дёрнулся, оставив под кошачьей лапой пару перьев, и с громким «кар-р-р!» взвился к потолку. Терентий, Златослава, Хмурич и даже малышка Василиса проводили полёт Мора заинтересованными взглядами, ожидая, что же будет дальше.

– Варвары! Изверги! Убийцы! – верещал ворон, мечась под потолком из угла в угол. – Чудовища! Выпустите меня! Выпустите!

– Любезный Мор, прекратите истерику! – мягко попросила его Яга.

– Ведьма! – выругался пернатый, усевшись, наконец, на шкафу и зыряка злым взглядом на царвену.

– Баба Яга, – терпеливо поправила его Златка и, улыбнувшись, проговорила. – Давайте жить дружно, а? Я вам утраченные перья возьму печёнкой. Как вам такой уговор?

– Мои перья? Печёнкой?! – возмущённо возопил Мор и вдруг совершенно другим, деловитым голосом добавил. – Я согласен.

– Рада, – коротко ответила Ёжка и поинтересовалась. – Вы хотите получить печёнку сейчас?

–Нет, – немного подумав, выдал пернатый и, что-то прикинув в уме, выдал. – Я буду прилетать каждый день за печёнкой...

–В течение седмицы, – поспешно закончила за него царевна.

–Месяца, – не согласился ворон.

–Двух седмиц, – пошла на уступку та.

–Два месяца, – нахально прищурился Мор.

–Любезный, не нарывайтесь! – предупредила его Баба Яга и непререкаемо произнесла. – Две седмицы – это моё последнее предложение. Будете наглеть, не получите и этого.

–Две седмицы, так две седмицы, – совсем по-человечески печально вздохнул ворон и, взъерошив перья, потребовал. – Двери откройте! У меня дела ещё есть, а я тут с вами время теряю.

–Нахал! – восхищённо произнёс Терентий, оторвавшись от священного занятия – неспешного вылизывания передней лапы.

–И я этим горжусь! – припечатал Мор и повторил. – Двери откройте!

–Откроешь? – обратилась Злата к Хмуричу.

Леший в ответ только кивнул, дожевывая пирожок, и поднялся с лавки. Мужчина пересёк кухню и открыл дверь в сени. Дождавшись пока ворон, вылетит, вышел в сени сам, затворив за спиной дверь. Что Мор уже улетел восвояси, девушка поняла, услышав тихий хлопок закрывшейся двери.

Спусти мгновение в кухню вернулся леший.

– Ну, Ёжка, сказывай всё! – присаживаясь на ранее облюбованную лавку, потребовал хозяин леса. – Я так понимаю, что ты уже смекнула, кто папка с мамкой Ивушки.

– Я не могу с уверенностью сказать, кто мать, – вздохнув, признала царевна и тихонько добавила, – а отец её, похоже, царевич Иван Светорецкий.

– Вот оно как, – задумчиво потёр подбородок леший и, нахмутив кустистые брови, спросил. – Чего же он тогда от неё избавиться решил? В батюшкиной казне денег не хватило, чтобы ребёнка прокормить?

– Не знаю, – пожала плечами Златослава и с недоброй улыбкой добавила, – но рано или поздно я до правды доберусь. Помяни моё слово!

На это ей Хмурич ничего не сказал, только смерил Ёжку задумчивым взглядом и кивнул, мол, верю, доберёшься, дознаешься. Терентий тоже искоса поглядывал на свою Ягусю зелёным прищуренным глазом и тихонечко вздыхал. Мудрый старый фамильяр был убеждён, что есть такие знания, которые не принесут должного успокоения, а только накалят страсти великие и как бы до беды не довели. Только разве переубедишь эту самоуверенную и рассерженную Ёжку? Нет, не убедишь. Теперь пока всё не разузнает, не успокоится. Ему же, Терентию, как верному фамильяру придётся проследить, чтобы Златка совсем уже в плохую историю не вляпалась. Ему, увы, только приглядывать, и остаётся, пото-

му как остановить упрямую Бабу Ягу, Реньке не под силу.

–Замуж тебя, Златка, надо отдать, – задумчиво выдал кот, запрыгивая на подоконник.

–Ой, ну тебя, Ренька, со своим замужеством! – отмахнулась Злата от кошачьих слов.

–Не с моим, упаси Мать-Земля! – с притворным возмущением отозвался фамилляр. – Я сейчас про твоё замужество говорю, вредная ты Ёжка. Мужа тебе надо! Мужа! Чтобы стукнул по столу и запретил всякие дурости творить...

–Мысль здравая, – согласился с котом леший.

Два изучающих взгляда осмотрели насупленную Ёжку с головы до пят, будто оценивая пригодность этой самой Ёжки к замужеству. И кот, и леший одновременно кивнули, подтверждая годность Бабы Яги в качестве чьей-то предположительной супруги, за что были одарены сердитым взглядом и выразительно показанным кукишем.

–Ну и дура! – припечатал Терентий и, демонстративно отвернувшись, принялся изучать разбушевавшуюся за окном метель.

Златослава на это замечание промолчала и тихонечко напевая, принялась развлекать завозившуюся на руках Василису. Она так увлеклась, что не заметила, как ушёл Хмурич, поблагодарив Марфу за пирожки, подмигнув Терентию и попрощавшись со всеми. Девушка не обратила внимания и на то, как ловко домовушка убрала со стола остатки завтрака и принялась снова хозяйничать у печи. Она даже проглядела

тот момент, как фамильяр соскочив с подоконника, вальяжно прошёлся по кухне и шмыгнул на улицу в услужливо открытую колдовством домовушки дверь. Ёжка была очень занята. Она с шутками и прибаутками кормила свою дочь тёплым молоком.

Глава 5. Что лежит на чердаке.

С момента знакомства с Мором минула целая седмица, которую Златослава провела в оживлённом изучении колдовских книг своих предшественниц, выискивая заклятия годные для её непростого плана. Ёжке втемяшилось в голову увидеть случившееся глазами ворона и отступить она от своего желания не собиралась. Злата была убеждена, что среди великого множества всяческой полезной волошбы обязательно найдётся то, что ей необходимо. Вот только день проходил за днём и так незаметно пролетела целая седмица, а Ёжка так и не нашла необходимое, хотя отметила для себя несколько полезных заклятий, в которых было бы неплохо потренироваться на досуге.

—Опять зелье от несварения! – на седьмой день воскликнула возмущённая Яга, захлопывая толстенный талмуд и убирая его от себя подальше. – Уже третья дюжина рецептов зелья от этого недуга пошла!

—А что? Пользительная вещь, между прочим, – меланхолично заметил Терентий и, широко зевнув, произнёс. – Ешь себе и ешь, а животик всё терпит. Благодать же!

—Тебе лишь бы пожрать! – уличила его царевна, потеряв

кончиками пальцев уставшие глаза. – Вот лучше скажи, где мне ещё поискать, а? Я ведь уже все колдовские книги перерыла.

–Все?! – насмешливо фыркнул кот и, устроившись на покрывале компактным клубком, как бы ненароком заметил. – У тебя на чердаке целая библиотека хранится, а то, что ты тут нашла, всего лишь мелочёвка житейская, а не колдовские книги.

–И чего ты раньше молчал? – недобро прищурившись, поинтересовалась Златка.

–Ты не спрашивала, – фыркнул в ответ фамильяр и притворился спящим, а может и вправду заснул.

–Ох, и Ёжкин же ты кот! – возмутилась девушка, резко поднявшись на ноги.

–Так я и не отрицаю, – громко зевну, отозвался Ренька и, потянувшись, поскрёб когтями покрывало.

Тут даже говорить больше не о чем было, поэтому Баба Яга просто повернулась спиной к коту и невозмутимо направилась в сени, откуда по шаткой лесенке и попала на чердак. Чердак встретил царевну сумраком, который едва разгонял свет небольшой свечи, прихваченной из кухни. Хотя здесь и имелись несколько окон, но света от них было немного. Окна так сильно заросли пылью, грязью и паутиной, что и без того скудный свет зимнего солнца, пробивающийся через них, едва ли давал разглядеть хотя бы приблизительные очертания предметов.

Златослава в нерешительности остановилась у самого входа и оглядела просторное помещение с высоким стрельчатым сводом крыши, приподняла повыше свечу и оглядела то пространство, которое было ею освещено. Первый и он же последний раз, когда царица посетила чердак, когда потребовалось найти люльку для Василисы, но тогда она нашлась у самого входа, и лезть дальше не было необходимости. Сейчас всё было иначе.

Разглядеть удалось только то, что располагалось на расстоянии пяти-шести шагов, но что бы оценить масштаб поисков хватило и этого. Повсюду располагались большие сундуки и ящики, на которых находились сундуки и ящики поменьше, поверх которых в свою очередь возлежали свёртки промасленной кожи и вошеной бумаги. На поперечных балках под крышей были подвешены целые грозди маленьких кожаных мешочков с неизвестным содержимым, веники из незнакомых трав то тут, то там тихонечко шелестели под лёгким сквозняком.

Ёжка ещё раз обвела взглядом всё вокруг, оценив простор для поисков и взгрустнула. Она-то глупая полагала, что в два счёта найдёт подходящее заклятье и наконец, сможет точно вызнать, правда ли Иван приходится отцом малютке Василисе или нет. Увы, но, похоже, искать ей заклинание придётся до самой весны и то, если начинать прямо сейчас, не мешкая.

–Ну-с, приступим! – с преувеличенной бодростью объявила Златка сама себе и направилась к ближайшему сунду-

ку.

Три часа спустя Терентий начавший беспокоиться за свою непутёвую Ягусю, нашёл ту сидящей на пыльном полу чердака и самозабвенно перебирающую целую кучу разнообразных оберегов. Баба Яга вынимала их один за другим, придирчиво осматривала со всех сторон, а потом сличала оригинал с рисунком, сделанным в громадном талмуде, лежащем у неё на коленях. Послед того, как оберег бывал опознан, Златка откладывала его в одну из четырёх кучек поменьше, явно сортируя их по каким-то только ей известным признакам.

–Злата, а ты чего делаешь, а? – осторожно поинтересовался фамильяр, внимательно оглядывая пыльную Ёжку.

–Да, вот наткнулась на ящик с оберегами и увлеклась, – чуть-чуть не попад ответила девушка, внимательно разглядывая очередную страницу. – Представляешь, здесь столько всего есть: и от сглаза, и от порчи, и от дурного слова, и против злого умысла, и для удачи... ой, короче во всех случаях жизни подмога. В книге даже об обереге от Тёмных Богов написано, только мне его пока найти не удалось. Словом, тут настоящее сокровище запрятано. Если вдруг вздумаю продать, озолочусь, как вор на стольной ярмарке.

–Ох, Златка, у тебя и сравнения! – хохотнул кот и уже серьёзнее добавил. – Бери свою книгу и вниз пошли. Там Марфушка уже обед приготовила, стынет всё.

–Рень, я не голодная, – попыталась отказаться Яга, но замолкла под суровым взглядом фамильяра.

–Угу, не голодная она, – фыркнул возмущённо Терентий. – Одни глаза вон остались, да косища, а остальное за хватом притаится, и не заметишь. Что я батюшке твоему скажу, когда он к нам в гости приедет, а? Что за дитячком его плохо слежу?

Отвечать Яга не стала. Молчала закрыла книгу, предварительно заложив нужную страницу соломинкой, поднялась на ноги и, изогнув бровь, выжидающе уставилась на кота. Фамильяр опять фыркнул, на этот раз насмешливо, и, вздёрнув трубой пушистый хвост, принялся осторожно спускаться по ступеням. Златослава направилась за ним вслед.

Быстро пообедав и потом, чуть дольше поиграв с проснувшимся ребёнком, царевна поспешила обратно на чердак. Осмотр добра накопленного Ёжками за множество поколений продолжился с удвоенным рвением и длился не один день. Златка поймала себя на том, что в ней вспыхнул небывалый задор и жажда до новых знаний, которых, как очень громко и ехидно заметил Терентий, девушка раньше по отношению к учебе не проявляла. Яга поначалу обижалась на кота, но позже поняла, что Ренька всё же прав и сердиться на него бессмысленно, истину ведь говорит. Словом Баба Яга пришла к выводу, что держать обиду на фамильяра глупо, лучше привлечь того в качестве помощника и советчика. Терентий, прежде бывший фамильяром бабки Златославы, княжны с Ледяных Островов и к тому же очень сильной колдуньи, о волошбе знал не мало.

Теперь каждое утро, после плотного завтрака Златка и Реня поднимались на чердак, где проводили большую часть дня, проверяя содержимое сундуков, ящиков и свёртков. Первое время Яга порывалась всё изучить подробно, но мудрый фамилляр посоветовал подопечной не пороть горячку и для начала найти то, ради чего поиски собственно и затеялись. Грустно обведя взглядом очередную колдовскую книгу с интригующим названием «Вызов нечисти лесной, да водной и тварей волшебных», Ёжка покривилась, но признала правоту рыжего. Книжечку девушка в тот же день всё же припрятала в спальне, надеясь в скором времени изучить в подробностях.

На четвёртый день поисков весь чердак огласился громким победным воплем Бабы Яги. Да, что там чердак! Вся Избушка и ближайшие к ней окрестности стали свидетелями ликования молодой Ёжки.

–Ренечка, я нашла! – восторженно голосила Злата, приплясывая от радости и при этом, умудряясь держать в одной руке возмущённого фамильяра, а другой прижимать к груди большущий фолиант. – Нашла! Нашла!

–Златка,пусти! – просипел рыжий кот, упираясь всеми четырьмя лапами в Ёжку и пытаясь вырваться. – Пустипусти, кому говорю, девка чумная! Задушишь!

–Ой,прости! – повинилась она, отпуская Терентия на волю.

–Прости! – передразнил её кот, тяжело плюхаясь на пол и

принимаясь ожесточённо вылизывать примятую шерстку. – Все бока мне намяла, чуть жизни не лишила, а теперь прости?!

– Не ворчи, – примирительно проговорила Злата, теперь уже второй рукой прижимая колдовскую книгу к груди. – Пошли вниз скорее!

– Эй, Ягуся моя бестолковая, ты не забыла, кто у нас сейчас в гостях, а? – оторвавшись от прихорашивания своего любимого хвоста, мягко поинтересовался Реня.

– Мор и Хмурич, – покладисто ответила царевна и, тут же огорчённо прикусив губу, призналась. – Забыла, да.

– То-то же, – назидательно проговорил фамильяр и, лукаво прищурившись, спросил. – Ты же не хочешь поделиться своими подозрениями с этой не в меру любопытной, наглой, а главное чересчур болтливой птицей?

– Не хочу, – согласилась девушка и, растеряно озираясь, спросила. – И что делать? Ждать когда уйдут?

– Зачем? – делано удивился кот и предложил. – Забирайся-ка ты Ягуся вон на тот сундук и давай вместе смотреть, что ты нашла.

Златослава согласно кивнула и побрела к указанному котом сундуку, большому, добротному, сработанному из ладных дубовых досок. Сундук выглядел так, будто его только что доставили от мастера. Бока блестели покрытые толстым слоем лака, под которым на чёрном фоне, будто настоящие аллели рябиновые грозди и осенние листья. Углы сундука,

отделанные медными накладками, изображающими чудных птиц, выглядели так словно только что начищенные трудолюбивой рукой. На фоне остальных вещей этот сундук был чудо как хорош.

Присмотревшись своим колдовским зрением, Ёжка охнула и на мгновение забыла о всяких там заклятьях. Сундук был плотно оплетён нитями древней и очень сильной волошбы, как паук оплетает пойманную добычу. Что же скрыто внутри, что даже снаружи его так надёжно защитили?

–Рень, – тихонечко окликнула кота царевна, – скажи мне, пожалуйста, почему этот сундук я тут раньше не замечала?

–Потому что бестолковая и невнимательная ведьма мне в подопечные попалась, – насмешливо фыркнул рыжий и, устраиваясь на крышке сундука со всеми удобствами, припечатал, – ко всему прочему ещё и Яга недоученная.

–Реня, не нарывайся! – погрозила ему пальцем девушка и, присаживаясь рядом с фамильяром на край сундука, устало произнесла. – Ты можешь ответить без этого твоего вечного ехидства?

–Я и ответил, – совсем по-человечески закатил глаза кот. – Этот сундук стоял тут всё это время. Кто же тебе виноват, что ты только сейчас на его странность внимание обратила.

–Действительно, – нехотя согласилась Баба Яга и вздохнула. – Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

–Наконец-то хоть одна умная мысль, – не удержался от сарказма рыжий.

–Реня! – громко возмутилась Златка и для пущей убедительности хлопнула раскрытой ладонью по крышке.

В наступившей тишине слишком отчётливо прозвучал щелчок открывающегося замка. Крышка сундука под котом и Ёжкой чуть приподнялась, заставив обоих вскочить и спрятаться за ближайшее нагромождение вещей.

–Ой, мамочки! – испуганно пискнула Баба Яга, опасливо выглядывая из-за ящика. – Что это было?

–Ты каким-то образом умудрилась открыть сундук, – услужливо подсказал Терентий едва слышным шепотком.

–Это я и без тебя поняла, – таким же шепотом в ответ огрызнулась царица. – Что делать, лучше скажи!

–Была бы ты мужиком, я бы, наверное, сказал – снять портки и бегать! – нахально выдал кот, не повышая голоса. – Но раз уж ты девкой уродилась, скажу другое – иди и смотри, что там лежит!

–А ты что делать будешь?! – возмутилась Златослава, всё ещё прижимая к груди книгу.

–А я буду наблюдать, и давать ценные советы, – назидательно молвил фамильяр.

–А если я кого-то за шкуру да в сторону сундука брошу? – как бы невзначай произнесла девушка, выразительно глядя на кота.

–А если этот кто-то тебе все руки в целях защиты расца-

рапаает? – не остался в долгу он.

–Как только с тобой моя бабка уживалась?! – возмущённо прошипела Златка, осторожно выходя из-под прикрытия ящика.

–Может быть, когда-нибудь я тебе об этом поведаю, – донёсся ей в спину насмешливый голос рыжего.

–Надеюсь, что с таким безответственным фамильяром я до того момента вообще доживу, – обиженно пробурчала Бабка Ёжка и несмело двинулась к сундуку.

Большая крышка была чуть приоткрыта, образуя тёмную зловещую щель. Лаковые бока монстра теперь, как казалось Ягусе, даже поблёскивали с какой-то таинственностью и угрозой. Ёжка нервно сглотнула, и сделал ещё шаг. Потом ещё пару шажков. Странно, а ведь казалось, что сундук вот он, рядом. На самом же деле Злате пришлось сделать целых десять с половиной шагов, чтобы достичь его.

Почти касаясь носами домашних туфель расписанной рябиновыми гроздьями стенки, Златослава остановилась и, собравшись с духом и зажмурившись, резко откинула крышку, попутно умудрившись создать маленький колдовской шар-светлячок. Боязливо открыв глаза мгновением позже, Яга смеялась в голос, забыв о недавнем страхе. В нутре сундука лежали личные вещи одной из прежних Ёжек и видимо не только её.

Златка наклонилась, взяла в руки и принялась с недоумением и растущим удивлением рассматривать детскую руба-

шонку, вышитую знаками-оберегами от сглаза и разных хворей. Судя по выбранным цветам и прочим узорам вышивки, рубашка шилась для мальчика. Вот ещё одна рубаха, но побольше. Поясок плетёный. Два деревянных меча сделанные под детскую руку. Ещё две рубахи, но только на этот раз больше, явно рассчитанные на мальчиков подростков. Эти были столь же любовно вышиты и видимо предназначались для обряда посвящения в воины.

Под детской одеждой обнаружилась ещё одна рубаха, от вида которой по спине у впечатлительной Яги поползли крупные мурашки. Рубаха была сшита из плотного шерстяного полотна некогда небесно-синего цвета, теперь же почти всю её марали большие бурые пятна и ровные прорехи-порезы. «Кровь», – сообразила Златослава, касаясь кончиком пальцев длинного пореза, в том месте, где у человека носившего рубаху располагался левый бок. Нервно сглотнув, девушка сосчитала прорехи. Две дюжины! Похоже хозяин этой рубахи мёртв.

С трудом заставив себя поднять и переложить страшную находку, Баба Яга обнаружила другую не менее печальную. На дне сундука лежали два длинных свёртка промасленной кожи, осторожно перевязанные чёрными кожаными шнурками с причудливо завязанными узлами и нанизанными деревянными бусинами разных оттенков красного.

Однажды маленькая Златка видела такой, когда провожала вместе со всей семьёй в последний путь ладью с телом

младшего брата матушки. Дядя Свен погиб защищая от бандитов обоз, в котором ехала невеста Владимира. С княжичем прощались по традиции его народа. Тело погибшего в полном воинском облачении уложили в ладью, в руки был вложен меч, чья крестовина была плотно обмотана таким же вот чёрным кожаным шнурком с бусинами, а в ногах покоился круглый щит. Ладью пустили вниз по реке, чтобы полноводная Ледана унесла почившего воина к тому морю, из которого согласно древней легенде вышли прародители его народа.

Позже Юрий рассказал любопытной сестрёнке, что шнурок, повязанный на мече усопшего не просто вещь, а знак доблести воина. Сам шнур символ жизненного пути. Узлы, завязанные на нём разными способами – это память о сражениях и победах. Деревянные бусины – это убитые в честном бою враги.

Судя по количеству бусин и узелков, бывшие владельцы мечей были славными воинами, отмеченными множеством битв. Кем же они приходились Ёжке? Не уже ли это мечи сына и мужа Милаоки?

–Пускай и на том берегу гремит их слава! – тихо и как-то даже торжественно произнёс Терентий, уже умудрившийся забраться на ближайшее нагромождение ящиков и оттуда смотреть внутрь сундука.

–Пускай и на том берегу гремит их слава! – вслед за фамильяром девушка эхом повторила слова старинного проща-

ния с воинами, а потом едва слышно спросила. – Реня, ты же знаешь, как их звали?

– Венцеслав и Велимир, – отозвался кот и зачем-то добавил. – Они погибли в последней войне с западными лесными воителями и их колдунами. На смерть стояли у переправы через Ветлу, но от ворогов отбились, защитили землю свою, а лесные ещё долго раны от той нашей победы зализывать будут.

Молча кивнув, Златка положила поверх мечей рубаху и остальные вещи, так как они лежали прежде. Затем присела на край открытого сундука и задумалась, глядя в его нутро. Там осталось много интересных вещиц, которые девушка ещё не просмотрела, но после того как она нашла эти два меча, руки просто не поднимались и дальше рыться в чужом добре, пусть и давно умерших хозяев. Может быть, потом она снова заглянет сюда и с интересом изучит содержимое шкатулок и свёртков, но только не сейчас.

Девушка решительно поднялась, захлопнула крышку сундука и сев сверху, дотянулась и взяла с ближайшего ящика книгу. Вопросительно глянула на Терентия, забравшегося по ящикам чуть ли не под потолок. Дождалась, пока кот слезет и подсядет к ней, и только после этого уложила на плоскую крышку сундука книгу между собой и Ренькой, раскрыв её на оглавлении.

– Вот смотри! – Яга ткнула пальчиком в нужное место и прочла название главы. – «Зелья, думы людские являющие».

Мне кажется, что думы говорящего ворона они мне тоже помогут увидеть.

—Очень на это надеюсь, — признался кот, вглядываясь в аккуратно прорисованные букровки. — Открывай, главу!

Пролистав несколько десятков страниц, Златослава нашла нужную главу, и теперь они на пару с фамильяром принялись крайне внимательно изучать её содержимое. Первые две страницы им не помогли, ибо содержали простенькие зелья призванные улучшить память. Почти под каждым таким рецептом стояла приписка, выполненная другими чернилами, поясняющая, в каких случаях лучше использовать то или иное зелье.

Зелье с забавным названием «Зубрилка», должно было помочь в подготовке к экзаменам, оно помогало в короткий срок запомнить большой объём информации. Перечитывая рецепт Ёжка грустно вздохнула, на мгновение, представив, как было бы проще учиться в академии, если бы ей раньше был известен рецепт такого замечательного и бесспорно полезного зелья. Хотя и у него имелся, так сказать, побочный эффект. Зелье нельзя было применять дольше четырёх дней, и дозировка его была строго ограничена, иначе полученные знания забудутся быстрее, чем запоминались, да ещё и жуткую головную боль принесут в две седмицы длинной. Как говорится: всё хорошо, но в меру!

Ещё одно зелье привлекло внимание Бабы Яги. Зелье называлось «Былое время» и призвано было помочь тем, кто

шагнул «за порог» глубокой старости и начал терять память. Златка вспомнила старую ключницу Улиту Гордеевну, безмерно добрую старушку, которая уже давно жила в царском тереме на правах члена семьи. Когда-то матушка Улита, так называл её Ростислав Всеволодович, так стали называть её его дети, была кормилицей тогда ещё новорождённого царевича Ростислава, рано оставшегося без матери. Царица Аграфена умерла, когда отцу Златославы едва исполнился год, и Улита Гордеевна стала мальчику и кормилицей, и нянькой, почти заменив ему мать. Последние годы, как знала Злата, матушка Улита много хворала, да и память начала подводить старушку.

— Я это зелье сделать должна, во что бы то ни стало, — твёрдо заявила Яга, тыкая пальчиком в рецепт.

— Для Улиты? — деловито уточнил, догадливый фамильяр и, получив в ответ утвердительный кивок, посоветовал. — Я там, в оглавлении видел, что есть рецепты зелий, хвори старческие облегчающие, свари и их, с отцом передашь.

— Я так и хотела, — подтвердила Ёжка слова кота и снова уткнулась в изучение зелий.

Пролистав за ненадобностью ещё пяток страниц, девушка и кот наткнулись на чрезвычайно сложный рецепт зелья с таинственным названием «Видения памяти». Читали очень внимательно и вдумчиво. Прочли и приписку в конце, и радостный двухголосый вопль разнёсся по всему чердаку.

«Зелье сие совершенно особое, несравнимое ни с каким

другим. Правильно приготовленное, оно может показать то, что сокрыто в памяти любого живого существа. Увидеть всё это можно собственными глазами, во всех подробностях. Но следует помнить, что для точности видения необходимо указать временные рамки с помощью некоторых ингредиентов, иначе зелье «выберет» любое произвольное воспоминание. Если необходимое вам воспоминание связано с неким человеком или вещью, необходимо добавить частичку их в зелье в самом конце, после произнесённых слов заклęcia. Видение будет последовательно показывать воспоминания связанные с частицей того, что вы добавили в зелье после заклęcia. Для ускорения течения событий в видении, необходимо помешивать зелье в котле, пока воспоминание не сменится другим» – гласила приписка, сделанная зеленоватыми чернилами.

–То, что нужно, а Ягусь? – почему-то восторженным шепотом уточнил Терентий.

–Ага, – таким же шепотком отозвалась Баба Яга, рассеянно поглаживая страницу с рецептом. – Только зелье сложное очень, долго готовить придётся.

–Но он того стоит, – кот боднул руку своей Ёжки лобастой головой. – Мы сможем увидеть всё произошедшее глазами Мора и возможно, поймём больше чем этот наглый птиц.

–Возможно, – согласилась Златослава, закладывая книгу соломинкой и решительно её закрывая. – Не будем ничего загадывать, да?

–Ага, – хитро подмигнул фамильяр и уже нормальным голосом предложил. – Пошли обедать Ёжка, а то отошала со всем!

–Тебе бы только пожрать, – беззлобно попеняла коту Златка, поднялась и, засунув книгу подмышку, направилась к лестнице.

На верхней ступени царица обернулась, бросила прощальный взгляд на сундук и дала самой себе зарок, что скоро разберётся с его содержимым. Последний раз блики от светляков прошли по чёрным лакированным бокам и погасли, когда Злата развеяла колдовской свет. Вздохнув, девушка затолкала своё любопытство поглубже и поспешила догнать Терентия, уже переминающегося у закрытой двери на кухню.

Открыв дверь, Яга и кот замерли на пороге, любуясь дивным зрелищем. Марфа наперевес с любимым венником гонялась за верещащим вороном, крепко удерживающим в лапах простенький браслет из самоцветных камушков, который, как помнила Златка, ещё утром лежал у зеркала. С этим ярким, состоящим из крупных бусин, браслетом очень любила играть Василиса, которая в данный момент была прижата к могучему плечу Хмурича. Глядя на них у Златославы создалось впечатление, что этот балаган о двух участниках продолжается довольно долго, а малютка и леший являются внимательными зрителями. Хотя..., что бы понимала эта кроха в творившемся на кухне безобразии!

–Что тут происходит? – совершенно спокойно поинтересовалась царевна у лешака.

–Воздаяние за содеянное неудавшееся воровство, – туманно пояснил тот.

–И давно воздают? – полюбопытствовал уже кот.

–Почитай уже полчаса как, – осторожно пожал плечами Хмурич, устраивая малютку так, что бы ей было удобно смотреть за мечущимся по комнате вороном.

–Давно проснулась? – перевела разговор Яга.

–Второй час бодрствуем, – отозвался леший, погладив светлую макушку ребёнка. – Поесть успели, теперь вот представлением любуемся. Ей нравится.

В этот момент как раз произошла развязка событий. Разгневанная домовушка, умаявшаяся гоняться за вороватой птицей, размахнулась и швырнула веник в Мора. Что удивительно – она попала!

С громким «кар-р-р» получивший сильнейший удар ворон рухнул на пол, веник прижал его сверху, а браслет выпал из разжавшихся лапок и покатился по полу, замерев у самых ног царевны. Златослава вздохнула, наклонилась и подняла украшение. Мор под веником протяжно застонал. Терентий хмыкнул. Хмурич и Ива молча наблюдали за происходящим. И только Марфа грозно погрозила всё ещё постанывающему ворону маленьким, но крепким кулачком и хмуро заявила:

–Ещё раз попробуешь что-то уворовать, ощипаю как курицу!

–Я же только посмотреть хотел! – возмутился ворон, отчаянно шевеля крыльями и лапами в попытке выбраться из-под веника.

–Поговори мне ещё! – пригрозила домовушка, с лёгкостью подняла свой верный «боевой» веник и, обернувшись к Злате, проговорила. – Хозяюшка, ты за стол садись! Сейчас обедать будем.

Яга молча кивнула, прошла и уселась за стол рядом с лешим. Приняла с рук на руки завозившуюся и начавшую капризничать дочку. Оказавшись на руках у матери, Василиса затихла, принявшись внимательно разглядывать янтарные бусы на её шее.

–Мор, вот что у тебя за натура такая вороватая, а? – спокойно полюбопытствовала Ёжка. – Ведь не первый раз попадаешься, а всё равно пробуешь снова и снова что-нибудь стащить.

–А вдруг получится, – фыркнул освобождённый ворон, к тому времени уже переместившейся на полюбившийся шкаф.

–И зачем тебе, птице, нужны все эти безделушки? Я бы ещё поняла, если бы ты мясо воровал, или там другое какое съестное, – разглядывая Мора, недоумевала Баба Яга. – Но браслеты и бусы тебе зачем?

–Чтоб было, – не стал объяснять ворон и с независимым видом принялся чистить перья.

–Насоришь – прибыю! – пообещала Марфа, не глядя на

чёрную птицу, и принялась деловито расставлять тарелочки с едой.

На какое-то время в Избушке наступила тишина, нарушаемая стуком ложек, чашек и тарелок, фырчаньем и мурлыканьем кота и умильными вздохами домовушки. Мор всё это время молча восседал на своём насесте, не спеша покинуть Избушку. Свою порцию ворон уже употребил, но нахальный пернатый сидя в безопасном отдалении, хищно присматривался к расставленной на столе еде с явным намерением что-нибудь стащить. Единственное, что удерживало Мора от очередной попытки воровства – это плотоядный взгляд зелёных глаз фамильяра, который на первый взгляд усердно вылизывал блюдечко со сметаной и, кажется, больше не отвлекался ни на что. Только это действительно была лишь видимость. Стоило ворону шевельнуться, как внимательные кошачьи глаза с явным интересом отслеживали движение, а розовый язычок словно бы непроизвольно облизывал нос, выдавая явный гастрономический интерес рыжего. Ворон нервно переминался с лапы на лапу и, нахохлившись, продолжал посматривать на стол.

– Всё мне пора! – в какой-то момент ворону надоело играть в «гляделки» с Терентием и он, задержав хмурый взгляд на лешем, буркнул. – Дверь откройте!

Хмурич выругался сквозь зубы, но дверь пошёл открывать. Выпроводив нахальную птицу и вернувшись, лешак уселся на прежнее место. Какое-то время мужчина молчал,

а потом, не выдержав, заявил:

– Я, наверное, сам скоро этого гада пернатого прибую! Вот как ты его терпишь, а?

– С трудом, – нехотя призналась Златка и хмуро произнесла. – Но пока я не выясню, что видел Мор, его присутствие мне необходимо.

– Кстати, как проходят поиски? – сразу же любопытствовал леший.

– Мне, кажется, мы нашли рецепт нужного зелья, – отозвалась царица и, вздохнув, продолжила, – но рецепт очень сложный. Одни травы только месяц подбирать придётся. Там семена акации, к примеру, нужно строго в определённый день перемалывать в порошок, а чабреца отвар настаивать в течение седмицы. Ох, много там такого, что как представлю, аж зубы ныть начинают. И это при условии, что хотя бы часть из ингредиентов есть у меня здесь или на чердаке.

– Ну, ничего у вас Ёжек просто быть не может, – по-доброму усмехнулся Хмурич и предложил. – Если каких трав или других составляющих не найдёшь, ты мне говори. Помогу чем смогу.

– Спасибо! – улыбнулась Яга лешему.

– Да не за что пока, – хмыкнул тот в ответ и, поднявшись, засобиравшись уходить. – Пойду. Мне тоже уже пора и честь знать. До завтра, Ёжка!

– До завтра! – попрощалась с ним Златослава.

Когда дверь за спиной лешего закрылась, девушка пере-

вела всё своё внимание на маленькую Иву, которая всё это время, притихнув, рассматривала мамины бусы, совсем ни на что не отвлекаясь. Злата улыбнулась и подумала, что надо бы и малютке бусики справить, а лучше всего браслет из янтарных «зёрнышек». Вроде где-то в шкатулке лежала горсточка бусинок, которых как раз хватило бы на браслет для детской ручки. У самой Златки, как помнилось, тоже в детстве были свои украшения, которые батюшка заказывал золотых дел мастерам. Много их было. У Василисы тоже должны быть.

—О чём задумалась, Ягусь? — осторожно поинтересовался Терентий.

—Ивушке, браслетик надо сплести, — ответила Баба Яга, перемещая ребёнка на другую руку. — Негоже девочке без украшений.

—Так у неё одно уже есть, — напомнил царевне фамилляр.

—Ты о чём, Рень? — недоумевающе спросила она.

—О медальоне, который во время обряда удочерений появился, — уточнил кот, глядя на Ягу как на малое дитя. — Забыла, да?

—Ох, ты ж! Етишкин свет! И правда совсем из головы вылетело, — воскликнула Ёжка, на минутку даже восхитившись своей дырявой памяти.

—То-то и оно, — назидательно произнёс рыжий и задумчиво выдал. — Не простой он. Ох, не простой, помяни моё слово.

– Оно и понятно, что не простой, – насмешливо фыркнула Златка, поднимаясь из-за стола. – Такие дары обычными быть не могут.

– Вот бы и узнала, чем он необычен! – возмущённо фыркнул Терентий. – А то лежит безделушка уже сколько времени, и никому до неё дела нет. Вдруг она до жути какая полезительная, а ты и не ведаешь об этом, непутёвая!?

– Рень, вот тебе не надоело свою Ягусю обижать, а? – вопросительно изогнув тёмную бровь, спросила царевна.

– Ну, а кто тебе акромья верного фамильяра правду в глаза скажет? – вопросом на вопрос ответил кот и, бесстыже прищурившись, прижался к лавке готовясь к прыжку.

– И то верно, – прыснула Ёжка, ничуть не обидевшись. – Кто бы мне ещё по двадцать раз на день говорил, какая я бестолковая.

– Видишь! Я же верно говорю, – тут же отмер рыжий, выпрямился и самодовольно выпятил белую грудку.

Яга на это только рассмеялась и направилась в спальню. Малышка была ещё довольно бодра и требовала внимания, которое матушка по причине своей занятости уделяла не так много последнее время. Нехитрые развлечения затянулись почти до вечера. Утомившаяся играть с мамой Василиса, поев, тут же уснула, а Златослава поразмыслив немного, прошла и села перед зеркалом. Рука сама потянулась к шкатулке с украшениями, чтобы выудить из перемешавшейся массы медальон Ивы.

Пальцы вертели маленькую вещицу и так и эдак. Баба Яга рассматривала украшение со всех сторон, но ничего нового не смогла заметить. Слабенькое и не натренированное пока ещё колдовское зрение дало Ёжке уже больше информации. Красновато-золотистые всполохи явственно давали понять, что медальон не просто милое украшение, а ещё несёт в себе защитные чары. Вкрапление оранжевых пятнышек говорило о какой-то целительной волошбе. Кроме того за всеми этими цветами пробивалось ещё что-то не удававшееся разглядеть в подробностях, но видимо тоже полезное.

— Хорошая штучка, — хмыкнула Златка себе под нос и принялась выискивать в недрах шкатулки подходящую цепочку.

Девушка решила, что раз медальон является таким любопытным амулетом и предназначался явно для Василисы, то ей его и носить надо. Боги не преподносят такие подарки просто так. Каждый дар имеет не только явные, но и скрытые от посторонних глаз свойства. Златослава поймала себя на мысли, что ещё не раз возблагодарит Богов за этот подарок и что убережёт он её доченьку от страшных бед.

Цепочку девушка не нашла. Пришлось пристраивать медальон на кожаный шнурок и отложить пока в сторону. Вот проснётся малютка, можно будет и надеть, а сейчас зачем ребёнку тревожить. А вот себя Златке нужно было занять. Отправляться спать рано, а вот начать искать и подготавливать ингредиенты для зелья будет в самый раз.

Оставив Терентия приглядывать за спящей малышкой,

Баба Яга направилась в кухню. Вскоре на обеденном столе были разложены разнообразные ступки и пестики, баночки, мешочки, склянки, ножи и скребки. В центр с величайшей осторожностью были водружены весы.

Закончив расставлять необходимую утварь, Златослава присела на лавку и окинула взглядом всё своё богатство, решая с чего начать. Первыми в глаза бросились косточки дикой вишни, скорлупу которых, согласно рецепту, следовало измельчить в порошок.

—Хоть тут лунный цикл не важен, — со вздохом пробубни-ла себе под нос Ёжка и, протянув руку, взяла одну косточку.

Положив косточку в ступку, девушка осторожно надавила на неё пестиком. Тихий хруст, возвестил о том, что скорлупа легко поддавалась напору Яги. Очистив ядрышко от скорлупы, царевна положила его в небольшую миску и продолжила колоть остальные косточки. Когда в ступке собралась внушительная кучка скорлупок, а в мисочке одно к одному лежали ядрышки, Злата принялась за дело. Придерживая левой рукой ступку, Баба Яга принялась старательно перетирать скорлупки и при этом напевать себе под нос песенки, чтобы дело спорилось быстрее.

Закончив со скорлупками, превратившимися желтоватый порошок, Златослава взялась за сон-траву, которую надлежало смешать с полынью, залить водицей ключевой да настоять три дня. Все эти действия должны были сопровождаться колдовским заговором, найденным в той самой кни-

ге. Заняло это не так много времени, как предполагала Яга и, когда было покончено с тем, что девушка могла сейчас подготовить для зелья, стало понятно, что необходимо придумать ещё какое-нибудь полезное дело. Мысли Ёжки пере-скакивающие с одной на другую, постоянно возвращались к обнаруженному сундуку Милаоки.

Убирая со стола и раскладывая заготовки для зелья, Злата поймала себя на том, что мысленно представляет, чем именно является непроверенное загадочное содержимое сундука. Любопытство буквально подталкивало девушку в сторону чердака и когда сил бороться с ним не осталось, она сдалась и, накинув на плечи старенькую шаль, направилась туда, предварительно сообщив Марфе, где её можно найти в случае чего.

Поднявшись по ступеням, Баба Яга в очередной раз по-дивилась мастерству лешего умудрившегося починить даже эту дюже скрипучую лестницу. Наверху Златка, как и в прошлый раз, зажгла несколько светляков и решительно направилась к сундуку, откинула крышку и сдавлено охнула.

–Етишкин свет! – только и смогла вымолвить Ягуся, глядя округлившимися от удивления глазами на большую и ве-стимо тяжёлую книгу в обложке пунцовой кожи.

Яга совершенно чётко помнила, что когда закрывала этот сундук, сверху лежали только детские рубашонки и две длинные шкатулки для писем. Всё это и сейчас лежало так, как оставила Златослава, только теперь поверх всего добави-

лась ещё эта книга. Откуда взялся сей талмуд, осталось для царевны загадкой, будоражащей воображение, но с тем же вызывающей лёгкий озноб страха.

Некоторое время девушка просто стояла и растеряно смотрела на книгу, не торопясь к ней прикоснуться или напротив закрыть сундук. В Златке боролись любопытство и здоровое опасение – мало ли что за книга может быть. Вдруг проклята она? А может и того хуже содержит какое дурное колдовство, которое не на неё Ёжку подействует, а на кого другого перекинется.

–Ой, бестолочь! – шлёпнула себя ладошкой по лбу девушка, сообразив, наконец, глянуть на книгу своим колдовским зрением.

Тёмно-красная обложка книги почти горела от незнакомой и мощной волошбы, пропитавшей ту от корки до корки. Царевне ещё ни разу не приходилось видеть подобного, и она как зачарованная простояла четверть часа, просто любясь переливами невероятного колдовства. Потом мотнув головой, стряхивая с себя оцепенение, Златослава с опаской, но всё же протянула руку к обложке.

Пальцы несмело коснулись книги, обдавшей мягким теплом, словно сообщая, что зла в ней нет. Это тепло вызвало на губах Яги невольную улыбку. Ладонь, словно сама невзначай легла на обложку, осторожно поглаживая, наслаждаясь прикосновением. И почудилось Ёжки, что книга живое существо, очень доброе и мудрое, невероятно древнее и пото-

му истосковавшееся по человеческому теплу. Её даже жалко стало.

Баба Яга осторожно вынула фолиант из сундука и присев на край ближайшего ящика, положила его на колени. Она не торопилась открывать книгу, просто водила пальцем по корешку, прислушиваясь к колдовским потокам оплетающим её. Теперь, держа книгу в руках, Злата могла совершенно точно определить часть волошбы наложенной на книгу. Мощная защита на крови Яг и их же колдовстве даровало книге долгую «жизнь», оберегала от посторонних, для которых она становилась обычной, пустой и совершенно бесполезной. Было колдовство дарующее возможность самостоятельно пополнять знание от своих хозяек. Имелось тут и заклятье искажения, делающее книгу с виду меньше и неприметней. Много чего другого было в этом талмуде, что Златке было не известно. В чём же царевна была с точностью уверена, так это в том, что для прочтения этой книги необходимо пожертвовать хотя бы каплей крови, чтобы та признала в ней хозяйку и позволила себя прочесть. Видимо именно для этой цели на корешке книги крепились два медных шипа. Случайно поцарапаться о них было невозможно, но при определённом усилии можно было чуть поранить, к примеру, палец, что Ёжка и проделала, даже не поморщившись.

Как только первая капелька крови коснулась медного шипа, на обложке книги вспыхнули и не подумали гаснуть крупные изящные буквы. «Летопись» гласило название.

Вот значит, какая она, та загадочная Летопись, про которую говорил учитель Святозар. До сего момента Злата была твёрдо уверена, что ей придётся очень долго и упорно искать эту колдовскую книгу, и она никак не ожидала, что Летопись сама найдёт Ягу. Странно это было и непонятно. Если допустить, что фолиант признал в ней Ёжку и потому показался, то почему именно сейчас? Сколько уже времени прошло с тех пор, как царевна поселилась в Избушке-на-Курьих-Ножках, а Летопись за всё это время ей даже не показалась. А может она просто «не показывалась» от того, что в сундуке заперта была? Или может она вообще только тогда показывается, когда она нужна?

–Чего гадать-то? – пробормотала в полголоса Баба Яга и решительно открыла Летопись.

Лишь та сумеет Летопись прочесть,
В чьих жилах кровь древнейшая струится.
Судеб здесь разных Яг не перечесть,
И уж поверь, тебе тут будет, чем гордиться.
Запомнить надобно тебе одно,
Что Летопись сия не для забавы,
В ней мудрости веков полным-полно,
Но вписана она здесь не для славы!
Прочтя о жизни прежних Яг,
Должна на опыте сама том научиться
Ошибок страшных не свершать,
Чтоб после уж тобой могли гордиться!

Эти слова занимали весь первый лист, а буквы были так затейливо выведены, что Златка про себя ужаснулась, представив на мгновение, сколько времени было потрачено, чтобы сотворить такую красоту. Изучив весь текст и каждую букву в отдельности, девушка перелистнула страницу и озадачено уставилась на совершенно пустой лист. Ёжка поспешно перелистнула пустую страницу в надежде, что возможно оттуда начинается летопись, но и там было пусто. Пролистав десяток страниц, Баба Яга собиралась раздражённо взвыть, а заглянув на самый последний лист, уже готова была уверовать, что никакая она не Баба Яга, а так приبلудилась незнамо кто в Избушку.

– Вот ведь! – всплеснула руками расстроенная Ёжка, почти собравшись разреветься от обиды или что вернее уложить обратно бесполезную книгу.

«Яга?» – неожиданно появился на пустой странице вопрос, написанный ярко-алыми чернилами.

Златослава с удивлением уставилась на страницу до того момента девственно чистую, теперь на которой красовался выведенный изящным подчерком вопрос. Может, показалось? Девушка для верности поскребла пальчиком написанное и вдруг, словно ответом на это действие, буквы расплылись и пропали, но на их месте появились новые.

«Яга?!» – проявился всё тот же, но более выразительный вопрос.

– Ну, Яга и что? – раздражённо буркнула Баба Яга, не по-

нимая, что предпринять.

«Точно?» – на месте прежнего вопроса возник новый.

–Точно-точно! – отозвалась Ёжка, осознав, что Летопись каким-то непонятным образом слышит её и даже понимает.

«Чем докажешь?» – появилась новая запись и Злата могла поклясться, что если бы книга была живым существом, в это момент она бы хитро шурилась.

–А крови что мало? – вопросом на вопрос недовольно ответила Ёжка.

«Не распробовала, – призналась Летопись и озадачила следующей просьбой. – Дай ещё!»

–Это не книга, – проворчала себе под нос царевна, расцарапав сильнее шипом палец, – это упырь какой-то! Что дальше?

«К странице прижми!» – выдал следующее требование фолиант.

–Достаточно? – старательно размазывая по плотному листу свою кровь, спросила Яга.

«Действительно Яга, – чуть помедлив, сообщила Летопись и следующим предложением вызвала в Златке нехорошее желание кинуть противную книгу в печь, – только недоучка какая-то. И откуда взялась только такая недалёкая?»

–В печь брошу! – озвучила вслух свою угрозу девушка.

«Не сгорю» – был ответ.

–В проруби утоплю! – снова пригрозила Ягуся, крепче удерживая Летопись в руках, как будто собиралась и правда

отправиться её топить.

«Не утону» – отозвался фолиант односложно.

– Такое не тонет? – насмешливо поинтересовалась вмиг развеселившаяся Ёжка.

«Хамка! – появилось крупными буквами, потом они быстро выцвели, и на их месте возникло новое предложение. – Вот теперь верю, что ты Баба Яга. Что хочешь узнать?»

– Хм, – озадачилась Злата и выдала первое, пришедшее на ум. – А ты почему мне раньше не показалась?

«А ты почему раньше сундук не открыла?» – задал ответный вопрос Летопись.

– Но когда я открыла сундук, тебя там не было! – уличила книгу во лжи царевна, даже пальцем обличительно ткнула. – Ты появилась только сейчас!

«Вот ещё! Прямо так сразу перед всякими встречными поперечными появляться!» – возможно, Яге в тот момент и показалось, но возникло такое чувство, что от фолианта «волнами шло» негодование.

– То есть Баба Яга для тебя «встречная поперечная»? – потребовала ответа девушка.

«Откуда я в тот момент могла знать, что ты Яга? Вот когда ты кровью капнула, тогда всё по местам и расставилось», – ответствовала Летопись.

– Ладно, не будем об этом, – пробормотала Златослава и, прищурившись, поинтересовалась. – А ты мне про Прямыславу расскажешь?

«Ты ещё не готова об этом узнать», – был ответ.

–А может, это сама буду решать к чему я готова, а к чему не готова? – раздражённо фыркнула Ёжка.

«Ты со своими проблемами никак не разберёшься, а уже в чужие лезть собралась, – отчитал её фолиант. – Вот когда узнаешь всё про дочку, с батюшкой своим пообщаешься, да колдуну-воителю в Избушке дашь погостить, тогда может и расскажу».

–А как ты..., – начала было Златка, ошарашено взирая на чернильную надпись на странице.

«Я же Летопись, бестолочь ты этакая! – не дав девушке договорить, ответила книга. – Всё, что происходит с Ягой отражается на мох страницах. Страницы твоей жизни уже заполняются».

–А-а-а! – протянула Баба Яга, переведя дух и со вздохом спросила. – А ты всегда такая вредная или просто мне так повезло?

«Всегда, – выдала Летопись и немного погодя появилась новая строка. – С вами Ягами по-другому нельзя! Вам только палец протяни, вы всю руку оттяпаете».

–У тебя нет пальца, – напомнила Златослава как бы невзначай.

«Ну, вот! А я что говорила?! По больному бьёшь, да?» – неожиданно вспыхнули эти слова и, погаснув, исчезли совсем.

–Эй! Это что было? – осторожно встряхнув Летопись,

спросила царевна.

Но страница оставалась девственно чиста. Яга нахмурилась и провела пальцем по странице, потом уколола палец ещё раз и капнула кровью на лист. Кровь мгновенно впиталась в бумагу, но Летопись не ответила.

–Книжка-то с норовом, – задумчиво выдала Баба Яга и неожиданно широко зевнула.

Пора было отправляться спать. Злата закрыла Летопись, сунула её подмышку и направилась вниз. В кухне её уже ждала Марфа с кружкой тёплого молока и ещё тёплым хлебом. Ягуся поблагодарила домовушку, быстро перекусила и отправилась спать. Прежде чем лечь в постель, царевна сунула фолиант на верхнюю полку с книгами. Заснула Ёжка, как только голова её коснулась подушки.

Глава 6. Суета вокруг царя и лекарские подвиги.

Минула ещё седмица, отметившаяся в памяти Златки лишь лютыми морозами, из-за которых никак не удавалось сходить в Сколки за продуктами. Под конец этой седмицы наметилась оттепель, заставившая девушку споро засоби- раться и отправиться в деревню пополнить припасы. Оставив Хмурича приглядывать за Василисой, Яга отправилась в путь.

В воздухе витали какие-то уже совсем весенние запахи, хотя до наступления настоящей весенней капли в лучшем случае предстояло ждать ещё целый месяц. Златослава брела по тропинке, которую по указанию лешего протаптывало для

Бабы Яги лесное зверьё, и думала о делах насущных. Следовало купить молока, сметаны и яиц. Нужно было и мясо, а ещё Яге страшно хотелось мочёных яблок и квашенной с брусникой капусты.

Ох, похоже, по весне надо огородик разбивать, а то так и придётся каждый раз у чужих покупать. Вот только как разбить огород в лесу, да ещё и когда от болота так близко? Ёжка пригорюнилась, размышляя над этим вопросом. Да так крепко задумалась, что не заметила, как ноги сами вынесли её на окраину Старых Сколок. Девушка подняла взгляд от тропки и озадачено охнула, заметив суету, царившую в деревеньке.

Люд в Сколка мельтешил на узких улочках как муравьи у разворошенного муравейника. Кто-то расчищал широкие дорожки к домам и сараям, кто-то подметал веником припорошенные ступени, кто-то чинил покосившиеся ворота, кто-то и того чуднее – подновлял свежими красками затейливо расписные ставенки или белил печные трубы. Для чего это нужно было делать в самый разгар зимы, Златославе было невдомёк.

Царевна медленно шла с всё большим удивлением, рассматривая суету и гадая, что же случилось такого важного, что подвигло всех от мала до велика высыпать на улицу для такой вот уборки. Конечно, жители Сколок были очень работающи, и такая суматоха была бы не удивительна летом или осенью, но зимой это выглядело нелепо и неуместно.

Народ, кажется, даже не замечал шагающую по деревне Златку, чему та несказанно обрадовалась. Если раньше Яге удавалось держать деревенских в неведении относительно своего рода занятий, то с каждым разом это становилось всё труднее и труднее. Изначально, когда девушка только поселилась в Избушке и стала раз в месяц навещать в ближайшие деревеньки за продуктами, она говорила местным кумушкам у кого покупала еду, что является травнице и живёт в домике прежней знахарки, что стоял глубоко в лесу. Женщины верили и не пытались проверять, у них под боком была своя местная травница и в услугах какой-то приезжей девчонки они не нуждались. С недавних пор всё изменилось – старая травница Агафья умерла ещё осенью, а её внучка, которую та обучала, толком ничего не усвоила, и обращаться к ней за помощью было себе дороже.

Вот с осени и начали деревенские бабы поглядывать на Златославу с затаённым любопытством. Ягуся догадывалась, что совсем скоро кто-то из них наберётся смелости и попросит приготовить какое-нибудь зелье или трав дать. Этого дня девушка ожидала с разумной опаской. Ведь если одной сможешь, сразу вся деревня прознает, пойдут косяком, и как в таких условиях свою тайну хранить. Отчего-то Злата была уверена, что узнав в ней Бабу Ягу, народ либо попытается сжить её со свету, либо наоборот начнёт ходить к ней каждый день со всякими глупостями.

Уже у самого дома мельника, жена, которого снабжала

Ёжку свежим молоком и сметаной, царевна столкнулась со стайкой молоденьких девушек в расшитых цветными нитками тулупчиках. Девчонки о чём-то весело шушукались, то и дело, оглашая округ звонким смехом. Поравнявшись с ней, девушки смерили Ягу насмешливыми с толикой превосходства взглядами и, сбившись плотной кучкой, едва слышно зашушукались то и дело поглядывая в сторону Златки. Не надо было прислушиваться к их словам, чтобы понять, что обсуждают её, Златославу. По сравнению с пестрыми, вырядившимися в самые лучшие наряды девчонками, Ёжка выглядела серым воробышком, рядом с яркими синичками и снегирями.

Ягуся даже не обиделась такому не лестному вниманию. Девчонки, что с них взять? Прихорошились перед парнями, и теперь каждая встречная видится им соперницей, которую следует обсмеять, чтобы думать не смела, что чем-то лучше других.

Царевна поправила простой шерстяной платок без узоров, тихонько хихикнула, и смело шагнула во двор мельникова дома. Во дворе столкнулась с хозяйкой, полнотелой румяной женщиной, остервенело выбивающей перины и подушки. Похоже, общая суматоха завладела и этим домом.

– День добрый, хозяйка! – громко поздоровалась Злата, привлекая к себе внимание женщины.

– Добрый, добрый! – отозвалась Федора, опуская руку с веником и утерев пот со лба, повернулась к девушке. – Ох,

Златка, ты что ли? Не признала. За молоком, да?

– Да, Федора Никифоровна, – подтвердила Баба Яга, чуть улыбнувшись.

– Пошли тогда в дом! Я тебе молочка налью, сметанки выдам, а ты посидишь, погреешься, – заулыбалась в ответ женщина и заторопилась к дверям.

Злата поспешила за хозяйкой. На крыльце отряхнула налипший на валенки снег и вошла в сени, чтобы из них напрямиком попасть в просторную кухню, почти такую же уютную как в Избушке-на-Курьих-Ножках. На кухне орудовали половыми тряпками две девочки-близняшки годков двенадцати. Дочки мельника старательно натирали и без того чистые полы, шутя и посмеиваясь, а за ними наблюдала младшая сестрёнка, малышка лет пяти, то и дело отрывающаяся от порученной ей работы. Кроха перебирала сушеный горох.

– Садись, Златушка! Поди умаялась из своей глуши добираться? – покачала головой мельничиха. – Ох, негоже молодой девке без мужа в лесных дебрях жить. Страшно.

– Дык, ничего, привыкла я уже, – безмятежно улыбнулась девушка и решила перевести разговор в нужное ей русло. – А чего у вас в Сколках творится-то? Суета такая будто к ярмарке готовятся.

– Да ты же не знаешь в своей глухомани ничего! – всплеснула руками Федора и, нервно пригладив руками волосы, продолжила уже тише. – К нам царь-батюшка едет.

– Да ладно! – сделала «большие глаза» Яга и вся обрати-

лась в слух.

–Мать-Земля свидетельница! – побожилась та и продолжила заговорщицки подмигивая. – Говорят, он к самой Бабе Яге едет на поклон.

Баба Яга нервно икнула, решив на миг, что её раскусили и сейчас позовут всех деревенских, чтобы на неё посмотреть. Только женщина понимающе кивнула и протянула ковшик с колодезной водицей, стоявший на лавочке у стола. Злата поспешно отпила, закашлялась и снова приложилась к водице.

–Мы сами-то сначала не поверили, – утешила царевну хозяйка дома, когда та прекратила кашлять и икать. – Но вот давеча гонец прискакал, сказал, что обоз царский уже в двух днях пути и у нас на постой останутся, вот всё в порядок и приводим. Нельзя перед царём в грязь лицом упасть. Никак нельзя!

–А чего это царю-батюшке Яга понадобилась? – осторожно уточнила Ёжка, тут же кляня свой длинный язык.

–Никто толком не знает, – расстроено пожала плечами женщина. – Говорят, что якобы Яга та царевну украла и у себя в Избушке второй год держит. Но только мне думается, брешут люди. Зачем Бабе Яге царевна? Вот и я думаю, что не зачем! А царь-батюшка, скорее всего, за советом к ней едет, али за клубочком путеводным, чтобы дочку отыскать. Мало ли.

–Ага, наверное, – с задумчивым видом кивнула Златка, в душе облегчённо вздыхая. Хорошо-то как, что не все верят

будто Яга злая!

– Вот и я так думаю, – улыбнулась Федора Никифоровна, принимая из рук Златославы два кувшинчика: один большой, а другой поменьше.

Только женщина скрылась в сенях, как на Злату уставились три пары любопытных серых глаз. Дочки мельника явно что-то задумали. Алёнка самая бойкая из близняшек, опустила тряпку и, прокравшись к Ёжке, тихонечко спросила:

– Тётъ Злат, а ты же Бабу Ягу видела?

– С чего ты взяла?! – опешила от такого вопроса девушка.

– Ну, ты же в лесу тоже живёшь, – как маленькой принялась объяснять Алёна, а две её сестрёнки только молча закивали, подтверждая слова. – Должна была, и встретить за два года-то!

– Так вы, малявки, тут столько лет живёте, в лес по ягоды и грибы ходите, за хворостом тоже, вот вам-то она точно встретиться должна была, – заговорщицким шепотом произнесла царевна и, не выдержав, рассмеялась. – Вы же Бабу Ягу тогда точно видели!

– Ну, тётъ Злат! – возмутилась девчонка и поспешила вернуться к сестричкам. – Я же серьёзно!

– Я тоже, – передразнила Алёну вредная, как оказалось, Баба Яга.

– Вот и я, – возвестила хозяйка, возвращаясь обратно в кухню и ставя перед Златой кувшины. – Свеженькое, сегодня на зорьке доила.

– Спасибо, Федора Никифоровна! – от души поблагодарила Ёжка, принимая кувшины и осторожно укладывая их в корзину. – Пойду я, пожалуй. Мне бы ещё к Степаниде зайти, да к Фролу кузнецу успеть.

– Беги, Златушка! Беги, – с улыбкой проговорила мельничиха. – Да смотри сильно не задерживайся, метель сегодня к вечеру будет, живность волнуется.

– Не буду задерживаться, – уверила её Златослава и, направившись к выходу, попрощалась. – До свидания!

– До свидания, девочка! – махнула рукой Федора.

– До свидания, тётъ Злат! – дружно пискнули мельничихины дочери.

Выскользнув на улицу, Златка быстро свернула в проулок и шустро направилась в сторону общинного дома, неподалёку от которого жила Степанида, почтенная, хотя и молодая вдова сына старосты деревеньки. Баба Яга знала из первых уст печальную историю Степаниды, потерявшей мужа через два месяца после свадьбы. Царевна искренне жалела молоденькую девушку, младше даже её, Златы, потерявшую в один день и любимого супруга, и не рождённого сына. Ратибора затоптал ни с того ни с сего взбесившийся жеребец, прямо на глазах молодой жены, а в ночь у Стеши началась горячка из-за которой она и потеряла своего малыша. Вот уже два года, как Степанида была вдовой, ведущей в одиночку пусть и небольшое, но всё-таки хозяйство. Родичи её мужа, да и собственные родители, чем могли, помогали ей,

но основную часть забот девушке приходилось нести на собственных плечах.

—Чего же ты снова замуж не выйдешь? Тяжело же одной, без мужика в доме, — сказала ей как-то Златослава и тут же прикусила язык, приметив боль в глазах Стеши.

—Я больше замуж не пойду. Если бы ты любила когда-то, то поняла бы меня, — тихо произнесла девушка, отводя взгляд.

—Я любила! — возмутилась и даже чуть обиделась тогда Златка.

—Значит, недостаточно любила, — отозвалась Степанида, совсем отвернувшись от царевны.

Злата хотела возмутиться, но вмиг весь запал прошёл. Именно в тот самый момент Ёжка поняла, что действительно «недостаточно любила» Ивана, потому как слишком спокойно приняла измену, слишком легко она отказалась от царевича и сейчас, что греха таить, была рада, что свадьба с ним разладилась. Да и если уж быть с собой до конца откровенной, наверное, она всё же не любила Ивана. Его красота притягивала и радовала взор, вызывая чувство гордости, что он обратил своё внимание на неё, на Златославу, когда вокруг было много других девушек, таких же знатных и даже более красивых. Царевич красиво ухаживал, заставляя верить в свою исключительность, отличность от других девушек. Ещё душу грело какое-то совсем уж мелочное детское удовлетворение от зависти других девчонок. Ну и наконец,

любой девушке, в том числе и Злате, хотелось, чтобы её любили, а Иван очень убедительно играл влюблённого. Всё это видимо и породило чувство влюблённости. Только влюблённость – это ещё не любовь. Но, что же, тогда настоящая любовь?

В тот момент озадачившись этим вопросом Баба Яга не нашла ответа, да и сейчас лишь смутно представляла себе то, как это любить. Только сейчас Златослава знала чётко одно – когда любишь, не предашь. Потому-то Степанида и не ищет себе нового мужа – не может она предать своего Ратибора, пускай и отправившегося уже давно на другой берег.

Поскользнувшись на пяточке льда, и едва удержав равновесие, Ягуся отмахнулась от тех старых воспоминаний и с прежней прытью припустилась к дому Степаниды. Вот показалась высокая, крытая новой ещё не потемневшей от времени соломой крыша общинного дома, а вскоре и сам дом стал виден, как только девушка завернула за угол. За ним аккурат домик Стеша и прятался. А вон и сама хозяйюшка возле забора стоит, дорожку метёт.

–Здравствуй, Стеша! – ещё издалека крикнула Златка и помахала рукой своей знакомой.

–И тебе не хворать! – крикнула в ответ Степанида, прекращая мести дорожку и встав у калитки, ожидая, когда подойдёт Златослава.

Ёжка засеменила по скользкой дороге чуть быстрее, но всё же с опаской. Падать ей не хотелось. Добравшись до девуш-

ки, царица перевела дух и улыбнулась. В ответ её одарили немного грустной улыбкой и пригласили в дом.

–Ой, Стех, я тороплюсь, уж меня прости! – отрицательно покачала головой Баба Яга и торопливо пояснила. – Мне бы яиц у тебя приобрести, а то скоро говорят, опять завьюжит, а у меня совсем всё закончилось. У тебя лишних не будет?

–Дюжины полторы есть, – отозвалась женщина. – Сейчас принесу, погоди чуток.

С этими словами Степанида приставила веник к забору и быстрыми шагами направилась к дому, откуда почти сразу вынесла маленькое берестяное лукошко с яйцами. Протянув Злате лукошко, Степанида чуть нахмурила брови и неожиданно попросила:

–Злата, мне деньги за них не нужны. Я тебя только об одном попрошу в уплату – зайди к Фролу, у него меньшая сестрёнка совсем плоха, вторые сутки в бреду. Ярька глянула и сказала, что не жилица, но ты же знаешь её от бабки Агафьи ни доброты, ни ума не перепало и лечить она совсем не умеет. А ты, я слыхала, травница, может, хоть присоветуешь чего.

–Ох, и дурёха ты, Стех! – припечатала Яга обиженно. – Придумала тоже – в уплату. Вот держи деньги и больше меня не обижай такими словами! Я ребёнка и так посмотрю, чай не нелюдь какая.

–Прости! – покаянно опустила голову женщина, сжимая в кулачке отданные Златославой монетки.

–Балда! – хмыкнула Ёжка, укладывая в корзину лукошко и протягивая его Степаниде. – Оставь пока у себя, потом заберу. Я налегке до Фрола добегу, а там как пойдёт. Всё убежала!

Оставив в руках у молодой вдовы свою корзину, Бабка Ёжка припустилась вдоль по улице на самую окраину деревеньки, там у самого поворота крохотной речушки Камышанки, впадающей в Звонкую, стоял дом местного кузнеца. До него ходу-то было всего ничего, но сугробы и скользкая дорога растянули время вдвое. До добротного большого дома Фрола Златка добралась изрядно запыхавшаяся и раскрасневшаяся, у крыльца поправила платок и решительно постучалась в дверь.

Поначалу никто не спешил на стук и царевна даже начала думать, что в доме и нет никого. На всякий случай она постучала ещё раз, только тогда услышав невнятный мужской голос и тяжёлые шаги. Дверь в сени скрипнула, потом открылась и дверь перед носом Яги, явив взору высоченного с косой саженью в плечах кузнеца Фрола. Обычно в присутствии этого молодца Злата немного робела, уж больно громадным и угрюмым казался ей он. В этот раз робость не дала о себе знать.

–Здорово, Фрол! Мне Степанида сказала, что у тебя сестрёнка болеет, вот я решила к тебе заглянуть. Может смогу помочь, – не давая опомниться мужчине, отчиталась Ягуся. – Пустишь?

На загорелом лице кузнеца отразилась крайняя степень недоумения, не будь ситуация настолько серьёзной Злата бы, наверное, не сдержалась и рассмеялась, а так, только нетерпеливо притопнула ножкой и с укоризной глянула на Фрола. Мужчина продолжал стоять и тарашиться сверху вниз на девушку и молчать. Царевна не выдержала и дёрнула кузнеца за рукав холщовой рубахи, напоминая о сказанном:

–Пустишь?

Фрол перевёл озадаченный взгляд с Ёжки на свою руку, потом снова на Ёжку, кивнул и посторонился, давая девушке пройти внутрь дома. Сбив налипший на валенки снег, Златослава шагнула внутрь, быстро миновала сени и вошла в жилую часть дома. Как и в Избушке-на-Курьих-Ножках из сеней царевна попала в кухню, только более просторную, чем родная. Когда-то в этом доме жила большая дружная семья: глава семейства старый кузнец Феофан, разменявший бы нынешней весной восьмой десяток лет, его младший сын Селиван с женой Забелой, их дети Фрол, Агафья, Ярема, Звонята, Микула и Варвара. Но в одночасье всё изменилось.

Больше года назад отец Фрола решил отправиться на ярмарку не как привычно в Карповку, а по царскому тракту напрямиком в Веретенье. Город этот был довольно крупный, людный и Селиван Феофанович надеялся, что тамошние жители по достоинству оценят его труд. Несколько месяцев он до этого трудился вместе со старшими сыновьями Фролом и Микулой, готовя товар на продажу. Ковали ножи, топоры

и серпы. Добра набралась целая телега, да и соседи решили присоединиться, так что в Веретенье отправился целый обоз. Селиван взял с собой в помощь на торгу Микулу, да жену со старшей дочкой Агафьей прихватил, они проведать родичей захотели в Устенье. Вот по дороге туда беда-то и приключилась.

Не доехал обоз до Устенья пяти вёрст, напали на него разбойник. Никого не пожалели, ни мужчин, ни женщин, ни деток малых. Разграбленные телеги и мертвых нашёл местный охотник, он-то привёл односельчан. Кто-то узнал родственников, ведь ни одна Забела желал навестить родичей. Тела в сопровождении десятка крепких мужчин повезли назад в Сколки. Это был чёрный день, особенно для семьи Фрола. Юноша в один день лишился родителей, старших брата и сестры, в этот же день умер и его дед, увидев мёртвого сына, невестку и внуков, сердце не выдержало. Вот так Фрол, Ярема, Звонята и маленькая Варюшка остались сиротами.

От Федоры Ёжка знала, что до того страшного дня у молодого кузнеца имелась невеста, первая красавица. Только вот поняв, что на шее жениха висят трое младших, девушка шустро отыскала себе другого, не обременённого такой проблемой, парня. Фрол ничего тогда ей не сказал, а надо было, как полагали многие. С тех пор юноша как мог, заменял двум братишкам и сестричке родителей, но сейчас он, похоже, не справлялся.

Златослава разулась и поставила у печи валенки, сброси-

ла тулупчик на лавку и принялась оглядывать кухню, дожидаясь, когда войдёт хозяин дом. Первое, что привлекло внимание Яги это несвойственная дому тишина и нестерпимый жаркий воздух, к тому же ещё и спёртый.

—Ярик со Звонятой где? — задала вопрос девушка, как только кузнец вошёл.

—У тётки Таисии, — буркнул парень, всё ещё с каким-то недоверием поглядывая на Злату.

—К Варюшке веди! — распорядилась Баба Яга, смерив Фрола нетерпящим возражения взглядом.

Кузнец пожал широченными плечами и кивнул в сторону двери и, не дожидаясь ответных действий Златки, решительно направился прочь. Царевне не оставалось ничего другого как последовать за ним. Они миновали дверь, коридор и поднялись по добротной лесенке наверх в горницу.

Наверху было даже ещё жарче, чем внизу в кухне. Слюдяные окошки были плотно занавешены, создавая полутьму, только у дальней кровати у самого окна едва теплился слабый огонёк подвешенной на цепочке масляной лампы. В постели, покрытой тёплым пуховым одеялом, едва угадывалась тоненькая хрупкая детская фигура. Златка в один миг преодолела расстояние до кровати и склонилась над больным ребёнком.

Златослава всего несколько раз видела младшую сестрёнку кузнеца, и всегда это была весёлая егозливая девочка с горящими голубыми глазищами и румянцем на пухлых

щёчках. Сейчас в этой осунувшейся бледной до синевы малышке, Яге было очень трудно узнать прежнюю семилетнюю непоседу. Бледный лобик Вареньки был покрыт испариной, а глаза под опущенными веками бешено двигались, словно ребёнку снилось нечто жуткое. Приложив ладошку ко лбу девочки, Ёжка даже вздрогнула, почувствовав, как горяча кожа под пальцами, и осторожно отогнула край одеяла, приложила ухо к груди Вари, прислушиваясь к дыханию. Воздух вырывался с хрипами и свистами, а шея малышки заметно опухла.

Укрыв ребёнка одеялом, Златка принялась лихорадочно вспоминать, что же она читала о подобных случаях. Единственная мысль, которая всплывала в голове – нужно как можно быстрее сбить жар, иначе будет совсем худо. Перебрав в уме несколько подходящих снадобий и остановила свой выбор на самом безобидном, но, тем не менее, действенном для ребёнка.

–Фрол, у вас липовый цвет есть? – обратилась она к кузнецу и, получив отрицательный жест, нахмурилась и велела. – Быстро беги к Ярославе, у неё должен быть! Бери побольше и ромашку у неё возьми, если есть душица и земляника тоже бери. Чего встал? Бегом!

Парень недоуменно хлопнул глазами, но тут же осознал, что Злата готова помочь, и знает, что делать, и ринулся в указанном направлении. Уверенный голос Ёжки подействовал на него отрезвляюще и Фрол, который после неутешитель-

ных слов местной знахарки уже готовился хоронить сестрёнку, воспрял духом.

Сама же Баба Яга не была до конца уверена в своих силах, но и мысли не допускала пустить тут всё на самотёк. Она решила сделать всё, что в её силах, чтобы как можно скорее на кривых улочках Сколок снова бегала маленькая ясноглазая хулиганка.

Немного поколебавшись, Злата оставила ребёнка и вернулась на кухню. Конечно, нехорошо было хозяйничать без спросу в чужом доме, но действовать следовало тотчас, не дожидаясь, когда вернётся Фрол. Яга, погремев посудой, разыскала вместительный медный ковшик с мудрёной чеканкой и ладной деревянной ручкой, очень дорогой на вид, и, наполнив его водой из большой деревянной бочки, стоявшей в углу, возле двери, сунула его в печку. Когда вернётся хозяин, вода как раз закипит и можно будет заварить травы, а пока следовало бы обтереть малышку и переодеть, да и постель не мешало бы сменить. Похоже, похозяйничать в кузнецовом жилище ей ещё придётся.

Набрав в глубокую миску чистой воды, Ягуся заспешила обратно к ребёнку. В горнице поставила миску на подоконник и принялась рыться в ближайшем сундуке в поисках чистой рубашонки для Варюшки и постельных принадлежностей. Разыскав всё необходимое и к тому же разжившись чудным тёплым шерстяным одеялом, которым хотела укутать девочку, Злата подошла к кровати и, убрав пропитавшееся

потом и болезнью тяжёлое пуховое одеяло, принялась снимать с ребёнка промокшую насквозь рубаху. Затем девушка быстро обтёрла худенькое тельце влажным льняным полотенцем и снова одела малышку уже в чистую и более тёплую рубаху, а потом как новорождённую быстро запеленала в найденное одеяло и уложила на соседнюю кровать. Всё это время девочка была в беспамятстве, слабо стонала, но так и не очнулась.

Перетряхнув всю постель, Златослава неожиданно вспомнила поучение какой-то Ёжки, прочитанное в одной из книг. Там говорилось, что всякая дурная немочь может засесть в постели больного и потому надобно эту постель чаще менять на чистую, а ту, что убрали, вынести на двор и хорошенечко вытрясти и проветрить пару дней, чтобы ветер да воздух всю хворобу унесли. Закусив губу от усердия, Яга собрала всю постель в кучу и вытащила её в сени, решив, что потом объяснит кузнецу, что надобно делать.

Вернувшись в горницу, царевна слышала шаги, видимо, и Фрол уже успел к Ярьке сбегать. Когда спустя некоторое время вбежал запыхавшийся парень, Златка уже перестелила постель Вари и уложила девочку, накрыв поверх шерстяного одеяла ещё одним, взятым с соседней кровати. Кузнец вбежал в горницу и остановился, теребя в громадных ручищах несколько небольших тканевых мешочков, в каких обычно хранят травы.

—Я это..., — замялся он и, вытянув вперёд руку с мешоч-

ками, продолжил, – ..., вот. Принёс.

–Всё? – решила уточнить Злата, требовательно протягивая кузнецу ладонь.

–Всё, – отозвался тот и, не медля, сгрузил в ёжкины ладошки мешочки с травами.

Златослава тут же принялась развязывать и проверять мешочки, принохиваясь к травам и морщась. Ромашка и липовый цвет не лучшие сборы, но сгодятся. Душицу точно ещё бабка Агафья собирала, потому и цвет трав, и запах хорош, значит, правильно собирали и сушили. Из последнего более объемистого мешочка пахнуло земляничным духом, напоминая о давно прошедшем лете. Даже сушёная ягода пахла так умопомрачительно, что девушка невольно облизнулась. Яга завязала мешочки обратно и сложила их на пустую постель.

–Фрол, я у тебя на кухне похозяйничала, ты уж извини! – принялась поспешно объяснять Златка и почти без перехода распорядилась. – Там в печи ковшик медный стоит, я воду в нём грела – принеси его быстрее! Да, пару кружек захвати!

Не успела царевна договорить, а парень уже рванул в кухню. Пока его не было, Ёжка пыталась разобраться, как ей быть. Бросать больного ребёнка на и так порядком вымотанного парня было неправильно. Остаться в Сколках, да и просто задержаться Златка не могла. У неё там, в Избушке, дочка ждёт. Хмурич за малышкой долго присматривать не может, Марфе тоже было трудноато управляться с подросткой

Ивушкой, да и сама Яга не представляла, как сможет быть в дали от дочери целый день, а может даже не один. Но что-то же нужно решать! Кто-то должен быть постоянно подле Варюшки, поить отварами и менять примочки.

–Стеша! – радостно воскликнула Златослава, найдя выход из ситуации и попутно снова заставив Фрола недоуменно на неё воззриться.

–Чего? – переспросил удивлённый парень, застывший на пороге комнаты с ковшом в правой руке и двумя глиняными кружками в левой.

–Нам нужна Степанида, – непререкаемым тоном заявила Баба Яга, забирая из рук кузнеца кружки и ковш с кипятком, и быстро затараторила. – Я на ночь остаться не могу, меня ребёнок дома ждёт. А Стеша умница, она с Варенькой может посидеть и приглядеть. Отвары я сделаю, всё ей объясню, тебе только за ней сбегать надо и привести. Понял?

–Зачем Степаниду вести? Я сам могу, – нахмурившись, выдал Фрол.

–За тем, что ты сам на ногах еле стоишь, – окинув его взглядом, припечатала Ягуся. – Ты когда последний раз спал? Дня два назад или три?

–Два, – подтвердил растеряно парень, но поняв, что сболтнул лишнего, поспешно заверил с какой-то мальчишеской бравадой, – но я и три дня могу не спать!

–Угу, а потом тебя кто лечить будет, когда ты от переутомления сляжешь? – едко поинтересовалась Злата и, вздохнув

устало произнесла. – Не дури! Тебе нужно отдохнуть, а Варюшку необходимо каждый час поить отваром, так что присутствие кого-то подле ребёнка необходимо. Стеша для этого прекрасно подходит – она у нас вдова, а не девка незамужняя, деток своих малых нет, да и умница она, что ни говори. Короче, дуй, давай за Степанидой и корзинку мою у неё прихвати! А я пока тут всё, что нужно приготавливаю.

Потоптавшись на пороге горницы, Фрол тяжело вздохнул и глянул с надеждой на Златославу. Ёжка фыркнула, повернулась спиной к кузнецу и сделала вид, что ничего не заметила. Парень снова тяжело вздохнул и, судя по удаляющимся шагам, всё-таки направился к Степаниде. Златка только едва заметно усмехнулась, ей уже давно было известно о явной симпатии кузнеца к молодой вдове. Да и Стеша выделяла Фрола, чувствуя в нём какое-то душевное родство. Только им обоим было невдомёк о чувствах друг друга, может хоть теперь узнают. Когда мысль попросить Шешку приглядеть за больным ребёнком появилась в Златиной голове, тут же возникла и другая не менее удачная идея – этаким образом свести этих двоих. Авось, что дельное получится.

Заваривая липовый цвет, Ёжка довольно мурлыкала себе под нос простенький заговор, чтобы питье принесло болеющей девочки больше пользы. Сцедив отвар в пустую кружку, Злата поставила её на подоконник, чтобы дать немного остыть, а сама принялась колдовать над новым отваром. К тому времени, как вернулся Фрол таки приведший с со-

бой Степаниду, Баба Яга успела напоить малышку отваром и приготовить питья про запас.

–Златка! – окликнула вдова Ягусю в этот момент пристраивающую на лбу девочки мокрую тряпицу.

–Ой, пришли уже! – обрадовалась царевна и, не давая вставить ни слова, затараторила. – Это хорошо! Мне уже бежать надо. Стеш, иди сюда! Вот тут отвар цвета липового, его Варюшке надо давать пить как можно чаще. Тут ромашка заварена, ею горло полоскать...

Злата увлечённо рассказывала, как пить какое снадобье, не давая ни Фролу, ни Степаниде вставить ни слова. Вот ещё! Им только дай возможность, и начнут глупости городить.

–Вроде всё, – наконец иссякло ёжино красноречие, а сама Ягуся уже умудрилась собрать и пройти к лестнице. – Я побежала, но завтра к полудню загляну, проверю как вы тут и отваров новых принесу. Ну, до завтра!

С этими словами и под ошарашенные взгляды кузнеца и Стеш, Златослава припустилась вниз, прижимая к себе тяжёлую корзинку, которую принёс от вдовы Фрол. Обувшись и одевшись, Яга покинула дом кузнеца и заторопилась домой.

В родную Избушку-на-Курьих-Ножках царевна вернулась в ранних сумерках и начинавшейся метели. Птицей взлетела по ступеням, миновала сени и, стряхнув на половичок налипший снег, вошла в тёплую кухню.

–Хозяюшка вернулась! – радостно возвестила Марфа, оторвавшись от вязания детских носочков.

–Заявилась, блудня, – приоткрыв один глаз, согласился Терентий и снова задремал.

–А вот и мама пришла, – сообщил Хмурич, покачивая на руках, как на качелях, весело повизгивающую Василису.

–Хорошие мои! – умилилась Яга, пристраивая корзинку с продуктами на лавку и вешая тулуп у печи. – Соскучилась просто страсть!

–А уж как мы соскучились, хозяйюшка, – с улыбкой покачала головой домовушка, откладывая в сторону недовязанный носочек.

–Говорите за себя, – буркнул, не открывая глаз, фамильяр.

Леший же только усмехнулся, не переставая покачивать на руках веселящегося ребёнка. Василиса восторженно визжала и выглядела донельзя бодрой. Похоже, уложить её спать будет довольно трудно.

–Приглядишь ещё немного? – спросила Злата у мужчины и, немного смутившись, пояснила. – Мне бы ополоснуться, а то...

–Ой, хозяйюшка, я вам мигом водичку приготовлю! – всплеснула руками Марфа и тут же исчезла в спальне, откуда донеслось. – Обождите чуток!

–Как в Сколки сходила? – меж тем задал вопрос леший.

–Хорошо, – пожав плечами, ответила Ёжка, пристраива-

ясь на лавке и вытягивая гудящие ноги. – Молоко, сметанку, да яйца купила, а завтра, наверное, мяса прикуплю.

–Чего же ты сегодня всё не взяла? – удивился мужчина, даже ребёнка покачивать прекратил.

–Да, тут такое дело, – принялась объяснять царевна, – у кузнеца сколковского сестрёнка меньшая заболела, меня попросили взглянуть. Пока ребёнка глянула, пока отвары приготовила, да объяснила что к чему, время и пролетело. Что успела достать, то и принесла, а завтра пойду снова, для малышки лекарства принесу, да и прикуплю ещё продуктов.

–Что с почином тебя, что ли? – ухмыльнувшись, поинтересовался Хмурич.

–Ты о чём? – удивлённо спросила Златка.

–О делах яговских, – хмыкнул леший, снова принявшись развлекать нахмурившуюся было Василису. – Вот ты начала людям помогать, а значит, обязанности Бабы Яги принялась исполнять. Это тебе не по книжкам премудрости колдовской да лекарской учиться. Яга она душой чувствует, что делать надобно. Где вмешаться и помочь, где мимо пройти. Наперёд зрит, что получиться должно. А получается так, как богам угодно.

–А как богам угодно? – насмешливо спросила Ёжка.

–Им угодно, чтобы каждый получил по своим заслугам: добру – добро, злу..., сама понимаешь что, – скопировав насмешливую улыбку девушки, отозвался он.

–А разве хорошо это злом на зло отвечать? – задумалась

вдруг Ягуся.

–Когда как, – уклончиво проговорил леший и, помолчав, добавил. – Порой зло не победить добру, а нужно ещё большее зло.

–Как-то это не правильно звучит, – нахмурилась Баба Яга, задумчиво потерев кончик косы.

–Уж как есть, – пожал плечами Хмурич. – В жизни всякое бывает.

Златослава прикусила губу и задумалась над словами мужчины, но никаких выводов не успела сделать. В кухню вошла Марфа, вытирающая мокрые руки о передник.

–Хозяюшка, я вам водичку приготовила, – улыбнулась домовушка. – Идите скупнитесь, а я пока вам ужин соберу. Чай весь день голодная бегаєте.

–Спасибо, Марфушка! – поблагодарила её Злата и предупредила уже лешего. – Я быстро.

Ёжка поднялась с лавки, стремительно пересекла кухню и, войдя в спальню, притворила за собой дверь, в очередной раз подумав, что как только Василиса подрастёт, места в Избушке будет не хватать. Это пока кроха ещё помещается в люльке, кажется, что в златкиной спальне много места, но на самом-то деле не так уж его и много и ещё одну пусть и детскую кроватку втиснуть не удастся, пока из комнаты не будет выдворен один из шкафов и письменный стол. Конечно, сейчас переживать на этот счёт ещё рано, но подумать уже следует, что и куда придётся убирать.

Вздохнув, царевна прошла за ширму и принялась раздеваться, попутно расплетая косу. Уложив снятые вещи на маленькую табуретку у стены, Баба Яга с наслаждением залезла в горячую воду, пахнувшую чередой и ромашкой. Продрогшая в долгой дороге Ёжка чувствовала, как отогревается, быстрее даже чем у печки, но вместе с приятным чуть обжигающим теплом подкрадывалась так не нужная сонливость. Эй, так не пойдёт! Этой ночью у Бабки Ёжки много важных дел, а поспать можно и на рассвете.

Тряхнув головой с отяжелевшими от воды волосами, Злата принялась старательно намыливаться пахучим мылом, чтобы побыстрее выбраться из уютного сонливого плена медной ванны. Тщательно промыв густые пряди волос, девушка решительно поднялась и охнула, почувствовав как прохладен воздух по сравнению с теплом воды. Быстро выбравшись из ванны, Ягуся закуталась в большое льняное полотно и, пробежавшись, прыгнула на кровать, уселась, подобрав под себя ноги, и принялась творить волошбу.

Совсем недавно Ёжка освоила несколько полезных и совсем простых заклинаний, которые очень упрощали жизнь. Прочитав о них в колдовских книгах она поспешила поделиться своей находкой с верным фамильяром. Терентия этим было не удивить. Кот смерил тогда замолкшую подопечную насмешливым взглядом и выдал не единожды озвученное: «Ты вообще на занятия ходила или только за Ванюшей своим бегала?».

Царевна шепнула заклинание, замысловато взмахнула рукой и тёплый колдовской ветерок вмиг высушил мокрую Ягу вместе с полотнищем, а волосы и того чуднее даже не спутались и словно бы были расчёсаны частым гребнем. Девушка улыбнулась весьма довольная собой и поспешила одеться в оставленную домовушкой чистую рубаху и верхнее платье толстой шерсти.

Вернувшись на кухню, Златослава первым делам взяла на руки, завозившуюся на коленях лешего, Василиску и присела рядом с Хмуричем, который с воодушевлением схватился за ложку и принялся с удовольствием уплетать наваристые щи. Видимо день был долгим не только для самой Ёжки. Устроив ребёнка удобнее на своих коленях и придвинув свободной рукой свою тарелку, Злата принялась за ужин.

– Хорошо здесь, но пора и честь знать, – выдал леший, отодвигая пустую тарелку и откладывая ложку.

– Сможешь ещё завтра за Ивушкой приглядеть? – спросила его Ягуся и поспешила сообщить. – Я в Сколки ближе к полудню пойду.

– Смогу, – улыбнулся притихшей на руках матери девочке.

– Славно-то как! – обрадовалась царевна.

– Ну, тогда пойду я, – поднялся из-за стола Хмурич и, направившись к выходу, пожелал. – Доброй всем ночи!

– И тебе того же, – догнали его слова Яги у самого порога.

Леший, не оборачиваясь, кивнул и покинул приветливое тепло Избушки-на-Курьих-Ножках. Ёжка прислушалась к

его шагам в сенях, потом заметила хлопок закрывающейся двери и дробный стук быстрых шагов по ступеням крыльца. Бросив взгляд в окошко, девушка только и успела заметить, как скрылась высокая фигура лешего за стеной нарастающей метели. Когда Златка обернулась, оказалось, что Марфа успела убрать пустые тарелки и поставить перед своей хозяйшкoй пузатую кружку клюквенного киселя. Клюкву на днях принёс Хмурич, целый берестяной туесок. Баба Яга тогда поморщилась, но не стала признаваться, что терпеть не может кислую ягоду. Когда же к вечеру Марфуша приготовила клюквенный морс, пришлось царевне признать, что не такая уж и противная эта болотная ягодка. А уж какой дивный кисель у домовушки из неё получался – ум отъешь!

Прихлёбывая ещё горячий кисель, Златослава с интересом наблюдала за тем, как малютка Василиса с усердием мусолит во рту свой собственный кулачок. Похоже, у кого-то начинают резаться зубки, следовательно, для Ёжки и её домочадцев вскоре настанет время бессонных ночей. Почему-то сие Злату ничуть не пугало.

–Ну, что спать пойдём? – спросила с улыбкой Яга у крохи.

–Ууу! – весомо выдала Василиса и даже кулак изо рта для этого вынула, но после снова засунула обратно.

–Это похоже на «да», – задумчиво произнесла царевна и рассмеялась, поднимаясь из-за стола.

Уложив ребёнка и оставив для присмотра выспавшегося Терентия, Златка вернулась на кухню и до поздней ночи го-

товила целебные отвары, примочки и смеси сухих трав. В полночь на столе выстроились в ряд пузырьки и бутылочки, кувшинчики и кулёчки, пучки трав, завёрнутые в тряпицы и даже небольшой, уместившийся в ладони, горшочек с толчёной клюквой плотно запечатанный. Оглядев своё богатство, Баба Яга принесла из спальни, разрезанные на несколько частей, листы бумаги, чернильницу и перо и принялась писать разъяснения к приготовленным лекарствам. Ёжка была весьма довольна собой, ведь два добрых дела сможет сделать: и ребёнка поможет вылечить, и две одинокие души сведёт. Ей было известно, что у Фрола с грамотой не ладится, Стеша же наоборот и читать, и писать обучена не хуже боярских дочек, вот пускай и дальше кузнецу помогает за сестричкой ухаживать.

Злата даже улыбнулась своим коварным замыслам. Оказывается это очень весело быть Бабой Ягой, каверзы всякие строить, но не на людскую беду, напротив, на счастье. Ведь, что может быть лучше, чем вылечить больного ребёнка и соединить судьбы двух хороших людей!?

Закончив писать наставления, Ёжка напевая себе под нос задорную песенку, взялась укладывать в пустую корзинку всё своё лекарское добро, с примотанными к нему сложенными листочками. Спать она легла далеко за полночь, едва успев раздеться, упала на постель и мгновенно уснула сном без сновидений.

Утро у Бабы Яги началось позже обычного, чему нема-

ло поспособствовали Терентий и Марфа, усердно развлекавшие проснувшуюся на рассвете Василису. Хотя надолго занять выпавшуюся малютку не получалось и её звонкий и вместе с тем требовательный голосок разбудил Ягу.

–Птичка-синичка, ты что проснулась? – зевая, спросила Златослав, поднявшись и склонившись над люлькой.

–Уууиии! – протяжно взвизгнула малышка и потянула ручки к маме.

–Ну, идём на ручки, непоседа ты моя, – подавив следующий зевок, улыбнулась царевна и взяла на руки девочку.

Ёжка отнесла кроху и положила на свою кровать, в надежде, что она, которая пару дней назад научилась ползать потихоньку, решит заняться исследованием вываленных на одеяло зверушек выточенных Хмуричем из дерева. Игрушки на пару минут заинтересовали девочку, но мама, присевшая у зеркала расчесать волосы, быстро стала более интересным объектом для осмотра.

–Аааа! – заголосила Василиса, возмущённо глядя на Ягу.

–Малышка, дай маме косу заплести, – попросила Злата, стараясь как можно быстрее расчесать спутавшиеся за ночь волосы.

–ААА! – уже не голосила, а почти басовито ревела Василиса, требуя внимания.

Стоило Ягусе отложить гребень, броситься к ребёнку и взять на руки, как крик замолк, а слёзы высохли мгновенно и без следа. Кроха широко улыбнулась, а потом и вовсе за-

ливисто засмеялась.

–Ах, вот значит как! – деланно возмутилась Баба Яга и строго спросила. – Вредничаем, да?

–Хозяюшка проснулась, – всплеснула руками Марфа, заглянувшая на голос, и обратилась к фамильяру, спрыгнувшему из люльки и старательно вылизывающему хвост. – Что ж ты не доглядел?!

–Доглядишь тут, – фыркнул кот, уже намывая мордочку. – Я уж и так, и эдак с ней, а ей только мамку и подавай!

–И то верно, – вздохнула домовая и обратилась к Златославе. – Я вам мигом поесть соберу.

Девушка только кивнула и попыталась строго посмотреть на довольную Василису, увлечённо мусолящую кулак. Ребёнок не проникся суровым взором матери. Яга вздохнула и попыталась снова вернуть девочку на кровать. Только ей стоило нагнуться, чтобы положить малышку, как Ива вынула кулачок из ротика и издала возмущённый вопль. Ёжка даже вздрогнула от неожиданности, вернулась в исходное положение и принялась покачивать дочку, которая успокоилась мгновенно.

–Ай-яй-яй! – пожурила Баба Яга малютку. – Как тебе не стыдно?!

–Гу-у-у, – тут же устыдилась Василиса, невинно захлопав пушистыми ресничками.

–И что мне с тобой делать? – усмехнулась Ёжка и вздохнула.

–Скоро уже Хмурич придёт, – задумчиво выдал кот, прекращая вылизывать свою рыжую шерстку.

–Вот именно, – снова вздохнула Златка, прогуливаясь по комнате и одновременно покачивая дочку на руках. – Мне к его приходу хорошо бы успеть собраться.

–Успеешь, – махнул на неё лапкой Терентий и посоветовал. – Иди завтракать, ребёнка накорми, а как лешак наш заявится, тогда и собираться будешь.

Совет был здравым. Украдкой глянув на гребень, девушка направилась в кухню, попутно захватив с постели фигурку мишки, чтобы было чем развлечь малышку во время еды. Заприметив в руке матери знакомую игрушку, Василиса протянула ручку, требовательно сжала кулачок и сказала своё веское «у-у-у». Косолапый мишка тут же перекочевал из ладони Златы, в крохотную, но цепкую ручонку Ивушки.

–Гы-ыгы, – сказала медведю малютка и с невозмутимым видом засунула его переднюю лапу в рот.

–Хозяюшка, садитесь скорее, пока всё не остыло, – позвала домовушка Бабу Ягу.

–Спасибо, Марфуш! – поблагодарила её Златослава, усаживаясь на лавку и пристраивая на коленях дочку.

Покормив ребёнка и поев сама, царевна всё же успела до прихода лешего привести себя в порядок и переодеться, так как после еды дочку стало заметно клонить в сон. Малютка сидела на маминой постели, обложенная с трёх сторон подушками и с задумчивым видом изучала разбросанные на

покрывале фигурки зверей и птиц. Пока Златка переплетала косу, время от времени косилась на притихшего ребёнка и в такие моменты на её губах расцветала светлая и счастливая улыбка.

Тук-тук-тук. Яга даже вздрогнула, услышав такой непривычный стук в окно Избушки-на-Курьих-Ножках. Закрепив косу простым кожаным шнурком, Злата подобралась к окошку и выглянула наружу. Выглянула и озадачилась увиденным – напротив окна стоял Хмурич, тут же заметивший Ёжку и знаком предложивший ей выйти.

Девушка пожалала плечами и озадачилась ещё сильнее. С каких это пор леший стал стучать? И зачем ей выходить из тепла Избушки надобно? Ну, если Хмурич просит, значит действительно надо.

Натянув валенки прямо на голые ступни, и накинув на плечи тулупчик, Златослава выскочила сперва в сени, а после и Избушку покинула. На крыльце она замерла и даже рот от удивления приоткрыла. Оказалось, что на полянке перед родимой Избушкой её дожидается не один леший, а целых два. Один хорошо знакомый Хмурич, второй совершенно неизвестный старичок в клочковатом тулупе, со встопорщенными седыми волосами и бородой. Взгляд непроглядно чёрных глаз старшего лешего был насторожен и совершенно не замутнён старостью.

– Утро доброе! – вежливо поприветствовала присутствующих Баба Яга, стараясь уж совсем неприлично не пялиться

на незнакомца.

–И тебе доброго! – откликнулся Хмурич и без каких-либо предисловий поспешил представить другого лешего. – Это Прокопий, он за лесом по ту сторону болота присматривает.

–Здрава будь, Баба Яга! – произнёс леший и поясню поклонился девушке.

–И тебе по здорову! – пролепетала, растерянная и немного смущённая таким обращением, Ёжка. – Рада знакомству с тобой!

–Я чего Прокопия привёл, – начал было, но на миг замялся, а потом более уверенно продолжил Хмурич, – тебе ведь давно пора с остальной нечистью перезнакомиться, вот я и решил, что надо это потихоньку делать. К тому же тебе проводник в лесу надобен, а то ты в Сколки, то в Карповку, то ещё куда бегаешь, а дорог коротких не знаешь и с лесом пока договариваться не умеешь, тут то Прокопий и поможет. Он тебя и путём коротким проведёт, и спрячет ежели что, пока я за Ивушкой приглядываю, а там как Верейка проснётся, мы с ним и по очереди сможем тебе помогать.

–Прокопий, а тебе-то это не в тягость? – спросила Ягуся, после слов своего лешего.

–Да какой там! Тягость – придумаешь тоже! – горячо воскликнул старичок. – Да хорошей Яге помочь – это ж первое дело!

–Вот как, – задумчиво вымолвила Злата и, встрепенувшись, повелительно произнесла. – Тогда в Избушку идёмте!

Мне собраться надо, а вас Марфа пока покормит.

– Яга! – одобрительно произнёс Прокопий и, потоптавшись, последовал за уже скрывшейся в Избушке Златкой.

– Яга, – согласился с ним Хмурич и тоже поспешил в уютное тепло, ближе к любимым пирожкам.

Ёжка уже не оглядывалась. Она направилась в спальню, где поцеловала заснувшую на маминой кровати Василису, захватила с вечера собранную корзинку со снадобьями и ещё раз проверила её содержимое. Поразмыслив немного, прихватила с собой небольшой томик заговоров, оставшийся от Яги Аграфены, завернула в шелковый платок и уложила в корзину. Корзинку девушка перенесла в кухню и поставила на лавку возле входной двери, а сама принялась натягивать валенки, повязывать тёплый платок и надевать тулуп. Когда со сборами было покончено, оказалось, что и Прокопий с Хмуричем уже успели утолить голод, а Марфа собрать немного еды в дорогу Ёжке и лешему.

С поклоном приняв у домовушки котомку с ещё горячими пирожками, Прокопий поблагодарил улыбающуюся Марфушку и последовал за Бабой Ягой вон из Избушки. Спустившись вниз по ступеням, леший решительно обогнал девушку и, заговорщицки подмигнув, развёл руки в стороны, словно раздвигая перед собой густые кусты. Златослава недоуменно смотрела на старика, а надо было смотреть вперёд, туда, куда смотрел леший, и где закружились в хороводе снежинки, образуя белёсый чуть светящийся проход.

–Ой! – тоненько воскликнула царевна, раздумывая, а не присесть ли от удивления прямо в сугроб.

–А то ж! – гордо подтвердил Прокопий, оглаживая рас­трёпанную бороду.

–Это что? – почему-то полушепотом спросила Ягуся, при­жимая к груди корзину.

–Ход енто, – улыбнувшись, ответил лешак и уточнил, – самый значитя короткий, прямо к опушке перед Сколками выйдем.

–Ох! – ещё сильнее удивилась она и тихонечко спросила. – А что Хмурич тоже так может?

–Не-а, – самодовольно протянул Прокопий, снова прове­дя раскрытой ладонью по бороде, – молодой он ещё шоб та­кие ходы делать. Вот когда пятая сотня минёт, сможет не просто с лесом сговариваться и пути срезать, а напрямик хо­дить.

–Ух, ты! – восторженно выдохнула царевна.

–Ладно, ужo, – махнул рукой чуть смутившийся старичок и шагнул к проделанному им ходу. – Пошли, давай!

Всё так же прижимая корзину к груди, Златка кивнула и посе­менила вслед за лешим. Очутившись внутри прохода, Яг чуть сбилась с шага и, остановившись с открытым ртом, при­нялась разглядывать мерцающую белую поверхность. Осто­рожно протянув одну руку, девушка с благоговением косну­лась холодной и рыхлой на ощупь стены.

–Снег, – прошептала Баба Яга, пошевелив пальчиками и с

изумлением обнаружив, как мелкие снежинки подаются под пальцами и осыпаются вниз.

–Ягуся, ты там что, потерялась что ля? – крикнул ей Прокопий, уже дошедший до конца прохода.

–Бегу, – отозвалась Злата, со вздохом убрала руку от снежной поверхности и бросилась догонять лешего.

Догнала, отдышалась и с грустью проследила, как проход вмиг опал белым ворохом снежинок. Леший по-доброму улыбнулся и произнёс:

–Да, не грусти ты, Ёжка! Назад вертаться будем, снова увидишь.

–Спасибо! – чуть-чуть застеснялась Баба Яга своего почти детского огорчения, когда рассыпался ход.

–Ну, значитя прибыли мы, – перевёл разговор к делам насущным Прокопий. – Вона они Сколки видны. Иди Ягуся, а я пока своими делами займуся. Как закончишь, иди к лесу, я тебя прямо туточки и встречу.

–А Хмурич мне свистульку давал, – сообщила старичку девушка. – Я свистела, и он узнавал, что меня встречать надо.

–Молодеж зелёная! – хмыкнул с улыбкой леший и, обведя руками лес по обе стороны от себя, назидательно сообщил. – Вона она моя «свистулька» – весь ентот лес и каждая живая душа в нём, к любому потянись и глазами их увидишь, носом почувешь. Будь покойна, Ягуся, когда только к лесу подходить будешь, я уж туточки окажусь.

–Пойду тогда, – чуть смутившись, пробормотала Златослава. – До встречи!

–До встречи, девонька! – сказал Прокопий, сделал шаг назад и исчез, будто его и не было вовсе.

Подивившись чуток, побрела Баба Яга к Сколкам. Быстро добралась до деревни и самым коротким путём побежала к дому кузнеца. Что-то неправильное показалось Златке в деревенских улицах, но что именно она не могла взять в толк, потому как все мысли её были о том, чтобы быстрее добраться до Фролова дома, проверить как там Варенька, выдать лекарства и назад домой бежать.

У кузнецова жилища Ёжка сбавила шаг, прошла по двору, поднялась по ступеням и два раза громко стукнула кулачком в дверь. Открыли ей сразу, видно ждали. На пороге высился Фрол, на первый взгляд вполне себе отдохнувший и даже какой-то спокойный.

–Здорово! – поприветствовала его Злата и с ходу спросила. – Варюша как?

–Жар под утро сошёл, она даже очнулась, щебетала как птичка, – растянув губы в едва уловимой улыбке, отчитался парень, но вдруг нахмурился и продолжил. – Только опять подниматься недавно начал..., – тут кузнец вдруг вспомнил о вежливости. – Ох! И тебе, Златослава, здоровья!

–Ничего, – утешила его довольная Яга, – мы это мигом исправим! Я тут ещё снадобий принесла. А Стеша где?

–Спит, – почему-то смутился и от того совсем тихо отве-

тил Фрол.

–Хм, – задумалась Баба Яга и, потряхнув головой, скомандовала. – К Варюшке веди!

Парень немного замялся, но потом кивнул и повёл царевну в горницу. Прежде чем пройти к ребёнку, Злата разулась и сняла верхнюю одежду, бросив ту на лавку рядом с дверью в горницу. Взяв с собой только корзину, Ягуся ступила на порог и едва сдержала смешок. Понятно ей стало, чего Фрол смущался.

У детской кроватки прямо как сидела, так и уснула Степанида, чуть прислонившись к изголовью. На плечах вдовы лежал тёплый платок, и Яга прямо нюхом чуяла, что накрылась она им не сама, явно кузнец укрыл и скорее всего тогда, когда она уже спала. Златка с трудом подавила желание потереть руки и широко улыбнуться, вместо этого обернулась и строгим шепотом спросила:

–Давно спит?

–Нет, – помотал головой парень, – только прикорнула.

–Хорошо, – кивнула Ёжка и, ступая на цыпочках, прошла и присела на пустую возле спящей Вареньки кровать.

Поставив свою корзинку на колени, девушка, стараясь не звенеть, принялась выставлять склянки на пустую крышку ближайшего ларчика. Поправила на каждой бутылочке записку с пояснениями, чуть погрела одну скляночку волошбой, чтобы травяной сироп согреть и, отставив корзинку, подошла к ребёнку.

–Варенька! – тихо и ласково позвала спящую девочку Златослава и осторожно положила ладонь на её лобик, чтобы проверить есть ли жар.

–Братик, – шепнула девочка.

Реснички её дрогнули. Варя очень медленно открыла глаза, посмотрела чуть мутноватым от болезни взглядом на Ягу и так радостно ей улыбнулась.

–Тётя Злата? – словно бы уточнила малышка. – Вы меня лечить пришли, да? Братик говорил, что вы мне лекарства принесёте.

–Да, маленькая, – улыбнулась в ответ Ёжка и, откупорив крышку, поднесла склянку с сиропом к ротику девочки. – Вот, выпей всё! Оно только чуть-чуть горькое, но тебе сразу легче станет.

Девушка помогла Варюше приподняться и с довольной улыбкой проследила как девочка, ничуть не морщась, выпила всё до дна. Устроив малышку обратно на подушке, Баба Яга убрала пустую склянку в корзину и достала глиняный кувшинчик. Затем отогнув одеяло, развязав рубашонку девочки и осторожно стянув её, строгим голосом сказала:

–А теперь не хулигань и не пищи! Я тебя настойкой лечебной натирать буду.

Варя только кивнула и зажмурилась, когда Ягуся откупорила кувшинчик и налила немного настойки на свою ладошку. По горнице поплыл горьковато-терпкий аромат трав. Поставив кувшин рядом с собой, Злата принялась растирать

грудь и шейку ребёнка. Варенька морщилась, но терпела, а царевна тихонько посмеивалась и продолжала лечение.

– Всё, – сообщила она девчужке и принялась обратно завязывать тесёмки на её рубахе, а после и вовсе плотно в одеяло укутала. – Теперь спи! Когда проснёшься, будет уже лучше.

Но девочка возможно уже и не услышала её слов, потому как чихнула, зевнула и погрузилась в сон почти сразу же. Яга только подивилась и, продолжая улыбаться, взяла книжицу из корзины. В книжке, как знала Златка, был заговор силу лекарственных трав увеличивающий. Полистала странички, нашла и на одном дыхании прочла, стараясь как можно больше волошбы своей в заговор вложить.

Последние слова заговора повисли в тишине и растворились, как дымок над костром. Ёжка сразу почувствовала, что всё-то у неё получилось и скоро Варюшка совсем поправится. А если ещё и судить по тем нежным взглядам, которые украдкой бросал Фрол на спящую Стешу, то не только в лечении Яга преуспела.

– Всё что могла, я сделала, – произнесла девушка, убирая обратно в корзинку свою книжицу. – Теперь остаётся поить малышку лекарствами и ждать. Думаю, через седмицу она уже снова будет здорова, если будете следовать моим наказам. Я всё записала, что делать надобно. Степанида тебе прочтёт, а мне пора уже. Дня через два или три я снова приду, вас проведать, но не раньше. Если что случится..., – Ёжка на

мгновение задумалась и выпалила на одном дыхании, придумав великолепный выход из ситуации, – дурно там Вареньке станет совсем, то беги к Звонкой, там, где камень полоскальный и жди. Я приду так быстро как смогу...

– Ты ведьма? – неожиданно перебил девушку кузнец, под его пристальным взглядом та невольно поежилась.

– Белены объелся?! – тут же возмутилась Баба Яга, уперев руки в боки.

– Тогда как ты узнаешь, что я к камню приходил, да ещё и придёшь быстро? – задал резонный вопрос Фрол.

– Я с местным лешим знакома, его попрошу последить, – нахмурившись, нехотя ответила ему Ёжка и, прищурившись недобро, предупредила. – Смотри никому не проговорись про это, а то дядьку лешего попрошу, он тебя по лесу кругами водить всякий раз будет, как только ты туда сунешься. Понял?

Парень не ответил. Он смотрел на Ягусю с подозрением, как на ядовитый гриб на солнечной полянке. Что за мысли в тот момент крутились в голове кузнеца, Златослава догадывалась и, конечно же, это её не радовало. Она хоть и не раскрыла, что является Бабой Ягой, но внимание селян теперь ей уж точно обеспечено и, похоже, совсем близок тот час, когда о ней узнают правду.

– И нечего на меня так смотреть! – грозно потребовала царевна. – Я не ведьма и не нечисть какая-то, злых умыслов не имею, пакостей не творю. А лично тебе ещё и помогла,

так, что не надо тут во мне дыры прожигать! Не всё ли тебе равно, откуда у меня такие знакомства, а?

–Ежели ты ведьма, то может сама..., – начал было Фрол неуверенно, а под обиженно-возмущённым взглядом Златка не закончил и смущённо смолк.

–Договаривай, давай, раз уж рот открыл! – поджав губы, проговорила Яга, но, не дождавшись от кузнеца ни слова зло произнесла. – Сказать хотел, что, мол, сама я хворь на Варюшку наслала, да? – злость на кузнеца вдруг схлынула и осталась только обида. – Да, как ты вообще такое мог предположить?!

–А что я должен был думать, когда ты такие вещи странные сказываешь? – опустив голову и сгорбившись, спросил Фрол не глядя на девушку.

–Ай, да иди ты! – вырвалось у Бабы Яги.

Златослава схватила корзинку и, не говоря ни слова более, направилась к двери. Кузнец молчал. На пороге Ёжка повернулась и нехотя произнесла:

–Своих слов я назад не беру. Если помощь понадобится, что делать знаешь. Будь здоров, Фрол Селиванович!

С этими словами Ягуся ушла из горницы, быстро обулась и оделась, чтобы после стремительно покинуть дом кузнеца. Она шла быстро, на ходу раздражённо поправляя надетую наспех одежду и не сразу сообразила, что оказалась рядом с домом мельника. Только поскользнувшись и чуть не упав, Злата, наконец, остановилась и огляделась. На обычно люд-

ной в такой час улице было пустынно, но не это насторожило девушку. Её донельзя озадачила выскочившая из родного дома мельничиха, едва удерживающая обеими руками две большие явно недавно набитые пухом подушки. Федора тоже заметила Златославу и резко остановилась.

–Ой, Златушка, а чегой ты тут опять объявилась? – задала вопрос удивлённая женщина, даже забыв поприветствовать девушку.

–Здравы будьте, Федора Никифоровна! – вежливо поздоровалась Яга и поспешила соврать что-то правдоподобное. – Да, вот вчера мяса купить не успела, сегодня к Фролу пошла, а ему сейчас не до меня особо. Думаю, к кому теперь податься.

–И тебе по здорову, Златушка! – исправилась мельничиха и, кивнув на свой дом, предложила. – Ты вона к нам зайди. Девчонки мои тебе сколько надо отрежут, мы давеча телуху зарезали, так что мясо есть.

–Спасибо, Федора Никифоровна! – поблагодарила Баба Яга женщину и, не удержавшись, спросила. – А вы спешите-то куда, да ещё и с подушками?

–Царь-батюшка пожаловал, – чуть понизив голос, восторженно сообщила Федора. – Сам он, да двое бояр в общинном доме расположились, а кметей егойных на постой деревенские разобрали. У свахи моей двое остались. Вот несу ей подушек хороших. Люд-то столичный, чай привык к перинкам помягче, а у свахи не подушки – стыдоба сплошная!

–Так завтра же должны были явиться, – растеряно про-
бормотала Злата.

–Верно, говоришь, – подтвердила кивком женщина. – Да
только ж, енто же царь! Вот он и прибыл раньше.

От такого заявления, Ягуся едва не хихикнула, но быстро
взяла себя в руки.

–А что ж, царь-батюшка уже к Бабе Яге направился? –
осторожно поинтересовалась Златослава.

–Нет, – серьёзно покачав головой, ответствовала мельни-
чиха. – Староста отговорил. Вот ещё на ночь глядя к Яге су-
ваться! Вдруг ещё проклянёт чем? Али заплутает батюшка
наш? Да мало ли худого в сумерках ночных произойти мо-
жет? Не-е-э, утро вечера мудреней! Вот после утреней зорь-
ки, да с подарочком каким, тогда как-то спокойнее будет....
Ох, Златка, заболтала! Пошла я. Прощевай!

–До свидания! – уже вдогонку крикнула царевна и поспе-
шила к дому мельника.

Глава 7. Кощей в гостях у Яги или как царь-батюш- ка в очередной раз стал дедушкой.

Возвращалась Златослава к опушке растерянная и всё ещё
расстроенная, но утешало одно, всё, что нужно она купить
успела. Как и было обещано, стоило Яге подойти к лесу, как
из-за заснеженных молоденьких елочек вышел к ней Проко-
пий. Леший сразу приметил, что ещё несколько часов назад
весёлая и довольная жизнью Ёжка как-то погрустнела.

–Что стряслось, девонька? – осторожно поинтересовался

у неё старичок.

–Ничего, – тряхнула головой Ягуся и постаралась улыбнуться. – У меня к тебе, Прокопий, просьба будет. Тут за полоскальным камнем приглядеть надо и ежели к нему здоровый такой парень подойдёт, кузнец сколкинский, надобно мне будет сообщить и ежели не трудно, то и до опушки снова доставить. Сможешь?

–От чего же не смочь? Смогу, – уверил девушку леший и, прищурившись, спросил. – Тебе он по делу какому или женихаться?

–По делу, – скрипнув зубами, ответила Баба Яга и решила уж сразу всё новому знакомцу разъяснить. – Я уважаемый, Прокопий, «женихаться», как вы выразились, не собираюсь ни с кем. Во-первых, у меня сейчас первейшая забота это дочка, и мужики чужие мне даром не нужны и за деньги не надобны! Во-вторых, если Хмурич не просветил – я дочь царя Кощея и с простым кузнецом женихаться, только батюшку позорить. И раз уж мы всё разъяснили, может, уже вернёмся к Избушке?

–Етишкин свет! – только и смог вымолвить ошеломлённый такими новостями леший.

–Просто у кузнеца сестра меньшая больна шибко, – со вздохом пояснила как-то вмиг сникшая царевна. – Я её лечу.

–Ты, девонька, не сердись на старика, – успокоился и примирительно попросил Прокопий. – Я же не со зла. Ты девка-краса, он парень молодой, вот я грешным делом и поду-

мал, что жених он тебе.

– Со всяким бывает, – тихо проговорила Златка и устало так добавила. – Домой хочу, мочи нет!

– Ой, пенёк я трухлявый! Сейчас, девонька! Сейчас, – с этими словами леший поспешил творить проход.

В этот раз созданный из снежинок проход не вызвал у Златославы того бурного восторга, что был в тот момент, когда она узрела его впервые. Сейчас девушка была слишком расстроена и растеряна. К тому же она чувствовала себя такой уставшей, словно брёвна ворочала.

Вслед за лешим Яга быстро миновала проход и вышла вблизи Избушки-на-Курьих-Ножках. Из кухонного окошка пробивался свет, а на подоконнике по ту сторону отчётливо виднелся пушистый бок прикорнувшего Терентия. Вот кошачьи уши дёрнулись, словно бы почувствовав появление подопечной, фамилляр поднял голову и, прижав розовый нос к оконному стеклу, принялся вглядываться в сгущавшиеся сумерки. Заметил Бабу Ягу кот почти сразу. Губы Златы непроизвольно растянулись в улыбку, и она помахала Рене. Когда же мгновением позже в оконном проеме показалась фигура Хмурича, державшего на руках малютку Василису, Ёжке стало значительно легче. И стоило только младшему лешему взять девочку за крохотную ладошку и осторожно помахать ею в ответ, всё грустное забылось в один миг.

И чего только расстроилась? Всем мила никогда не будешь! Подумаешь, гадость сказали, усомнились в искренно-

сти поступка. Какое ей, Бабе Яге, до этого дело?! Главное, что она помогла больному ребёнку. Главное, что сама знает – не было никакого злого умысла. Главное, что есть те, кто ей верит, кто её любит и всегда ждёт.

–Зайдёте? – всё ещё улыбаясь и глядя в окошко, спросила у Прокопия царевна.

–Не, девонька, – отозвался леший и со смешком пояснил. – Дел у меня куча, да и тебе отдохнуть надобно, ты же едва на ногах держишься. А за кузнеца не беспокойся! Если вдруг появится, я тут же к тебе явлюсь, да провожу, куда скажешь.

–Спасибо! – искренне поблагодарила Ягуся, повернувшись к старичку лицом.

–Ну, бывай, Ёжка! – махнув на прощание рукой, произнёс Прокопий и шагнул в новый снежный переход.

–До встречи! – попрощалась с ним девушка и, сорвавшись с места, побежала к Избушке.

В Избушке было тепло, уютно и всё плохое осталось где-то там за стенами, стоило только переступить порог кухни. И в этот раз всё было так же, как и прошлым вечером. Марфа вязала, сидя на лавке у печи. Терентий, переместившись поближе к домовушке, демонстративно принюхивался к доносившимся из печного нутра ароматам мясной похлёбки и пирогов. Хмурич развлекал хохочущую малышку, то покачивая её на руках, то разрешая дёргать себя за волосы, уши и нос.

–Хозяюшка вернулась! – привычно обрадовалась домовая, откладывая вязание в корзину и принимаясь шустро доставать из печи снесь.

–Объявилась, – фыркнул кот и, пронизательно прищурившись, спросил. – Что-то случилось?

–Ну, как сказать, – замялась Злата и тут же созналась. – Батюшка уже в Сколки приехал. Думаю, завтра здесь будет.

–А-а-а! – простонал фамильяр и картинно рухнул с лавки на пол. – Уми-ира-а-ю!

–Это с какого же перепугу-то? – едко поинтересовалась царевна, с усмешкой глядя на дурачащегося кота.

–С того самого, – огрызнулся Терентий, на мгновение прекратив изображать из себя умирающего. – Лучше я сам как-нибудь, чем царь-батюшка меня пришибёт!

–Не дури! – строго приказала Златослава. – Не тронет он тебя...

–Правильно! – вдруг возопил кот, вскакивая и начиная метаться по кухне. – Я спрячусь! За печью....Нет, там сразу найдут. В печь!.. Нет, там горячо.

–Зато искать точно не будут, – хихикнула девушка, с весёлым любопытством наблюдая за кошачьей истерикой.

–То же верно, – серьёзно кивнул Реня. – Оставим как запасной вариант. А может на чердак?.. Нет, тоже найдут, – ответил сам себе кот и тут радостно пискнув, кинулся в ноги к лешему. – Хмурич, родненький, спрячь меня в лесу где-нибудь! Хоть в лисьем логове! Хоть медвежьей берлоге схо-

рони!

–Если я с тобой в медвежью берлогу в такое время полезу, то нас тогда обоих схоронят, – насмешливо фыркнул лешак. – Косолапому вообще всё равно будет, кто перед ним леший или потомственный фамильяр – задерёт как зайцев.

–Ой, бедный я! Ой, несча-а-астны-й! – дурным голосом взревел Терентий, катаясь по полу. – Помру же во цвете лет! Кругом беда, не спрятаться, не скрыться!

–Рень, хорош паясничать! – не выдержав, прикрикнула на него Яга. – Не скоморох чай!

–Злая ты, Златка! – прекратив стенать и кататься по полу, укоризненно припечатал кот. – Нет, что бы поддержать верного фамильяра,

–А кто меня поддержит, ежели батюшка за хворостину возьмётся? – ехидно спросила девушка.

–Да, дела-а, – протянул Терентий, задумчиво почесав себя за ухом, и со вздохом молвил. – Эх-хех, пропадать так вместе. Хмурич, забудь! Берлога отменяется.

–Вот и славно, – сдержано улыбнулся мужчина, переводя взгляд с кота на царевну и обратно. – А ты, Злат, давай в порядок себя приводи, я тебе дитё отдам и пойду. Дела тут вырисовались. На западе кто-то зверё без меры бьёт, надо разобраться.

–Ты бы поужинал тогда пока, а я как раз всё успею сделать, – предложила Яга, пристраивая ближе к печи промокшие валенки.

–Спасибо! Я сыт, – заверил её леший и насмешливо пояснил. – Благодаря кушаньям Марфы я скоро ни в одну дверь не пролезу, если учесть, что я вообще-то лесная нечисть и по людским жилищам шастать не должен.

–Ну, так у меня не просто жилище, – улыбнулась ему Златослава, – а Избушка-на-Курьих-Ножках, да и сама я уже не совсем человек

–Не суть, – засмеялся Хмурич. – Я действительно сыт и закончим на этом.

–Хорошо, – покладисто согласилась Ягуся и метнулась в спальню.

Спустя совсем немного времени умытая и переодевшаяся девушка уже прощалась с лешим, покачивая на руках заснувшую Василису. Как только за Хмуричем закрылась дверь, Баба Яга поспешила уложить дочку в люльку, а сама вернулась в кухню, чтобы поужинать и обсудить с Марфой и Терентием предстоящее посещение царя Кощея.

Воротившись в кухню, Злата обнаружила домовушку, нервно натирающую уже видимо не в первый раз вымытые тарелки. С высоты кухонного шкафа за Марфой зорко следил Реня, время от времени подёргивая пушистым хвостом, выдавая тем самым свои переживания по поводу приезда царя. Яга посмотрела сначала на верного фамильяра, затем перевела взгляд на домовую и печально вздохнула. Царевна тоже нервничала перед встречей с батюшкой и разумно опасалась его решения, потому как точно знала – возразить отцу

она сможет только в одном случае, если тот потребует отказаться от Василисы. В любом другом случае, Златослава уже приняла для себя такое решение, она согласится на все условия, которые выдвинет батюшка. Не в том положении она, да и хватит уже быть себялюбивым ребёнком думающим лишь о своих бедах-горестях.

Не столь давно на девушку, наконец, снизошло озарение о том, что она натворила, влюбившись царевича Ивана, как сильно подвела отца и какую угрозу своим опрометчивым поступком могла навести на всё родное царство. А дело было в том, что до того момента как Златка дала Ивану согласие на свадьбу, она уже была обещана другому.

Ещё за три года до знакомства с царевичем Светорецким к Ростилаву Всеволодовичу нагрянули сваты от самого Змея Горыныча. Змеем Горынычем прозвали Великого Князя Лиходольского Будимира Давыдовича. Змеем – за особенность родовой волошбы. Издавна мужчины сего славного семейства могли по своей воле превращаться в громадных крылатых змиев, извергающих огонь, считалось, что этой ипостасью их одарил сам Отец Небо для охраны земель, да защиты слабых и нуждающихся. Горынычем же князя прозвали после славной победы над лесными воителями у реки Горынь, что отгремела почитай как добрую сотню лет назад, в то время как Лиходольским Княжеством Будимир Давыдович правит вот уже полторы сотни лет, да ещё раза по три по полторы сотни править будет, скорее всего. Долгая жизнь у змеев.

Очень долгая.

В тот год, когда царю Кощею прибыли сваты, Златославе только-только минуло пятнадцать и как любой другой девчонке в этом возрасте ей мечталось выйти замуж за удалого царевича, красивого и весёлого. Обычно её мечтания заканчивались на свадебном обряде, дальнейшее в воображении юной царевны выглядело размыто и не очень понятно, об отношениях между мужчиной и женщиной за закрытыми дверями спальни Златка не знала почти ничего, кроме, быть может, самого главного – после этого на свет появляются дети. О своих детях девушка конечно по малости лет не мечтала и совсем не представляла себя в роли матери. И вот тут раз и являются какие-то сваты, а батюшка радостно сообщает единственной дочери, что князь Будимир просит у него руки её, Златы, для своего любимого внука.

Златослава до того самого момента у себя в горнице частенько мечтала о том дне, когда царь-батюшка объявит о том, что её хочет взять в жёны какой-нибудь царевич или князь, а может и вовсе заморский принц. Вот только когда сей день настал, пятнадцатилетняя девчонка вдруг разревелась от страха и неизвестности прямо на глазах у сиятельного князя Будимира. Сдав ревушее в голос чадушко на руки мамкам-нянькам, царь Кощей заперся вместе со Змеем Горынычем в своих палатах, а позже непреклонно сообщил дочери, что она де теперь невеста, просватанная, и как только минует ей восемнадцать годков, так и свадебку с княжичем

сыграют.

– Это, Златослава Ростиславовна, не обсуждается! – резко прервал потоки слёз и мольбы об отмене своего решения ба-тюшка-царь. – Я своему побратиму обещал, что ежели у меня дочка родится, отдам её замуж за его сына. Я своего слова не нарушу. К тому же княжич Лиходольский очень достойный мужчина и ты ему понравилась очень, раз он так быстро сватов заслал...

– Да когда же я ему понравиться-то успела?! – всплеснула руками Злата, прекратив на миг даже плакать.

– Ох, доченька, и в каких только высях ты всё время летаешь, если не помнишь, что Князь Будимир со всеми своими внуками и сыновьями в большой осенней охоте участвовал! – устало покачала головой Ростислав Всеволодович. – Тебя ведь тогда четверо из его внуков сопровождали: Глеб, Зареслав, Огнеслав и Руслан. Вот один из них и есть жених.

Златослава даже губу от раздражения прикусила. Что поделаться, если не помнила она ни одного из них! На той охоте вокруг красавицы-царевны крутилось слишком много юношей и молодых мужчин, а сама девушка была слишком занята всеобщим восхищением, что совсем не запоминала тех, кто ей представлялся. Злата даже спрашивать имя жениха у отца не стала, потому что совершенно не помнила ни имён, ни лиц княжичей.

– Ты даже не спросишь, как зовут твоего жениха? – лукаво улыбнувшись, спросил отец.

–Нет! Знать его не хочу! – горячо воскликнула непокорная дочь и, не спросив у бабушки разрешения, убежала вон, в свою горницу предаваться горю.

Позже Златка не раз жалела, что не узнала имени своего наречённого, но спрашивать у отца ей было стыдно, а мать и братья хранили торжественное молчание и не спешили пролить свет на личность этого загадочного жениха. А когда царевне сравнялось семнадцать, царь-бабушка неожиданно решил отправить дочку в Магическую Академию Восточных Земель, дабы та начала развивать свои колдовские способности. Там-то девушка и познакомилась с царевичем Иваном, о чём по сей день горько жалела.

Уж лучше бы она вышла замуж за лиходольского княжича! Ведь ни о детях, ни о внуках Змея Горыныча никто никогда и слово худого не молвил. Все знают, что многочисленные отпрыски мужского пола сего княжеского рода являются благородными, смелыми и мудрыми мужчинами. За таким, как за стеной каменной, как мамка говаривала. Но нет же! Ей дурочке Иван-царевич приглянулся, про которого в Академии ходили слухи один гаже другого. Любовь слепа говорят. Теперь Златка это точно знала.

–Хозяюшка, ложилась бы ты почивать, – тронув за плечо задумавшуюся Бабку Ёжку, осторожно проговорила Марфа. – Завтра день трудный.

–Ох! – тряхнула головой девушка, прогоняя непрошеные воспоминания и поворачиваясь лицом к домово́й. – Ка-

кой уж тут сон?! Надо к батюшкиному приезду подготовиться, прибраться, кушанья наготовить и вообще...

– Так я вам на что? – чуть насмешливо улыбнулась домовушка. – Всё сделаю в лучшем виде, можете не беспокоиться.

– Да, вот боюсь, Марфушка, что не беспокоиться у меня вряд ли получится, – со вздохом призналась Ягуся. – Уж больно вид у батюшки был довольный да загадочный. Боязно мне.

– Чего же вам бояться, хозяйюшка? – удивлённо всплеснула руками домовая. – Разве ж отец своему ребёнку дурное сделает?

– Нет, – растеряно пробормотала Златослава и пристыжённо прошептала, – но страшно всё равно.

– Ты, Златка, давай беду не кликай! – неожиданно подал голос Терентий, сурово сверкнув зелёным глазом на Ёжку. – Иди лучше зелия сонного выпей и ложись, а то на тебя без слёз не взглянешь, чисто вупырь неприкаянный! Мы с Марфой сами тут управимся.

– Но..., – хотела было возразить молодая Яга, но её перебила Марфа.

– Хозяйюшка, послушалась бы ты Терентия, – ласково проговорила домовушка, погладив девушку по руке. – Умори-лась вся, бледненькая вона какая. Тебе бы выспаться хорошенько.

– А Ивушка? – не сдавалась Златка. – Вдруг проснётся, а я сонного зелья напившись спать буду и не проснусь.

–Будь спокойна, хозяйюшка, за детонькой мы приглядим, – продолжая успокаивающе поглаживать царевну по руке, уверяла её маленькая женщина. – Да и спать крохотулечка наша будет уж точно крепко, она же с Хмуричем так озорничала проказница, нахохоталась, напозалась.

После слов Марфы, губы Златы растянулись в тёплую, счастливую улыбку и всё плохое окончательно, словно метёлкой из души вымело. Да, маленькая Василиса с каждым днём становилась всё непоседливее и непоседливее. Кроха быстро осваивала все младенческие премудрости. Пусть и сидеть малютка могла пока только с поддержкой, да и ползала ещё плоховато, но ещё пройдёт чуть-чуть времени, и за этой егозой уже не уследишь. Да и слоги отдельные начала проговаривать, но редко, потому как общаться предпочитала со всеми по средствам смеха, попискивания и плача. А Златослава очень ждала, когда же доченька скажет заветное слово «мама».

–Хорошо, – мягко улыбнувшись, произнесла Баба Яга и поднялась из-за стола. – Пойду, зелье выпью и спать лягу.

–Вот и правильно, Ягусь, – поддержал Златку фамильяр.

–Доброй ночи! – пожелала девушке Марфа.

–И вам! – проговорила Ёжка, направляясь в спальню.

В комнате слабо теплилась одинокая свеча, оставленная на столе. Именно в его сторону и направилась царевна, чтобы выудить из небольшого деревянного короба склянку с сонным зельем. Осторожно ступая, Яга пересекла помещение,

откинула крышку короба. Свет свечи заискрился на стеклянных боках разнообразных бутылочек, заставляя разноцветное содержимое стать словно бы ярче. Злата любовалась аккуратно разложенными зельями и настоями, провела пальчиком по плотно закупоренным пробкам, словно пересчитывая, и безошибочно вытянула небольшую склянку с плескавшейся в ней изумрудно-зелёной жидкостью.

Вместе со склянкой Баба Яга направилась к постели, быстро разделась, оставшись в нижней рубаше, юркнула под одеяло и только тогда, откупорив зелье, сделала глоток. После Злата только и успела, что поставить склянку на столик. Через мгновение она уже спала сном без сновидений.

Утро выдалось таким замечательным, что открывать глаза сразу очень не хотелось. Ягуся позволила себе немного подремать, наслаждаясь тем, как по лицу скользят тёплые солнечные лучики, за окном весело чирикают птахи, чужавшие скорую весну, и не особо прислушиваясь к тихим голосам, доносившимся из кухни. Последнее время девушке редко выдавалось счастье вот так понежиться в постели, ибо Василиса обычно поднимала всех ни свет, ни заря.

Ёжка улыбнулась и, сладко потянувшись, открыла глаза. Что-то неправильное она почувствовала почти сразу и потому затаилась, прислушиваясь к внутреннему голосу. Внутренний голос молчал, а вот тихие голоса, доносившиеся из кухни стали слышны отчётливей. Один голос без сомнения принадлежал Терентию, обстоятельно рассказывающему ис-

торию появления в Избушке малютки Василисы. Второй голос тоже был Златославе знаком. Узнав говорившего, царица на мигом подскочила с постели, поспешно натянула видимо приготовленное Марфой шёлковое верхнее платье, разложенное и расправленное на стуле, и стремительным шагом направилась в кухню.

На пороге Яга остановилась, с нескрываемым удивлением разглядывая открывшуюся картину. А удивляться было чему. За простеньким, но добротным столом, на покрытой шерстяной накидкой лавке, восседал сам царь Ростислав Всеволодович Кощей. Да не просто восседал, а с шутками и прибаутками развлекал возившуюся на его руках Василису. За всем этим с подоконника наблюдал довольный донельзя Терентий, от печи за тем же следила Марфа, нарезающая соломкой морковь для похлёбки.

–А вот и мамка твоя беспутная проснулась, – весело сообщил малышке Кощей.

–Папочка! – воскликнула Златка, вложив в это слово одинаковое количество радости и укора.

–Па-па-па-па, – громко выдала Василиса и рассмеялась.

–Э-э-э-э, нет, – с усмешкой произнёс Ростислав Всеволодович, поднимая малышку так, что бы его лицо и радостное личико девочки были на одном уровне, – это для родительницы твоей я папа, а для тебя я дедушка. Ну-ка, скажи – Деда! Де-да!

–Та-та-та! Уииии! – звонко воскликнула кроха, протяну-

ла ручку и с восторгом ухватилась за нос царственного де-
душки.

–Понял, – засмеявшись, проговорил царь Кощей, – слово
«дед» будем учить позднее.

–Папа, – как-то растерянно и одновременно с тем растро-
ганно увиденной картиной тихонько произнесла Златослава.

–Ну, здравствуй, горе ты моё луковое! – улыбнувшись,
произнёс Ростислав Всеволодович и, осторожно прижав од-
ной рукой к себе малышку, вторую простёр к дочери и с
улыбкой произнёс. – Отца-то может, обнимешь, а то прямо
как не родная!

–Папка! – со всхлипом бросилась в объятия отца царев-
на и, уткнувшись носом в бархатный кафтан, крепко обняла
родителя.

–Ох, и плакса ты, Златка! – сообщил дочери Кощей, при-
обняв её свободной рукой и целую в макушку.

–Я так соскучилась! – сквозь слёзы сообщила ему девуш-
ка.

–Я тоже, доченька, – тихо произнёс царь-батюшка. – Я то-
же.

–Ма-па-та-та! – веско произнесла до того момента тихонь-
ко наблюдавшая за взрослыми Василиса и сурово сдвинула
бровки. – У-у-у!

–Серьёзная девушка растёт, – тихо рассмеялся Ростислав
Всеволодович, когда Злата чуть отстранилась от крепкого от-
цовского плеча.

– Да, – подтвердила молодая Ёжка, с нежностью погладив светлые волосики малышки.

– А теперь, дочь моя, перейдём-ка мы к делам насущным, – чрезвычайно бодро заявил царь Кощей и, всё ещё приобнимая за плечи, повёл Ягусю напрямик к столу. – Садись и слушай!

– Пап, подожди! Дай, я тебе всё расскажу! – поспешно воскликнула Златослава, прежде чем присесть на лавку, на которую её настойчиво пытался усадить батюшка-царь.

– Не нужно, доченька, – покачав головой, отозвался Кощей, таки усадив взбудораженную Ягу, – Терентий мне уже всё рассказал.

– Как всё? – растерялась Баба Яга и, переведя взгляд на удивительно молчаливого фамильяра, с подозрением у него спросила. – Точно всё?

– Всё-всё, – заверил её кот и, вздохнув, добавил едва слышно. – Я сам себе враг, что ли?!

– Терентий! – укоризненно покачал головой царь и обратился уже к Златке. – Он мне рассказал то, как появилось у тебя это чудо, что вы успели узнать от других о тех событиях, да о твоих домыслах на счёт её происхождения тоже.

– И что ты сам думаешь о случившемся? – осторожно полюбопытствовала девушка.

– Что нехорошие дела творятся на наших землях и не только на них, – нахмурился Ростислав Всеволодович. – Но давай обо всём по порядку. И начну я, пожалуй, с того, что со-

общу своё решение в отношении твоего неожиданного материнства.

Если в начале слов кощеевых Злата была почти спокойна, тот под конец готова была падать в обморок, хотя никогда такого с ней не случилось. Девушка побледнела и, бросив встревоженный взгляд на малышку, собралась было молить батюшку о милости, чтобы разрешил ей и дальше растить Василису. «Матушка Земля, пускай батюшка меня наследства и имени лишит, лишь бы не отнял доченьку!» – молилась Баба Яга, с ужасом ожидая, что скажет отец.

–Понятное дело, что ребёнка у матери забирать последнее дело, – снова заговорил Кощей, глядя в глаза дочери суровым взором, – только и растить без отца малышку негоже. Хочешь ты того, Златослава Ростиславовна, или не хочешь, но ни себя, ни Василису, я позорить не дам! Так что, милая моя, быть тебе в ближайшее время мужней женой.

–Да кому же я такая нужна?! – с горечью воскликнула Ягуся, понимая, что пожелание о скором замужестве ей не в силах выполнить.

–Да, вот представь себе, сыскался один бедолага, – насмешливо объявил мужчина.

–А я тебе, Златка, говорил, что так и будет, – снова подал голос Терентий и тут же замолк.

–И кто он? – осторожно спросила Бабка Ёжка, стараясь не обращать внимания на добрую отцовскую усмешку и на явно веселящегося фамильяра.

–Твой бывший жених, – охотно отозвался царь Кощей и от его ответа Злата вся похолодела.

–Иван-царевич? – полушепотом от накотившей паники уточнила Яга.

–Упаси Боги! – возмущённо воскликнула Ростислав Всеволодович, свободной рукой сделав отвращающий зло знак. – Тебя согласен взять в жёны княжич Лиходольский. И, между прочим, он готов признать Василису собственной дочерью перед Богами и людьми, дав ей своё имя и защиту.

–Но почему? – слабым голосом спросила Ёжка, никак не в силах прийти в себя от изумления.

–Сам удивляюсь, – дразня дочь, деланно удивлённо произнёс царь-батюшка. – Видно по сердцу ты ему пришлась, негодяйка, раз он согласился ту обиду забыть. Боле того скажу, узнав, как дело обстоит, и что дитя у тебя, он сам предложил отцом её назваться, чтобы малютку и тебя, дурёху, защитить от злых наветов.

–Всё равно не понимаю, – растеряно пробормотала Златка, кусая губы. – Зачем ему это нужно? Ладно, одно дело, девочку-царевну в жёны взять. Но девку с малым ребёнком, пушай та и царевна – это же совсем другое! Чужое дитё своим назвать...

–Ты же назвала, – разумно напомнил дочери Кощей, – ни гнева родительского не побоялась, ни молвы людской. Даже тогда от девочки не отказалась, когда узнала, кто ей родным отцом приходится. Чего же ты тогда других хуже себя счи-

таешь?

И то, правда! Сама ведь смогла полюбить малютку, как родного ребёнка, пусть даже и не носила его под сердцем. С чего же думать стала, что другие так не смогут. Да, ежели посудить, то княжича за одно только согласие взять в жёны отвергшую его невесту, можно зауважать. А то, что он ещё и ребёнка готов своим назвать, вообще не даёт право сомневаться в благородстве этого мужчины.

–Твоя правда, папа, – согласилась с Ростиславом Всеволодовичем царевна и, взглянув открытым взором в серые глаза родителя, ответствовала. – Прошу, передай княжичу, что я с благодарностью принимаю его предложение и сочту за честь великую стать его женою!

–И что же опять не спросишь, как зовут его? – лукаво улыбаясь, поинтересовался царь Кощей.

–Спрошу, – вмиг краснея, пискнула Златка и осторожно уточнила. – Скажешь?

–Скажу, – усмехнулся мужчина и с усмешкой полюбопытствовал, устраивая на коленях уснувшего ребёнка. – А вот скажет ли тебе его имя хоть что-нибудь? Ведь ты раньше и слышать ничего о нём не хотела.

–Батюшка, не надо! – тихо попросила Ягуся. – Знаю, что не права была. Жалею, что отказом тогда ответила. Вот только сделанного не воротишь, а будущее счастливым сделать в наших силах. Я обещаю тебе батюшка, что все усилия приложу для того, чтобы княжич о своём решении никогда не

пожалел!

Пообещала Злата и вмиг зарделась, словно цвет маковый. Что она может?! Ведь о жизни замужней она толком-то ничего не знает, даром, что матерью уже стать успела.

– Не красней так! – развеселился батюшка-царь и, подмигнув, заверил дочку. – Верю, что стараться будешь. И княжич сам постарается, уж теперь ты мне поверь!

– Так как же зовут его? – набравшись смелости, снова спросила царевна.

– Зареслав Венцеславович Лиходольский, – наконец ответил ей отец и замолк, всматриваясь в лицо дочери в надежде, что промелькнёт искра узнавания. – Не помнишь, да?

Златослава только головой печально покачала. Не помнила она его, хоть тресни!

– Ничего, – принялся утешать расстроенную Златку Кощей, – познакомитесь ещё, никуда от этого не денетесь!

После этих слов задремавший было Терентий встрепенулся, насмешливо фыркнул и, скосив на девушку нахальный зеленущий глаз, выдал:

– Вот только ты так можешь: мамкой стать не родив, а женой мужа в глаза не зная!

– Терентий, оставь свои насмешки при себе, – погрозив коту, строго произнёс Ростислав Всеволодович и вновь обратился к дочери. – Итак, Златослава Ростиславовна, теперь, когда ты согласие на свадьбу с княжичем дала, я тебе вот что поведаю. Род Змея Горыныча, как ты, надеюсь знаешь, древ-

ний очень и славен колдунами, а, следовательно, свадебные обряды там совсем не простые. Издавна князя Лиходольские помимо венчальных клятв перед Богами, ещё и души молодых между собой связывают, чтобы жизнь избраннице продлить. Змеи то долго живут, куда дольше, чем колдуны, пусть даже и самые сильные. А ты сокровище моё не колдунья, увы, да и ведьмы из тебя не получилось. Баба Яга конечно дело иное и ежели сложится всё у тебя с этим, жизнь долгая предстоит, но змеи всё равно дольше живут.

–К чему ты, батюшка, свой разговор ведёшь? – осторожно поинтересовалась Злата, когда Кощей вдруг замолк.

–Веду я к тому, что жених твой настоял на том, что бы брак колдовской был заключен и вот это тебе передать просил, – с этими словами Ростислав Кощей подвинул стоящую на столе шкатулку, на которую девушка до того момента не обратила внимание.

–Что это? – Баба Яга переводила настороженный взгляд с отца на шкатулку и обратно, не торопясь прикоснуться к вещице.

–Сама посмотри, – предложил мужчин, не скрывая насмешливой улыбки.

Ёжка подозрительно глянула на отца, потом посмотрела на шкатулку и, сглотнув, протянула к ней руку. Пальцы коснулись лакированной искусно расписанной крышки и замерли. Всё равно назад пути нет, и раз уж она согласилась на свадьбу с княжичем, значит, и такой поворот событий долж-

на принять. Девушка уже более уверенно притянула шкатулку к себе и без колебаний откинула крышку.

Внутри шкатулка была обшита чёрным бархатом, на котором чётко выделялся красивый золотой перстень с крупным рубином. Царевна осторожно коснулась кольца кончиком пальца, но тут же отёрнула руку, словно обжегшись, и перевела вопросительный взгляд на отца.

—Этот венчальный перстень передал твой жених, — верно истолковав взгляд дочери, принялся объяснять царь Кощей. — Он велел тебе передать, что ежели ты в ближайшее полнолуние ровно в полночь наденешь этот перстень на палец, а я засвидетельствую перед Богами твою клятву жениху, то не только ваши судьбы будут связан в эту ночь, но жизни и души тоже. С того момента ты, Златослава, станешь не только его супругой, но и проживёшь такую же долгую жизнь, какая отмерена княжичу...

—Прямо как в сказке: «Жили они долго и счастливо, и умерли в один день», — неожиданно мрачно произнёс Терентий, хмуро разглядывая кольцо, а затем ещё более угрюмо добавил. — Есть возможность, что будет даже: «Жили они недолго и несчастливо...»

—Терентий, может быть, ты прекратишь ёрничать! — устало попросил царь и, взглянув на притихшую дочь, решил её успокоить. — Тебе не надо переживать на этот счёт, ты не умрёшь, если погибнет твой супруг. В его возможностях продлить жизнь избраннице, но не отнять её, умерев самому.

–Я не об этом тревожусь, батюшка, – покачав головой, ответила Златослава, – я подумала, что если вдруг со мной что-то случится, то...

–Поверь мне, доченька, твой жених не допустит, чтобы с тобой что-то случилось, – со снисходительной улыбкой заверил девушку Кощей.

На эти слова батюшки молоденькая Ёжка только застенчиво улыбнулась и снова прикоснулась к перстню. Фамильяр тоже подобрался поближе к шкатулочке и сунул любопытную усатую морду внутрь. Принюхавшись к украшению, кот осторожно дотронулся до него лапкой и, повернувшись к подопечной, непререкаемо заявил:

–Так, Ягуся моя, берём! Однозначно берём! Женихи с такими любопытными перстеньками на дороге не валяются и с небес не падают, нам такое пригодится это точно.

–Ну-ка, ну-ка, отсюда подробнее, пожалуйста! – нахмурившись, попросила Злата. – Что ты там такое углядел?

–Ну, во-первых это очень дорогое и древнее украшение, – со знанием дела начал вещать кот. – Во-вторых, чар на нём навешано немеряно, а некоторые даже вместе с металлом ковались. В-третьих, мощная защита окружит ту, на чьём пальчике перстенёк окажется: и от кинжала защитит, и от стрелы лихой, и от колдовства дурного.

–Папочка, ты об этом знал? – Баба Яга перевела удивлённый взгляд с Терентия на родного отца.

Ростислав Кощей ничего на это не ответил, только улыб-

нулся лукаво, поднялся с лавки и принялся тихонько напевать колыбельную завозившейся на его руках Василисе. Всё с ним понятно – знал он, конечно.

–И что же мне теперь делать? – растеряно прошептала Яга, с надеждой глядя на родителя.

–Что делать? – переспросил её батюшка-царь и услужливо просветил. – Надеть это колечко завтра ровно в полночь, произнести клятву и ожидать прибытия супруга. Он мужчина обстоятельный, ответственный и рассудительный, такой тебя в обиду не даст, от всех бед защитит.

–Он, что прямо сюда приедет?! – вдруг запаниковала Ёжка.

Девушка вдруг на миг представила себе, что неизвестный жених, который к тому времени станет уже мужем возьмёт и появится в её уютной Избушке. И что делать? Как она в глаза смотреть ему будет? Ведь стыдно-то как! Скажет, что ветреная девка. То не нужен ей такой жених и за другого готова была выскочить. То вдруг попала в такое неловкое положение и сразу же с радостью согласилась замуж идти. Вертихвостка! Как есть вертихвостка!

–Чего ты испугалась, глупая? – Ростислав Всеволодович неслышно подошёл к дочери и погладил по щеке. – Ну, приедет он и что? Познакомитесь, сядете, за чаем с пирожками обсудите дальнейшее будущее. Чего страшного?

–Мне стыдно, – пришлось признаться Златославе. – Скажет: «Вот ведь вертихвостка, как жизнь прижала, так про

бывшего жениха вспомнила».

– Ягуся моя бестолковая, ты совсем того? – ласково обратился к царевне Терентий, постучав лапкой о столешницу, и сурово продолжил. – Вообще ентот жених сам свою кандидатуру предложил, ты ни сном, ни духом об этом не знала. Так чего глупости городишь?!

– Всё равно стыдно! – огрызнулась девушка и притихла.

– Ладно, дочка, прекращай страдать! – скомандовал царь Кощей и, лукаво подмигнув, возвестил. – Я, между прочим, не с пустыми руками приехал. В сенях лари с подарками от матушки и Юрши с Владимиром, да и новостей накопилось целый воз. Так, что, милая моя, давай завтракай и поговорим с тобой, наконец, по душам.

– Марфушка, могла бы ты к завтраку стол накрыть, – негромко попросила девушка.

– Сейчас, хозяйюшка! Я мигом! – выглянув из спальни, воскликнула домовушка и быстро засемили к печи.

Мгновением позже на столе оказались исходящие паром блины на расписном блюде, молочная каша в пузатом горшке, свежий ароматный хлеб с травами, рассыпчатый творог со сливками, мисочки с мёдом и вареньем, да большой пузатый чайник с травяным взваром. Кощей с довольной улыбкой следил за каждым действием домовой и дочери, которая тоже решила помочь Марфе.

Царь-батюшка тем временем размышлял, что в побеге дочери из-под венца, оказывается, были и свои положитель-

ные стороны. Изнеженная, избалованная и что уж греха таить излишне наивная девочка, за два года сильно изменилась и теперь, Кощей был совершенно точно уверен, у неё всё должно было сладиться с княжичем Лиходольским. Если бы несколько лет назад Ростислав Кощей силой выдал дочь за Зареслава, ни чем бы хорошим это не закончилось. Кому, как ни Кощею это было хорошо известно.

Та, прежняя Злата, оттолкнула бы княжича, даже не попытавшись узнать. Нынешняя действительно приложит все усилия, чтобы найти общий язык с будущим супругом. Поначалу она будет ему лишь благодарна, но кто знает, во что вырастет росток признательности на благодатной-то почве.

Что почва будет благодатной, батюшка-царь тоже не сомневался. Видел он глаза княжича, когда тот впервые встретился с Златой. Видел он его лицо и в тот день, когда был вынужден сообщить, что помолвка расторгнута. А ещё Кощей заметил, каким предвкушением загорелись глаза мужчины при последней встрече, когда в ответ на новую попытку сватовства, царю пришлось рассказать жениху, что у той, которую он желает видеть своей невестой, неожиданно появилась дочка. Реакция Зареслава на слова царя Кощея о ребёнке тоже была достойна уважения.

«Значит, у меня появится дочка чуть раньше, чем я ожидал», – только и сказал княжич, широко улыбаясь.

Ростислав Всеволодович улыбнулся, вспомнив слова княжича Лиходольского, и с интересом принялся разглядывать

спящую внучку. Светлые волосики и бровки, длинные реснички, пухлые щёчки и губки – совершенно обычный младенец и не догадаешься, что ей была уготована такая печальная судьба. Если Боги будут милостивы, Василиса никогда и не узнает, что родилась она от другой матери и отца. Ну, а он, Ростислав Кощей, как дедушка, проследит за этим, если Боги вдруг отвлекутся.

–Царь-батюшка, отведайте, что Боги послали! – немного нервничая и запинаясь, произнесла Марфа.

Домовушка вообще-то предложила царю откусать сразу, как только тот переступил порог Избушки, но мужчина с улыбкой отказался. С того момента и до пробуждения хозяйки важный гость слушал рассказ Терентия об их житие-бытие в Избушке-на-Курьих-Ножках и знакомился с проснувшейся Василисой.

–Спасибо, Марфа! – поблагодарил Кощей, присаживаясь за стол и передавая девочку в руки матери.

Пока царь отдавала должное яствам, наготовленным ради его приезда домовушкой, Златослава с улыбкой кормила вмиг проснувшуюся Василису. Когда малютка насытилась и с весьма серьёзным видом принялась разглядывать погремушку, недавно изготовленную Хмуричем, позавтракать смогла уже и сама Ёжка. Златка ела быстро, почти не чувствуя была ли еда горячей или холодной, совсем не чувствуя вкуса и запаха. Ей хотелось быстрее узнать, как поживают матушка и братья, как выросли племянники и не ожидает-

ся ли в ближайшее время очередное пополнение кощеевых внуков.

Яга точно знала, что во время завтрака беседа не состоится, ибо Ростислав Всеволодович крайне неодобрительно относился к важным разговорам во время застолья. Но если Злата ела быстро, то батюшка царь неспешно смаковал блинчики с ежевичным вареньем. Девушка глянула на отца, который явно не торопился покончить с завтраком, вздохнула и принялась есть уже более неспешно. Судя по всему, царь Кошей решил проверить, насколько хватит дочкиного терпения. А что она? А она, то есть Златослава, уже не девчонка глупая да порывистая, она и потерпеть может, унять своё любопытство.

– Хороши у тебя, Марфушка, блинцы! – похвалил Ростислав Кошей домовушкину стряпню. – Ох, хороши!

– Благодарствую, царь-батюшка! – поклонилась ему покрасневшая от смущения домовая, нервно комкая в крохотных ручках свой фартучек.

– Это я благодарен за столь тёплый приём и щедрое угощение! – улыбнулся мужчина и, чтобы больше не смущать Марфу, лукаво обратился к дочери. – Ну что, Златка, готова новости слушать?

Ёжка ничего не ответила только усердно закивала и приготовилась слушать, поудобнее перехватывая Василису так и норовившую вывернуться из рук. Поняв, что маменька намерена и дальше держать её у себя на коленях, девочка издала

душераздирающий писк и замахала погремушкой.

–Ивушка, маленькая, что ты разошлась? – принялась успокаивать дитяtko Яга.

–Злата, тебе надо это прозвище забыть, – покачав головой, сурово произнёс Кощей. – Когда ты наденешь кольцо, она станет Василисой Зареславовной, княжной Лиходольской, и никто не должен знать иного. Это прозвище, нечаянно выскользнувшее из уст, может навести на ненужные вопросы, потому ещё раз говорю тебе – забудь его раз и навсегда.

–Я понял, батюшка, – серьёзно кивнув, заверила Ростислава Всеволодовича царица и, поднявшись из-за стола, предложила. – Пройдём в горницу! А то малышка так просто не успокоится.

Златослава направилась напрямиком к кровати, куда и уложила притихшую до поры до времени девочку, но стоило матушке пропасть с глаз, как Василиса снова заголосила. Ягуся, не обращая внимания на возмущения своего чада, прошла к окошку, взяла берестяной короб и вернулась к малютке. Девочка смерила мать обиженным взглядом и, собралась было повторно огласить на всю Избушку свои претензии, но тут коварная Ёжка высыпала из короба всё многообразие деревянных зверят, вырезанных Хмуричем. Все обиды были тотчас забыты, матушка прощена, и резво перевернувшись со спины на животик, Василиса с довольным «гуканьем» закопалась в игрушки.

–Боевая девка вырастет, – рассмеялся царь Кощей, усажи-

ваясь за письменный стол Яги.

–Ага, – кивнула Златка, с любовью глядя на дочь, а затем присев на край постели взглянула на отца. – Вот теперь я готова слушать.

–Ну, что ж, начну, – проговорил батюшка-царь. – В царстве нашем, слава Богам, всё спокойно пока. Владимир сейчас с женой и сыновьями в Укрытье, приграничные городки проверяет.

–Уж не ждёте ли вы лиха какого, от царства Светорецкого? – осторожно поинтересовалась Златослава, пытливо взглядываясь в лицо отца.

–Правильно мыслишь, доченька. Ждём, – кивнул Ростислав Кошей. – Царь Евстей плох совсем и возможно до весны не дотянет, а царевич уже корону на себя примеряет. Две седмицы назад доложил мне Радмир Прохорович, который в Укрытье посадник, что полки царёвы под Любодаром встали, а оттуда до наших границ всего два дня пешего перехода. Не к добру это.

–Не к добру, – согласилась Златослава и поспешила озвучить свои опасения. – Это из-за меня, да?

–Глупости не городи! – строго погрозил дочери царь. – Царевич Иван давно на наши земли облизывается. Видит око, да зуб неймёт! Ты уж прости, доченька, что сейчас тебе это говорю, но раньше бы ты слушать не стала. Иван Светорецкий, на тебе женившись, хотел наши земли к рукам прибрать. Донесли мне соглядатаи, что он де говаривал своему

кормильцу, что сразу после свадьбы всё семейство наше изведёт и через тебя царскую дочку Кощеева рода царём Бело-
жским станет.

– Вот значит как, – зло прошипел Яга. – Царства Бело-
жского Иванушка захотел? Подавится, зубы обломает да за-
вшивеет аки пёс шелудивый! Я на него порчу напушу, всю
жизнь от мужского бессилия маяться будет, кобель брехли-
вый! – Златка разошлась не на шутку, когда услышала сдав-
ленный смешок царя Кощея. – Ой! Прости, папочка!

– Ну что ты, доченька! Я же совсем не против, – уже в от-
крытую смеялся Ростислав Всеволодович. – Пока царевич
Иван по травникам, волхвам и лекарям бегать будет у него
замыслы дурные не появятся.

– Да уж, – не удержавшись, хихикнула Ёжка, но сразу по-
серьёзна и задала батюшке новый вопрос. – Скажи, стоит
ли тревожиться? Сумеем ли оборониться, ежели что, от во-
рогов?

– Не переживай, дочка! – мягко улыбнулся царевне Ко-
щей. – Наша рать не одна супротив войска чужого встанет, у
нас соратники имеются. Змей Горыныч со своими витязями
подсобит, ежели что.

– А если я бы вдруг отказалась за княжича замуж идти? –
осторожно осведомилась Злата и даже дыхание затаила, от-
вета ожидаючи.

– То витязи лиходольские на помощь полкам нашим при-
шли бы всё равно, – с доброй усмешкой закончил царь и,

посерьёзнев, объяснил царевне. – Будимир Давыдович наш давний союзник и такие глупости, как твой отказ никогда не смогут повлиять на наши добрососедские отношения, хотя конечно князь будет расстроен. Зареслав любимейший из внуков и гордость князя, а ещё он память о погибшем сыне, потому за него Змей переживает сильнее, чем за других княжичей.

– Спасибо, батюшка! – искренне поблагодарила его Баба Яга.

– За что же, доченька? – лукаво уточнил Ростислав Всеволодович.

– За то, что честен, за то, что простил непутёвую дочь и дал ей возможность всё исправить, – ответила она и застенчиво улыбнулась. – Я тебя не подведу!

– Ох, Златка! – весело рассмеявшись, погрозил ей пальцем царь Кошей. – Ты слушать новости будешь или каяться продолжишь?

– Буду слушать, – заверила Ягуся батюшку-царя и тоже засмеялась. – Что там Юрша?

– Юрий вот совсем недавно решил наладить торговлю с лесными, – огорошил царь такой новостью свою дочку. – У нас же с ними вроде как давнее перемирие, вот братец твой и решил договориться с ними о продаже снадобий целебных, мехов, да жеребцов их чудных, что единорогами зовут. Юрша решил нашу белояжскую скаковую породу улучшить.

– Вот выдумщик! – восхитилась предприимчивости стар-

шего брата Ёжка.

– Да, он у нас такой, – добродушно усмехнулся Ростислав Кошей и вдруг, слегка нахмурившись, проговорил. – А на следующую новость не знаю, что и скажешь. Сам если уж честно был удивлён, – лицо у царя-батюшки на миг стало какое-то растерянное, но он быстро совладал с собой. – В общем, Злата, скоро у тебя младшая сестричка появится. Целители в один голос твердят, что девочка будет.

Вот чего Златослава не ожидала, того не ожидала. Молодая Яга даже рот от изумления приоткрыла, на батюшку глядяче. Вот так новость! Всем новостям новость. Это получается, скоро в тереме Белояжска маленькая царевна появится.

– Ох, радость-то какая! – восторженно выдохнула поначалу растерявшаяся девушка и, сверкнув задором в глазах, выдала опешившему батюшке. – Значит, сестричка моя и Василисушка подружками стать могут! Папочка, как же я за вас с мамой рада!

С этими словами, Златка восторженно пискнула и бросилась обнимать окончательно растерявшегося царя Кошея. На фоне такой новости, сразу же позабылись все тревожные мысли.

– Ну, полно тебе, Злата! – погладив дочь по волосам, с улыбкой проговорил Ростислав Всеволодович. – Совсем засмущала старика.

Последние слова были сказаны царём с едва чувствующейся насмешкой, которую Ёжка поначалу и не разобрала

в голосе родителя. Молоденькая Баба Яга отстранилась и недоумённо глянула на батюшку. Высокого да статного русоволосого красавца, на лице которого не было ни единой морщинки, уж никак нельзя было назвать стариком. Все кто видел Ростислава Кощея впервые, могли бы решить, что перед ними мужчина лет этак тридцати пяти, когда на самом деле царю Белояжска сравнялось восемьдесят шесть лет.

Как старший в Кощеевом роду к тому же носящий венец власти Ростислав Всеволодович мог рассчитывать на очень долгую жизнь. Являясь ко всему прочему неплохим колдунном этот срок можно было смело увеличить вдвое. Видимо отсюда и пошла молва де все цари Кощеи бессмертные, коли так долго молодыми да сильными остаются. Только вот ни одному Кощею пока до старости дожить не удалось, ибо богатые земли Белояжска всегда манили и войной на царство каждый жадный до чужих богатств сосед отправлялся при первой же возможности. Хорошо хоть со Змеем Горынычем делить нечего, ему своих земель хватает, да и дружбу с Кощеевым родом князь Лиходольский ценит.

–Ох, батюшка, скажешь тоже, – весело улыбнулась Златослава, ещё раз на миг приобняв родителя и присев обратно на кровать. – Что ещё в царстве нашем творится?

Долго царь Кощей с дочерью беседы вёл. Рассказал он ей вести последние, поделился думами своими на грядущее, да советы дельные Ягусе дал. Ёжка в свою очередь батюшке сказывала, как жилось ей эти два года, как с дочуркой управля-

ется, да и о желании своём Академию закончить обмолвилась.

– Это ты, доченька, здраво рассудила, – похвалил её Ростислав Всеволодович. – Раз уж ты всерьёз решила Ягою становиться, надобно многое тебе узнать и Академия тебе тут и поможет. Я напишу мэтру Аристарху о твоём желании...

– Не стоит, папочка, – отчего-то смутившись, перебила отца Златослава. – Учитель обещал, что поговорит об этом с мэтрами.

– Учитель? – переспросил царь-батюшка, удивлённо вскинув бровь. – Который?

– Учитель Святозар Добролюбов, – ко всему прочему Злата ещё и покраснеть умудрилась.

– И где же ты встретить его умудрилась? – мягко уточнил Ростислав Кощей.

Баба Яга изумлённо посмотрела на мужчину. Непонятно как-то вёл себя батюшка-царь. То ли злился, то ли удивлялся словам дочери – Златка так и не могла никак понять. Кощей же, заметив удивлённый взгляд царевны, никак не отреагировал, продолжая ждать от неё ответа.

– Я в Карповке его встретила, – призналась девушка, но рассказывать в подробностях о том своём приключении посчитала лишним.

– Давно? – продолжал допытываться царь.

– Хм, – задумалась Яга и со вздохом выдала, – точно не скажу, но точно больше пяти седмиц назад.

–Тогда ладно, – уже по-другому, более безмятежно произнёс Ростислав Всеволодович.

–Что-то не так, батюшка? – с подозрением глядя на родителя поинтересовалась девушка.

–Всё так, доченька, – улыбнулся он ей в ответ.

–Тогда чего же ты так переполошился? – хмуро глядя на батюшку, спросила царица.

–Добролюбов кое-какое важное дело должен был для меня сделать, – продолжая улыбаться, ответил Кощей, – когда ты про встречу с ним сказала, я грешным делом подумал, что он недавно тут побывал. Словом решил, что отлынивает он от дела-то. Но раз давненько здесь Святозар проезжал, значит, какие-то другие причины у него были.

–Какое дело? – не удержалась от вопроса любопытная Ёжка.

–Важное, – с очень серьёзным выражением лица ответил батюшка-царь.

–Ну, па-а-апа! – возмутилась Златка.

–Цыц, дочь моя! – смеясь, велел её царь Кощей. – Ребёнка разбудишь.

–Что?! – удивилась Яга и, повернув голову, глянула на Василису.

На бархатном покрывале тихонько посапывала малютка. Одной крохотной ручкой девочка прижимала к себе фигурку зайчика, другая сжатая в кулачок лежала на покрывале. Во сне кроха то и дело смешно причмокивала губами, пере-

бирала пальчиками свободной от игрушки руки и снова сжимала их в кулак. Ягуся улыбнулась и осторожно коснулась пальцем сжатого кулачка. Василиса засопела громче, но так и не проснулась.

–Спит, – ласково пробормотала Златослава и, переведя взгляд на отца, спросила. – Ты ведь не скажешь, что за дело, да?

Кощей только головой отрицательно качнул и улыбнулся.

–Ну, значит не моё дело, – равнодушно подвела итог Яга.

Глава 8. Как Бабу Ягу замуж отдавали.

За беседой Кощей с Ягою допоздна засиделись. Многое обсудить успели, о многом поговорить, да дела на будущее загадывали. Ростислав Всеволодович в Сколки уже в густых сумерках отправился. Злата пыталась отговорить отца, в Избушке ночь коротать предложила, но отказался царь-батюшка.

–Нет, Златка, возвращаться мне надобно, – покачал головой мужчина. – Задержусь тут, люд в Сколках любопытствовать станет, а тебе это сейчас ни к чему. Завтра меня жди после полудня. Доброй ночи, доченька!

С этими словами Ростислав Кощей покинул Избушку-на-Курьих-Ножках, направляясь обратно в Сколки. Ёжка проводила родителя до крыльца и стояла там кутаясь в тулупчик до того момента, пока батюшка не скрылся из виду, затем зевнула и поплелась спать укладываться.

Ночь отчего-то выдалась для Ёжки беспокойной. Сны

снились гнетущие, долгие и утомительные. Проснувшись утром, Златослава чувствовала себя так, будто вовсе не спала. Пыталась она сны свои припомнить, но так ничего из этого не получилось, даже обрывка какого не вспомнилось Бабе Яге, только голова разболелась. Чувствуя, что с мамкой неладное что-то творится, притихла и Василиса, не капризничала, как по утрам обычно бывало.

Завтрак прошёл в тишине и покое, а после него решила Злата с подарками от родных разобраться. Оставив малютку в спальне под присмотром Терентия, девушка вышла в сени и оглядела присланное. Три небольших сундука и два внушительных берестяных короба преграждали путь на чердак. Баба Яга чуток подумала и подхватила один короб, оказавшийся довольно лёгким, и понесла к себе в спальню.

Вернувшись к фамильяру и находящейся под его приглядом Василисе, Ягуся донесла короб до кровати, рядом с которой его и поставила, а сама присела на краешек одеяла. Златка откинула крышку, крепившуюся на специальных кожаных ремешках, и заглянула внутрь. Первое, что бросилось в глаза Яге это плотный кусок шерсти, прикрывавший подарки. Девушка вынула его, аккуратно свернула и положила подле себя, решив, что хорошая ткань ей ещё пригодится.

Снова заглянув в короб, Златка даже пискнула от восторга и изумления, любуясь яркой вышивкой детской рубашонки. Какое-то время царевна только смотрела, потом тряхнув головой, решительно принялась доставать вещи. Один за дру-

гим вынимала Ёжка детские наряды, и чем ближе было дно короба, тем одежда увеличивалась в размерах, если самая первая рубашонка даже уже была чуточку маловата для подросшей Василисы, то последнее платьице было сшито для девочки лет пяти. Баба Яга с восхищением разглядывала вышитые нитями и бисером рубашечки, рассчитанные на ребёнка двух-трёх годков, первые платья заморского шёлка и бархата, обшитые речным жемчугом, уже для девочки четырёх-пяти лет, нижние рубахи тонкого льна с затейливой обережной вышивкой, сарафанчики. Ох, и много всего было в том коробе. Злата изучила внимательно каждый наряд, а затем, осторожно всё свернув, убрала в шкаф до поры до времени, а короб отнесла обратно в сени, вернувшись назад уже с другим.

И вот опять откидывая крышку уже другого короба, Яга затаила дыхание, ожидая, что же там будет внутри. Василиса до того момента мирно перебирающая своих деревянных зверят, заинтересовалась тем, что же такого интересного нашла матушка в большом коробе, отбросила в сторону игрушку и, громко пыхтя, поползла к родительнице.

–Что, птичка-синичка, тоже интересно, что там бабуля и дядюшки твои прислали? – смеясь, спросила у дочки Баба Яга и переместила любопытствующего ребёнка к себе на колени. – Ну, давай вместе посмотрим.

В этом коробе тоже были детские наряды, но не так много как в первом. Под платьями нашлись ботиночки и сафья-

новые туфельки разных размеров, а ещё Ягуся выудила целую кучу платочков, ленточек и поясков. Маленькая Василиса сопровождала каждую новую вынутую из нутра короба вещь весёлым писком и даже пыталась хлопать в ладоши, что ей пока не очень-то и удавалось. Вредные ладошки так и норовили друг с другом разминуться.

— Вот это ничего себе! — удивлённо выдохнула Злата, обнаружив на дне короба вместительную глубокую шкатулку, расписанную яркими цветами.

Вынув шкатулку, Ёжка положила её на постель и откинула крышку. Золото да каменья драгоценные, что в шкатулке оказались, вмиг замерцали ярко и зазывно, словно уговаривая взять их в руки и рассмотреть поближе, что Златослава и поспешила сделать. Браслеты и перстеньки, сделанные на детскую ручку, радовали покрытыми эмалью божьими коровками, алыми земляничками-рубинчиками, малахитовыми листиками, сапфирами-незабудками, жемчужными ландышами, лазуритовыми колокольчиками и янтарными стрекозами. Диво дивное из каменьев и золота сделанное, такое и впрямь только княжне и пристало носить.

Златка не удержалась и надела на ручку дочери крошечный литой браслетик с земляничками, всего в мизинец шириной. Василиса сначала насупилась и потрясла ручкой, словно пытаясь смахнуть украшение, но мелькнувшие алые искорки её заинтересовали, и малютка заворуженно принялась разглядывать браслетик, потом и в ротик потащила. Яга

только рассмеялась тихонечко и снова закопалась драгоценности.

В шкатулке нашлись и серёжки, и бусики, и броши чудные. Всё это было маленькое детское и диво до чего затейливо сработанное. Постарались золотых дел мастера на славу. Уважили маленькую царевну, а в скором времени и будущую княжну.

– Ух, Василиска, да ты у нас девица с богатым приданным! – мурлыкнул Терентий, тоже подобравшийся поближе и рассматривающий драгоценности с ленивым интересом.

– У-у-а-а-а! – вынув изо рта браслет, ответила малышка и снова засунула обратно.

– Правильно говоришь! – насмешливо произнёс кот и задумчиво выдал. – Мы тебя раньше двадцати годочков замуж не отдадим, пусть дитё натешится, наиграется...

– Девой старой станет, – фыркнув, закончила Яга и вдруг призадумалась.

В голове Ягуси вмиг пролетело двадцать лет, и она с ужасом представила, что её уже взрослая доченька возьмёт да собственное гнездо совьёт, оставит мамку, замуж выйдя. Да так живо она себе это представила, что аж вздрогнула.

– Никакого замужества лет до тридцати! А лучше до сорока! Пусть деточка при маме будет, – твёрдо заявила Златослава и под насмешливый взгляд фамильяра принялась собирать разбросанные украшения.

– Ты мамку не слушай, – назидательно произнёс Реня, об-

ращаясь к девочке, – горячку она порет от любви излишней материнской. Отдадим мы тебя замуж после двадцати годов, не переживай! Княжича найдём самого что ни на есть достойного, а может и королевича...

–Ну тебя, Ренька! – отмахнулась от фамильяра Злата. – Княжичи, королевичи... Главное, что бы мужчина был хорошим и любил её, а кем он там буде всё равно.

–Ай, не скажи, Ягуся! – фыркнул кот. – Василисушка у нас почти княжна Лиходольская, ей за простых мужиков замуж никак нельзя, пусть хоть трижды хорошие и четырежды любят.

–Хм, – задумалась Ёжка и, не удержавшись, в кулачок хихикнула. – Мы с тобой уже на двадцать с лишним лет вперёд жизнь распланировали, будто волхвами сделались.

–Мда, – фыркнул насмешливо Терентий, почесав лапой за ухом. – И то верно, чего-то мы с тобой, Ягуся моя, разошлись.

Баба Яга и кот переглянулись и прыснули со смеху. Это ж надо было так разгорячиться, что всерьёз обсуждать принялись нескорое будущее малютки, которой и года ещё не минуло. Отсмеявшись, Златослава пересадила дочку обратно на постель, придвинула её игрушки и обозрела вынутые из короба вещи.

–Хорошего понемногу, – решительно произнесла царевна и принялась раскладывать подаренное в шкаф.

Когда под завязку заполнились несколько полок, девушка

присела на сундук и призадумалась. Места в шкафу осталось не много, а ведь ещё не распакованы остальные подарки родных. Куда девать богатство, которое некуда будет класть, Яга понятия не имела. Нужен ещё один шкаф, но где его добыть, а главное, куда его ставить, Златка даже не представляла. Интересно, как же в Избушке-на-Курьих-Ножках Бабки Ёжки целыми семьями жили? Надо у Летописи поинтересоваться, может, что дельное присоветует.

–Хозяюшка, на стол когда накрывать? – заглянув в спальню, спросила домовушка.

–Вот батюшка придёт, тогда и накрывать будем, – не задумываясь, ответила Ёжка и попросила, – только ты, Марфуш, для малышки молочка сейчас принеси. Я её покормлю и спать уложу.

Марфа исчезла, и тот час появилась с требуемым. Поблагодарив домовушку, Златослава направилась к попискивающей от усердия Василисе, которая пыталась стянуть со своей поднятой вверх ножки тёплый полосатый носочек. Яга улыбнулась, подхватила дочку на руки, чмокнула в румяную щёчку, поправила пострадавший носок и принялась кормить непоседливое дитяtko. Когда молоко почти закончилось, малютка нахмурила бровки, обеими ручонками отвела кормившую её руку матушки и заразительно зевнула. Ёжка не удержалась и зевнула тоже, прикрыв рот свободной ладошкой и стараясь не хихикать. Вот ведь! Выспалась же сама, а стоило дочке зевнуть, тут и мамку в сон вместе с ней клонить нача-

ло.

Большие Василисины глазища пару раз сонно моргнули и закрылись. Баба Яга ещё немного посидела, подождала, пока ребёнок заснёт крепче и, поднявшись, направилась к колыбельке, чуть-чуть покачивая кроху на своих руках. Уложила девочку, укрыла одеяльцем, провела пальчиками по взлохмаченной светлой макушке и решительно направилась в кухню, Марфе помогать.

–Уснула? – деловито поинтересовался Терентий, уже к тому моменту умявший половину миски творога со сливками.

–Да, – подтвердила Ягуся и поспешила на подмогу домовушке.

Прибегнув к колдовству своему домашнему, Марфушка одновременно могла и пироги из печи вынуть, и тесто, из кадушки вылезавшее, назад водворить, и блинцы поджаривающиеся перевернуть. Только вот и Ёжка без дела сидеть не любила и потому подскочила к сковороде, скоренько блинчик готовый сняла, тесто в сковороду чугунную залила, да назад на огонь поставила, а сама быстрее блинчик мазать маслом, чтобы не подсох. Домовушка же тем временем сноровисто ватрушки с творогом да ягодой мочёной лесной лепила, и так это у неё всё ловко выходило, что Злата загляделась даже. У царевны выпечка тоже хороша получалась, да всё же не такая, как из-под Марфушкиной руки выходила. А уж какие пироги чудные да нарядные домовушка пекла, загляденье просто: и цветы, и птицы, и зверушки из теста слеплен-

ные, как живые смотрелись.

–Пойду за Василисой присмотрю, – изрек, наконец, Терентий, расправившийся с творогом и успевший уже мордочку свою лапкой тщательно умыть.

–Иди, иди! – подхватила домовушка, не оглядываясь. – Негоже деточке одной в спальне без присмотра быть. Вдруг проснётся, испугается.

–Её, пожалуй, напугаешь, – добродушно проворчал фамильяр и, помахивая пушистым хвостом, направился в спальню.

Тук-тук. Златослава повернулась к окошку, в которое тихонечко постучались, и широко улыбнулась, помахавшему ей Хмуричу. Лешего всего день не было, а она уже соскучилась по нему, добрым другом он для Ёжки успел стать.

Баба Яга головой кивнула, приглашая лешего войти, но тот лишь головой покачал, пальцем поманив девушку наружу. Ягуся недоуменно глянула на Хмурича, но поспешила одеться и выскочить на крыльцо.

Леший подждал Злату на первой ступени, нетерпеливо постукивал пальцами по перилам. Взгляд у мужчины был тревожный. Он то и дело оглядывался через плечо на лес и всё сильнее и сильнее угрюмился.

–Здравствуй, Златка! – поприветствовал девушку леший.

–И тебе не хворать! – отозвалась царевна, придерживая на груди накиннутый наспех тулуп. – Что-то случилось? Ты прямо сам не свой.

–Случилось... , не случилось, – с расстановкой пробормотал лешак и несколько раздражённо добавил. – Нехорошее что-то в лесу творится. Со стороны Ветряного кряжа к границе нашего леса нехороший туман наплзает, колдовством тёмным от него за версту несёт. Зверьё тревожится. Птицы то место стороной облетают. Деревья и те не такие как были. Словом тревожно мне, Злата. Очень тревожно, за вас в особенности, потому и пришёл. Знаю, что у тебя купол охранительный есть, разверни его поскорее и лучше бы тебе пока носу одной без меня или Прокопия в лес не казать.

–Сказать хочешь, что опасность может ждать? – нахмурилась уже и Ягуся, передёрнула плечиками от расползшихся по спине мурашек страха. – Что же там такое может быть, как думаешь?

–Сам я с таким никогда не сталкивался, но Осталец мне о подобном сказывал, – задумчиво начал говорить Хмурич. – Говорил, что однажды в лесу появился чернокнижник. Лихие и жуткие дела он творил: мёртвых из могил поднимал, души в сосуды запечатывал, туман ядовитый насылал, мор на деревни, детей в то время много пропало. Словом, страшный человек был. Его, конечно, колдуны-воители споймали и живенько на тот свет отправили, хотя и полегло их немало, прежде чем скрутить его смогли. Сильный чернокнижник был.

–Думаешь и сейчас так? – с ужасом спросила Златка, мысленно перебирая в уме, что она знает о чернокнижниках.

– Не уверен, – досадливо скривился мужчина и пояснил. – От тумана того никакого вреда пока не было, кроме страха беспричинного, что на всё живое нагоняет. Деревья, что в тумане растут, я чувствую, живые они, но спят крепко. В нашем лесу деревья уже сок нагоняют, к весне готовятся, а эти спят, будто первых морозов ждут.

– Не ладное дело, – расстроено проговорила Баба Яга и спросила. – Что делать хочешь?

– К границе тумана пойду, благо не двигается он пока, – начал он делиться с ней своими думами. – Гляну что там к чему, попробуй в него зайти...

– Нет! – непререкаемо остановила его Ёжка и сама своим словам удивилась, так властно они прозвучали. – В туман не входи пока! Я оберег от злого колдовства поищу, туда пойдёшь только с ним.

– Злата..., – попытался воспротивиться леший.

– Я всё сказала! – оборвала его Бабка Ёжка и тут же разговор перевела. – Скажи лучше, отцу моему ничего не грозит? Он от Сколок ко мне прийти должен сегодня.

– От Сколок безопасно, я думаю. Но ежели тревожишься, могу к нему приглядывать кого-нибудь из зверья лесного приставить. Если что случится, тут же на помощь приду, – предложил Хмурич и понял что его вокруг пальца-то и обвели.

– За оберегом завтра поутру приходи, – строго сказала Златослава.

–Ох, и командирша ты, Златослава Ростиславовна! – усмехнулся леший, чувствуя, как часть тревог уходит из души.

–Не с кем-нибудь – с царёвой дочкой связался! – засмеялась Златка, подмигнув мужчине.

–Твоя правда, – поддержал её смехом Хмурич. – Пойду! Завтра утром жди и попроси Марфушку, пожалуйста, пирогов с капустой сготовить. Сил нет, как хочется!

–Так давай вынесу? У нас есть, – спохватилась Ягуся и, метнулась было назад в Избушку, но рука лешего её остановила.

–Не надо, – по-доброму улыбнулся он ей. – Мне сейчас наедаться ни к чему. Завтра жди! До завтра, Златка!

–До завтра! – помахала рукой уже удаляющейся спине лешего Яга.

Не став дожидаться пока он из виду скроется, Ёжка стала купол защитный разворачивать. Она его не так давно сама подправила, позволяя Верейку, Хмурича и Прокопия пропускать. Ростислава Всеволодовича купол и так пропускал, а остальным рядом с Избушкой-на-Курьих-Ножках ошиваться нечего.

Девушка с удовлетворением проследила, как тонкая колдовская паутинка купола засеребрилась над макушками деревьев. Волошба защитная теперь есть и сквозь неё никто недобрый пройти не сможет. Злата легонько провела ладонью по перилам и почувствовала что-то непонятное, буд-

то бы теплом повеяло от натёртого до блеска дерева. Она вздрогнула, отдернула руку и коснулась вновь лишь кончиками пальцев. Чувство тепла и уюта словно бы окутало молоденькую Ягу. Златослава невольно улыбнулась и поспешила в тепло родной Избушки вернуться.

Поразмыслив, царевна решила батюшке о сказанном Хмуричем ничего не говорить, ещё тревожиться будет о ней Кощей. Вдруг не так уж всё и худо, а она панику поднимет. Нет, говорить никак нельзя.

–Хозяюшка, случилось что? – поинтересовалась Марфа, любовно натирающая глубокую расписную миску.

–Нет, Марфушка, – улыбнулась беззаботно Ягуся, решив, что и домовушку не след пугать, она и без того впечатлительная. – Хмурич заглянул, справиться как у нас тут дела, да обещался завтра в гости пожаловать, пирогов с капустой просил очень. Сделаешь?

–Будьте спокойны, хозяйюшка! Справлю я пирогов, – улыбнулась домовая и продолжила дальше натирать и без того блестящую миску.

–Спасибо! – поблагодарила её Златка и сообщила. – Марфуш, я пока батюшка не появился, пойду на чердак поднимусь, не теряйте меня.

Домовушка только кивнула в ответ, а царевна тулуп повесила и снова в сени отправилась, а оттуда и на чердак быстро поднялась. Помнилось ей, что в одном из сундуков сильный оберег от злых чар видела.

Перед тем как дверь на чердак открыть, Ёжка колдовскую искорку засветила и только тогда к ручке потянулась. Дверь бесшумно отворилась. Огонёк осветил чердак, и девушка решительно направилась к примеченному ранее сундуку, где не так давно рылась.

Оберег нашёлся на удивление быстро и можно было бы уже совсем уйти, но Ягусю будто что-то в спину толкнуло, направив прямо к сундуку Милаоки. Златка откинула тяжёлую крышку и уставилась на лежащую сверху плоскую, но довольно вместительную шкатулку. Её девушка обнаружила одновременно с летописью, но тогда Яга так и не решилась её открыть.

Ёжка смотрела на шкатулку, понимая, что никак не может побороть желание открыть её. Она отложила на рядом стоящий короб найденный оберег и протянула руки к шкатулке, взяла её и попыталась открыть. Какого-то видимого запора или замка не было, но открыть шкатулку так и не получилось, но и выпустить её из рук царевна уже не могла. «Видимо так надо», – пришла к решению Баба Яга и, сунув шкатулку подмышку, не колеблясь более, захлопнула сундук. Златослава подобрала оберег и направилась вниз, а в сенях нос к носу столкнулась с Ростиславом Всеволодовичем.

–Папка! – радостно воскликнула девушка, бросаясь в объятья отца.

–Ну, чего ты? – улыбнулся Кошей, крепко обнимая дочку. – Словно вчера и не виделись. Соскучиться, что ли успе-

ла?

–Ага, – подтвердила царевна, уткнувшись носом в меховой воротник отцовского плаща.

–Полно, дочка! Идём в дом! – ласково погладив Златку по волосам, предложил Ростислав Кощей.

Ёжка последний раз потёрлась щекой о плечо батюшки и, отстранившись, улыбнулась ему. Рядом с отцом царевна снова почувствовала себя маленькой девочкой, любимой дочкой, всеми балуемой и всеми же оберегаемой. Совершенно восхитительное ощущение! Девушке так не хотелось, чтобы оно заканчивалось. Ягуся вздохнула и направилась в кухню, царь-батюшка последовал за ней.

–День добрый, Ростислав Всеволодович! – поприветствовала Марфа вошедшего царя и тут же обратилась к Злате. – Хозяюшка, на стол накрывать?

–Пап, ты кушать будешь? – повернувшись к царю, спросила Баба Яга.

–Позже, Злата, – отрицательно покачал головой Кощей. – Позже. Сейчас давай-ка обсудим обряд, который состоится этой ночью. Осталось мало времени.

–Да ты прав, – согласилась Златослава и присела к столу. – Садись и сказывай, что делать надобно.

–Да от тебя особо много и не требуется, – улыбнувшись, проговорил Ростислав Всеволодович. – Главное перстень на пальчик надеть. Тут дело в другом, милая. Хоть обряд и не традиционный, но ты же всё-таки невеста и надобно тебе как

невесте выглядеть. Ты в сундуки с подарками заглядывала?

– Я только коробки осмотрела с детскими нарядами, – растеряно отозвалась Ёжка. – В сундуки не заглядывала ещё, а то ума не приложу, куда остальное добро раскладывать да развешивать.

– Сам тогда покажу, – заявил Ростислав Кощей, поднимаясь из-за стола.

Златка тоже собиралась за ним пойти, но отец, махнув ей рукой, чтобы сидела на месте, в сени вернулся. Отсутствовал он не долго, да быстро возвратился, неся в руках объёмный свёрток.

– Вот, разворачивай! – вручая Ягусе свёрток, распорядилась царь-батюшка и ласково добавил. – Это тебе мама передала. Я как рассказал ей о том, что Зареслав жениться на тебе хочет, так она за шитьё и засела. Аккурат к моему отъезду всё закончила.

Девушка приняла протянутый отцом пакет, развязала шнур и раскрыла. Красная по белому свадебная вышивка так в глаза и бросилась, на миг, заставив затаить дыхание от той незатейливой красоты. Вышивка для свадебных нарядов издавна была простой и, казалось бы, безыскусной, но то лишь видимость. Огромный смысл ещё Светлыми Богами завещанный был в простеньких узорах, каждый из которых имел своё значение и вышит был для привлечения благостей всяких на семью будущую.

Осторожно развернув и подняв на вытянутых руках сва-

дебное платье, Ёжка даже всхлипнула расчувствовавшись. Такое платье красивое, и родители-то у неё непутёвой понимающие да замечательные, и жених благородный оказался. Повезло ей, глупой так! А многим бы так не свезло.

—Ну, вот! Опять глаза на мокром месте! — в шутку возмутился царь Кощей. — Всё же ты плакса, Златослава!

—Прости, папочка! — не сдержавшись, всхлипнула девушка и сквозь проступившие слёзы лучезарно улыбнулась родителю. — Просто платье такое чудесное! Я и не надеялась, что смогу такое надеть когда-нибудь.

Ростислав Всеволодович только головой покачал и ласково улыбнулся дочери. Не стал он ей объяснять простую истину, что родители никогда не откажутся от своего ребёнка, чтобы он не совершил. Сама всё скоро поймёт.

—Иди, примерь! — предложил царь-батюшка, кивнув в сторону спальни. — Матушка по памяти кроила, могла и ошибиться.

Прижав к груди платье, Ёжка кивнула и кинулась в спальню мерить обновку. Терентий только в усы насмешливо фыркнул, проследив, как подопечная скрылась за ширмой, попискивая от восторга. Чуть погодя фамильяр с удивлением проследил полёты снятых и отброшенных в сторону Златкиных вещей, а ещё мгновением позже мог любоваться и на саму Ягусю обряженную в длинное белое свадебное платье с красной вышивкой.

Девушка медленно вышла из-за ширмы, осторожно по-

правляя новый наряд, и направилась к зеркалу. Платье, пролежавшее не одну седмицу в сундуке, отчего-то было совсем не помятым, так кое-где складочки были, но и они быстро исчезли. Разгладив кончиками пальцев широкие вышитые манжеты, царевна остановилась и, в конце концов, решила взглянуть на себя в зеркало.

В зеркальных глубинах отражалась невысокая девушка, белокожая и золотоволосая, нервно сжавшая пальцы в замок. Златослава всегда знала, что она красива, об этом говорили все мужчины хотя бы мельком видевшие дочь царя Кощея. Но одно дело слышать об этом от других и совсем иное самой, наконец, поверить в то, что она действительно красавица. Конечно, по меркам Белояжского и Светорецкого царства излишне стройна, даже худощава была дочка Ростислава Всеволодовича, да и привыкли там считать красивыми полнотелых и круглолицых девушек. Но всё же...

Овальное лицо, с чётко очерченным подбородком, полноватыми губами, узким чуть длинным носиком и высоким чистым лбом некрасивым назвать было нельзя. Большие широко расставленные серо-голубые глаза своим цветом напоминали бескрайние просторы Ледяных Островов и затенены были длинными, густыми и тёмными ресницами. Аккуратные брови тонкими дугами изгибались, делая лицо выразительным и чуть ироничным. Густые золотисто-русые волосы, сейчас заплетённые в простую косу, распущенными достигали бёдер. Всё же хороша она, что ни говори, жаль только

жених её такой не увидит!

– Налюбовалась? – тихонько спросил царь Кощей, возникший за правым плечом дочери, и с гордостью прибавил. – Ох и красавица ты у меня, доченька!

– Полно, батюшка! – смутилась молоденькая Ёжка и смущённо покраснела.

– Ну-ну, не смущайся! Ты у нас действительно девица-краса! – покачал головой Ростислав Кощей и, чуть повысив голос, позвал. – Марфушка, будь любезна помоги хозяйшкe своей волосы расплести и расчесать, да украшения соответствующие подберите!

– Как пожелаете, – счастливо улыbnулась домовая, возникнув в спальне и утирая слезы умиления крохотным платочком.

– Вот и славно, – подвёл итог Кощей и сообщил. – А я пойду нужное для церемонии готовить. Всё действие снаружи проходить будет, так что поверх платья плащ накинь, я его тебе на лавке оставил, там же и сапожки тебя дожидаются. Всё, я пошёл, а вы давайте готовьтесь. До полуночи мы должны всё успеть!

Ростислав Всеволодович ушёл, а Златослава присела на краешек стула, позволяя Марфе себя расплести и расчесать. С этого момента всё происходило словно во сне, немного тревожном, странном, но совсем не страшном, а наоборот сулящем в будущем что-то хорошее и неизведанное.

Отступление.

На поляне у окраины берёзовой рощи полукругом расположились громадные каменные столбы, испещрённые затейливой резьбой, изображавшей сцены сотворения мира Отцом-Небом и Матерью-Землёй. Святилище это для Лиходольского княжеского рода являлось единственным местом, где скреплялись супружеские узы будущих правителей сих земель. Святилище было древним, и даже Будимир Давыдович Лиходольский с уверенностью не мог сказать, кто из пращуров воздвиг его в незапамятные времена. Подле самого высокого центрального столба расположилась плоская белоснежная овальная плита-алтарь, которая в отличие от чернильно-чёрных с редкими вкраплениями золотистых искорок столбов, была гладкой и отполированной. Из-под каменного алтаря пробивался родник, чьё устье было выложено слюдяными пластинами на несколько саженей вперёд, а дальше впадало в небольшое кристально чистое озерцо, окружённое старыми плакучими ивами, словно стражами. Озеро было настолько чистым, что дно просматривалось без труда даже с берега. Этот дивный уголок всегда был напоен покоем и безмятежностью, но не этой ночью.

Сначала, ещё до заката, на поляне появились несколько колдунов. Они обошли кругом поляну, вытаптывая в глубоком снежном покрове ровную тропинку, по контуру которой через несколько часов засветилась мощная защита, накрывшая мерцающим куполом всё святилище и расположившееся рядом озеро. Потом охранную черту переступили юные

ученики волхвов, принявшиеся окуривать отвращающими зло травами всё в пределах купола. Позже подтянулись их наставники и уже вместе с ними затянули тихие песнопения, взывающие к Матери-Земле и Отцу-Небу. Когда на небосклоне зажглись яркие звёзды, к алтарю важно прошествовал старый слепой волхв, опирающийся на услужливо подставленное плечо молоденького ученика. Стоило только старику коснуться белой плиты, как остальные смолкли и, отведав низкий поклон, поторопились удалиться. Старый волхв недолго пребывал в одиночестве, через несколько мгновений после того как он остался один на один с древними камнями святилища, охранную черту переступили двое мужчин.

Князь Лиходольский Будимир на правах старшего в роду изъявил желание присутствовать на столь необычном обряде, который вскоре свяжет его любимого внука и дочку царя Кощея супружескими узами. По такому знаменательному случаю Змей Горыныч был одет в лучший костюм багрового аксамита, на плечах его был накинут подбитый чёрными соболями плащ, а ноги были обуты в высокие сапоги из отменно выделанной замши. Княжич, являющийся к тому же ещё и женихом, на фоне деда выглядел не столь приметно, его простой белый свадебный наряд и серый плащ почти сливались со снежным покровом.

– Зареслав, ты уверен в своём решении? – тихо спросил Будимир Давыдович внука. – Как бы я не уважал Ростислава,

но эта его пигалица нанесла и нам, и своему отцу оскорбление своим отказом связать с тобой судьбу. Зачем тебе такая легкомысленная жена? Чтобы потом всю жизнь рогами при-толоки оббивать?

– Дед, я тебя, конечно, люблю и очень уважаю, но давай впредь ты будешь более уважительно отзываться о моей будущей супруге, – строго произнёс княжич, бросив взгляд на застывшего у алтаря волхва.

– Ты так уверен, что девчонка наденет кольцо? – спокойно поинтересовался Змей.

– Я в этом убеждён, – столь же спокойно отозвался Зареслав и решительно направился к алтарю.

Стоило княжичу приблизиться, как волхв вынул из складок своей хламиды крупный, сверкнувший багровым камнем, перстень и положил его на белоснежную плиту, подле оставленных его учениками чаши и ритуального ножа. Старик вздохнул, к такому обряду ему ещё не приходилось готовиться. К обряду, на котором не будет невесты.

Как разъяснил волхву дед жениха, невеста находилась в данный момент в другом царстве, и ей был дан выбор. Девушке вручили обручальное кольцо, объяснив, что если она согласится на брак, то в этот день ровно в полночь ей необходимо надеть кольцо и только в том случае она станет женой мужчины, что так нервно сжимает и разжимает пальцы на рукояти своего кинжала. Старику же были даны чёткие указания, что за четверть часа до полуночи он должен успеть

провести брачный обряд и ровно в полночь объявить присутствующего здесь жениха и отсутствующую невесту мужем и женой. Несмотря на расстояние, если на то будет воля Матери-Земли и Отца-Неба, и, конечно же, желание невесты, такой союз будет официально заключен, соединив судьбы мужчины и женщины нерушимыми узами. Волхв покачал головой и снова вздохнул.

– Пора начинать! – произнёс княжич, задумчиво глядя на звёздное небо.

Волхв важно кивнул и принялся читать нараспев обращение к Матери-Земле. Его красивый глубокий голос отдавался эхом под колдовским куполом, заставляя слова звучать по иному, весомей и таинственней в полнейшей тишине. Создавалось впечатление, что всё вокруг замерло, повинувшись голосу старика. Волхв просил Богов быть свидетелями свершающегося таинства, но те, по всей видимости, не просто решили засвидетельствовать, но помочь провести полноценный обряд.

У Избушки-на-Курьих-Ножках. То же время.

Златослава не заметила, как пролетело время до начала обряда. Сперва её отвлекала Марфа, прихорашивающая свою хозяйку к столь ответственному событию. Затем Ёжкиным вниманием завладела проснувшаяся Василиса, громко требующая чистых пелёнок, ужина и развлечений. Наверное, это и к лучшему, иначе, как полагала Златка, она бы вся извелась в ожидании.

Но вот за полчаса до назначенного женихом времени царь Кощей протянул дочери плащ и поманил за собой на улицу. Оставив вновь уснувшую Василису на попечение домовушки и фамильяра, Яга натянула сапожки и накинула плащ, привезённый ей отцом, расправила распущенные волосы, только на лбу прихваченные плетённым из белых и красных шерстяных нитей шнурком и направилась вслед за Ростиславом Всеволодовичем.

На крыльце родной Избушки Злата замерла, разглядывая расчищенное от снега пространство, начинающееся от последней ступени и заканчивающееся подле дальних кустов у окраины поляны. По центру площадки лежала толстая медвежья шкура, покрытая сверху вышитым обережной вышивкой полотном, на котором находилась чаша, ритуальный нож, сложенный в несколько раз головной платок и шкатулка с перстнем, вблизи стоял царь-батюшка и выжидающе смотрел на дочь. Не говоря ни слова, Ростислав Кощей поманил царевну к себе.

Девушка нервно сглотнула, пересилив возникшее вдруг опасение, поспешила спуститься вниз и подойти к отцу. Остановившись напротив Ростислава Всеволодовича, Ягуся вложила пальчики в протянутую отцовскую ладонь, позволяя батюшке помочь ей опуститься на колени на расстеленное полотно. До полуночи осталось не так много времени, а им ещё предстояло провести свою часть обряда. Кощей как раз собирался начать воззвание к Богам, как вдруг, перед

стоящей на коленях Златославой заискрился воздух.

Поначалу возникло перемигивающееся искорками облачко размером с кулак, но оно быстро росло, пока не увеличилось настолько, что превысило человеческий рост, как в высоту, так и вширь. Царевна заворуженно следила за странным облаком, а царь-батюшка уже успел догадаться, в чём дело. Ростислав Кощей, быстро схватив с покрывала шкатулку и дочерин платок, подхватил Златку под руку, вынуждая подняться, и не раздумывая потянул её сквозь мерцающую пелену. Баба Яга опомниться не успела, как оказалась у незнакомого святилища прямо перед алтарём, рядом с которым стоял старый волхв и мужчина, наряженный в костюм жениха.

–Ой! – тоненько выдала девушка и остановилась, как вкопанная.

–Златка, быстро к жениху, ежели не передумала! – шепнул ей батюшка на ухо и вложил в ослабевшие руки дочери платок.

Ёжка отрешённо покачала головой, потом кивнула, снова «ойкнула» и поспешила встать подле жениха, вцепившись в ткань платка, как утопающий в соломинку. Царь-батюшка же, передав выуженный из шкатулки перстень волхву, направился к стоящему в отдалении Змею Горынычу.

–Перед светлыми ликами Матери-Земли, Отца-Неба и всех Светлых Богов спрашиваю тебя Зареслав сын Венцеслава, чисты ли твои помыслы и искренне желание взять в жёны

Златославу дочь Ростислава? – как ни в чём небывало принялся задавать вопросы старик.

–Помыслы мои чисты и желание искренне, – тихим голосом отозвался жених, на которого Ягусе было и боязно, и стыдно глянуть.

–А теперь ответь ты, Златослава дочь Ростислава, согласна ли стать женою Зареславу сыну Венцеслава? Искренне ли твоё желание и чисты ли помыслы? – обратился уже к девушке волхв.

–Помыслы мои чисты и желание искренне, – дрожащим от волнения голосом произнесла необходимый ответ царевна.

–Боги читают в сердцах ваших, видят помыслы, – веско произнёс старик, одновременно с этим укладывая в чашу два венчальных перстня, – от них не укроется обман. Всё видят Боги, и если получите вы их благословение, в сей же миг наполнится чаша водой. Светлые Боги, взываю к вам! Хотите ли вы осветить эту пару милостью своею?

Молоденькая Ёжка затаив дыхание следила за стоящей на алтаре чашей, но первые несколько мгновений ничего не происходило. Волхв молчал. Жених, на которого Злата так и не смогла заставить себя взглянуть, звучно втянул воздух сквозь сжатые зубы. Девушка едва подавила разочарованный вздох, но тут вдруг над чашей появилась крохотная чёрная грозовая тучка, выпустившая маленькую молнию и пролившаяся дождём прямо в ритуальную чашу. Чаша стремительно наполнилась почти до самых краёв и только после этого

тучка ещё раз полыхнула молнией и истаяла.

– Боги милостивы и всевидящи! – чуть нараспев заговорил волхв и, выдержав паузу, задал новый вопрос. – Готовы ли вы пролить здесь свою кровь, чтобы доказать, что слова ваши нерушимы и намерения тверды?

– Да, – всё так же тихо отозвался Зареслав и, сделав три уверенных шага, преодолел расстояние до алтаря.

Сглотнув, Златослава во все глаза уставилась на своего жениха. Хорош! Богатырский разворот плеч, мощное тренированное тело и гордая осанка свидетельствовали, что будущий муж с воинским долгом знаком не понаслышке. По плечам Зареслава рассыпались каштановые с алыми проблесками локоны, а когда мужчина повернулся к ней лицом, царица едва дара речи не лишилась. «И впрямь змей!» – пронеслось у Яги в голове. Лицо жениха сейчас едва ли напоминало обычное человеческое. Хищные заострённые черты с чётко очерченными линиями скул, подбородка и носа. На смуглой коже явственно различались змеиные чешуйки золотистые и алые, они проступали на скулах, висках, немного было у корней волос, чуть-чуть на впалых щеках и полностью покрыта вся шея. Но более чудно и жутко выглядели глаза с двойными веками, янтарно-жёлтые с тонкой полоской зрачка.

Засмотревшись на жениха, Ягуся упустила из виду тот момент, когда волхв согласно обряду сделал надрез на ладони Зареслава, позволяя тоненькой струйке крови пролиться в чашу с водой. Опомнилась Златка, только когда кто-то очень

тихо позвал её по имени. Тряхнув головой, девушка растеряно смотрела на волхва, ожидающего её у чаши, и снова перевела взгляд на княжича, на диковинном лице которого играла насмешливая улыбка. Невольно всплеснув руками от уразумения собственной рассеянности, царевна поспешила к алтарю. Остановилась она подле жениха, протянула руку волхву и, закусив губу, терпеливо снесла сделанный на ладони надрез.

Дождавшись когда достаточное количество крови прольётся в чашу, волхв проворно для слепого старика ухватил пораненную руку жених, вложил в неё ещё сочащуюся кровью ладошку невесты. Ладонь княжича оказалась горячей и чуточку шершавой, на тыльной стороне её виднелись чешуйки, а на пальцах вместо ногтей обнаружились небольшие, но бесспорно острые когти. Злата сдавлено охнула, разглядывая подобное «богатство», пока волхв обматывал их скреплённые руки затейливым ремешком и завязывал какой-то хитроумный узел.

– Испугалась меня? – склонившись к невесте, шепотом спросил Зареслав.

– Нет, – в тон ему совершенно честно призналась Ёжка и поспешила пояснить едва слышно. – Чудно просто! С такими же когтищами жить, наверное, невозможно. Такими и себя поцарапать недолго.

– Ох, Златка! – не смог сдержаться от смешка жених. – Я думал, она испугалась, успокоить хотел, а ей, видите ли «чуд-

но».

–Чего бояться-то? – раздумывая, а не обидеться ли ей, буркнула Баба Яга. – Чай не зверь, не задерёшь, – но тут проснулось извечное женское любопытство и, покосившись на волхва, она быстро спросила. – А они тебе не мешают?

–Нет, – покачал головой княжич и улыбнулся. – Это промежуточная ипостась, она для обряда необходима, после обратно перекинусь.

–А-а-а, – протянула царица и покорно затихла, когда волхв знаком приказал им молчать.

–Светлые Боги, к Вам взывая, прошу ниспослать благодать на сих мужчину и женщину, связать их узами нерушимыми, временем не подтачиваемыми! – громко произнёс старик, держа свою сморщенную ладонь поверх их сцепленных рук. – Пусть ни волошба тёмная, ни умысел злой, ни лета многие не оборвут узы семейные, кровью скреплённые, Богами благословлённые!

На словах последних вокруг жениха и невесты ореол белый засветился, с каждым мигом всё ярче и ярче становившийся. Стоявшие в стороне Кощей и Змей Горыныч даже глаза ладонями прикрыли, так нестерпимо яркое оно было. Но вот прошло всего несколько мгновений, да два удара сердца и ореол угас. Волхв отошёл от молодых, поднял ещё недавно наполненную до краёв чашу и вручил её жениху. Сейчас на совершенно сухом и чистом дне лежали два перстня: один небольшой, сделанный на женский пальчик, другой массив-

ный и широкий, мужской. Крупные рубины и в том, и в другом перстне теперь были не багровыми, а тёмно-красными, почти чёрными чуть светящимися изнутри, словно бы огонёк какой колдовской в них был.

– Возьми перстень, Златослава, и одень на палец жениху! – повелительно произнёс старик.

Царевна протянула свободную руку к чаше, пытаясь понять, как же перстень-то надеть, ведь рука княжича, на которую надевать положено, с её рукой связана ремешком. Только успела она это додумать, как опали путы, освободив их ладони, но маленькая ладошка Златы всё ещё была зажата сильными пальцами Зареслава. Закусив губу, девушка осторожно повернула руку жениха так, что бы она поверх её оказалась и медленно одела перстень на палец княжичу. Заняв своё законное место, в перстне ослепительно мигнул потемневший рубин и тут же погас, даже ранее замеченный свет померк.

– Теперь ты, Зареслав, одень на палец невесты перстень! – скомандовал волхв.

Поставив чашу на алтарь, мужчина вынул оставшийся перстенёк, перекатил его между пальцами и, взглянув в лицо невесте, улыбнулся. В улыбке сверкнули два длинных змеиных клыка, но это отчего-то даже не напугало Ёжку, и она несмело улыбнулась ему в ответ. Княжич бережно одел кольцо на пальчик своей невесте и, не удержавшись, склонил голову и поцеловал доверчиво лежащую в его руке ладошку.

У Златки даже дух от этого прикосновения перехватило, и щёки, будто огнём опалило, да и вообще как-то очень жарко вдруг стало.

–Теперь вы муж и жена и следует вам первый раз совместным путём пройти, чтобы ваша жизнь супружеская была такой же лёгкой, да гладкой! – возвестил старый волхв, протирая руку в сторону проторённой широкой тропки вокруг озерка, и тут же тихо добавил, напоминая Зареславу. – Голову жене не забудь покровом покрыть, чтобы все знали, что теперь она мужнина жена!

–И как только понял, – озадачено проговорил мужчина, забирая до обряда пристроенный на сгибе локтя платок Златославы.

Муж, царица мысленно напомнила себе, что теперь этого мужчину нужно мужем величать, встряхнул свёрнутый платок и набросил на голову девушке. Чуть поразмыслив, он перекрестил концы платка у шеи, а после перекинул один через левое, другой через правое плечо. Осмотрел он дело рук своих, моргнул сначала своими змеиными веками, потом обычными человеческими и как-то растеряно улыбнувшись, доверительно сообщил:

–Я честное слово не знаю, как там по правильному надо покрывать.

–Ничего, – Златка неожиданно почувствовала себя с ним настолько легко, будто всю жизнь его знала, и потому с её губ без глупого стеснения слетели сказанные заговорщиц-

ким шепотком слова, – мы сделаем вид, что так и должно быть.

В девушке вдруг озорство какое-то проснулось. Она весело подмигнула Зареславу, взяла его за руку и без сомнений повлекла по тропинке в сторону озера. Девушка даже не заметила, какая счастливая улыбка появилась на губах мужчины, когда он смотрел на её пальчики, крепко держащие его широкую ладонь.

Дюжину шагов прошагали они в молчании, потревоженном только тихим поскрипыванием утоптанного снега под ногами. Златослава мысленно возносила молитву Богам, чтобы даровали они им счастливую семейную жизнь, чтобы не разочаровался этот во всех отношениях чудесный мужчина в ней Ёжке безголовой. А ещё Ягуся гадала, а как же на самом деле выглядит княжич. От отца царевна когда-то узнала, что промежуточная ипостась у змеев не сильно от человеческой отлична, но вот никак человеком представить его не могла.

–О чём задумалась? – не удержавшись, спросил свою новоиспечённую супругу Зареслав.

–Каков ты в человеческом облиции, – не задумываясь, выпалила Злата.

–Как только поляну покинем, сразу увидишь, – чуть нахмурившись, сказал княжич и с преувеличенным интересом принялся разглядывать озеро, по бережку которого они чинно шли. – Здесь я в этой шкуре застрял, обратно перекинуть-

ся не смогу, покуда границу, колдунями нашими очерченную, не пересеку.

–Огорчить спешу тебя, Зареслав сын Венцеслава, – раздался вдруг красивый женский голос, – поляну ты один покинешь. Ёжка после обряда в Избушку тут же воротится, негоже дитя одно оставлять, да и у тебя кое-какие обязательства безотлагательные имеются.

–Что? – удивлённо завертев головой, спросил змей у незнакомки.

Его взгляд не сразу заметил женскую фигуру, стоявшую в дюжине шагов впереди них. Бабка Ёжка тоже заметила незнакомку и с интересом принялась разглядывать её, пока вместе с мужем шла навстречу. Говорившая женщина была высока, полнотела и очень красива, но не девичей юной прелестью, а красой взрослой расцветшей женщины, матери многочисленного семейства. Одета она была не броско, как и положено почтенной женщине, её рубаха небелёного льна с коричнево-зелёной вышивкой и тёмно-зелёный сарафан всё же смотрелись богато, а крупные малахитовые бусы и серьги очень подходили цветом к её глазам. Волосы у незнакомки были золотые в рыжину, заплетённые в две косы и уложенные тяжёлым венцом на голове.

–Чего же так смотрите? – засмеялась она, разглядывая растерянные лица молодожёнов. – Не признали что ли?

Златка слова даже вымолвить не смогла, только головой отрицательно покачала. Откуда может она знать эту женщи-

ну? Да, она её впервые в жизни видит! А вдруг это Зареслава...

–Ох, Ёжка, насмешила! – залилась звонким смехом незнакомка, словно мысли царевны прочтя. – Тебе вообще стыдно должно быть, свою покровительницу не узнать!

–Земля-Матушка! – пискнула ошарашенная Златка и, выпустив руку мужа, тут же поясной поклон отвесила.

–Да, дитя моё, правильно поняла, – с доброй насмешкой улыбнулась Богиня, породившая всё живое на свете.

–Прости нам наше скудоумие, Матушка! – произнёс Зареслав, отвешивая поклон низкий. – Не признали сразу...

–Полно каяться! – произнесла Мать-Земля, нежно поглаживая толстый ствол плакучей ивы. – Не за тем я сюда явилась, чтобы вас пристыжать. Я обряды свадебные всех Яг благословляла и ваш милостью не обделю, только вот не радует меня, что Ёжка о муже своём толком ничего не знает. Не порядок! Ягуси мои издавна лишь за любимых замуж выходили, а тут я уважение только и чую, – глянув на нахмурившегося Зареслава, Богиня засмеялась. – Ну-ну, не переживай так, княжич! Тебя она больше жизни любить будет, будущее мне видно отчётливо, – она залилась смехом снова, завидя уже Златино смущение. – Не красней так, Ёжка, дурного в том нет! Хорошая семья у вас будет, но для начала вам познакомиться не мешало и потому ни каких вам брачных ночей попервах! Ишь чего удумал, Змей Лиходольский! Ёжка моя в Избушку вернётся, а ты ей письма писать

будешь, пообщаетесь, друг о дружке всё нужное узнаете, тогда и встретиться разрешу. Вот собственно и всё, дети мои! Мира, достатка, счастья и любви Вашей семье желаю, детишек побольше здоровеньких да умненьких – уж я за этим прослежу! Доброго здоровья вам!

–Благодарим тебя, Земля-Матушка! – в один голос произнесли озадаченные таким поворотом событий молодые супруги.

Они слова-то благодарности произнести не успели, как миг исчезла Мать-Земля, будто и не было её. Какое-то время Зареслав и Златослава стояли, не двигаясь, осознавая случившееся. Ёжка первой пришла в себя, тряхнула головой, глянула на супруга своего и, широко улыбнувшись, снова обхватила пальчиками мужскую ладонь. Княжич чуть вздрогнул, будто ото сна очнувшись, когда жена его за руку вновь взяла, улыбнулся в ответ Ягусе так ласково, что у той на душе радостно да сладко стало. Что полюбит этого мужчину Злата уже не сомневалась. Да и разве кто в здравом уме будет спорить с Матушкой-Землёй?! Раз сказала, что полюбит, значит полюбит!

–Пойдём! – шагнув вперёд и потянув мужа за собой, сказал царевна.

–Домой быстрее попасть хочешь? – осторожно спросил мужчина.

Баба Яга недоумённо взглянула на него. Неужели расстроился?

– Чем быстрее мы обряд закончим, тем быстрее наказ Матушки-Земли исполнять начнём, – пояснила девушка, глядя прямо в жёлтые змеиные глаза.

– И то верно, – с облегчением согласился Зареслав, мысленно возрадовавшись, что Ёжка не от его присутствия спешит освободиться, а наказ покровительницы исполнить.

Так и шли они тропой гладкой и чуть скользкой, держась за руки, да переглядываясь и улыбаясь, как дети шаловливые. Лишь единожды подвела тропка. До алтаря оставалось всего с полдюжины шагов, когда сапожок Бабки Ёжки предательски скользнул по льду, увлекая Златку за собою в ближайший сугроб. И упала бы Ягуся, не будь рядом княжича, чья крепкая рука удержала её от падения. Зареслав от неожиданности слишком резко потянул девушку к себе, что она буквально влетела в мужнины объятия, уткнувшись носом в его грудь.

– Поймал, – сообщил на ухо Ёжке мужчина.

– Поймал, – не стала спорить Златослава, приподняв голову, посмотрела в лицо княжичу и улыбнулась.

– Раз уж первой супружеской ночи меня лишили, могу я тебя хотя бы поцеловать? – лукаво улыбнувшись, спросил Зареслав, удерживая Злату за талию.

– Можешь, – заговорщицким шепотом совсем от себя такой смелости не ожидая ответила Яга, и тут же краской залилась.

Услышав её слова, улыбнулся княжич как-то совсем по-

иному, с нежностью на жену свою взглянул, ласково и осторожно провёл пальцами по нежной щёчке и к устам алым склоняться стал. Тут сердечко у Ёжки и затрепыхалось, как у зайчонка в силки пойманного, щекам от смущения горячо-горячо сделалось. А уж когда коснулся Зареслав губами её губ, то так это сладко было, и будто бы никогда не знала она, что такое поцелуй. Хоть и целовал её царевич Иван, когда она невестой его ходила, да всё не то было.

Губы Зареслава были ласковыми да горячими, а руки, что Ягусю так бережно придерживали, были такими надёжными и родными, будто держал он самое дорогое, что в жизни его было. Злата млела в его объятьях, а какое-то неизведанное доселе чувство волною жара прокатилось по всему телу, заставляя, потянутся за новым поцелуем, когда мужчина на мгновение отстранился от её губ.

–Свет мой ясный! – с непередаваемой нежностью прошептал княжич, глядя на Златославу своими змеиными глазами.

А Ёжка тонула в его янтарных очах, как в омутах. Злата сама не заметила, как её рука скользнула по его плечу, и пальчики осторожно коснулись покрытой чешуйками мужчиной щеки. Зареслав на мгновение прикрыл глаза, прижавшись щекой, а затем и губами к маленькой ладошке. Когда он открыл глаза, в них словно пламя заплясало. Опять склонился княжич к устам супруги, только теперь поцелуй был пылкий и поспешный, словно вспомнил он, что впереди их ждёт расставание.

–Зареслав, пора! – услышали вдруг молодые голос Змея Горыныча.

Нехотя оторвался от губ жены мужчина, а Злата, смутившись, спрятала лицо на его груди. Не уж-то и впрямь пора?

–Злата, идём! – это уже Кощей дочку позвал.

Ягуся нехотя отняла головку от надёжного плеча и на отца глянула. Оказалось и Ростислав Всеволодович, и Будимир Давыдович к алтарю подошли, да с волхвом видимо беседу свою какую-то до того момента вели, а за спинами их чуть в отдалении уже снова воздух искринками мерцал, проход до Избушки отрывши. Вздохнула Ёжка горестно и из груди мужа такой же вздох вырвался. Прежде чем отпустить жену, прижал её княжич крепко-крепко и шепнул:

–Я тебе шкатулку колдовскую для писем пришлю, будем наказ Матушки-Земли исполнять. Вот уж не думал, что с женой по переписке знакомиться буду, – ухмыльнулся он и, коротко поцеловав Златославу, напоследок проговорил. – Всё, иди к отцу, а то не отпущу, против Богов пойду!

–Глупости не говори! – покачала головой Ягуся, когда он отстранил её от себя и легонько подтолкнул в сторону бабюшки, и чуть смутившись, решила признаться. – Я буду очень от тебя писем ждать, и когда сам приедешь... Ну, всё до скорой встречи!

Только Баба Яга эти слова досказать успела, как царь Кощей её уже под руку подхватил и к переходу повёл, бросив старшему Змею что-то на прощание. А Златка с замиранием

сердца снова и снова мысленно повторяла слова Зареслава произнесённые напоследок:

–Я буду ждать нашей встречи, душа моя!

Глава 9. Сиреневый туман над нами проплывает...

Оставив за спиной мерцающую пелену перехода, Яга шмыгнула носом и снова грустно вздохнула, пытаясь разобраться в себе и понять, жалеет она или не жалеет, что первая ночь замужней жизни у неё вдали от супруга пройдёт. С одной стороны, покидать Зареслава ей было тяжело и, хотя увидела она его впервые только этой ночью, было у Ёжки стойкое чувство, что знает его давно. С другой, всё же к супружеской ночи с совершенно незнакомым мужчиной она была как-то не готова.

–Златка, чего застыла?! Холодина страшная, а ты замерла! – окликнул дочь Ростислав Кошей, переминающийся с ноги на ногу рядом с ней.

–А? Что? – рассеянно переспросила Златослава, пропустившая мимо ушей слова родителя.

–Что, что, – передразнил её батюшка-царь и пояснил всё же. – В дом говорю, пошли! Холодина!

–Да, папочка, конечно, – отрешённо пробормотала девушка и с сожалением обернулась туда, где раньше был проход.

–Да увидите вы ещё! – поспешил утешить дочку Кошей и, приобняв за плечи, сам повёл её в сторону Избушки.

Бабка Ёжка не сопротивлялась, покорно шла рядом с от-

цом, изредка печально вздыхая. Ростислав Всеволодович довольную улыбку и не скрывал, зная, что дочь и не заметит её, так в свои переживания погружена. Не думалось царю Бело-яжскому, что девочке его Змей Лиходольский так в сердечко западёт, но радовало его сие без меры. Теперь он и слово, данное умирающему побратиму сдержит, и дочка его построена будет, да уж точно счастлива в жизни своей супружеской. Жаль ни отец, ни мать Зареслава не порадуются.

–Хозяюшка, вернулась! – тихонько воскликнула домо-вушка, стоило только Яге и Кощею переступить порог кухни. – Ростислав Всеволодович, доброй ночи вам!

–И тебе, Марфуша! И тебе, – рассеяно оглядываясь, проговорил царь Кощей и, бросив взгляд на печь, попросил. – Ты мне, Марфушка, на печке постели! Я ночь эту у вас заночую, не хочется мне по лесу мотаться, волков пугать. Умаялся я что-то, страсть как.

–Ох! Да ты на кровати на моей ложись, батюшка, а я на полатах лягу! – спохватилась Ягуся, стряхивая с себя все переживания и сожаления, ни к чему они сейчас.

–Ну, уж нет! – покачал головой Ростислав Кощей. – На печи лягу я, хоть косточки свои старые погрею.

–Батюшка! – попыталась укорить его Злата, но не преуспела.

–Цыц, дочь моя! – с усмешкой заставил её замолкнуть мужчина. – На печи сплю я, и ты давай тоже дуй спать! А то чую я, Василисушка нас рано поутру всех подымет.

Не стала боле Златослава с отцом спорить, оставила его на попечение домовой, ночи спокойной напоследок пожелав. На цыпочках прокралась Ягуся в спальню, постояла немножко над колыбелью со спящей дочкой, поспешила переодеться в ночную рубаху и, юркнув под одеяло, сладко зевнула.

–Так-так, Ягуся моя, где это ты была? Поведай верному Терентию! – тихо мурлыкнул фамилляр, заскочил на постель и пополз к девушке, смешно елозя и вертя пушистым хвостом.

–Замуж выходила, – заговорщицким шепотом поведала она и хихикнула.

–И как вышла? – в той же насмешливой манере поинтересовался Реня.

–Удачно, – подмигнув коту, ответила Баба Яга и счастливо улыбнулась.

–Судя по припухшим губам, муж тебе дюже горячий попался, – вгоняя Ёжку в краску, сообщил он, пристально разглядывая подопечную своими зелёными глазами. – Только вот почему у вас ночь супружеская порознь проходит?

–Мать-Земля в конце обряда появилась, благословила, и наказ дала попервах познакомиться, а уж потом и. ... В общем, ты понял что! Словом, мы с мужем через письма общаться будем, а когда Матушка-Земля позволит, снова встретимся, – выпалила Златка едва слышно.

–Етишкин свет! – простонал кот, закрывая мордочку лапами. – Ягусь, а Ягусь! У тебя, когда будет всё как у людей, а?

–Рень, ну, как у меня может быть всё как у людей, когда дело с Бабой Ягой имеешь? – усмехнувшись, проговорила девушка.

–Ох, ладно, – фыркнул насмешливо фамильяр, растягиваясь на одеяле во весь рост. – Спи, давай, Баба Яга!

–И тебе ночи доброй! – снова широко зевнув, пробормотала Златослава и сама не заметила, как заснула.

–Сладких снов, Ёжка моя! – хмыкнул Терентий, потянувшись и вальяжно прошёлся по кровати.

Остановившись у самого края, фамильяр спрыгнул на пол и мягко ступая, прошёл в кухню, проследить, как укладывается спать на печке царь Кощей. Затем прогулялся до лавки, где Марфушка при свете свечи вязала детские носочки. Реня ещё раз обошёл кухню, прислушиваясь к тихим шорохам внутри Избушки и приглушённым звукам, едва слышно доносящимся снаружи. Не обнаружив ничего тревожного, кот вернулся в спальню, запрыгнул на шкаф и с него поглядел на спящую в люльке малышку, и только после этого он вернулся на ёжикину кровать, свернулся под боком у девушки в пушистый клубок и задремал.

Отступление

Ночь шла своим чередом, неотвратимо приближая рассвет. В лесу стояла тишина, изредка нарушаемая скрипом деревьев или уханьем мышкующей совы, а неожиданно подувший с юго-востока тёплый ветер ослабил ночной мороз и дал надежду на раннюю весну. Лес ещё нежился в пред-

рассветных сумерках, когда со стороны Ветряного кряжа сплошной стеной двинулся густой тёмно-серый туман с фиалковыми переливами. Туман неспешно плыл, как голодное чудище, заглатывая деревья и кустарники, камни и корявые лапы сухостоя, звериные тропы и закованные ледком ручьи. Он остановился лишь тогда, когда дошёл до границы Пограничного болота, там и замер, будто ожидая чего-то. Первые лучи солнца осветили, но не развеяли густое туманное море, а лишь сделали более заметным фиолетовый оттенок и какие-то странные тени, передвигающиеся в его сумрачных глубинах.

Хмурич и Прокопий, узнавшие от перепуганного лесного зверья о случившемся, стояли в нескольких саженях от вставшего сплошной стеной тумана и напряжённо всматривались в его глубь. Кроме деревьев и растений почувствовать им ничего не удавалось, только слабый отзвук тёмной волошбы вился над той частью леса, которую заполонила мгла. Младший леший со вздохом что-то сказал старшему и, развернувшись, направился в сторону Избушки-на-Курьих-Ножках. Прокопий нахмурился и неспешным шагом пошёл вдоль границы тумана.

Избушка-на-Курьих-Ножках, два часа после рассвета.

Объявля сна Златка покидала нехотя, в полудрёме перевернулась на спину, сладко потянулась и вдруг настороженно замерла, ощутив какое-то странное беспокойство. Не задумываясь о последствиях Ёжка колдовством своим вовне

потянулась, узнать пытаюсь, что же такое её беспокоит. До какого-то предела всё шло хорошо, как вдруг воздух вокруг словно бы загустел и теперь, чтобы сделать ещё один вдох нужно было приложить усилия, виски будто стальным обручем сдавило, а грудь точно камнем пудовым придавило.

Сонная нега слетела в миг, заставив девушку запаниковать, заметаться на постели, сбрасывая на пол подушки и одеяло, но в какой-то момент пробудившееся сознание взяло верх над телом. Яга распахнула глаза, резко и глубоко вдохнула и медленно выдохнула сквозь сжатые зубы. Рывком сев на постели, Златослава прикрыла глаза, пытаюсь понять, что же такое произошло. Сила колдовская уже применённая более осторожно, однозначного ответа не давала, нашептывая, лишь то, что зло вокруг Избушки затаилось. Открыла глаза Ягуся, нахмурилась, ножкой по полу притопнула, огляделась по сторонам, отметив, что в люльке Василисы нет, да и Терентий тоже покинул своё лежбище. Обвела Баба Яга ещё раз взглядом спальню и вдруг увидела, что за окном творится.

–Ах, вот оно что! – зло прищурилась Златка, подкрадываясь к ближайшему подоконнику. – Вот значит как! Ну, я тебе! – с этими слова она кулаком тому, что за окном было, погрозила.

А там за окошком во всей своей красе предстал туман, плотной тёмно-серой с фиолетовыми переливами мглой окутавший всё вокруг. Сие зрелище до крайности разозлило и

возмутило Златославу, всё ещё грозно показывающую кулак обнаглевшей мути.

– Ко мне значит приполз! – шипела девушка сквозь зубы, быстро натягивая одежду и переплетая косу. – И купола не побоялся!

Наполовину заплетённая коса была выпущена из пальцев и полностью распущена, когда Злата неожиданно припомнила, что вроде как замужней женщиной стала. Снова расчесав волосы и разделив их, Ёжка сноровисто заплела две косы, казавшиеся непривычными и делающие лицо немного иным, незнакомым.

Пока Бабка Ёжка косы заплетала, успела успокоиться, рассудить трезво и понять, что сглупила она, батюшке всё сразу не рассказав об опасениях Хмурича. Теперь-то уж поздно себя казнить, надо думать, что предпринять.

– Бестолочь ты, Златослава! – сообщила своему отражению в зеркале девушка и, вздохнув, направилась на кухню.

Что головомойки не избежать она поняла сразу, как только порог переступила. Застыв в дверях, Яга наткнулась, как на стену каменную, на четыре осуждающих взгляда и на счастливые детские глазёнки, рассматривающие мать с радостным любопытством. Маленькая Василиса, удобно устроившаяся на дедушкиных коленях, рассмеялась и протянула к маме ручки.

– Нет, Василисушка, посиди-ка ты пока у деда, – ласково проговорил внучке Ростислав Всеволодович, придержав за-

возившуюся малютку одной рукой, – а то дед за ремень возьмётся, чтоб мамку твою бестолковую уму разуму научить, – вздохнув тяжело, Кощей обратился уже к дочери. – Знаешь, Златка, я только сегодня осознал, что неправильно мы с матушкой тебя воспитывали. Ох, неправильно!

–Пап, я просто не хотела тебя беспокоить, – решила признаться Злата, в тайне надеясь, что отец хоть чуточку смягчится.

–Дура, ты, Ягуся моя! – припечатал Терентий, обвив лапки пушистым хвостом. – Совсем безмозглая! Ни батюшке, ни верному фамильяру ничего не сказала. На что надеялась? Что беда, как ветерок над верхушками деревьев пронесётся?

–На купол понадеялась, думала, не сможет сунуться сюда волошба тёмная, – продолжала каяться Ёжка.

–Молодец какая! – умилился батюшка и вдруг его лицо стало жестким. – О себе-то ты подумала. А как селянам быть, а? У них куполов нет, колдунов сильных тоже. Кто им поможет ежели что? – не дождавшись ответа, но заметив осознание в глазах дочери, царь Кощей уже чуть смягчившись, продолжил. – Ты, Златослава, царевной была, теперь княжна, да ещё и Бабой Ягой являешься, тебе нельзя только о своих бедах думать! Раз взялась Ягою быть, будь добра помогай тем, кто слабее, беззащитнее! Ежели не знаешь как, ежели сил своих не хватает им помочь, так обратись к тем, кто это сможет. У тебя есть власть приказывать и требовать исполнения приказов, ведь ты моя дочь, а теперь ещё и княжна

Лиходольская. Не знала что делать, у меня бы совета попросила! Нужна помощь, ко мне обратилась или зов к ближайшей заставе бросила, чтобы колдунов прислали! Ты понимаешь, что если бы сразу мне сказала, то колдуны уже бы этот туман обследовали, да его распространение предупредили?

–А сейчас как же? – едва слышно прошептала Яга, сторяя от стыда. – Сделать можно что? Али худо всё совсем?

–Уже сделал, – устало потерев лоб ладонью свободной руки, произнёс Ростислав Всеволодович. – Как только Хмурич тут появился и всё рассказал, я зов колдунам-воителям направил, скоро тут должны быть. Так, что пока они не явятся носа ни кому из Избушки не высовывать!

–И мне? – опешил лешак, подавившись пирогом, который он только-только откусить успел.

–И тебе, – подтвердил Кощей, наконец, передав принявшуюся вертеться сильнее внучку в руки матери. – Мало ли что этот туман в себе несёт, не хватало этому лесу без хозяйина остаться.

–И что нам тогда делать раз выходить нельзя? – озадачено поинтересовался Хмурич у царя.

–Ждать, – со вздохом отозвался Ростислав Кощей и тоже принялся за еду.

Пока мужчины, включая Терентия, завтракали, Златослава развлекала ребёнка и тихонько переговаривалась с Марфой, которая в течение всей отповеди царя-батюшки, шибко за свою хозяйку переживала. Разговаривали они об от-

странённых вещах, про туман старались не упоминать, и так не по себе было каждый раз, когда взгляд к окну устремлялся, чтобы ещё о нём беседовать. Ёжка расспросила домовушку про оставшиеся припасы и готовую снедь, попросила ту подумать, что необходимо приобрести в следующее посещение Сколок или Карповки. Потом маленькая женщина предложила за Василисой приглядеть, напомнив Яге, что та хотела с батюшкой гостинцы и письма передать родным. Зелья, эликсиры и притирания всякие разные у Ягуси были подготовлены, да и письма написаны, осталось только сложить да запечатать, чем она и решила заняться.

Баба Яга усадила Василису на постель, высыпала перед ней игрушки и, оставив под присмотром домовой, присела у письменного стола. Проведя ладонью над фитилём свечи, зажгла его волошбой своей, затем достала письма заранее написанные, брусочек сургуча и маленькую печать, что полагалась ей как царевне Белояжской. С улыбкой глянув на печатку с родовым узором, на её положение в семье указывающем, и подумала, что теперь вскоре у неё другая появится, ведь с этой ночи она боле не Кошцева дочь, а супруга княжича Лиходольского, Змею Горынычу внуком приходящегося. Теперь главное, чтобы муж новоявленный о такой малости не забыл, как печать родовая, а то вдруг придётся родичам новым писать, ежели она своей старой печаткой письмо скрепит, её не поймут, может, даже и обиду затаят.

Поставив в памяти зарубку, мужу напомнить о печати, ес-

ли сам, конечно, не догадается и вместе с обещанной шка- тулкой не пришлёт, Златослава принялась письма запечаты- вать. Живо она справилась с этим, потом гостинцы все в один короб бережно составила, письма в специальную шка- тулку запрятала. Что-то уж больно быстро она сладила, те- перь надо бы на другое отвлечься.

Тут вспомнилось Ёжке кое-что, о чём она батюшку попро- сить хотела. Поднялась она и назад в кухню направилась. Ро- стислав Всеволодович и Хмурич уже откусать успели и те- перь тихо обсуждали что-то. Ягуся их пока отвлекать не ста- ла, налила себе горячего травяного отвара и тихонечко при- села за стол, прислушиваясь к разговору. Оказалось, леший царю рассказывал о проблемах, что в его части леса твори- лись, про охотников, что зверьё без меры бить стали, про ле- сорубов, которые так и норовят сильные да здоровые дере- вья на дрова пустить, когда сухостоя полно. Кощей слушал, кивал и обещал, что с местными старостами деревенскими побеседует по этому поводу, да наказ даст, чтоб следили за тем, что лесорубы и охотники творят, да за руку ежели нуж- но хватали.

–Златка, а тебе чего? – удивился царь-батюшка, приме- тив, что дочка за столом сидит и слушает их.

–Просьба у меня к тебе, батюшка, – тихо сказала Ёжка и вздохнула, пытаясь понять, как бы правильно выразить сло- вами, что она хочет.

–Я слушаю тебя, – сделав глоток из своей кружки, произ-

нёс Ростислав Кощей.

– Не мог бы ты как-то выяснить, не пропадала ли у кого из бояр Светорецких дочка, али сестра или может быть внучка, – принялась говорить чуть сбивчиво Ягуся. – Я же тебе сказывала, что есть у меня подозрения, кто Василисушке моей отцом приходится, вот потому и уверена я, та, что родила её, тоже не из простых. Хотелось бы мне знать, что там такого произошло на самом деле, а то больно уж неизвестность меня тревожит.

– Попытаюсь, но обещать, что получится, не могу, – сходу ответил Ростислав Всеволодович и, одним глотком допив напиток, хмуро посоветовал. – А ты, дочка, смотри никому не проболтайся про малышку! Для всех она теперь твоя и Зареслава дочь, о чём я первым делом сообщу всему люду Белояжскому, как только вернусь.

– Но как же так батюшка, ведь поженились мы только-только, а Василисушке осенью год стукнет. Разве кто поверит? – попыталась возразить Ёжка.

– А кто сказал, что мы будем точную дату вашей свадьбы всем растрезвонивать? – лукаво усмехнувшись, спросил батюшка-царь.

– Как же иначе? – растеряно спросила девушка.

– Да, вот так же! – передразнил её растерянность царь Кощей и уже без тени усмешки продолжил. – Об обряде, что ночью произошел, знают не многие, и те будут молчать. Для всех желающих я озвучу придумку, что вместе с княжичем

и Змеем Горынычем измыслили, и тебе тоже её запомнить не мешает. Словом дочь моя дело обстояло так – прибыл я к Бабе Яге, чтобы узнать где дочь моя сбежавшая и не у неё ли томится, на что Яга ответила, мол у неё царевна и впрямь жила, да волошбе училась, только умыкнул её проклятый Змей. Суть да дело, выяснил я, что дочка моя беспутная замуж за княжича Лиходольско выскочила и дедом меня сделать успела, а теперь поселилась семьёй своей на границе с княжеством совсем рядом с Избушкой-на-Курьих-Ножках. Проводила меня Баба Яга к своей ученице, да просила не гневаться на дочь бестолковую, ибо любовь с ней приключилась истинная, Богами благословлённая. Вот так узнал я, что дочка моя в руках надёжных, да семью не опозорила, а честной жизнью супружеской живёт и успокоилось сердце отцовской. Пожурил я её для острастки и наказал по весне с мужем в Белояжск явиться, самими показаться, да внучку привезти. Вот и весь сказ. Ты сама-то всё поняла, да запомнила?

–Всё, – кивнула Ягуся и улыбнулась несмело. – Это что же получается, мы теперь должны весной в Белояжск приехать? А ежели Матушка-Земля нам с Зареславом к тому времени ещё видеться не разрешит?

–Вот как придёт время, тогда и решать будем, – отмахнулся Ростислав Кощей. – Пока с людей и того хватит! И без этого тревог не счесть, так что народ особо любопытствовать не будет. Главное, чтобы Иванушка, женишок твой бывший, поверил, а то с него станется до правды дознаться и пакость

какую вытворить. Чую я, поперёк горла ему замужество твоё с Зареславом встанет, как бы не решил тебя вдовой сделать. Ну, тут он конечно охолонется, Зареслав ему не по зубам.

–Ох! – встревожилась Ёжка и, с мольбой глянув на ба-тюшку, осторожно предложила. – А может, не будем ничего говорить про замужество моё, а? Пущай думают, что сгинула я в лесах да болотах...

–Златослава Ростиславовна, ты сама слышишь, что твой язык мелет? – сурово прикрикнул Кошей на дочь. – Ещё чего не хватало! Ежели так заявить, то тут для Ивана Свето-рецкого такое раздолье будет, он свои интриги как паук па-утину сплетёт. Ты родная моя не обольщайся! Думаешь, что если он до сих пор на твоём пороге не появился, то значит и не искал. Искал, милая, и со мной встречу устраивал, тре-буя разрешения по земле нашей беспрепятственно ходить. Боюсь, догадывается он, где ты схоронила и только царь Еремей пока отпрыска сдерживал, чтобы тот непоправимое не сотворил. Но так скоро царь преставится, вот тогда Ивану уже нечего будет опасаться. И тебе тогда защиты никакой не предвидится, ежели народу объявить то, что ты предложила. Не смогу же я колдунов своих посылать на охрану не пойми кого? А даже если и пошлю, то вопросы возникнут: кто да почему. Злоречия такие пойдут, что саму царскую власть в Белояжске под сомнение поставят. Нет, дочка! При дворе на-шем ты появишься как жена княжича и не спорь! И придум-ку нашу поддержишь, потому как мне необходимо разумное

обоснование присутствия полков Змея Лиходольского на наших землях, мне нужно, чтобы никто не усомнился в том, по какой причине у нас с Будимиром союз столь крепкий наметился и мне нужно, чтобы моя дочь и внучка под охраной колдунов находились. А ещё я не желаю, чтобы в такое беспокойное время какие-нибудь смутьяны народ подзуживать начали на счёт того, что царь де с дочерью справиться не смог, а царство так и вообще врагам на растерзание отдаст. Злата, прекращай мыслить только о своих бедах, ты же не крестьянка неграмотная! Шире мыслить надо. Шире.

–Я тебя поняла, батюшка, – пристыжённо опустив голову, прошептала Яга.

–Ты, дочь, на меня зла не держи, – чуть утихнув, примирительно произнёс Ростислав Всеволодович и, руку протянув, потрепал Златку по щеке. – Ну, вот кто тебя ещё уму разуму научит, кроме родного отца! Поздновато я, конечно, спохватился, но лучше поздно, чем никогда. Потому, Златослава Ростиславовна, слушай и запоминай, что тебе говорят, когда-нибудь пригодится обязательно.

–Боги с тобой, батюшка! – поспешно воскликнула Ягуся, глаза на отца подняв. – Никакой обиды у меня к тебе нет, просто задумалась я, оказывается, много не знаю и ещё больше не понимаю. Плохо это.

–Не переживай, Злата! – улыбнулся Кощей Ёжке. – Со временем придёт и знание, и понимание, ты главное учись, по сторонам зорче смотри, к словам достойным прислуши-

вайся и размышляй.

Девушка тоже улыбнулась в ответ батюшке и тут же резко вздрогнула, услышав громкий стук в дверь. Хмурич тоже немного напрягся, прислушиваясь, но почти сразу расслабился и снова принялся прихлёбывать чай. И только царь Кощей воспринял всё как должное, поднялся из-за стола и вышел в сени, но почти сразу вернулся, да не один. Вслед за Ростиславом Кощеем низко пригнувшись, переступил порог Избушки-на-Курьих-Ножках высоченный и широкоплечий колдун с белыми, как снег волосами и плутоватой улыбкой.

– Мир этому дому! – поприветствовал мужчина собравшихся и, одарив Ёжку ещё одной шальной улыбкой, произнёс. – Здрава будь, княжна! Вот же вы шустрая: и Ягой стали, и княжной Лиходольской. За вами не угнаться!

– И тебе, Яков, здоровья крепкого! – ухмыльнулась Баба Яга, разглядывая лучшего друга своего старшего брата Владимира. – А ты смотрю, совсем не изменился, как был колдуном бесшабашным, так и остался.

– А то ж, – рассмеялся мужчина и, подмигнув Злате, заговорщицки произнёс. – По-иному жить скучно.

– Всё, Яков, заканчивай свои шутки-прибаутки! – нарочито грозно потребовал царь-батюшка и, снова заняв своё место за столом, жестом пригласил колдуна присесть. – Лучше расскажи, что за туман, откуда он взялся и нашли ли вы что-нибудь ещё необычное!

– Да, что там рассказывать, – вмиг посуровел и растерял

всю свою нахальность колдун, по лицу которого было сразу понятно, что гнетёт его увиденное в лесу. – Проход наш отряд пробил и очутился на опушке у Карповки, тумана не видно было и потому мы сразу в лес углубились. Версты не успели пройти, как на эту муть вышли. Попервах принялись её колдовством проверять на яды, да чары, да такой откат получили, едва успели щиты выставить, и то Глеба приложило хорошо, у него защитные заклятья слабые, он же лекарь всё-таки. Тут-то понятно и стало, что туман на волошбу так ответил, пришлось заклинания свернуть и амулетами проверять. Ядов или испарений, каких вредных, не оказалось, чар кроме защитных тоже. Вот так пришли мы с ребятами к мнению, что единственное для чего этот туман создали, так это для того, чтобы спрятаться или кого-то спрятать. Чтобы догадку проверить, пришлось в эту муть соваться...

–Сдурели что ли?! – не выдержав воскликнула Златослава, но под хмурыми взглядами присутствующих мужчин потупилась и направилась к печке, поставить еду для колдуна погреть.

–Веревкой связались мы и в туман вошли, – как ни в чём не бывало, продолжил Яков. – Вначале ничего странного не заметили, только гнело нас всё вокруг, давило, будто гору на плечах держали, но мы ничего приноровились и всё глубже продвигаться стали. Вот тут нам первый шатун и попался...

–Медведь?! – охнула Златка, чуть ухват не выпустивши из ослабевших рук.

–Злата! – укорил её отец и поспешил пояснить. – Шатун – это нечисть такая, она обычно в сгоревших лесах обитает. Шатуны он безобидные, в общем-то, только на пакости мелкие способны, человека там напугать, мелочь какую у путника уволочь, костёр затушить. Поняла?

–Ага, – кивнула девушка, установив горшочек с кашей в загнеток и принявшись оставшуюся часть пирога ломтями резать.

–Я с вашего разрешения продолжу, – ехидно оскалившись, проговорил колдун. – Поймали мы этого шатуна, но вызнать ничего не смогли. Он всё себе под нос бубнил одно слово «ищу» и больше мы ничего из него вытянуть не смогли, пришлось связать и с собой тащить. Ещё версты две прошли и на нового шатуна наткнулись, но он зараза такая смердящая сбежать смог. Ну, ничего мы после ещё четверых поймали, только вот и от них ничего не добились. Всех пойманных шатунов мы связали и проходом к опушке направили вместе с Елегом и Глебом, они нас и сейчас там ждут. Потом мы столкнулись с отрядом Радовида, у них было то же самое, что и с нами приключилось. Дальше решили все вместе идти, но вот беда, только мы в сторону Ветряного кряжа повернём, да сотню шагов пройдем, как понимаем, что снова к тому месту пришли, откуда путь свой начали, будто кто кругами нас водит. Посовещались с Радовидом и решили к тебе Ростислав Всеволодович кого-то отправить, с тобой сила земли Белояжской, может она нам поможет цели достиг-

нуть. А то честное слово, будто леший за нос водит.

– Больно надо! – буркнул Хмурич, опустошив свою кружку и насмешливо глянув на колдуна.

– О, лешак! – делано удивлённо воскликнул Яков и хитро подмигнул лешему. – Ты ли это? А чего это в Избушке обретаешься?

– Я попросил, – коротко ответил царь Кощей, пресекая дальнейшие расспросы, и задумчиво произнёс. – Но не только мне надо с вами идти, Хмурич с нами должен отправиться. Он хозяин леса ему все тропы и пути ведомы. Только Злату я тут одну оставить не могу. Кто из твоих ребят может в Избушке до нашего прихода подождать?

– Так со мной Данила, – сходу ответил Яков, – он снаружи ждёт. Мы по дороге к вам ещё одного шатуна заловили, вот он его и стережёт, не тащить же его сюда было.

– Вот и славно, – подвёл итог Ростислав Кощей искомандовал. – Яков, бери Хмурича и идите подменить Данила, а он сюда пусть идёт, мне с ним поговорить надо.

– Папочка, может, хоть позавтракать парню дашь? – спохватилась Златослава, винимая из печи и ставя горшок с кашей на стол.

– Злат, ну, о каком завтраке может идти речь! – возмутился батюшка-царь. – Мало ли что произойти за это время успеет!

– Пирогов хоть возьмите, – буркнула Ёжка насупившись.

– Давай, свои пироги! – закатив глаза, произнёс Ростислав

Всеволодович. – Может по дороге перекусит.

–Я мигом! – тут же просияла Баба Яга и метнулась котомочку собирать.

В холщовом мешке быстро нашли себе место пироги, кусок копчёного гуся и несколько варёных яиц. Каждую положенную в котомку снедь голодными глазами провожал колдун и насмешливым взглядом сытый леший. Наконец, Ягуся сноровисто завязала мешок и передала довольному Якову, который поблагодарив, захватил с собой Хмурича и быстро покинул Избушку.

–А теперь, ты, дочь моя, – повернувшись к Злате, сурово произнёс царь Кощей, – даже не помышляй нос свой любопытный из Избушки высунуть, когда мы уйдём!

–Батюшка, да что же я совсем дурная, по-вашему?! – возмутилась Бабка Ёжка.

–Некоторые твои поступки, уж извини меня за прямоту, говорят сами за себя, – нахмутив брови, проговорил Ростислав Всеволодович.

–Не пыхти, Ягуся! – насмешливо заявил Терентий, до сего момента молчавший. – Царь-батюшка дело говорит.

–Предатель! – буркнула Яга и отвернулась к печи, но тут же вскинула голову, услышав звук открывшейся двери.

На пороге переминались трое, уже побывавшие в Избушке леший и Яков, а третьим был совсем ещё молоденький на вид колдун с рыжими кудрявыми волосами и пронзительно голубыми глазами. Ёжка растеряно моргнула, разглядывая

эту столь же растерянную троицу.

–Что? – поспешно с тревогой, различимо слышимой в голосе, спросил Кощей.

–Говори! – скомандовал Яков, вытолкнув рыжего вперёд.

–Ростислав Всеволодович! – поприветствовал царя поклоном голубоглазый колдун, повернувшись к Златославе, так же поклонился и произнёс. – Царевна!

–Княжна, – поправил его Ростислав Кощей и поторопил. – Рассказывай! Не до расшаркивания нам.

–Да, конечно, – кивнул мужчина, бросив на Ягу удивлённый взгляд. – Тут дело такое, я же шатуна у Избушки остался сторожить. Поначалу мы его хотели связать да у ступеней оставить, но уж больно нервным он стал, как только Избушку увидел, метался, путы рвать пробовал. Вот мы с Яковым и порешали, что мне значится за ним приглядеть надо. Стоило только Якову в Избушку войти, как шатун взбесил. Сперва попытался за ним последовать, но я его крепко держал, тогда он на меня попытался кинуться, чуть в глотку мне не вцепился. Никогда не думал, что низшая нечисть может страха совсем лишиться, чтобы на колдуна нападать. В общем, успел я его от себя оттолкнуть, да видать силу не рассчитал и хорошо так о дерево его приложил, что он не скоро очухался. А вот когда он в себя-то пришёл, то странности начались. Шатун этот ни нападать, ни в Избушку рваться больше не стал, поднялся на ноги, голову к небу закинул и губами шевелит, будто шепчет что, но слов не слышно. Значения поначалу не

придал этому, как вдруг шатун вытянулся и словно завять хотел, но звука не вышло, просто глотку дерёт, а воя нет. У меня даже мурашки по спине побежали, а тут он раз надрываться прекратил, голову опустил... , пусть меня Боги покарают, если я вру!.. и нагло так улыбнулся, а потом вспыхнул пламенем колдовским зелёным и вмиг сгорел, даже пепла не осталось. Не к добру это.

– Не к добру, – с мрачной задумчивостью согласился царь Кощей.

– Туман уходит! – воскликнул вдруг Хмурич, поморщившись, словно голова у него болела. – Назад к кряжу ползёт.

– Да, что б ему в Исподнюю Страну провалиться! – выругался Ростислав Всеволодович и, обратившись к рыжему, наказал. – Останешься здесь с моей дочерью и внучкой! За них головой отвечаешь, понял?

Парень только кивнул молча, во все глаза глядя, как царь Белояжский колдовской меч призвал. Народ в царстве прекрасно был осведомлён, что Кощей колдун сильнейший, да только редко кто видел, как он своей силою пользуется. Не любил Ростислав Кощей зазря колдовать, только в исключительных случаях к волошбе своей прибегал. Златослава и сама никогда батюшкиного меча волшебного не видела и теперь глаз оторвать не могла. Длинный чёрный клинок без отблесков, металлу присущих, заканчивался такой же чёрной рукоятью, единственным украшением которой являлось выгравированное изображение человеческого черепа с неболь-

шими изумрудами, таинственно сверкающими в глазницах. Девушка знала от старших братьев, что мечом этим пращур-а их далёкого сама Морана-Смерть одарила, тогда ещё Тёмные Боги по земле свободно ходили, а теперь их в пещерах Исподнего Мира заперли, не выйти им, бесчинств не совершить. Раньше род Кощеев Тёмным Богам служил, да потом одумался один из Златкиных далёких предков, обратился к Светлым Богам и помог им Тёмных в пещеры загнать, да запечатать. С тех пор так Свету и служат, но меч, как и доспехи и венец царский, Мораной выкованные, так в сокровищнице Белояжска и хранятся.

–А вы двое за мной! Побежим туман догонять! – скомандовал царь-батюшка, уже и плащ, и сапоги надевший.

С этими словами быстро покинули мужчины Избушку, оставив Златку и рыжего Данила, растеряно смотреть на закрывшуюся дверь в сени. Яга опомнилась первой, встрепенулась, окинула взглядом парня и сурово так заявила:

–Так, мил человек, давай-ка сапоги снимай и у печи ставь! А то натоптал-то, натоптал. И плащ вон на крюк вешай! Ждать нам всё равно долго придётся, спаришься ведь в своей душегрейке.

–Княжна, вы уж простите мою наглость, но вдруг что случится, а я тут босиком, – нахмурился молодой колдун, решивший отстаивать свои сапоги до последнего.

–Царь-батюшка, сказал здесь сидеть и носа не казать наружу, значит, пока тебе сапоги не понадобятся. Скидай их

давай! – стояла на своём Ёжка и ногой притопнула, словно точку в разговоре поставила.

– Мне Ростислав Всеволодович ничего подобного не говорил, – продолжил припираться рыжий.

– Он сказал, что ты со мной остаёшься, а мне он приказал из Избушки не высовываться, – ехидно выдала Златка, окончательно прекратив изображать из себя благовоспитанную царёву дочку и снова становясь вздорной Бабой Ягой. – Смекаешь, к чему я веду?

– Златослава Ростиславовна, я уже говорил, что может случиться за это время многое, – не сдавался Данила, продолжая стоять посередине кухни. – Вдруг мне с ворогом, каким биться придётся, я пока сапоги натяну, он меня уже чем-нибудь приласкать сумеет!

– Типун тебе на язык! – возмутилась Злата и лукаво прищурившись, спросила. – Вот чего ты в эти сапоги вцепился, как в дитя родное, а? Дыра что ли у тебя на носках?

– Златослава Ростиславовна! – возмущённо и вместе с тем обиженно воскликнул колдун.

– Что?! Вот что я ещё могла подумать? – хихикнула девушка, уже не скрывая своего веселья. – Скидай давай! Если дыра всё же есть, домовушку мою попроси, она заштопает. Ежели нет дыры, прекращай мне тут следовать!

С этими словами Злата развернулась и, оставив колдуна наедине с его сапогами, направилась в спальню, где занятную картину застала. Марфа сидела на краю кровати на-

против обложенной подушками Василисы. Малышка с интересом разглядывала свои деревянные игрушки, которые по очереди брала в руки домовушка, изображавшая звуки какие это животное издаёт.

– Это коровка, – ласково объясняла маленькая женщина Василисе, держа перед ней небольшую рогатую бурёнку. – Она говорит: «Му-у-у». Му-у-у-у!

– Му-ма-а-а! – выдала малютка и заливисто рассмеялась. Девушка тоже улыбнулась, прислонилась к косяку дверному и принялась наблюдать за тем, как проходит обучение и развлечение у её доченьки. Стояла она и заодно прислушивалась к тому, что за спиной в кухне творилось. Судя по тишине, колдун разуваться не спешил. Бабка Ёжка уже готова была снова завести разговор про дырявые носки, как в дело вмешался на удивление не болтливый сегодня Терентий.

– Ты бы, добрый молодец, сапожки-то снял и впрямь, – назидательно произнёс фамильяр и протяжно зевнул. – Ягуся у меня конечно вредная, но отходчивая, а вот Марфушка тебя и ухватом может приласкать, такую грязюку у себя на кухне увидевши. Не посмотрит она на то, что ты колдун, так по хребту приложит, весь день искры из глаз сыпать будут, ты мне уж поверь.

– Фамильяр? – удивлённо поинтересовался Данила, выслушав кошачий совет.

– Потомственный, – мурлыкнул Реня и миролюбиво предложил. – Ставь свою обувку сушиться и к столу садись. В

ногах правды нет.

Что ответил коту рыжий колдун, Златослава слушать не стала, прошла через спальню и присела по другую сторону кровати. Маленькая Василиса, заметив матушку, тут же потеряла интерес к своим зверятам и потянула ладошки к Злате, требуя чтобы её взяли на ручки.

–Марфуш, спасибо, что приглядела! – поблагодарила домовую Яга и, с улыбкой кивнув в сторону двери, произнесла. – Там у нас в гостях ещё один колдун, его Данилой зовут, накорми его, а то с раннего утра тут бедолага по лесу мыкается, голодный наверняка. И за следы его шибко не ругай, я его и так уже пожурила.

–Хорошо, хозяйюшка! – прыснув в кулачок, ответила домовушка и, ловко соскочив с кровати, направилась на кухню.

Ёжка перевела взгляд на насупленную дочурку, которая явно обиделась на мать за то, что та её на руки по первому требованию не взяла. Златка насмешливо фыркнула и погрозила Василисе пальцем. Девочка проследила за маминым жестом удивлёнными глазами и снова, как ни в чём не бывало, протянула ручки.

–Мама! – чётко и до того серьёзно произнесла малышка, что Баба Яга даже опешила, ушам своим не поверивши, но тут же получила подтверждение уже более требовательным голосом. – Ма-ма!

–Мамина ты радость! – счастливо воскликнула Златослава, подхватывая пискнувшую от восторга девочку на руки и

закружив её.

Смеющуюся Василису тут же расцеловали в обе щёчки, и в светлую макушку, но больше всего поцелуев досталось вздёрнутому носишке. Малышка поначалу возмущённо за-верещала, но после смирилась и позволила матери все эти нежности. А Злата от радости и какого-то безудержного восторга опомниться не могла. Её мамой назвали! Мамой!

–Марфуш! Ренечка! – воскликнула она, выбегая вместе с малышкой на кухню. – Она наконец-то «мама» сказала! Представляете?!

–Детонька наша! – умилительно прижав ручки к груди воскликнула домовушка.

–Молодец, Василиса! Мамка твоя намного позже заговорила, а ты у нас сообразительная, вона как рано болтать начала, – с доброй насмешкой произнёс Терентий, лукаво поглядывая на нахмурившуюся от обиды Ягу, и примирительно добавил. – Ну, не дуйся, Златка! На правду не обижаются. Ты и впрямь говорить ближе к году начала.

–Ох, и язва ты, Ренечка! – снова широко улыбаясь, проговорила Бабка Ёжка, решив, что на фамильяра и впрямь незачем обижаться.

Тут-то Ягуся и вспомнила о колдуне, который тихонько сидел за обеденным столом и с любопытством наблюдал за разговором Златы и её домашних. Сперва девушка смутилась, но сразу же взяла себя в руки. Чего ей собственно смущаться? Она в своей собственной Избушке, что хочет то и

говорит, то и творит. А уж порадоваться тому, что дочка, наконец, мамой её назвала, вообще святое дело! Кому не нравится её бурная радость, пусть вообще помалкивает.

Однозначно сказать, нравилось или не нравилось поведение новоиспечённой княжны молодому колдуну, было невозможно. В глазах же рыжего читалось лишь вежливое любопытство, которое он не стремился облекать в слова, разумно полагая, что при возникновении необходимости либо Златослава, либо, что вернее, царь-батюшка разъяснят всё: и изменившееся положение Златы, и причины её пребывания в Избушке, и вообще всё то, что посчитают нужным объяснить. Ёжка улыбнулась Даниле, непонятно как, догадавшись, какие думы бродят в его голове, не удержавшись, хитро подмигнула ему и поспешила вернуться в спальню вместе с дочерью. Ближайший час Ягуся решила посвятить помощи малышке в освоении способностей её ручек и ножек, а так же попытаться выучить ещё какое-нибудь новое слово, например, «деда».

Чуть больше часа продолжалась весёлая возня Василисы с матушкой, пока малютка не проголодалась и в ультимативной форме не потребовала идти обедать. Вернувшись в кухню вместе с дочерью, Яга обнаружила Данилу что-то усиленно писавшего грифелем на небольшом куске пергамента. Когда девушка подошла вплотную к столу, колдун уже свернул лист и сноровисто засунул его прямо в центр своего колдовского медальона, который будто гладь озёрная подалась

под натиском свёрнутого в трубочку листа и проглотила его вмиг. Ёжка даже чуть было рот от удивления не раскрыла, как девка деревенская, никогда колдунов не видевшая, но тут же опомнилась и с независимым видом принялась кормить ребёнка, только искоса поглядывая на ожидавшего ответа Данилу.

Ждать мужчине пришлось довольно долго. Златка успела накормить ребёнка и даже сама немного перекусила, когда медальон рыжего колдуна с тихим шелестом выплюнул ответное послание. Девушка, не переставая укачивать на руках сонную малышку, медленно двинулась в сторону сидящего за столом мужчины, уже принявшегося разворачивать послание.

–Что там? – тихонько спросила Ягуся, совершенно точно уверенная, что послание пришло от бабушки.

–Ростислав Всеволодович пишет, что они туман до самого края сопровождали, и рассеялся он только у входа в пещеру. Отряд Радовида отправился внутрь, исследовать ход, а они с Яковом возвращаются в Избушку, – вчитываясь в ровные строки написанных Кощеем слов, произнёс Данила. – До их прихода, приказано наружу не выходить.

–Ясно, – отозвалась Баба Яга, направляясь в спальню, чтобы уложить заснувшую дочку в колыбель.

Злата медленно вошла в комнату и направилась к сундуку, стоявшему у окна, хотя поначалу ребёнка уложить думала сразу. Что её туда тянуло, понять Ёжка не могла, пока в

окошко не глянула.

В лесу на расстоянии двух десятков шагов, прямо на границе с куполом, в ранних вечерних сумерках отчётливо была видна высокая фигура, закутанная в чёрный с изумрудной каймой плащ. Лица под низко надвинутым капюшоном было не видно, но девушка отчётливо поняла, ягушенским чутьём почуяла, что незнакомец прямо на неё смотрит. По спине Златки мурашки поползли, а на висках капельки холодного пота выступили от ужаса, непонятно откуда взявшегося, будто бы от тёмной фигуры этой стужей лютой, злом и смертью веяло. Мерзко стало на душе, будто всё светлое, что в жизни есть, и было, тряпкой грязной стёрли.

—Ох, ты ж погань! — прошипела Ягуся сквозь зубы, чтобы не разбудить жалобно захныкавшую во сне Василису. — Ты же неживой!

Что её к такому выводу подтолкнуло, Златослава догадывалась смутно, решив списать всё на время от времени дававшую о себе знать силу Яги. Теперь она была убеждена, что не человек это под плащом прячется, а нежить поганая, от которой смрадом трупным и смертью давней за версту веет. Чувствовала Баба Яга это отчётливо, словно рядом с ним стояла. А ещё пришло неприятное понимание, что именно неживой этот туман напустил и шатунам приказал по лесу рыскать. Теперь же, похоже, нашёл он то, ради чего вся эта затея с туманом измыслена была. Вот теперь бы понять, что искал он: Избушку, Бабу Ягу или её Златославу, Кощееву

дочь?

– Данила, сюда иди скорее! – позвала Ёжка рыжего колдуна.

К его чести не стал он вопросов лишних задавать, а быстро и бесшумно к Злате подкрался, да из-за плеча её выглянул, сразу уразумев, куда смотреть нужно. В этот самый момент, фигура в чёрном плаще руку вперёд протянула, словно стены невидимой коснувшись и с пальцев, в перчатки чёрной кожи затянутых, словно дымные фиолетовые щупальца в сторону купола потянулись. Соприкоснувшись с волошбой чуждой, купол замерцал, как хрусталь горный на солнышке, и зарядом молнии в незнакомца стрельнул. Фигура в плаще руку стремительно вскинула, к Златкиному ужасу, молнию поймала и в мгновение ока её развеяла. За спиной Ягуси, не сдержавшись, выругался Данила.

– От окна, живо! – подтолкнув девушку в сторону двери, скомандовал колдун.

Бабка Ёжка даже возражать не стала, прижала доченьку к груди и метнулась на кухню, где-то на грани своего сознания ощутив нечто похожее на злую насмешку. Злату передёрнуло от гадливости, когда она поняла, что это нежить её своими думами коснулась, а значит дело совсем плохо. Не простой это мертвец, а старший, что личем зовётся, то бишь колдун мёртвый с душой неуспокоенной. Только у таких, как он, разум остаётся и даже воспоминания о жизни сохраняются.

– Быстро пиши Ростиславу Всеволодовичу, что тут тво-

рится! – догнав Ягусю и вручив ей свой медальон, потребовал мужчина, а сам уже в сени рванул.

–А ты-то куда? – только и смогла крикнуть вдогонку Яга, одной рукой удерживая проснувшуюся и заплакавшую Василису, а в другой сжимая медальон.

–Дверь чем-нибудь подопру, авось хоть немного его задержит, ежели ему удастся купол проломить, – отозвался рыжий и скрылся за дверью.

–Тише, тише, маленькая! – мягко уговаривала Златослава, осторожно прижимая к своей груди заходящуюся плачем испуганную дочку и присаживаясь на лавку у печи, стараясь быть подальше от окна.

–Злата, что происходит? – нервно расхаживая по полу перед подопечной, спросил Терентий.

–Ренечка, там по ту сторону купола лич, – пролепетала девушка, пытаясь одновременно и ребёнка успокоить и послание для отца написать, – это он, похоже, туман напустил, чтобы под его покровом Избушку нашу найти.

–Ох, хозяйюшка, да что же с нами теперь будет?! – прошептала домовушка, прикрыв ладошкой рот.

Растеряно глянув на испуганную домовую, Злата вмиг подобралась. Нет, негоже панику в такой миг устраивать! Надо себя в руки брать, последнее дело на кого-то всецело надеяться, надобно и самой о себе и родных позаботиться. Для начала надо бы самые насущные проблемы разрешить.

–Марфа, корзинку принеси! – строго распорядилась Яга

и обратилась к коту. – Реня, надо придумать, чем окна закрыть...

–Златка, не дури! Прикажи Избушке ставни закрыть! – хмуро озираясь и охаживая круглые бока пушистым хвостом, заявил фамильяр.

–Что?! – опешила Златослава, одновременно с этим усаживая в корзинку всхлипывающую дочку, а уже не ревушую в голос.

–Прикажи Избушке ставни закрыть! Ты же Баба Яга, етишкин свет! – прорычал раздражённо кот, нарезая круги около подопечной.

–Как? – потребовала Ягуся ответа и, передав ребёнка под присмотр домовушки, коротко попросила. – Присмотри!

–Как-как! Метлой об косяк! – выверился Терентий и, чуть успокоившись, добавил. – Вслух скажи.

–Избушка, ставни закрой! – быстро воспользовалась подсказкой молоденькая Ёжка и тут же охнула от увиденного.

В один миг Избушка-на-Курьих-Ножка встрепенулась легонько и тут же в едином порыве все ставни захлопнулись плотно, погрузив и кухню, и спальню в кромешную тьму. Баба Яга быстро отошла от изумления и шепнула заклятье, засветившее несколько свечей расставленных на столе и полках. Тёплые жёлтые огоньки осветили комнату, прогоняя зловещий мрак и привнося немного спокойствия и уверенности в то, что всё обойдётся.

–Спасибо, Избушечка! – искренне поблагодарила Златка,

погладив бревенчатую стену.

–Что стряслось?! – Данила влетел в кухню, будто ворогов устроить хотел.

Колдуну только меча для полноты картины не хватало, который неплохо заменило заклятие боевое в виде шара огненного с кулак величиной. Оглядев комнату, рыжий перевёл дух и с укоризной уставился на Златославу, мол, чего не предупредила, что колдовать будешь.

–Ставни закрыли, – ответила Ёжка, склоняясь над листом пергамента, батюшке послания записывая.

–Как так? – поразился колдун, пытаясь сообразить, каким образом ставни не выходя из Избушки закрыть можно было.

–Метлой об косяк! – воспользовавшись так удачно услышанной от Терентия фразой, отозвалась Златка.

–Ты, добрый молодец, вместо того, чтобы всякие глупости спрашивать, лучше проверил бы, как там купол держится, – влез в разговор фамильяр, от волнения так и не перестав нарезать круги перед Ягой. – Там у окошечка щель есть достаточная, чтобы наружу глянуть, вот и займись делом.

–Ох, и языкатый, ты, кот! – нахмурившись, припечатал Данила, совету всё же вняв.

Злата тем временем отцу послание дописала и через медальон, как колдун ранее, отправила. Оглядев своих домашних, Ягуся ободряюще улыбнулась домовушке, погладила по голове притихшую дочку и повернулась к Терентию.

–Реня, скажи, а может ли Избушка при необходимости с

места сдвинуться? Ну, не просто же так у неё ножки есть? – обратилась девушка к коту.

– Может, – не стал врать кот, но сразу же поторопился пояснить, – только, Златка, чтобы заставить Избушку с места сдвинуться надобно не только приказать, но и силой с ней поделиться, а у тебя сейчас для такого действия ни сил нужных, ни знаний нет. Да и защиту, на которой Избушка сейчас стоит покидать не следует, ничего хорошего от этого не будет.

– Значит, ждать остается, – не весело подвела итог Баба Яга.

– Значит, ждать, – подтвердил Терентий.

– Но кое-чего сделать, и такая недоучка, как я, может, – хмыкнув, произнесла девушка, поднимаясь и стремительным шагом устремившись обратно в спальню.

В спальне было темно. Златослава остановилась на пороге в нерешительности, испытывая страх неприятный и неоправданный перед этой тьмой. Девушке, как в детстве, чудилось, что в этой темноте её поджидают ужасные чудовища. Сделав глубокий вдох, и резко выдохнув, Яга снова шепнула заклятье, зажигая свечу на письменном столе. Золотистый огонёк робко осветил небольшое пространство вокруг себя, заставляя тени в углах комнаты, стать гуще и ещё более устрашающими, но Бабка Ёжка больше на эту уловку страха внимание не стала обращать. Злата решительно шагнула к столу, где лежали амулеты, что вчера с чердака принесла.

Попервах она только для Хмурича один достала, но потом, после того, как Марфа её к обряду подготовила, Ёжка всё же ещё раз на чердак поднялась, и другие амулеты защитные на всякий случай вниз спустила. Вот как чуяла, что понадобятся!

Подхватив гроздь спутавшихся цепочками амулетов, Баба Яга затушила свечу и поспешила вернуться в кухню. За то время пока она отсутствовала, ровным счетом ничего не изменилось. Терентий всё так же бродил туда-сюда. Марфа сидела подле Василисы и пыталась развлечь ребенка, а себя этим отвлечь от дум дурных. Данила же всё ещё поглядывал сквозь щель между ставнями наружу, наблюдая за гостем незванным у купола мнущемся.

–Чего он там? – спросила Златка у колдуна.

–Купол пока держится, – ответил ей рыжий, не отрываясь от наблюдения. – Только больно уж сильный лич этот. И откуда ж только скотина такая взялся?!

–Вот и мне любопытно, как же это вы, колдуны удалые, целого лича в лесу не заметили? – ехидно спросил Терентий, с недовольством поглядывая на Данилу.

–Сама бы попробовала такого засечь! – огрызнулся колдун. – Лича если специально, целенаправленно не искать, просто так не заметишь!

–Ну-ну, – фыркнул презрительно кот, за что наверняка при других условиях получил бы от воителя хорошего пинка за болтливость.

–Ну-ка, цыц оба! – прикрикнула Баба Яга, распутывая цепочки и прилаживая их у двери. – Нашли время для ссоры.

И кот, и колдун не ответили, видимо устыдившись или, что вернее, решив попросту не связываться с раздражённой Ёжкой, которая, перемещаясь быстрым шагом по Избушке, прилаживала амулеты над входом и каждым окном. Данила, зло зыркнув на кота, вернулся к наблюдению за нёмёртвым, пытающимся сломить защитный купол. Попутно колдун шептал заклинания и выплетал огненные узоры, в которых Златка к своему удивлению умудрилась признать остовы боевых заклятий. Такие остовы, как вспомнила Ягуся, колдуны-воители творили до битвы, чтобы в бою не отвлекаться на сложные пассы и длинные заклинания. Эти чудные, на первый взгляд, огненные узоры послушно зависали над головой колдуна и при необходимости могли следовать за ним, как привязанные, а когда потребуется, тот напитает их силою своею и тут же сможет в ворога метать.

Данила успел с десяток остовов подготовить, прежде чем Златослава закончила амулеты крепить. Яга вздохнула, передёрнула плечами, прогоняя надоедливые мурашки страха, бессовестно пробегающие по спине, и направилась к колдуну.

Рыжий плёл очередной остов, время от времени поглядывая в щель между ставнями. В какой-то момент, выплетая очередной завиток и шепча положенные по заклятию слова, он, не отвлекаясь, глянул наружу и руки его дрогнули. Не

сплетённый до конца узор вмиг осыпался огненными искорками и потух, а Данила сдавленно прошептал:

—Купол рухнул.

В наступившей после его слов оглушительной тишине, как-то уж слишком отчётливо донёсся звук шагов, поначалу скрипучий по снегу тропинки, а потом звучный, когда подбитые металлом каблуки сапог принялись отстукивать шаги по ступеням. Шаги были неспешными, размеренными, словно лич хотел дать время людям, укрывшимся за стенами Избушки, осознать приближающуюся опасность. Каждый его шаг заставлял Злату нервно вздрагивать и пятиться в сторону корзины, где обнимая малютку Василису, застыла домовушка. Терентий тоже был неподалёку, прижался всем пушистым тельцем к полу, лапы напряг, будто собирался кинуться на входящего. А собственно, почему это «будто»? Он и кинется, была уверена Ёжка, изо всех своих кошачьих сил защищая подопечную.

Отступая к ребёнку, Златка пыталась определить, сколько ступеней уже преодолел немертвый и только когда звук шагов неожиданно смолк, стало ясно, что лич остановился почти у самой двери. Ему только и осталось, что ступеней пять одолеть и вот она дверь в сени. Сколько ему потребуется времени для того, чтобы с охранными амулетами разобраться, Яга не знала, но что-то подсказывало ей, что много сил ему для устранения такой преграды не понадобится. Хоть бы Данила смог до прибытия Кощея продержаться!

–День добрый, хозяйка! Может,пустишь гостя на порог? –вдруг совсем рядом, словно бы у самой двери услышала Баба Яга хриплый низкий голос.

«Обсчиталась», – мелькнула в голове девушки безрадостная мысль.

–Может и добрый! – хмуро отозвалась Ягуся, как-то быстро оправившись от неожиданности и отодвинув страх на задворки. – Да, только вот в гости вас, любезный, я не звала, и пускать в дом не намерена! Так что, будьте добры, идите-ка лесом!

–Зря грубишь, Кощеева дочь, – отозвался гость незванный и с изрядной долей насмешки добавил, – тебе это со мною справиться не поможет, а вот разозлить меня вполне удастся. Открывай по-хорошему, Златослава, и колдуну посоветуй у меня на пути не вставать! Я всего лишь заберу тех, за кем пришёл, остальных не трону, если сами глупости делать не начнут.

После этих слов Яга вся похолодела, покачнулась и наверняка упала, если бы не подоспел Данила. Колдун успел придержать девушку и, дождавшись, когда она сможет стоять без его подмоги, отпустил, предварительно головой покачав, мол, словам лича не верь, и впускать не смей. Ёжка только горько улыбнулась, в несколько стремительных шагов преодолела расстояние до корзины, вынула из неё ребёнка и крепко прижала. Василиса же, чувствуя напряжение, царившее вокруг, не плакала и не капризничала, сидела на руках

у матери с широко распахнутыми от страха глазёнками, от чего сердце Златки сжималось болезненно, а на глаза готовы были навернуться слёзы. Пролиться слезам Баба Яга не дала, прижала светлую макушку дочери к своему плечу и приготовилась ждать развязки, мысленно давая себе зарок без борьбы не сдаться. Пока у неё есть защитник, но ежели он не выдюжит, то сама Златослава рук не опустит, попытается хоть как-то отпор дать.

–Э-э-э-й, посторонись! – вдруг разнесся раскатистый рык над поляной, где Избушка стояла. – Змей заходит на посадку! Всем в стороны! – а сразу же за этим донеслось удивлённое. – О, мертвец! Даже цельный лич! Ты чего это у Избушки чужой Ёжки околачиваешься?!

–Морану по твою душу! – в полголоса выругался лич и пропал.

Вот ещё мгновение назад Ягуся чувствовала исходящую от него тьму вперемешку со смертью и холодом, а теперь словно растаяло всё, развеялось, как дымок над погасшим костром. Злата сперва даже не поверила, но голос незнакомца подтвердил её ощущения, с досадой произнеся:

–Сбёг, гад!

Глава 10. А мы не ждали, а вы припёрлися!

–Ягуся моя, это часом, не наш ли змей пожаловал? – осторожно уточнил Терентий, плавно изгибаясь и приняв уже более расслабленную позу.

Ответить Златослава попросту не смогла, нахлынувшая

слабость, лишили девушку последних крох силы. Она-таки тихонько осела на пол, снова крепко-крепко обняла доченьку, расцеловала в обе щёчки и, не сдержавшись, облегчённо рассмеялась. Данила сначала посмотрел на Ёжку с недоумением, не понимая с чего веселье-то приключилось, а потом сообразил колдун, что попросту девушку страх за себя и ребёнка отпустил. Ему-то колдуну-воителю не впервой с опасностью сталкиваться, а ей, по сути, ещё девчонке, даром, что замужем да ребёнка родила, наверняка ни с чем страшнее лягухи на болоте, да мышки-норушки сталкиваться не приходилось, а тут, раз, и самый настоящий немертвый пожаловал.

–Ягусь, встала бы ты с пол, неча на холодном сидеть, – вертясь вокруг Яги, мягко проговорил Терентий и, повернув голову к Даниле, раздражённо потребовал. – А ты чего глазами хлопаешь? Видишь, девку от радости и облегчения ноги не держат, взял бы и помог!

–Сама встану, – оборвав смех, невозмутимо заявила Златка и, протянув ребёнка мужчине, попросила. – Подержи, пожалуйста!

Высокий и плечистый колдун-воитель растерянно и даже несколько затравленно смотрел на малышку, переданную ему Ягой. Василиса же, оказавшись на чужих, не слишком умелых руках, поначалу лишь подозрительно оглядела мужчину, словно силилась понять стоит или не стоит тому доверять. Данила нервно сглотнул, всё ещё держа ребёнка на

вытянутых руках. Видимо именно после этого девочка, наконец, пришла к выводу, что доверять рыжему не стоит, нахмурила бровки, наморщила носик и закатилась протестующим плачем. Колдун от неожиданности вздрогнул и поспешил вручить разгневанное чадо поднявшейся с пола матушке. Снова взяв ребенка на руки, Ёжка спрятала усмешку, быстро отвернувшись и принявшись успокаивать малышку. Терентий своё отношение к ситуации скрывать не стал, и его смешок был отчетливо слышен, как и произнесённое шепотом ругательство колдуна, обращённое коту.

–Избушка, Избушка, повернись к лесу задом ко мне передом! – вдруг раздалось снаружи зычное повеление.

–Избушка, ставни открой! – рассмеявшись словам гостя неведомого, шепнула Златослава.

–Эй! Я не это просил! – возмущенно выдал незнакомец, когда Избушка, слушаясь Ёжкиного повеления, вмиг открыла все ставни.

–Руслан?! – голос, выкрикнувшего это имя, был Бабе Яге хорошо знаком.

"И батюшка почти вовремя подоспел", – подумала Ягуся, родной голос услышавши.

–Ростислав Всеволодович, рад вас видеть! – отозвался незнакомец, которого, похоже, звали Русланом.

–И я рад, – искренне заявил царь-батюшка и без предисловий задал вопрос. – Ты тут какими судьбами?

–Меня к своей Ёжке братец отправил, – бодро ответство-

вала мужчина, – просил присмотреть, пока он занят. И вот я, понимаете ли, прилетаю, а у родственницы под дверью лич топчется, а потом взял и убёг, ни «здрости», ни «до свидания» не сказавши. Безобразие прямо какое-то! Бесстыжая нынче нежить пошла!

Названный Русланом рассказывал о том, чему стал свидетелем насмешливо и беззаботно, что Златка почти сама поверила – ничего страшного не произошло, всё хорошо. Вот только царь Кощей не проникся беспечности его тона. Яге казалось, что она почти чувствует напряжение, окутавшее отца, его волнение и затаённую злость.

–Яков, забирай Данилу, и вместе отправляйтесь на подмогу Радовиду! – распорядился Ростислав Кощей. – Обо всех странностях мне сообщайте незамедлительно, как только закончите пещеры осматривать, мне доложите, и будете ждать дальнейших указаний. Понял?

–Понял, – отозвался Яков и зычно крикнул, хотя в этом не было особой нужды, всё равно разговор находящиеся в Избушке слышали отлично. – Данила, быстро ко мне!

Злата, прислушивающаяся и украдкой смотревшая в окно, оторвалась на миг от созерцания спины батюшки, который загораживал ей обзор на новоявленного родственника, и посмотрела на стремительно натянувшего высохшие уже сапоги и плащ колдуна. Щёлкнув застёжкой плаща и коротко кивнув Яге на прощание, мужчина быстрее стрелы из Избушки вылетел. Девушка проследила за тем, как два колдуна

скрылись за стеной деревьев, и принялась мягко покачивать на руках задремавшую быстрее обычного Василису. Видимо своё дело сделал пережитый малышкой страх, потому что так быстро убаюкать дочку Ягусе ещё не удавалось.

Осторожно ступая, Баба Яга поспешила в спальню, желая уложить малютку в колыбель. Попутно девушка поманила за собой, только-только успокоившуюся, и вернувшую свой благодушный настрой, домомвушку. Марфа шустро засеменяла вслед за своей хозяйшкoй и с радостью осталась присматривать за уснувшей крохой, принимаясь заодно вязать очередные детские тёплые носочки.

Ёжка постояла немного, наслаждаясь умиротворением, которое нахлынуло, кажется, на всех стоило только личу исчезнуть, и вернулась в кухню, где её уже поджидал Терентий, забравшийся на подоконник. Мгновением позже в сенях раздались мужские шаги. Златослава напряглась, осознав-таки, что вот прямо сейчас познакомится с братом своего мужа. В бедовой ёжкиной голове родился десяток разных страхов. Знает или не знает брат Зареслава все подробности их обряда и договоренности между Змеем Горынычем и Кощеем. Если знает, то, как он на неё, на Злату, отреагирует? Вдруг он не одобрил действия родственника. А если не знает Руслан ничего, то, как ей себя с ним вести и что говорить?

Баба Яга была готова вдаваться в панику, которой и в помине не было, когда лич под дверью топтался, стоило только открыться двери в её уютную кухоньку. Первым порог на

правах отца, царя и вообще старшего переступил царь Кошей, кивнул дочери, и принялся снимать с себя плащ. А за царём-батюшкой шагнул в комнату..., Златке на миг показалось, что к ним в гости заглянуло само солнышко или вернее сказать солнечный зайчик. Невысокий худощавый парень, даже застыв неподвижно в дверях, выглядел так, что вот-вот сорвётся с места и побежит, запрыгает то тут, то там, как тот самый солнечный зайчик, сходство с которым ещё больше усиливала кудрявая золотистая шевелюра с частыми огненно-рыжими прядками и янтарные глаза в тёмную крапинку. И парень будто бы в подтверждении мыслей Яги сорвался с места, подбежал к девушке, порывисто её обнял, напомнив ей этим действием старших братьев, и чмокнул в щёку, заставив чуточку смутиться.

–Ты что творишь, беспутный!? – возмутилась Баба Яга, но без злости и обиды, только чтобы к порядку парня призвать.

–Не злись, Ёжка Златка! – примирительно подняв раскрытые ладони и продемонстрировав их Ягусе, со смехом попросил новоявленный родственник. – Это я от счастья великого немного не в себе. Знаешь, как я рад был, узнав, что Зарик наш наконец-то женился?! Словами не передать, как рад! Это ж дед успокоится, наконец, а то ему волноваться нельзя, он же от этого...

–Хворать начинает? – забеспокоилась Злата, вспоминая разные успокаивающие настои и то, подействуют они или нет на змея.

– Не-а, хандрить он начинает, – от души рассмеялся парень, глядя на его радостное лицо, казалось, что унывать он просто не умеет. – А когда дед хандрит, то никто в княжестве спокойно спать не может.

– Это почему? – с подозрением спросила Яга, чуя какой-то подвох.

– Потому что мирно он хандрить не может. Деятельный он у нас больно, – широко улыбаясь, сообщил Руслан. – То реформу какую-нибудь придумает проводить, то войска обучать возьмётся, то земли примется тайком объезжать для проверки, а то и заговор какой затеет...

– Молчи уж, балабол! – усмехнувшись, прервал поток его слов царь Кощей. – Не гневи Богов, наговаривая на деда!

– Так истинная ж, правда, чтобы мне облинять! – выпалил парень и, внимательно оглядевшись, резко сменил тему. – А где моя племяшка?! Хочу видеть!

– Не ори как чумной! – шикнула на него Яга и, тихонько прыснув в кулачок, согласилась со словами батюшки. – Как есть балабол!

– Ну, так где? – не унимался парень, притопывая от нетерпения ногой и даже не пытаясь обидеться на её слова.

– Спит, – со вздохом ответила Ёжк. – Очень уж она испугалась сегодня.

– Ах, вот значит как! – чуть посерьезнев, проговорил брат Зареслава. – Кажется какому-то слишком уж настырному лицу посмертие не мило. Надо Зарику рассказать, что всякие

нехорошие мёртвые типы к его жене в Избушку ломаются и дочку пугают, тут-то конец личу и наступит. Поделом гаду!

С этими словами, Руслан быстро скинул свой плащ на лавку, сапоги стянул и на пол уселся, ноги невообразимым образом подогнув. Яга оторопела, наблюдала за его действиями, не понимая, что творится. Ростислав Всеволодович же напротив, судя по довольному лицу, прекрасно понимал, что парень делает и полностью его одобрял.

– Пс-с-с! – донеслось приглушённое за ежкиной спиной. – Ягуся моя!

– Что? – повернувшись к своему фамильяру, изображающему обычного кота, едва слышно спросила Златослава.

– Ягуся, что он творит? – Терентий, оказывается, был удивлён ничуть не меньше Ёжки.

– Да, если бы я знала, – пролепетала девушка, снова обратив свои очи на нового родственника.

Руслан тем временем достал из-за пазухи крупный, с кулак величиной, кристалл тёмно-багрового цвета, как камень в Златином обручальном перстне. Кристалл парень уложил перед собой на пол, на расстоянии вытянутой руки, и щёлкнул пальцами, одновременно с чем, превратившийся из ногтя в отросший коготь, полоснул по другому пальцу, оставляя на нём маленькую ранку. Ранка набухла первой каплей крови, тут же упавшей прямо на кристалл. Кровь впиталась, каким-то невообразимым образом окрасив камень из тёмного в ярко-багровый цвет. Из центра кристалла высыпал пучок

лучей, образовавший над камнем небольшой шар, словно бы заполненный алым дымом.

–Что случилось, Руслан?! – вдруг раздался из дымного алого шарика знакомый Яге голос.

–Ой! – выдохнула девушка и поспешила сесть, поняв, что на сегодня ей потрясений хватит.

–И тебе, братик, доброго здоровьица! – ничуть не смутившись и не убоявшись несколько резковатого тона, поприветствовал говорившего Руслан. – Как жизнь? Что нового?

–Руслан, говорил скорее за чем связался и больше не тревожь! – усталым и невероятно раздражённым голосом произнёс Зареслав. – Ты же знаешь, что я занят... Так, а ты вообще где?! Ты в Избушке?! Если ты не в Избушке, я с тебя шкуру спущу!!!

–В Избушке я, – чуть поморщившись от чужих угроз, проговорил парень. – В Избушке. Только вот...

–Что случилось?! Что-то со Златой?! С Василисой?! – в голосе мужа слышались нотки страха. – Да говори ты уже! Не мямли!!!

–Сейчас уже всё в порядке..., – попытался начать объяснения Руслан, но его оборвал грозный и злой рык брата.

–Что значит «сейчас уже всё в порядке»?! – взревел княжич Лиходольский так, что Ягуся, даже не видя мужа и находясь на расстоянии от него в тысячи вёрст, готова была залезть под стол, так спокойнее. – А до этого, что было?!

–Лич, – признался его брат, как в прорубь с головой ныр-

нул.

–Что?! Какой ещё лич, к Тёмным Богам тебя?! – услышав более громкий, чем предыдущий рёв, Яга нервно сглотнула и только подивилась спокойствию Руслана.

Парень только поморщился, демонстративно прочистил мизинцем сначала одно, потом другое ухо, и более ни как не отреагировал на гневные слова брата. Ростислав Кощей, прислонившийся к тёплому боку печи, смотрел на молодого Змея с усмешкой, из чего Злата сделала вывод – ничего особо страшного не происходит.

–Обычный такой лич, не первой свежести к тому же, – отозвался Руслан, когда отгремел голос его брата. – Ты, Зарик, не нервничай так! Всё хорошо. С девочками твоими всё в порядке, живые, здоровые, напугались, правда, чуток, но уже в себя пришли. Старшая даже отчитать меня успела, младшая спит, тут даже тесть твой находится, так что всё и все под приглядом...

–Ты мне зубы-то не заговаривай! – процедил явно взбешённый княжич. – Если уж взялся рассказывать, так рассказывай подробно и в особенности, когда ты, брат мой любезный, в Избушку изволил прибыть!

–Ты ж вроде, как занят, – напомнил Зареславу парень, повернулся и так насмешливо Ёжке подмигнул, будто сказать хотел: «Ещё чуток его позлим».

–Руслан, мне сейчас не до твоих шуточек, – перешёл на зловецкий шепот ёжкин супруг. – Быстро всё рассказывай!

Не тяни kota за хвост!

– Да, что там рассказывать, – хмыкнул Руслан и продолжил, только дождавшись нетерпеливого рыка брата, – подлетаю это я к Избушке, круг над поляной делаю, чтобы место для посадки найти и вижу, на крыльце кто-то топчется. Я уж было, грешным делом, подумал, что ты всё же решил против Богов пойти и к жене без разрешения наведаться. Пригляделся. Ан нет, не ты это, а цельный такой лич в Избушку собрался ломиться. Ну, я только решил с ним беседу побеседовать, а он взял и убёг. Представляешь?! Я так расстроился...

– Вот как значит, – задумчиво пробормотал Зареслав и сразу же задал новый вопрос родственнику таким тоном, что у Бабы Яги по спине мурашки снова галопом пробежались. – Так, когда ты в Избушку прилетел?

– Хм, – протяжно хмыкнул парень и, чуть подумав, наконец, сознался, – недавно прилетел.

– А я тебе, когда велел там быть? – зловеще прошипел мужчина, снова уподобляясь змею.

– Зареслав..., – Руслан даже оправдания не успел договорить.

– Когда я велел тебе быть в Избушке? – ледяной голос княжича Зареслава пробирал до костей.

– На рассвете, – покладисто ответил его брат и знаками велел Бабе Яге заткнуть уши.

Златка только отрицательно мотнула головой. Вот ещё!

– Именно, что на рассвете, – почти ласково подтвердил

мужчина и снова перешёл на рык. – Так какого лешего, ты заявился под вечер, а? Руслан, я тебя спрашиваю?! Я доверил тебе свою жену и дочь, а из-за твоей безалаберности они чуть не попали в лапы какому-то личу. Ты же знаешь, что мне пока к жене даже приблизиться нельзя, вся надежда на тебя была. А ты?! Словом, я в...

–Зареслав Венцеславович, ты бы хоть брату слово сказать дал! – не выдержала и встряла в разговор Ягуся, которой стало до слёз жаль нового родственника. – Может у него причина серьёзная была так задержаться.

В Избушке-на-Курьих-Ножках повисла тишина, переливающаяся разными оттенками людских чувств. Ростислав Всеволодович едва сдерживал рвущийся наружу смех. Руслан испытывал обиду на брата, благодарность за защиту к его жене и восторг от того, как лихо Ёжка заставила Зареслава замолчать. Злата нервно ожидала ответа мужа.

–Ягусь, а не рано ли вы семейный скандал затеяли? – со смешком поинтересовался Терентий и, спрыгнув на пол, прошёлся до застывшего в изумлении Руслана.

–У меня в этом опыта нет, – со вздохом призналась Златослава, осознав, что буря, в лице супруга, похоже, миновала. – Так что не знаю рано али поздно.

–Злата, весь разговор слышала? – тихим и каким-то усталым голосом уточнил княжич.

–Весь, – подтвердил Руслан и протянув руку к коту, почесал того за ухом.

–Совести у тебя нет, – уже совершенно спокойно произнёс Зареслав и предложил брату. – Ну, давай, объясняй, почему задержался!

–Надо было к Айри заглянуть, – продолжая почёсывать кота, произнёс тот. – У неё малой сильно захворал, пришлось завернуть и силой поделиться.

–Сейчас он как? – Яга различила в голосе мужа беспокойство и почему-то разозлилась.

Кто такая эта Айри и её «малой», что Зареслав за них тревожится?! Неужто любовница бывшая, а малой тогда... Нет! Быть не может!

Яга украдкой бросила хищный взгляд на Руслан. Вот кто ей всю правду о муже доложит. Никуда не денется!

–Уже всё хорошо, – ответил золотоволосый Змей, – но кому-нибудь из наших надо к ним через пару дней заглянуть.

–Понял, – проговорил княжич Лиходольский, вздохнул и продолжил. – Это тебя частично оправдывает, но чтобы такого больше не повторялось! Я тебе никогда не прощу, если по твоей вине со Златой или малышкой что-то случится. Слышишь?

–Я не допущу этого, – став предельно серьёзным, ответил Руслан и, приложив раскрытую ладонь к сердцу, произнёс. – Клянусь, ценой своей жизнь защищать их!

–Принимаю клятву! – так же серьёзно подтвердил его слова Зареслав.

Злата на миг забыла о некой Айри. Да, она совсем обо

всём на свете забыла, когда слушала слова мужа. Вон он как о ней тревожится и дорожит и самой Златкой, и Василисой! Как это он сказал: «Я тебе никогда не прощу, если по твоей вине со Златой или малышкой что-то случится». Услышав это Ёжка зарделась, как цвет маковый, сердечко часто-часто в груди застучало, и вспомнился ей их поцелуй во время обряда. Ох, неловко-то как!

–Ну, раз уж вы всё порешали, теперь можно и мне слово молвить, – скрывая лёгкую усмешку, сказал царь Кощей. – Обсудить нам надобно бы дела вокруг творящиеся, да порешать, что делать надобно.

–Полностью согласен с вами, Ростислав Всеволодович, – донёсся голос княжича из дымки.

–Чудесно! – подвёл итог царь-батюшка и, глянув на дочь, строго произнёс. – Иди к дочке, Златослава! Ты своё дело сделала, теперь отдохни чуток! Вы с малышкой слишком много потрясений за один день перенесли. Мы же обсудим дела и я тебе, что нужно сам расскажу. Иди!

Ёжка спорить не стала, попрощалась с мужем и отправилась в спальню, решив, что ежели отец всего не расскажет, так и Руслана поспросить потом можно будет. Чувяла Ягуся, что кудрявый братец её супруга задержится в Избушке надолго и противиться Златиным уговорам не сможет. Всё как миленький выложит! Да и Терентий при бабушке остался. Чего-чего, а верный фамильяр всё слово в слово доложит своей Ягусе. «А вообще, – думалось Бабушке Ёжке, – бабушка

меня выпроводил словно бы напоказ, а Реню оставил. Знает же, что Ренечка мне всё так и так расскажет и уж ежели на то пошло, то и сама я послушать могу».

Перешагнув порог спальни, Баба Яга закрыла за собой двери и прошла к колыбели, где тихо сопя, спала Василиса. Шла девушка деланно громко, чтобы в кухне её шаги были явственно слышны. У колыбели она остановилась, провела легонько ладошкой по дочериной щёчке, повернулась к Марфе и, выразительно округлив глаза, приложила палец к губам. Домовушка понятливо кивнула и расплылась в снисходительной улыбке, так матушка на шаловливое дитя смотрит обычно.

Обратно к двери в кухню Яга кралась на цыпочках, стараясь ступать так, чтобы в щели под дверью её тени не мелькнуло. Подобралась она, осторожно дверь приоткрыла, чтобы между нею и косяком щёлочка образовалась и вся обратилась в слух, порадовавшись тому, что Хмурич так славно петли смазал, ни одного скрипа не донеслось.

— ... думаю, по паре-тройке колдунов в ближайших деревнях оставить для пригляда, — услышала Златослава голос бабюшки. — Один раз лич появился, и второй раз появится, так, что ребятам накажу лес и болото дозором обходить, по меньшей мере, раза три в сутки. Для Златки оставлю амулет сигнальный, чтобы она их могла в любое время вызвать. Руслан, я так понимаю, тут задержится, да?

— Да, я его попросил при Избушке пока побыть, — подтвер-

дил Зареслав, а затем добавил. – А там уж и сам к ним переберусь.

–Всё же против Богов пойти решил, – голос Кощей был совсем не удивлённым, напротив очень деловито и даже как-то одобряюще прозвучали его слова.

–Отнюдь, – опроверг домыслы Ростислава Всеволодовича княжич Лиходольский. – Матушка-Земля запретила мне со Златой видеться, но так она Ёжкина покровительница, а мой-то покровитель другой, – тут всем нутром Златка мужнину усмешку почувствовала, прежде чем разобрала едва слышный смешок. – Я уверен, что он мне поможет, да и ему проще будет с собственной женой договориться.

–Думаешь, согласишься тебе помочь? – поинтересовался царь Кощей.

–Уверен, – без каких-либо сомнений отозвался Зареслав.

–Хорошо бы, – пробормотал царь Белояжский и строго так спросил княжича. – А теперь скажи-ка мне, Зареслав Венцеславович, доколе ты балаган этот играть будешь? Не пора ли чин по чину представиться и всё рассказать? И вообще, почему ты ей сразу всё не поведал, а? Был же у тебя шанс всё объяснить.

–Откуда узнали? – в голосе мужчины звучало неприкрытое изумление.

–Сказала, что видела тебя, – коротко ответил Кощей и сурово так спросил. – Ну, так почему?

–Верите мне, или нет – сам не знаю, – невесёлый смешок

прозвучал довольно отчётливо. – Для того и верхом ехал ведь, не стал проходом пользоваться, а стоило только встретиться, будто язык проглотил.

–Ты, Зарик?! – вмешался доселе молчавший Руслан и, засмеявшись, выпалил. – Ни в жисть не поверю, что слов нужных не нашёл!

–Молчи уж, балабол! Это ты с языком без костей, сам не знаешь, что мелешь, – прикрикнул на развеселившегося парня Ростислав Кощей и к зятю новоиспечённому обратился. – Смотри, Зареслав, за это молчание потом как бы расплачиваться не пришлось.

–Знаю и уже готовлюсь, – невесело усмехнулся мужчина. Златославу же, подслушивающую разговор, начали терзать смутные сомнения на счёт личности мужа своего. Озарила её догадка одна, которую следовало бы проверить прежде чем у того же Руслана начать о Зареславе выспрашивать. А то мало ли, каких наставлений муженёк своему брату надавал. Ёжка поймала себя на мысли, что ждет, не дожждётся отъезда батюшки, потому как, только после этого она к допросу Руслана приступить сможет. Тряхнула Яга головою, мысли эти отгоняя и снова ухом к щёлочке повернулась, к разговору прислушиваясь.

–Так, значит, признаешься? – услышала она строгий голос своего отца.

–Куда же я денусь! – снова невесёлый смешок Зареслава и его тихое. – Просто опасаюсь, что она разочарованна будет,

или испугается, как тогда...

–Зареслав, вот в каких-то вопросах ты здравый, расчётливый и дальновидный мужчина, – начал с едва слышным раздражением в голосе Ростислав Белояжский, – но только дело её касается и всё, весь ум у тебя напрочь отшибает! Придумал тоже – испугается она! Да её, пожалуй, таким испугаешь!

–Ростислав Всеволодович, давайте оставим этот! – с нажимом произнёс княжич.

–Да, ну вас к лешему! – в негодовании воскликнул Кощей. – Разбирайтесь сами теперь! Не дети малые.

–Разберёмся, – заверил Зареслав и, помедлив, словно к чему-то прислушиваясь, заявил. – Пора. Меня уже зовут. Отчёт пришлю позже. Если появится необходимость, связывайтесь через кристалл. Счастливо оставаться!

–Давай, – хмыкнул царь-батюшка и к Руслану обратился. – Ну, значит, ты тут за нашими девочками приглядывать остаёшься, так что давай без твоих обычных выкрутасов. А то знаю я тебя беспутного!

–Дядька Ростислав, что я, по-вашему, совсем что ли того?! – возмутился парень и погода выдала уже едва сдерживая тяжёлый вздох. – К тому же мне Зарик шею свернёт и скажет, что так и было, если вдруг какая оказия случится.

–Если какая оказия случится, тебе не только брат шею свернёт, но и я уж ему подсоблю, – нарочито грозно проговорил царь Кощей.

–Да, знаю я! Знаю, – фыркнул тот в ответ.

–Значит вот что Руслан Васильевич, – продолжил царь строго, – я на тебя дочь и внучку оставляю, потому вот тебе амулет для связи с колдунами, что в ближайших деревнях будут находиться. Злате я такой же оставлю, так спокойней будет. В Избушке есть зеркало колдовское, так что при необходимости со мною можно и через него связаться. С братом ты сам знаешь, как пообщаться можно. Ежели какая необходимость в лес сунуться возникнет, мало ли как сложится, то сам не ходи! Понял? У Златы в знакомцах два леших: один наш местный, другой уже с вашей стороны, так что к ним обращайся по таким вопросам. Купол защитный сейчас вместе с тобой восстановим и подновим, его даже не думайте снимать! Пойдём, я тебе покажу...

Дальше Златослава разговор разобрать не смогла, потому как батюшка с Русланом вместе Избушку покинули, видимо купол как раз поправлять и отправились. Дальше смысла уши греть не было. Яга, не скрываясь, отворила дверь и направилась к лавке, где, свернувшись клубком, лежал Терентий, очень правдоподобно изображая спящего. Девушка подошла и села рядом с котом.

–А подслушивать, Ягуся моя, некрасиво! – неожиданно насмешливым голосом протянул фамильяр, плавно изогнув спину и усевшись так, чтобы видеть лицо своей подопечной.

–Это только когда тебя за этим самым делом подлавливают, – усмехнувшись, выдала Ёжка. – А коли не пойман – значит не вор!

–Ты главное мужу такое не ляпни! – насмешливо фыркнул кот, жмуря зелёные глазища. – А то будем тебе каждую весну рога подпиливать.

–Да, ну тебя, Реня! – насупилась Яга и, вдруг недобро улыбнувшись, произнесла. – Кстати, Рень, я тут, кажется, догадалась, кто мужем мне приходится.

–Неужели?! – откровенно потешался Терентий. – И года не прошло!

–Ренечка, я же и обидеться могу, – пригрозила фамильяру девушка и со вздохом сказала. – Только я пока своими мыслями делиться не буду, вот когда точно уверюсь, что права, всё тогда и расскажу.

–Тоже мне тайна! – хмыкнул кот, принявшись намывать мордочку лапкой.

–А ты ведь знаешь его, ведь так, Рень? – нарочито ласково спросила Ёжка, с нетерпением поглядывая на рыжего.

–Знаю, но тебе пока не скажу, – выдал Терентий, на миг застыв с поднятой передней лапой. – Вот когда озвучишь свои мысли, тогда я, пожалуй, всё поведаю. А пока..., думай, Ягуся моя! Думай!

–Ох, и вредный же ты кот! – обиженно воскликнула Баба Яга, но тут же успокоилась, придя к выводу, что и сама разобраться с этой проблемой в силах.

С этими мыслями, поднялась Златка с лавки и поспешила в спальню, чтобы приготовленный короб с гостинцами для родных на кухню перенести. Сказал же батюшка, что пора

ему. Наверняка после того, как купол с Русланом исправит, да дочери наставления даст, сразу же и отправится в путь обратный Ростислав Всеволодович, а значит надобно сразу всё подготовить, чтобы не забыть с ним подарки для родных передать.

Когда короб был водружен на лавку рядом с дверью в сени, Златослава присела за стол и налив себе поостывший травяной отвар, уставилась в сгустившуюся чернильную тьму за окном, изредка делая глоток напитка. Огонёк свечи, теплившийся едва-едва, освещал только стол, остальное же тонуло во мраке, как по ту сторону стекла, так и по эту. Терентий подобрался поближе к Ягусе и тоже принялся всматриваться в непроглядную тьму. После пережитого страха им обоим было как-то не по себе, но и девушка, и фамильяр старались этого друг другу не показывать.

В полной тишине, глядя в окно, они просидели довольно долго, когда вдруг снаружи донёсся едва слышный разговор и шаги. Руслан и Ростислав Всеволодович вошли в Избушку, что-то увлечённо обсуждая, судя по услышанным Ёжкой словам, мужчины обменивались мнением о защитных колдовских заклятьях.

–О, Злата, хорошо, что ты здесь! – довольно произнёс царь-батюшка, не торопясь снимать с себя плащ. – У меня к тебе разговор есть, прежде чем я назад в Сколки направлюсь.

–Слушаю, – покладисто произнесла Баба Яга, устремив взор свой на родителя.

–Значит так, доченька, – начал царь Кощей и на вытянутой руке протянул девушке цепочку с синим округлым камушком, – вот тебе амулет для связи с колдунами нашими, они во всех ближайших деревнях на постое стоять будут, да за местами этими приглядывать. Бери! Чего глазами хлопаешь?

–Спасибо, батюшка! – поблагодарила Злата, быстро поднявшись из-за стола и забрав из рук отца амулет.

–Руслану я точно такой же отдал, – поведал Ягуси Кощей. – Он к слову в Избушке поживёт, покуда муж твой не появится, оберегать тебя будет и помогать ежели что. Ещё хотел сказать тебе, доченька, да и Руслану не мешало бы ещё раз напомнить, чтобы в лес вы не совались, границу купола не переходили. Мало ли, вдруг лич где-то поблизости бродит.

–Это всё хорошо, батюшка, только как я продукты-то добуду, если ни мне, ни ему поляну эту не покинуть, а? – решила уточнить Яга, так сказать, о проблемах насущных. – Я, конечно, могу Прокопия попросить меня ходом своим провести, но как понимаю и этого мне тоже делать нельзя?

–Ты правильно понимаешь, – отрешенно произнёс царь-батюшка и с расстановкой выдал. – На счёт продуктов..., в Сколках останется Яков ещё с двумя колдунами, я попрошу решить этот вопрос как можно скорее. Так, что дальше я хотел тебе сказать? – задумчиво задал вопрос сам себе мужчина и по-мальчишески взлохматил пятернёй волосы на затыл-

ке. – Амулет выдал, про купол сказал, с провизией решили. Что ещё?

–Понятия не имею, батюшка, – чистосердечно призналась Ёжка и едва сдержала нервный смешок, своего отца таким рассеянным она видела всего лишь третий или четвёртый раз в жизни.

–Позже вспомню и свяжусь с тобой, – постановил Ростислав Всеволодович нетерпящим возражения голосом. – Сейчас мне пора...

–Батюшка, я тут кое-что для мамы и братьев собрала, мелочи всякие, – перебила резко засобиравшегося отца Златослава, подхватывая короб и почти насильно вручая царю. – Вот, с собой возьми!

–Злата,.. – начал было возражать царь Кощей, но вдруг махнул на Ягусю рукой и поспешно забрал короб. – Ладно, уж как-нибудь доведу, – проворчал он добродушно.

–Как-нибудь не надо, надо в целости и сохранности, – фыркнула Баба Яга и, порывисто обняв отца, тихонечко прошептала. – Ты главное себя береги, папа!

–Говорила та, которой лич в дверь стучался, – со вздохом проворчал Ростислав Кощей и, поцеловав дочь в русую макушку, решительно произнёс. – Долгие проводы – лишние слёзы! Всё, Златка, до встречи, надеюсь, что скорой! – обернувшись к Руслану, он, строго сдвинув брови, проговорил. – Ты за ней хорошо приглядывай, и глупости не творите оба! Всё счастливо всем оставаться!

С этими словами Ростислав Всеволодович стремительно покинул Избушку, вместе с увязавшейся за ним Златой. Ёжку на крыльце Кощей остановил, не дав, как она того хотела, проводить его до границы купола.

–Лёгкий путей, батюшка, и до скорой встречи! – уже в спину, поспешно шагающему по тропинке царю Белояжскому, выкрикнула Ягуся.

В свете нарождающейся луны, Баба Яга отчётливо видела, как Кощей обернулся на мгновение, кивнул ей в знак того, что услышал слова, а затем невозмутимо зашага в лес, чтобы миновав купол, тотчас же сотворить проход и почти сразу же выйти из него на самой окраине Сколок. То, как батюшка переместился, Злата уже не видела, потому, как влажный ветер и лёгкий морозец загнали девушку назад в Избушку. Стоило только молоденькой Ёжке оказаться в тепле, как из груди её вырвался горестный вздох, а за ним чуть было не последовал жалкий всхлип. Мигом уразумевши ненужность этих всхлипов и последовавших бы за ними слёз, Яга досадливо притопнула ногой и от злости на свою плаксивость больно прикусила губу. Рядом вдруг раздался весёлый смешок, который кое-кто не посчитал нужным скрыть.

–Не грусти, Златка! – довольно ослабившись, выдал Руслан, подобравшись вплотную к девушке, приобняв ту за плечи, и доверительно прошептал на ушко. – Я же с тобой!

–То же мне, велика радость! – зло сощурившись, произнесла Баба Яга, и выразительно покосившись на широкую

ладонь нового родственничка, лежащую на её плече, пригрозила. – Руку убери, а то ухватом по хребту приласкаю!

–Ты чего? Застеснялась, что ли?! – деланно удивился парень и, сжав сильнее плечи взбешённой до крайности Ёжки, проникновенно сообщил. – Неча стесняться, мы же теперь родственники!

–Родственники, – охотно подтвердила Златослава, пытаюсь незаметно нащупать хоть что-то подходящее. – Да, только не повод это ручонки свои загребушие распускать! – с этим восклицанием Баба Яга ловко вывернулась из рук Змея и от щедрот душевных приласкала того подобранным с пола веником. – Вот тебе! Ещё раз ручонки протянешь и без них тут же останешься!

–Эй! Меня бить нельзя! – возмутился уворачивающийся от очередного удара веником Руслан. – Я же Змей! Существо зело полезное и реликтовое!

–Был тут у меня уже один реликтовый, – фыркнула Златка, перехватывая веник поудобнее, и неспешно подбираясь к пятившемуся от неё парню, – тоже веником воспитывали.

–Ага, – громко зевнув, сообщил Терентий, глядя насмешливыми зелёными глазами на застывшего от удивления Руслана, – а ещё, его чуть было, на ливер не пустили.

–Ты жуткая женщина! – удивлённо изрёк Змей, подобравшейся-таки к нему Златославе и ещё раз хорошенько огревшей того промеж лопаток.

–Вообще-то этим кем-то был ворон, – решила прояснить

ситуацию почти успокоившаяся Ягуся.

– Ты меня утетила, – язвительно отозвался он, не спуская подозрительного взгляда с Рени.

– Ну, и чего глазюками своими так на меня пялишься?! – недобро сощурился кот, хотя в глубине его глаз Злата отчётливо видела притаившуюся насмешку.

– Фамильяр, – быстро определил Руслан и сам себе кивнул, подтверждая сказанное.

– Ты это давай не отвлекайся! – прикрикнула на него Златка, поигрывая веником. – Ещё раз ручонки распустишь и тебя...

– Эй, Ёжка, не горячись! – примирительно улыбнулся парень и совершенно серьёзным тоном пояснил. – Ты когда вошла, у тебя глаза на мокром месте были, вот я тебе и решил немного расшевелить. Начни я тебя утешать, ты бы точно разревелась, а так позлилась чуток и в себя пришла.

– Ладно, Змей реликтовый, забыли! – хмыкнула Баба Яга, признавая правоту его слов и действий. – Давай-ка, спать укладываться, а то поздно уже. Я сейчас Марфу попрошу тебя на печи устроить и ежели голоден, то ей об этом скажи, она тебя покормит, а я спать пошла. Доброй ночи!

– Доброй ночи, Ёжка Злата! – донеслось ей в спину.

Переступив порог своей спальни, Ягуся с улыбкой проводила взглядом Марфу, поспеившую устраивать на ночлег нового гостя, и направилась к колыбельке. Василиса спала тихо и безмятежно, от чего на душе Златы становилось спо-

койно и радостно. Девушка постояла, так ещё чуть-чуть пока не поняла, что силы уже совсем на исходе. Она быстро переделась и скользнула под одеяло. Засыпала Ёжка под мерный, едва слышный разговор доносившейся из-за полуприкрытой двери в кухню.

* * * * *

Тёплый солнечный лучик скользнул по девичьей щеке и застыл прямо на закрытых глазах, вынуждая Златославу сначала поморщиться во сне, а потом с неохотой открыть глаза. Голова была тяжелой, мысли в ней крутились вяло, а где-то в районе затылка копилась тупая боль. Яга глубоко вдохнула, зажмурилась на миг и решительно села на постели, пытаюсь прогнать сонную хмарь. Распахнув глаза, девушка привычно обвела взглядом спальню, вздрогнула, не обнаружив в колыбели дочери, но тут же с облегчением услышала задорный смех малышки, едва доносящийся из-за плотно закрытой двери, ведущей на кухню. Помимо звонкого голоса Василисы, слышались голоса Руслана и Терентия, но что именно они говорили, было не разобрать, да и не хотелось это Ёжке сейчас выяснять.

Злата поднялась с кровати и прошествовала за ширму, где быстро умылась водицей холодной и переделась в платье, Марфой заранее приготовленное видимо ещё с вечера. У зеркала Ягуся времени больше провела, старательно расчёсывая и заплетая волосы в две косы, а потом, аккуратно укладывая их венцом на голове, чтобы не мешались. Баба

Яга много дел наметила сегодня переделать, и не хотелось ей, чтобы её всякие мелочи вроде волос на лоб, к примеру, налипших отвлекали.

Только приведя себя в пристойный вид, Златка направилась в кухню, проверить, что же там такого весёлого творится, раз её девочка так заливисто хохочет. Открыла Яга дверь, да так и застыла, за ручку держась, не зная начинать ей на Руслана ругаться или посмеяться вместе с остальными.

–У-у-ух! Большой Змей летит над полями, над лесами, над высокими холмами! – восклицал новоявленный родственничек, удерживающий маленькую Василису на вытянутых руках и в такт каждому слову волнами, то опуская её вниз почти к самому полу, то плавно под уклоном понимая вверх над головой. – Один холм пролетел, да в лощину спустился! Над вторым взлетел, да кубарем скатился!

Договорив последние слова, парень державший малютку над головой опустил руки, прижал Василису к груди и крутанулся на пятках, вызывая новый взрыв смеха. Именно в момент кружения Руслан и заметил стоящую в дверном проёме Ягу.

–О, племяшка, мамка твоя проснулась! – сообщил змей, склонившись к белокурой головке девочки, а после обратился и к самой Злате. – А мы тут в Большого Змея играем, Василиске очень нравится.

–Да, я уж заметила, – хмыкнула Баба Яга, всё же придя к решению, что ругать парня не будет.

Да, и собственно ругаться на него действительно не требовалось. Это просто попервах Златославе почудилось, будто бы он малютке повредить может, но приглядевшись, с изумлением поняла, что молодой Змей крайне осторожен с ребёнком и каждое его движение выверено так, что бы ни в каком случае не испугать и не навредить. А ещё девушка поняла, что не первый раз Руслан так с детьми играет.

– У тебя, что свои детишки есть? – решила уточнить Ягуся и с улыбкой произнесла. – Уж больно ловко ты с ребёнком обращаешься.

– Своих нет, – ухмыльнувшись от уха до уха, заявил парень, теперь просто покачивая девочку на своих руках. – Молод я ещё для того, чтобы своих дитёв заводить, вона пусть старшие родные и двуродные братья об этом думают. Только и они не особо торопятся. Дед наш, наверное, уже отчаялся правнуков понянчить.

– И много у тебя братьев? – полюбопытствовала девушка, проходя и присаживаясь к столу.

– Родных два, двоюродных двадцать три, – с довольной усмешкой сообщил Руслан, глядя на ошарашенную Бабу Ягу.

– Ох, ничего себе! – наконец смогла выдавить из себя Злата, пытаясь свыкнуться с мыслью, что у её супруга двадцать пять братьев. – А сёстры?

– А сестёр нет, – печально вздохнул один из Змеев Лиходольских. – В нашем роду девочки рождаются ещё реже, чем

в Кощеевом. У моего отца, к примеру, шесть братьев и только одна сестра, а у нас вообще ни одной.

—И что же прямо ни одного правнука от двадцати шести внуков у Будимира Давыдовича нет? — никак не могла поверить Ягуся.

—Ни одного, — подтвердил свои слова парень и пытливо уставился на Ёжку. — А чего это ты Златослава Ростиславовна вопросом этим задалась?

—Да, вот вспомнились твои вчерашние слова, про малого какой-то Айри, вот и спрашиваю, — не стала юлить Злата и руки так показательно на груди сложила, мол, жду твоего ответа, не дождусь.

—А что же ты там себе подумала, когда про неё услышала? — вкрадчиво поинтересовался Руслан, усаживая Василису в корзину и вручая ей погремушку.

—Ну, а ты, как считаешь, что я могла подумать? — фыркнула Яга и неожиданно для себя призналась. — Решила, что любовница это Зареслава...

—Ты главное ему такого не ляпни! — вмиг растеряв всё своё благодушие, предельно серьёзно проговорил Змей. — Зареслав уже много лет ни о ком кроме тебя и не думает, в душу ты ему с первого взгляда запала. У нас, у Змеев, ежели женщину ты полюбил, то до самой смерти на другую и глянуть тошно! Избранница у нас одна бывает, и дети могут быть только от неё и никак иначе. Потому дед так за Зарика и переживал, когда ты первый раз помолвку разорвала, понимал,

что жизнь у него почти поломана.

– Почему же тогда... – начала было говорить Яга, тотчас остро осознав всю подлость своего давнего поступка по отношению к Зареславу, да и к своей семье.

– Почему дед так всё спустил? – догадливо продолжил её вопрос парень и тут же на него ответил, не дожидаясь ёжкиных слов. – А как ему действовать оставалось? Заставить Ростислава Всеволодовича принудить тебя к браку? И что тогда? Ну, заставил бы тебя отец за Зареслава замуж выйти и что? Ты бы и его, и мужа своего тихо ненавидела бы за принуждение, а брат бы от этого ещё больше страдал. Или может, деду нужно было войну Белояжску объявить? Наши войска сильны, да только и батюшки твоего войско не слабее нашего. Сошлись бы на бранном поле, порубали бы друг дружку и расползлись малым составом. Хорошо? Нет, не хорошо. Так, что дед по-своему мудро поступил. В конце концов, был небольшой шанс, что Зарик всё же сможет любовь к тебе перебороть и другую девушку выбрать, пусть без любви, но в ладу с нею жить. И в этом хорошего для Змея мало, но всё же лучше чем ничего. Теперь поняла?

– Поняла, – глухо отозвалась Баба Яга, ошеломлённая сказанным.

– Вот и славно, – сменив серьёзный тон на чуть-чуть насмешливый, сказал Руслан. – Теперь же вернёмся к Айри, которая так тебя заинтересовала. Хочешь узнать кто она?

– Угу, – только и смогла вымолвить девушка, думы неве-

сёлые отгоняя.

– Айри – это как раз наша единственная тётка, Арина Будимировна, – с ехидной улыбкой принялся за объяснение Змей, глядя на то, как сильнее и сильнее краснеет от стыда Златослава. – Она девка порывистая, прямо как ты. Лет пять назад влюбилась дурёха в лесного и сбежала с ним в его деревенский город, тот с ней наигрался и выставил вон, а она уже в тягости была. Ей бы бестолочи домой вернуться, но нет, у неё гордость выиграла, мол, сама виновата, не послушала родных, что твердили не верить этому ушастому вухухолу, вот теперь самой всё и разгребать. Поселилась у нашей Яги Парфирьи, в срок сыночка родила. Беда в том, что кровь лесных такая же сильная, как и у Змеев. Теперь она в мальчонке вместе с колдовской силой борется. Лесные водой да землёй повелевают, колдуны их в этом сильны. Папаша нашего братика тоже водной стихией распорядился, да только Айри-то дочь Змея Горыныча, существо огненное.... Словом борется в малом сейчас огонь и вода наравне, победить друг друга не могут, от того мелкий болеет часто и мы с ним силой делимся все по очереди. Обычно раз в три-четыре седмицы его навещаем, а тут прихватило его раньше, тётка восточку послала, я и рванул к ней.

– А папаша его, что же, совсем ребёнком не интересуется? – хмуро поинтересовалась Ягуся.

– Дык, он уже вообще ничем не интересуется, помер сердешный, – злорадно отозвался парень, поглаживая по голове

возившуюся с погребушкой Василису. – От стыда, да вины великой помер. Ну, не сам конечно, дед ему тогда подсобил хорошенько, долго сородичи ушастого его косточки по лесу искали.

–Я так понимаю, ребёнка он не признал, – догадалась Златослава, осознавая, что лесного ей ничуть не жаль, а даже наоборот.

Руслан только отрицательно головой покачал и снова всё своё внимание уделил малышке, словно бы давая понять, что обсуждать более подробно случившееся он не намерен. Ёжка только плечами пожала, главное-то выяснено, а уж всё прочее не столь неотложно, можно будет и мужа поспросить на этот счёт.

–Руслан, ты сказал, что твоя тётка живёт у Бабы Яги, верно? – вдруг озарило Златку, и она с загоревшимися от нетерпения глазами уставилась на Змея.

–Верно, – улыбнулся он, подтверждая сказанное и подмигнув, заметил. – Я так и думал, что ты заинтересуешься.

–Ещё бы! – улыбнулась девушка, поглядывая то на хозяйничающую у печи домовушку, то на парня строящего смешные рожицы малышке. – А можно ли как-то с ней связаться?

–Наверное, можно, но это надо у тебя Ёжка спрашивать, а не у меня, – хмыкнул чуть насмешливо Руслан.

–Да, если бы я знала как, – грустно вздохнула Злата, водя пальчиком по краю стола. – Мне до настоящей Яги ещё учиться и учиться, а для этого мне бы наставницу подыскать,

вот я и подумала...

– Эх, ты! – усмехнулся парень и, подмигнув поглядывающей на него Василисе, делано задумчиво произнёс. – Дам-ка, я тебе, пожалуй, Златослава, дюже полезную и кругом волшебную вещицу, – заметив на лице Ёжки выражение, исполненное раздражения и подозрения, в том же тоне продолжил, извлекая из ранее незамеченной девушкой сумы длинную и узкую шкатулку для писем. – Вот тебе, деточка, шкатулочка, да непростая, а колдовская. Кладёшь в неё письмецо написанное, называешь имя истинное того, кому письмо адресовано, и шкатулочка сама его в нужное место отправляет. Бери, Ёжка! Бери! Как от сердца отрываю!

– Угу, – согласилась Баба Яга, ехидно поглядывая на этого скомороха. – Нечего мне тут глупости всякие сказывать! Тебе Зареслав эту шкатулку и так для меня велел передать. Так, что не изображай всю мировую скорбь!

– Ну, вот! – наигранно огорчился Змей, любовно поглаживая шкатулочку по лакированному боку. – Ничего от этой Ёжки не скроешь. Э-э-эх, забирай, вымогательница!

– Я теперь ещё и вымогательница?! – возмутилась было Ягуся, но мигом успокоившись, деловито спросила. – Руслан, а с тобой в детстве другие мальчишки и братья дрались?

– Дрались, – с запинкой подтвердил озадаченный таким неожиданным вопросом парень.

– А били часто? – не унималась она, сложила руки на груди, и принялась ждать ответа.

–Бывало, – уклончиво ответил Руслан, силясь понять к чему эти вопросы у Яги появились.

–Не удивлена, – выждав небольшую паузу, выдала Баба Яга. – Так тебе и надо! Судя по поганости твоего нрава, били тебя всегда исключительно за дело.

После слов Златки на кухне наступила прямо оглушающая тишина, даже малютка Василиса не издала ни звука, словно проникшись моментом. Руслан же какое-то время лишь ошеломлено смотрел на супругу своего брата, будто бы пытаясь осознать смысл сказанного, а потом вдруг взял и от души расхохотался. Ёжка тоже слегка усмехнулась, решив не поддаваться чувству неловкости и смущения, которое раньше заставило бы девушку кинуться к парню с извинениями. Сейчас Злата была уверена, что права и что ежели кому не нравится её мнение, так это уже его беда.

–Ох, и язва же ты, Ёжка! – сквозь смех выдал Змей и вытер набежавшую слезу. – И ведь не поспоришь, действительно за дело получал!

–Будет тебе! – укорила его Баба Яга, нагибаясь и беря дочку на руки. – Ишь разошёлся-то как! Лучше ответь, ребёнка кормили?

–Кормили, – вместо Руслана ответила домовушка, поспешившая накрывать на стол.

–А сами ели? – уже обращаясь исключительно к Марфе, спросила Златослава.

–Ели, хозяйюшка, – отозвалась маленькая женщина, ловко

выставляя перед Ягусей снедь и горячий ягодный взвар. – Это ты у нас одна ещё голодная ходишь.

–И вообще отдай ребёнка! Мы с Василиской ещё в Большого Змея играть не закончили, – просмеявшись сообщил княжич. – А ты давай, жуй! Не отвлекайся!

Ёжка в ответ только насмешливо фыркнула и, передав ребёнка в руки Руслану, приступила к завтраку. Она не торопливо жевала теплые блинчики с творогом и рассеяно рассматривала всё вокруг. Вон на печных полатях, свесив пушистый хвост вниз, дремлет Терентий. Теперь понятно, почему он не вмешивался в разговор. У печи Марфа месит в кадучке тесто для пирогов, а чуть поодаль на лавке виднеется корзинка с её вязанием. Руслан и Василиса играют в Большого Змея, малышка оглушительно и восторженно попискивает, а её новоявленный дядюшка умело изображает рык того самого змея. Можно сказать – тишь, да гладь и Божья благодать, если не вспоминать то, что случилось минувшим днём.

Будто того и дожидаясь все невесёлые воспоминания о вчерашнем дне нахлынули на Злату. Ягуся поморщилась, но более виду не подала, о чём задумалась, хотя для себя наметила то, с чем в первую очередь разобраться надобно.

Глава 11. Чужие письма из старой шкатулки.

Позавтракав и допив взвар, Бабка Ёжка решительно поднялась из-за стола и направилась в спальню. Сперва она быстро прибрала всё, да постель заправила и только после этого подошла к столу для письма, протянула руки и взя-

ла убористо исписанный лист. Ещё в тот день, когда девушка и фамильяр разыскали рецепт зелья «Видения памяти», Злата именно на этом листе расписала по дням, что в какой надобно сделать для подготовки ингредиентов. Сегодня был самый удачный день для приготовления отвара верть-травы и порошка из скорлупок лесного ореха, вот ими Ягуся и занялась, прислушиваясь к радостному лепету Василисы, шуткам-прибауткам Руслана и насмешливым фразам Терентия.

В тот момент, когда Ёжка накрыла готовый отвар сперва крышкой, а потом толстым полотенцем, чтобы дать ему хорошенько настояться, откуда-то из леса раздался гулкий и протяжный звон. Поначалу Златослава даже вздрогнула от неожиданности и страха, но потом быстро взяла себе в руки и успокоилась, вспомнив, что это всего-навсего «вежливый стук» в купол защищающий Избушку-на-Курьих-Ножка. После вспомнилось ей, что батюшка обещал проблему с продуктами решить, вот, наверное, у границы купола Яков и топчется. Бабка Ёжка бросилась было к выходу, но на пороге кухни её остановил Руслан.

–А ну-ка стой, Ягуся! – скомандовал Змей и Златка отчего-то вмиг ему подчинилась. – Ребенка бери, а я схожу, снесь заберу.

–Снесь? – удивлённо переспросила Злата, принимая из рук Руслана румяную от недавнего веселья Василису.

–Её родимую, – охотно подтвердил внук Змея Горыныча, натягивая сапог на ногу. – Ты ещё спала, когда со мной

Яков связался, да сообщил, что продукты нам на первое время принесёт и ещё какую-то записку тебе передать надобно.

—От кого записку? — не растерявшись, потребовала ответа Яга.

—От Ростислава Всеволодовича вестимо, — отозвался парень, натянув второй сапог и поднявшись с лавки.

Больше Златка вопросов задавать не стала, просто отошла с дочкой к окошку, наблюдая, как Руслан накидывает плащ и покидает Избушку. Через стекло исчерченное изящным узором чуть подтаявшего и оттого наполовину прозрачного инея, девушке был хорошо виден освещённый яркими солнечными лучами заснеженный лес. Вот Яга услышала стук подбитых металлическими набойками сапог Змея, потом уже увидела и его самого стремительным шагом направившегося к колдуну, переминающемуся по ту сторону купола. Завидев Руслана, колдун сбросил с головы капюшон и поднял руку в приветствии.

Это и впрямь был Яков, удивительно серьёзный и даже хмурый, белые волосы его были собраны в хвост на макушке, а за спиной виднелась гарда тяжёлого двуручного меча. «Совсем дело плохо», — с грустью подумала Златослава, ведь тяжёлые двуручные мечи, заклётые колдовским пламенем, колдуны-воители использовали в редких случаях, когда имели дело с опасной нежитью или более сильными колдунами.

Пока Злата предавалась безрадостным думам глядя в окно на мужчин и покачивая Василису на руках, Змей пере-

ступил границу купола, пожал протянутую Яковом ладонь и принялся с ним что-то оживлённо обсуждать. Разговор двух мужчин длился не долго, после него колдун протянул Руслану увесистую суму и большую корзину, покрытую вышитым полотенцем. Парень принял протянутое и, сказав что-то напоследок, видимо поблагодарив, развернулся и зашагал обратно к Избушке. Яков проводил его взглядом, накинул капюшон на голову и направился вглубь леса, быстро скрывшись за искрящимися на солнце сугробами.

Бросив последний взгляд в окно, Ягуся перевела взор свой на Василису, увлечённо мусолящую собственный кулачок так, что даже слюнки потекли, а на личике появилось до такой степени сосредоточенное выражение, которое могло бы вызвать улыбку на лице матери, но не вызвало. Ёжка нахмурилась, приподняла дочку и коснулась губами её лобика. Кожа малышки была не намного, но теплее чем должна быть. Перевернув ребёнка на спинку и осторожно убрав кулачок из её ротика, Злата отметила, что и десна у девочки красные и припухшие. Похоже, первый зуб или даже зубы решили в ближайшее время прорезаться. Злата уже с месяц ожидала этого события, только заметив, как Василиса первый раз потянула в рот игрушку, и успела подготовиться. Среди множества книг по лекарству и целительству, Баба Яга нашла рецепты мазей и успокаивающих боль отваров специально для младенчиков, у которых зубки резаться начинают. Мазь уже давно готовая дождалась этого момента в холодной части

кладовой, а вот отвар следовало сделать как можно быстрее, потому что Ягуся словно чувствовала, как нарастает зудящая боль в дёснах у её малышки. Было ли это просто разыгравшееся материнское воображение, или ягушенское чутьё, но действовать всё равно следовало незамедлительно.

–Марфа, принимай подарочек! – радостно возвестил Руслан, вваливаясь на кухню вместе со своей поклажей.

–Ох, что такое?! – от неожиданности выронила вязание и всплеснула руками домовушка.

–Я провизию принёс! – гордо сообщил парень и, заговорщицки подмигнув, спросил. – Я ли не добытчик?!

–Скоморох заезжий, вот ты кто, – насмешливо фыркнув, произнесла Златослава.

Молодой Змей ничуть не обиделся, а наоборот весело смеялся, поддерживая шутку, и принялся помогать Марфе разбирать припасы. Даже Терентий не удержался и, свесив мордочку с полати вниз, с интересом принялся разглядывать вынимаемые из мешка продукты, коих оказалось на удивление много. Да, сама Златка такое количество не смогла бы принести, а вот плечистому колдуну это не составило труда.

–Рыбкой пахнет, – закатив глаза, с придыханием произнёс Реня, спрыгивая с печи и принявшись наворачивать круги возле мешка. – Мр-р-р, р-р-рыбка!

В ответ на кошачьи восторги, Руслан лишь улыбнулся и, следуя указаниям домовушки, собрал часть продуктов и понёс в кладовую. Марфушка тем временем вынимала мешоч-

ки с крупами и сноровисто убирала их в кухонный шкаф. Терентий же и впрямь не ошибся, несколько свежих карасей, густо обваленных в крупной соли и плотно замотанные в кусок льняного полотна, обнаружили на самом дне мешка. Фамильяр было сунувшийся проверить рыбку на зубок, тут же получил по хребту скрученным полотенцем и поспешил удалиться обратно на печь, зализывать боевые раны и гордость. Пока кот обиженно что-то бубнил себе под нос, прячась от жестокости мира в лице воинственной домовушки за занавесями, Марфа принялась разбирать содержимое корзины, а Змей вернулся из кладовой и принялся снимать обувь и плащ.

– Ну, и где записка? – дождавшись, когда парень усядется на лавку, строго спросила Ягуся.

– Какая такая записка? – сделал удивлённые глаза бесстыжий представитель рода Горынычей.

– Руслан, не стоит меня злить, – почти миролюбиво посоветовала ему девушка.

– Убоялся, – добродушно хмыкнул парень, доставая из-за пазухи аккуратно сложенный лист бумаги, словно бы впопыхах запечатанный сургучом, на котором оттиск печати Кощея вышел как-то кособоко.

Баба Яга забрала протянутое послание и попыталась вскрыть его одной рукой, другой же придерживая маленькую Василису. Печать сломать не удалось, а вот уронить письмо на пол очень даже. Ёжка выругалась сквозь зубы, потом по-

косилась на дочку, всё ещё увлечённо мусолящую кулак, а затем перевела выразительный взгляд на Змея. Руслан понимающе усмехнулся и забрал девочку. Злата, который раз про себя подивилась, как легко малышка привыкла к парню, будто и впрямь у кого-то родного на руках оказалась.

Нагнувшись и достав упавшее письмо, Златослава сломала печать его скрепляющую, развернула послание и принялась читать. Изящный витиеватый подчерк царя Белояжского складывался в следующие строки:

«Здравствуй, доченька! Пишу я тебе по причине сильно-го беспокойства за твою дальнейшую судьбу. Прибыв вчера вечером в Старые Сколки, я пообщался с тамошним старостой о делах, творящихся в округе, о проблемах да нуждах местных жителей, и рассказал мне он много любопытного. Сказывал он о том, что лешие и водяные порой шалить изволят, что домовые волнуются последнее время. А ещё поведал он мне о странной девице, что травницей прикидывалась, но на самом деле явная ведьма. Говорит, что два года назад первый раз появилась в Сколках девка уж больно красивая и молодая, пришла продуктов купить, сказывала всем, что ученицей травнице приходится. Никто сказанному ею не удивился и все верили до поры до времени, а вот недавно вызвалась она сестру кузнеца местного лечить, да так это она чудно всё делала, что кузнец неладное заподозрил. А уж когда девица заявила, что с лешим знакома, сразу парень сообразил, что не травница она, а самая настоящая ведьма. Ре-

шился кузнец всем доказать, кто такая на самом деле эта девица. Пошёл он значит в лес, разыскал домик, в котором как он знал старуха травница жила, только оказалось, что в домике не живёт никто уже давно, и само жилище уже развалилось почти. Не на шутку испугался кузнец, бросился назад в деревню да заплутал. К вечеру вышел он к костру, что двое охотников из Карповки разожгли, разговорился он с ними и поведали они ему любопытную историю о том, как на торгу какая-то девка-ведьма весь люд прокляла, а колдун заезжий проклятие снял. Вернувшись на утро в родную деревню, кузнец всем рассказал о своих догадка на счёт девицы той, кто-то поверил, кто-то решил, что парень умом повредился, а кто-то считает, что не ведьма это была, а Баба Яга и потому бояться её не следует, плохого не сотворит. Словом расходятся мнения людские, как тропки в лесу, и какая к чему приведёт мне не ведомо, а посему прошу тебя, доченька, быть осторожнее.

Я же в свою очередь, чтобы народ успокоить, о судьбе дочери своей старосте поведал всё то, что мы договорились рассказать. Теперь дело за тобой. Либо ты признаешься местным, что Бабой Ягой являешься. Либо жилище своё колдовское куда-нибудь на земли Лиходольские перемещаешь, там о тебе никто не знает, и всё, что ты скажешь, сомнениям не предадут. Чтобы ты не выбрала, дочка, знай, я твоё решение поддержу. Но мне бы конечно спокойнее было, если бы ты на землях Змея Горыныча жила, там Ёжек до сих пор

любят и почитают, не сторонятся. У нас же, к моему глубокому сожалению, после Прямыславы Яг простой люд боится, и как бы от страха этого тебе какую обиду не учинил. Совсем уж большого зла тебе они не причинят, но напакостить могут. Как поступить решать тебе, Ёжка. На этом закончу. До встречи, надеюсь, что скорой!»

Дочитала Златослава и нахмурилась. Вот ведь как получается – не делай добра, не получишь зла! Она ведь от всей души хотела Фролу помочь и сестрёнку его вылечить, и со Стешой его горемычного свести. А что взамен получила?! Да, практически плевков в эту самую душу. Хотя сама виновата, можно сказать напросилась эту помощь оказать, теперь вот получай в ответ!

–Что такое, Ягуся моя? – прошелестел рядом с ухом голос Терентия.

Фамильяр отчётливо почувствовал обиду Бабки Ёжки и покинул своё тёплое местечко на печи, чтобы выяснить, что же с подопечной творится. Запрыгнул на стол, потёрся о плечо девушки лобастой головой, замурлыкал, успокаивая.

–Представляешь, Рень, кузнец, сестру которого я лечила, меня ведьмой считает и всем по деревни бегаёт, рассказывает эти небылицы! – возмущённо выпалила Златка, бросая письмо на стол рядом с котом. – Я ему значит, помогла, а он мне такой чёрной неблагодарностью ответил!

–Эй, Ягусь, а чего ты ещё от деревенского кузнеца хотела? – фыркнул кот презрительно, мельком глянув на испи-

санный лист. – Ему же не ведомо от каких Богов сила твоя идёт: от светлых или тёмных. Вот ему и проще о дурном думать, чем поверить, что ты всё бескорыстно делала. А тут он всё просто по полочкам для себя разложил – сама ты болельщица насралась, сама вылечила, потом возьмёшь и плату высокую потребуешь, вот тут-то тебе он, кузнец смекалистый, и скажет, мол, ведьма ты поганая и сила твоя от Мораны да Чернобога и ничегошеньки я тебе не должен. А ежели ты настаивать вздумаешь, то на костёр тебя и делов-то, тогда уж точно никто никому ничего не должен.

– Да уж, – протянула Баба Яга, чуть успокоившаяся слушая пронизанные насмешкой и лёгкой презрительностью пояснения фамильяра. – Что делать предлагаешь?

– На данный момент ничегошеньки, – посоветовал Терентий, ослабившись и обвив лапы хвостом. – Тебе батюшка всё равно велел из Избушки носа не казать, вот и сиди, Ягуся моя!

– Ну, а потом? – не унималась любопытная Ёжка.

– А потом, – задумчиво повторил за девушкой кот и, на мгновение замолкнув, предложил, – признайся ты этим деревенским, что Баба Яга и делов-то! Пусть потом сами за твоей помощью бегают, ежели нужна она им будет, а не ты со своею помощью за ними. Только это, когда соберёшься признаваться, на всякий случай кого надёжного с собой возьми, хоть мужа своего, хоть вот этого, брата егойного. Всяко спокойнее тебе будет, а такой вот довод за твоим плечом про-

смастривающийся ещё и в сажень вышиной для людей пове-
сомей слов окажется, к тому же в случае чего и сдержит чу-
жую-то глупость. Так что признавайся!

–Признаюсь, пожалуй, – кивнув головой в след своим
мыслям и словам, произнесла Златослава.

–Меня тогда с собой возьми, – усмехнувшись, попросил
Руслан, прохаживаясь по кухне в обнимку с заснувшей на
его руках Василисой. – Уж больно мне на это посмотреть
хочется.

–Посмотрим, – уклончиво отозвалась Яга, задумчиво по-
глядывая на спящую дочку.

Изначально Злата хотела уложить малышку спать после
того как мазью ей десна помажет, чтобы во сне малютку ни-
что не тревожило. Раз уж сама она заснула, значит беспоко-
иться пока рано и лучше бы уложить ребёнка в колыбель, не
на руках же Змею её таскать. А пока маленькая спит, она,
Златка, с кое-какими своими делами разобраться успеет.

Решив одним махом все насущные проблемы, Ягуся на-
правилась в спальню и поманила за собою нового родствен-
ника. Прошла к столу, выразительным жестом указала на ко-
лыбель и, дождавшись, пока парень уложит Василису и на-
кроет её одеялом, подозвала к себе. Надо же было прояснить,
что он намеревается делать помимо охраны Ёжки с дочкой
её. Почему-то думалось Златославе, что Руслан не только в
качестве защитника сюда прибыл.

–Руслан, вот скажи мне как на духу – тебя же Зареслав не

только для пригляда за мной прислал, так? – спросила Баба Яга напрямик.

– Умница, Ягусь! Верно мыслишь, – похвалил девушку Змей и задорно ей подмигнул.

– Ну и зачем ещё тебя послали? – не унималась Бабка Ёжка.

– Вообще, Зареслав хотел, чтобы я книги с ёжиными заклятьями и прочей волошбой глянул, – отозвался предельно серьёзный и оттого кажущийся неправильным княжич Лиходольский.

– А для чего? – тут же полюбопытствовала Яга, пытливо глядя в янтарные глаза собеседника.

– А вот это, Ёжка Злата, мне запретили говорить, – хмыкнув, сообщил Руслан и поспешил успокоить зло сощурившуюся Злату. – Зареслав обещал, что сам тебе потом всё расскажет. Потерпи немного!

– А ежели я не разрешу в книгах своих рыскать? Что тогда делать будешь? – хмуро уточнила Златослава.

– Зарику скажу, пусть он сам тогда со своими проблемами разбирается, – лукаво усмехнулся парень и выдал злорадно. – А я тем временем буду слоняться по Избушке без дела, и донимать тебя расспросами.

– Ой, ну тебя к лешему! – ужаснулась Яга, представив себе, как этот чересчур вертлявый Змей слоняется без дела. – В сенях лестница на чердак ведёт, там почти все книги лежат. Иди и смотри, коли тебе нужно!

–До чердака я позже доберусь, – подмигнув девушке, самодовольно произнёс княжич, – а пока я тут по полочкам посмотрю.

–Делай, что хочешь! – махнув на него рукой, сдалась Бабка Ёжка и устало присела за стол. – Только не шуми! Договорились?

–Я буду тих, как мышка! – клятвенно заверил Ягусю Змей и шустро скользнул к шкафу с книгами.

Бросив мимолётный взгляд на Руслан, Златослава снова обратила свой взор на собственный стол и взгляд тут же наткнулся на шкатулку, которую нашла в сундуке Милаоки в день своей свадьбы. В тот день она оставила шкатулку на краю стола, да так про неё и забыла. Сейчас же взгляд словно бы против воли так и скользил по лакированной крышке расписанной васильками. Шкатулка была достаточно вместительной и явно применялась лишь для хранения писем, а не для их пересылки.

Ёжка протянулась, чтобы взять шкатулку в руки и внимательнее её осмотреть, как вдруг невидимый доселе запор глухо щёлкнул, чуть подбросив крышку вверх. Злата резко отдёргнула пальцы, так и не коснувшиеся шкатулки, и едва успела подавить испуганный вскрик. Уж больно неожиданно отрылась крышка. Девушка глубоко вдохнула, пытаясь унять зашедшееся сердечко, и осторожно покосилась в сторону Руслана. Змей невозмутимо копошился в книгах и не обращал внимания на всяких там Бабок Ёжек.

Переведя дух, Ягуся снова потянулась к шкатулке и осторожно взяла её в руки. Крышка под настойчивыми пальцами открылась легко, повиснув на крошечных петлях, и, как и ожидалось, внутри обнаружили две стопочки писем, аккуратно перевязанные плетёными из цветных нитей шнурами.

Поставив открытую шкатулку прямо перед собой, Златослава вдруг смутилась, не решаясь взять и прочитать письма. Они ведь чужие, разве можно так? С другой стороны, та, кто их получала, а Злата была уверена, что письма эти были написаны для Милаоки, уже давным-давно на том берегу вместе с мужем и сыном, так может всё же одним глазком взглянуть?

Задумчиво постукивая пальцами по столу, Яга нерешительно протянула руку и взяла первую стопку писем, решив, что прочтёт только самое первое и больше трогать не будет. Пальцы словно не по её воле развязали мудрёный узел шнурика, осторожно отложили его в сторону и Ягуся, оставив себе только верхнее письмо, оставшуюся стопку убрала обратно в шкатулку. Разворачивать сложенный вчетверо лист Злата не торопилась, ведя внутреннюю борьбу с собственной совестью. Совесть потерпела бесславное поражение и уступила место безграничному любопытству. Баба Яга развернула и расправила письмо, полюбовалась витиеватым подчерком и принялась не спеша читать.

«Здрава буде, дорогая моя Мила! Писала ты мне в сво-

ём последнем письме о том, что шибко озабочена разладом между сыновьями, – читала Златослава, с первых строк догадавшаяся, что писала это письмо тоже женщина. – Что тебе могу сказать? А вот оно что – ты давай тревогу тут не множь! Мальчишки они завсегда ссориться, горазды, тем более, что один уже во всю воинскую науку постигает, да колдовству учиться начал, а второй ещё при мамке с папкой сидит. Меньшой твой, наверное, позавидовал да брякнул брату чего-то нехорошего, за то ему в ответ и прилетело. Я конечно Мира не оправдываю, тоже не прав, что драться начал, только и Зарик озорник ещё тот, мог брата словом сильно задеть. В общем не переживай ты так, Милка, образуется всё, мальчишки твои помирятся и снова всё будет спокойно!

Спрашивала ты ещё, помнится, как мы с Матвеюшкой проживаем. Отвечаю, всё у нас ладно да спокойно. Малышка наша должна седмиц через пять свет увидеть, что девочка будет, я и не сомневаюсь. Когда это у Яги по-другому было? Хотя, ежели на тебя смотреть, то все поверья, что у Ёжки первой дочь родиться должна, чушь сплошная! Умудрилась же ты двух молодцев почти подряд на свет произвести. Пора бы и тебе о дочке задуматься, ведь надо же кому-то знания да Избушку передать. Так что давай там с Веней постарайся, чтобы моей маленькой Ягусе подружка была!

Вроде всё, подруга! Пиши, не забывай!

Твоя подруга, Ёжка Алёнка».

Дочитав до конца, Злата поняла, что широко улыбается.

Ох, видать и задорная же эта Ёжка Алёнка была! А может даже и сейчас есть, кто ж ведаёт. Повезло Милаоке с такой подругой.

Тут Ягуся грустно вздохнула, а улыбка сама по себе сползла с лица. У Златки тоже когда-то были подруги, дочки боярынь при матушке состоящих, да только их очень рано замуж родители поывадали. Разъехались подружки с мужьями своими в разные концы Белояжского царства, своим домом зажили, деток родили. Попервах они своей царевне письма тоже писали, да только потихоньку послания эти всё короче становились, всё реже посылались, а потом и вовсе сошли на «нет», будто и не было никогда у Златославы подруг. Умом девушка понимала, что для дружбы общие интересы нужны. А какие могут быть общие интересы у незамужней царевны и мужних жён? Никаких. Понимать это, Яга понимала, да только сердце всё равно ёкало от обиды.

Чтобы отвлечься от тягостных воспоминаний, Бабка Ёжка бездумно потянулась к следующему письму, развернула и ... завернула обратно. Вот сама же себе пообещала, что других писем не тронет, а ручонки так и тянутся. Баба Яга фыркнула едва слышно, злясь на саму себя, и вернула письмо в стопочку, а сверху ещё и прочитанное положила. Она уже было собралась закрыть шкатулку, но так этого и не сделала, крепко задумавшись.

Подперев ладошкой щёку, Златослава свои домисли на тему личности мужниной, в голове, как по полочкам разло-

жить решила. Не давала ей покоя мысль, что учитель Святозар и княжич Зареслав один и тот же мужчина. Начать хотя бы с имени. Руслан брата Зариком кличет, а в письме прочитанном, Яга Алёна сына Милаоки тоже Зариком называла. К тому же Реня говорил, что мужа Милаоки Венцеславом звали, а княжич Лиходольский Зареслав Венцеславович. Может оно конечно и совпадение, но уж больно подозрительное. И вообще не понятно тогда, почему, если уж учитель и есть внук Змея Горыныча, чужим именем называется. С чего это он Святозаром Добролюбовым стал? Как-то не по-божески имя отцом да матерью данное так легко сменить!

Ещё вспомнилось Ягусе, как батюшка её на слова о том, что она с учителем повстречалась, отреагировал. То, что Ростислав Кощей вроде бы и объяснил, по какой причине он удивился так сильно появлению Добролюбова в Карповке, могло, как подтвердить, так и опровергнуть ёжкины догадки. И тут вдруг Злате подслушанный вчера разговор вспомнился.

«И вообще, почему ты ей сразу всё не поведал, а? Был же у тебя шанс всё объяснить, – спрашивал царь Кощей у зятя».

«Откуда узнали? – удивлённо спросил у него Зареслав».

«Сказала, что видела тебя, – коротко ответил ему Кощей».

Тут уж прямо всё так и указывает на верность её предположений. Только вот как с внешностью быть? Куда шрамы делись? Почему глаза янтарные, а волосы длинные, да в красноту к тому же? Ну, не может же такое случиться, что

эта самая, которая промежуточная ипостась, так от человеческого лица отличаться будет!? Или может?

Тут-то Ягую и накрыло озарение. У неё же в распоряжении цельный Змей есть, не её муж конечно, но для проверки своих догадок и Руслан сгодится. Баба Яга нарочито медленно обернулась к новоявленному родственнику и, предвкушающе улыбнувшись, смерила его взглядом. Княжич, продолжавший копать на книжных полках, плотоядного взгляд не заметил и заметить не мог, потому, как спиной к Злате стоял, но чутьё у Змея видать тренированное было и спустя два удара сердца, он обернулся и вопросительно уставился на девушку.

–Что? – спросил парень, зажав недочитанную страницу пальцем.

–Ничего, – широко улыбнулась Ёжка, внимательно оглядывая лицо парня и пытаясь как можно точнее запомнить его черты.

–Если ничего, тогда почему ты на меня так странно смотришь, будто размышляешь, откуда меня есть удобнее будет? – забеспокоился Змей Лиходольский.

–Страшно? – не удержавшись, хихикнула Бабка Ёжка, скорчила страшную рожицу и даже руки с невероятно скрюченными пальцами к нему протянула.

–Настораживает, – фыркнула Руслан, и впрямь совсем не убоявшись Яги. – Так чего хотела?

–Руслан, а Руслан, покажи свою промежуточную ипо-

стась! – почти умоляюще попросила Златослава.

Княжич, услышав просьбу Ягуси на мгновение поражённо застыл, явно не ожидая подобного. Через какое-то время удивление на его лице сменилось осознанием того, откуда девушка могла узнать про промежуточную ипостась, а после губы парня расползлись в широкой, почти от уха до уха, улыбке. Злата сразу поняла, что проказливая улыбочка предназначалась не ей, а скорее всего Зареславу.

– Не испугаешься, Ёжка? – не переставая улыбаться, спросил Руслан.

Яга только головой отрицательно покачала и выжидающе на княжича уставилась. Родственник новый Златке подмигнул, и вдруг лицо его поплыло, другого слова Ягуся и подобрать не могла. Так быстро это случилось и неожиданно, что Баба Яга поначалу зажмурилась, не поняв, что происходит, а как дошло до неё, тут же глаза распахнула, да на Руслана пристальный взор устремила. Жадно следила за изменениями, происходящими с лицом внука Змея Горыныча.

Златослава едва успела уловить тот момент, когда смена облика завершилась, и вот перед ней предстал наполовину человек, наполовину змей. Не сказать бы, что изменения в лице Руслана были разительными, но в то же время различие во внешности было ощутимым. Черты лица стали резче, на скулах, висках и шее были едва различимы золотистые и медные чешуйки. Волосы у княжича почти не изменились, разве что рыжие пряди стали сильнее заметны. Глаза же ста-

ли змеиными с вертикальным зрачком и двойными веками, но цвет в то же время совсем не изменился.

Ягуся внимательно вглядывалась в лицо Змея, силясь найти более значимые несоответствия с его человеческой внешностью, но таковых не имелось. Наблюдал за девушкой Руслан молча, и лишь тонкие губы его кривила едва заметная улыбка, причину, которой Ёжка знать пока не хотела.

–Всё? Насмотрелась? – уже открыто улыбаясь, спросил княжич, сверкнув внушительными клыками.

–Насмотрелась, – кивнула головой Яга и призадумалась.

Мысленно воскресив в памяти облик Зареслава и учителя Святозара, Ёжка пыталась найти между ними сходство. Баба Яга хмурилась, закусывала губу, но так и не могла подтвердить или опровергнуть свои догадки.

–Занятная книга, – вдруг вырвал её из плена собственных мыслей голос Змея, уже принявшего своё человеческое обличие.

–Что в ней занятного? – удивлённо поинтересовалась Злата, вглядываясь в обложку тёмно-коричневой кожи и пытаюсь вспомнить, что под ней скрывается.

–Здесь рассказывается о различных проклятиях, – охотно пояснил Руслан и, принявшись задумчиво перелистывать страницы, продолжил. – Вот, например, есть тут описание проклятого оружия. Представляешь, оказывается проклятие можно наложить, к примеру, на меч, после этого помимо раны, оружие отравит кровь каким-нибудь проклятьем. И про-

клятия разные такие бывают, какие-то на зрение влияют, какие-то страх притупляют, а некоторые долго не дают ранам затянуться, а ежели и получится пересилить проклятье, всё равно шрамы такие останутся, ни один целитель не сведёт. А представляешь, если на колчан со стрелами такое проклятие наложить?! Это ж целые отряды выкосить можно! Страх какой!

–А проклятие такое снять можно? – отрешённо полюбопытствовала Яга, внимательно вглядываясь в деланно беззаботное лицо нового родственника.

–Ну, как и со всеми проклятьями, выход один – нужно от источника избавиться, – пожав плечами, ответил Руслан и снова широко улыбнувшись, спросил. – Дашь книжечку почитать, а Ёжка?

–Я тебе уже говорила же, что можешь любые книги смотреть, – проворчала Златка и резко замолкла, накрытая озарением.

«...шрамы такие останутся, ни один целитель не сведёт», – прозвучали в её мыслях слова Змея. Это что же получается? Догадался княжич, для чего она, Злата, его ипостась сменить просила, и теперь подсказку ей дал, чтоб мысли в правильное русло шли?

Яга с подозрением взглянула на парня, увлечённо листавшего толстенный фолиант, но тот её взгляд проигнорировал, а быть может даже совсем и не заметил. Златослава снова нахмурилась, подумав, а вдруг эта «подсказка» и не подсказ-

ка вовсе. Вдруг, ничего нарочного в словах Руслана и не было, просто заинтересовался Змей книгой, а она себе напридумывала.

«Нет! – Ягуся даже головой тряхнула и тут уже её губы в улыбке расплылись. – Не бывает таких совпадений!» Просто хитрит Змей Лиходольский. Ой, хитрит! Вроде, как и Златку хочет в верном направлении подтолкнуть, и уж совсем откровенно тайну брата не раскрыть, а то, судя по услышанному вчера разговору, Зареслав двоюродного своего может и по шее приголубить, ежели тот его тайну выдаст. А тут вроде и не рассказал ничего лишнего, но и Яге подсказочку бросил.

Разулыбалась широко Баба Яга против воли почти что. Не хотелось ей, чтобы новый родственник понял, что она про подсказку его догадалась, только вот совладать с непокорными губами не могла. Более того, Злату так распирала радость, что сидеть на месте не было сил. Отчего-то осознание того, что учитель и её муж одно и то же лицо вызывало в Ёжке не шуточный восторг и отраду. Единственное, что не могла взять в толк Яга, по какой причине муж скрывает своё истинное лицо.

«Просто опасаясь, что она разочарована будет, или испугается...», – вспомнились слова Зареслава из подслушанного, не далее как вчера, разговора.

Глупая какая-то причина! Чего ей его бояться, тем более в человеческом обличии? Вот в промежуточной ипостаси, это да, боязно немного. Когтищи громадные, клыки, чешуя, да

глаза эти змеиные только простую деревенскую девку бы и в ужас привели, а девицу с волошбой знакомую таким сильно не напугаешь. Ну, а на счёт разочарования... С чего ей разочароваться? Муж колдун-воитель – это же мечта любой девицы-красы, за таким, как за стеной каменной, как у богов за пазухой. Не чета изнеженным царевичам и боярским сынкам. Они статные, сильные, с воинским делом знакомые, колдовству великолепно обученные, да и цену жизни знают, от таких подлости ждать не надо.

Эх-хех, не договаривает что-то муженёк. Ох, не договаривает! Видно другая, какая причина для скрытности есть. Но ничего, доберёмся, докопаемся. Златослава решительно хлопнула ладошкой по шкатулке, под руку попавшейся, и резко замерла, услышав тихий перезвон.

– Это ещё, что за напасть? – пробормотала едва слышно Ягуся, оглядываясь по сторонам и пытаясь выискать источник звука.

– Это не напасть, – рассмеялся Руслан, откладывая очередной талмуд обратно на полку, – это Зарик тебе письмо прислал. Открывай шкатулочку и читай! Можно даже вслух, а то мне тоже любопытно.

– Иди ты лесом! – огрызнулась Баба Яга, поднимаясь из-за стола и решительно направившись в кухню, где и оставила шкатулку.

Девушка стремительно пересекла спальню, прошла через дверь и, не мешкая, направилась к столу у окна, где звене-

ла серебряными колокольчиками мужнина шкатулка. Звон прекратился тотчас, как Яга подняла крышку и вынула обнаруженное внутри письмо, запечатанное золотистым воском с оттиском смутно знакомой печати. На печати красовался змей с нетопыриными крыльями, заключенный в круг из огненных языков. Внимательно изучив оттиск, Златка вспомнила, где видела подобную печать. Точно такая же, только с коронованным змеем и двойным кольцом пламени, была ей знакома, ещё с того времени, когда маленькая царевна любила копошиться в батюшкиной переписке. Кощей такого любопытства не поощрял, но и не запрещал любимой дочери рассматривать запечатанные воском конверты, чем Злата во всю и пользовалась.

Присев на край лавки, Ягуся осторожно распечатала письмо, настороженно поглядывая на дверь, ведущую в спальню. Помня слова Руслана о любопытстве, Ёжка боялась, что пытливый Змей прибежит интересоваться содержанием письма. Княжич никаких поползновений последовать за девушкой не делал, а судя по тихому шелесту страниц, продолжал копаться на ёжиных книжных полках. Она перевела дух и расправила письмо на коленях, вперив жадный взор в короткое послание, написанное мелким, чуть округлым подчерком.

«Здравствуй, душа моя! – замирая сердцем, читала Златослава. – Прости, что не смог написать тебе сразу, но неотложные поручения завладели всем моим временем и помыслами! И сейчас, выгадав свободные мгновения, я, по прав-

де говоря, не знаю с чего начать. Мать-Земля дала наказ познакомиться мне и тебе, да, только я о тебе знаю многое, а что о себе рассказать и не ведаю. Потому прошу, свет мой ясный, сама вопросы, тебя волнующие задавай, а я отвечать на них буду. И напиши непременно, что же случилось у вас в Избушке, после того, как мы с тобою расстались. Засим откланиваюсь!

Твой супруг, Зареслав.»

Дочитав и снова перечитав письмо, Баба Яга радостно улыбнулась. Попался, голубчик! Теперь можно с чистой совестью выведать у мужа всё, что ёжкину душу тревожит. Не отвертится он! Сам предложил вопросы задавать, вот она и задаст.

Свернув письмо и придавив его шкатулкой, Ягуся тихо-нечко проскользнула обратно в спальню и принялась собирать письменные принадлежности, стараясь не обращать внимания на насмешливо-снисходительный взгляд Руслана, который он, не стесняясь, ей демонстрировал. Писать ответ Зареславу вблизи его брата у Яги не было никакого желания. Чувяла, что шепутной княжич решится не только подсмотреть, что она пишет, но и поучаствовать в написании, ценными советами делясь. Потому-то и решила Ёжка, что писать будет на кухне, подальше от Змея.

Взяв чернильницу, песочницу и перья остро наточенные, да прихватив стопку листов, Златослава с независимым видом проследовала к кухонному столу. Положив на стол всё

добытое, девушка задумалась, о чём сперва писать. Вопросы ли начать задавать Змею Лиходольскому или его просьбу удовлетворить, да описать всё, что случилось? Поразмыслив, решила она, что, наверное, лучше с рассказа о дне минувшем начать, а уж потом и вопросы задать можно.

Взяла Бабка Ёжка в руки перо, обмакнула кончик в открытую чернильницу и принялась неспешно излагать на бумаге всё, что случилось с нею после обряда. Это занятие так увлекло Ягу, что она, не заметив, исписала три листа и, было потянулась за четвёртым, была остановлена голосом домовушки.

–Хозяюшка, отобедать надобно, да деточку нашу покормить, – произнесла Марфа, осторожно тронув Златку за рукав.

–Что? – растерянно посмотрела на неё Ягуся. – Уже?

–Так за полдень уже минуло, – улыбнувшись, проговорила домовая и поспешила на стол накрывать.

Вздохнув, Злата нехотя собрала исписанные листы с уже высохшими чернилами, сверху положила чистые листики, песочницу и чернильницу вовсе на подоконник убрала и только после этого пошла к собственному письменному столу, возле которого всё так же увлеченно копался в книгах новый родич. Княжич на мгновение оторвал взгляд от страницы, улыбнулся Яге и, собрался было, углубиться в книгу снова, но девушка пресекла его порыв.

–Обедать идём, – позвала парня Златка, положив стопку

листов подле шкатулке на стол. – Марфа уже на стол накрывает.

–Обед – это хорошо! – хищно улыбнулся Змей, сверкнув удлинившимися клыками, и вдруг напрягся. – Кто-то к куполу приблизился, – сообщил он вздрогнувшей Ёжке и пояснил, столкнувшись с недоуменным взглядом. – Я купол время от времени проверяю. Его плетение на расстоянии чувствует, когда кто-то приближается, но сигнал подаёт только в том случае, если в него стучатся вежливо, либо когда его проломить пытаются. Сейчас гость только к защите приближается, в шагах в пяти-шести он.

–Не тревожь мою Ягусю понапрасну! – строго проговорил Терентий, вальяжно ступая в сторону Златы. – Хмурич к нам явился, я его почувствовал сразу.

–Это как так сразу, ежели я Змей со всеми своими силами да чутьём не понял, кто к нам идёт? – язвительно поинтересовался у фамильяра Руслан.

–Не так значит слушаешь, – фыркнул кот, насмешливо прищулив зелёные глазища. – Когда леший приближается, сам лес словно бы звенит, чувствует его, хозяина, и приветствует.

–Хм, – задумчиво потерев подбородок, изрёк княжич и зажмурился, словно бы вслушиваясь в едва слышный шепот. – И впрямь звенит! Спасибо тебе за науку, Терентий! Сколько живу, а не знаю, что так распознать лешего можно.

–Встретишь? – нетерпеливо спросила Златослава, когда Змей замолк.

–Встречу, – покладисто кивнул он, вслушиваясь в звон купола.

–Сюда его сразу веди, – распорядилась Баба Яга и поспешила на кухню. – Марфуш, к нам Хмурич пришёл, ты ему тоже тарелку приготовь, пожалуйста!

–Конечно, хозяйюшка! Я мигом! – разулыбалась маленькая женщина и поспешила исполнить указание.

К тому моменту, следовавший по пятам за Ёжкой, Руслан уже успел натянуть сапоги, набросить на плечи плащ и выйти в сени. Ягуся присела перед накрытым столом на стул и уставилась в окно, наблюдая за тем, как топчется по ту сторону купола знакомая фигура лешего, и как стремительно шагает по тропинке Змей. На границе купола они встретились, обменялись какими-то фразами и крепким рукопожатием и вот уже Хмурич беспрепятственно перешагнул границу и вместе с княжичем направился к Избушке-на-Курьих-Ножках.

–Здравствуй, Златка! – поприветствовал с порога девушку леший.

–Здравствуй! – лучезарно улыбнулась ему Златослава и распорядилась. – Раздевайтесь и садитесь! Обедать будем.

–Заманчиво, – мечтательно протянул Хмурич и со вздохом проговорил. – Только вот я тут по другому делу.

–Садись-садись! – не стала слушать возражений Яга. – За едой и поговорим, а то стынет всё.

–Умеешь ты уговаривать, – усмехнулся мужчина, сняв

верхнюю одежду, и направился к столу.

После того, как оба мужчины сели за стол, да голод первый утолили, принялся Хмурич рассказывать по какому делу он пришёл. Правда Злате пришлось его почти тут же прервать, потому как из спальни, где остался приглядывать за Василисой Реня, донеслась возня и тихий, но прекрасно слышный и в кухне, голос фамильяра, известивший, что малышка изволила проснуться. Бабка Ёжка поспешила к дочке, подхватила её на руки и вернулась за стол, где домовая тут же подала ей молока для маленькой. Когда девочка с довольным причмокиванием принялась за еду, леший с улыбкой погладил Василису по голове и заговорил:

–Прислал меня к тебе Яков...

–Что-то случилось?! – перебила его Яга, но заработав укоризненные взгляды от Руслан и Хмурича чуть смущённо проговорила. – Прости, пожалуйста! Продолжай.

–Прислал меня к тебе Яков, вот по какой причине. Сегодня утром отряд колдунов, обследующий пещеру, наконец, нашёл нечто интересное. Глубоко они под гору спустились и наткнулись в одном месте на свежий обвал, камни так и пляшут ещё. Но самое важное, даже через толщу этих глыб чувствуется волошба тёмная. Думают парни, что нашли то место, откуда туман на нас наслали, – рассказывал леший, глядя то Златку, то на Змея. – Чтобы разобрать глыбы каменные им седмицы две-три потребуется, ежели конечно без колдовства, а уж если с колдовством, то седмица одна точно.

Только волошбу творить они не хотят, боятся, что ловушки могли остаться. Не дурак же ентот чернокнижник был, что там куролесил. Наверняка пакость какую приготовил для тех, кто в его дела сунется. Потому то и не хочет Яков к волошбе прибегать, ручками расчищать будут. Дело это конечно трудное, но они ребята крепкие, выдюжат. А ещё он меня просил передать тебе Ёжка, вот что. Считает Яков, что когда обвал, наконец, уберут, тебе бы Ягусь и дочке твоей хорошо бы как можно дальше быть от этого места, а то мало ли что случится, всё же лич по твою душу приходил.

—Ну, и как же я, по его мнению, должна от места этого удалиться, ежели царь-батюшка мне строго настрого запретил Избушку покидать? — вздохнув, поинтересовалась Златослава.

—Яков твой вопрос предугадал и заявил, что с батюшкой твоим сам побеседует, да объяснит причину, по которой тебе со всей твоей Избушкой в сторону земель Змея Горыныча следует двинуться, — охотно ответил на её вопрос Хмурич.

—И как же он это себе представляет? — насмешливо фыркнула Баба Яга. — Я на своём горбу что ли, Избушку должна тащить?!

—Ох, и бестолковая же Ёжка мне досталась! — громко посоветовал Терентий, присоединившийся ко всей честной компании в тот момент, когда Злата дочку кормить начала. — Вот скажи мне, Ягуся моя, зачем твоей Избушке нужны куриные ножки?

–Чтобы стоять? – растеряно предположила Яга и усадила накормленного ребёнка себе на колени.

–Чтобы стоять, Избушки ножки не нужны, – покачал головой фамильяр и назидательно произнёс. – Ножки Избушке нужны, чтобы ходить, а иногда даже бегать.

–Ты, что же хочешь сказать, что она ими и впрямь ходит?! – опешила девушка, с неприкрытым удивлением вперив взгляд в невозмутимую кошачью физиономию.

–Именно, Ягуся моя. Именно, – подтвердил Реня и, фыркнув в усы, сжалился над подопечной. – Я тебе потом расскажу, как такое случается, а пока давай-ка Хмурича дослушаем.

Златка кивнула, закусив губу с досады. Вот как так, а? Она Яга или нет?! Вроде Яга, а получается так, что все вокруг о ягушинских особенностях и силе знают больше неё. Надо срочно садиться книги штудировать, а то аж стыдно становится, что оказывается самого простого она Баба Яга и не знает.

–Да, уж собственно всё и сказал, – пожал плечами леший и заулыбался, когда маленькая Василиса требовательно протянула к нему крошечные ручонки. – Яков сказал, что сегодня вечером с Ростиславом Всеволодовичем свяжется, а уж завтра поутру ты с батюшкой сама поговори, хотя, быть может, он с тобою первый пообщаться захочет. Словом, уже с царём будешь решать, как тебе от опасностей этих подальше обратиться и каким образом это лучше делать.

–Ежели всё так, то вскоре у нас тут дел будет невпроворот, – задумчиво произнесла Ягуся, передав Хмуричу ребёнка с рук на руки.

–Не тревожься, Ёжка! У тебя же есть я, чем смогу, помогу! – утешил девушку не умеющий унывать княжич Лиходольский.

Глянув на улыбающегося от уха до уха Руслана, Злата не удержалась и улыбнулась в ответ, подумав, что с таким помощником может всё и не с первого раза сладится, но уж точно с ним не заскучаешь. Змей будто проследив за ходом ёжиных мыслей, озорно подмигнул ей и тут же развернувшись, принялся с лешим беседу беседовать, будто и не он тут подмигивал, почти обещая какую-то каверзу. Яга прыснула в кулачок, когда княжич, на мгновение оторвавшись от разговора с Хмуричем, украдкой бросил на родственницу очередной полный озорства взгляд.

Разговор Руслана с лешим был не долгим, Хмурич заторопился обратно в свои лесные владения по дюже важному делу. Мужчина передал девушке ребёнка, пообещал, что скоро ещё заглянет и, распрощавшись, покинул Избушку-на-Курьих-Ножках. Но Василиса на руках матери не задержалась. Юркий Змей умыкнул из рук Златы малютку и отправился с ней в спальню, собираясь развлекать её и развлекаться самому. Судя по довольному лицу, княжич получал от общения с девочкой ничуть не меньше удовольствия, чем сама кроха. Эти двое похоже на ближайшее время будут заняты, а значит

у неё, у Ёжки, есть возможность расспросить Терентия по поводу возможностей родной Избушки, да и письмо супругу недописанное лежит.

–Ну, Ренечка, давай, просвещай меня, – вздохнув, попросила Златослава и присела рядом с котом на лавку.

–В чём? – делано невозмутимо переспросил фамильяр, сверкая лукавыми зелёными глазищами.

–В том, как Избушку нашу ножками ходить заставить, – из груди девушки вырвался очередной вздох.

Ёжка положила локти на стол, подперла ладонью щёку, приготовившись слушать. Терентий смерил её насмешливым взглядом, потом с преувеличенным интересом принялся рассматривать кончик собственного хвоста.

–Ягусь! А, Ягусь!?! – передразнив вздох Яги, наконец, вымолвил Реня. – Вот скажи кто из нас двоих Баба Яга?

–Ренечка, солнце моё, давай не будем начинать размышления о том, кто из нас Яга, а так же чему именно я училась в Академии, – миролюбиво предложила Златка и попросила чуть погодя. – Ты мне просто расскажи, что сам знаешь, а там дальше я уж как-нибудь сама соображу, что делать.

–Ладно, Ягусь, уболтала! – насмешливо фыркнул фамильяр и, подмигнув, заявил. – Расскажу, так уж и быть.

А после поведал ей верный Терентий то, что сам знал. Знал потомственный фамильяр не так уж и много, в силу того, что прежде с Ёжками близкого дела не имел, а вот с ведьмами, да колдуньями знался. Только и этого Бабе Яге

хватило, чтобы понять, в каком направлении искать нужные сведения. Вспомнились девушки те книги, что она мельком просмотреть успела, в нескольких из них возможно и найдётся ответ на интересующий её вопрос, да и Летопись расспросить можно. Хотя древний Ягушенский фолиант и имел прескверный характер, Злата почему-то была уверена, что такую малость, как способ общения с собственной Избушкой, Летопись ей объяснит. Но это девушка решила пока отложить, другое более важное, по её разумению, дело ждало своего часа.

Златослава вновь вернула на натёртый трудолюбивой домовушкой обеденный стол приборы для письма и листы бумаги. Обмакнула перо в чернильницу, да так и застыла, осознав, не ведает она, что дальше писать. На волне радости от полученного письма, написанного супругом, Ягуся с лёгкостью расписала все свои давешние приключения, а вот какие вопросы задать Зареславу, она так и не придумала. Нет, ну, а что? Не спрашивать же напрямик у мужа, не Святозар ли он Добролюбов-то?! А вдруг ошиблась она, вдруг княжич и учитель совершенно разные мужчины?! Вот стыдобища будет! Нет, тут напролом переть нельзя. Хитрее надо быть. Да и не зачем Зареславу о её догадках знать.

С этими мыслями Златка, прикусив губу, осторожно стряхнула лишние чернила обратно в чернильницу, попробовала перо на испорченном листе и принялась писать. Осторожно и аккуратно выписывала буквы, ладно складыва-

ющиеся в слова и не слишком ладно соединявшиеся в предложения.

«И ты здравствуй, супруг мой! – писала Яга, от усердия высунув кончик языка, как в детстве. – Надеюсь, что ты находишься в добром здравии, ибо для решения трудных вопросов нужна ясная здоровая голова. Пишешь ты мне, чтобы я вопросы тебе задавала, да только вот сама я в затруднении нахожусь, что такого у тебя спросить, чтобы ясности добавить. Пожалуй, перво-наперво интересна мне, причина, по которой ты обиду, нанесённую тебе, забыть решил, простил глупую девку, да помог ей в пору трудную. В благородстве твоём у меня сомнений нет, да вот только, не одно оно причиной стало. Ответь, почему именно на меня твой выбор пал? Ответь пока на этот вопрос, а уж после этого и новые вопросы у меня появятся».

Тут Бабка Ёжка отложила перо на мгновение и задумчиво перечитала, послание. Поморщилась, уж больно коряво получилось мысли свои изложить, но переписывать не стала, решив, что чем больше она будет править, тем меньше смысла в письме окажется, уж она-то себя знает. Всегда у неё так, чем больше раздумываешь, да мысли свои правильно изложить пытаешься, тем меньше понятного для окружающих получается.

Печально вздохнув в очередной раз, Златослава обмакнула перо в чернильницу, решив, что обязательно надо попросить прощения у Зареслава за её гадкий поступок при его

первом сватовстве. Как порешила, так и сделала, умудрившись на целый лист извинений накатать, уж больно старалась Ягуся объяснить супругу своему, как стыдно ей от того давнего поступка. В самом конце Ёжка приписала, что рассказ о событиях минувшего дня на отдельных листах прилагается, да попрощалась, да скорее листы песочком посыпала, высушила, свернула и, думая о Зареславе, в шкатулку листочки быстренько засунула, более не перечитывая. Эх, ладно! Пусть будет, как есть! Ведь начнёшь перечитывать, решишь переписать, а начнёшь переписывать затянешь это дело надолго, и придётся супругу ответ целую седмицу ждать, ежели не больше. А так, может мужа своими глупостями да ошибками повеселит, а то уж больно у него вчера голос был тревожный да усталый.

Тихий перезвон сообщил о том, что письмо отправилось адресату, но проверить всё же не мешало бы. Златка осторожно приоткрыла крышку, до сего момента крепко прижатую обеими её ладошками, и заглянула внутрь. Шкатулка была пуста. Закрыв крышку, Яга посидела ещё некоторое время и снова заглянула внутрь, но так ничего и не обнаружила.

—Ответит он тебе как сможет, — поспешил успокоить свою Ёжку Терентий, осторожно касаясь мягкой лапкой руки девушки.

—Знаю, — кивнула она и, зажмурившись, выпалила. — Просто тревожусь я..., такие глупости написала, вдруг обидела

его или...

–Так, Ягусь, панику отставь! – прикрикнул на расстроенную девушку фамильяр и строго так спросил. – Ну-ка, скажи мне, сердцем писала? – и, дождавшись ещё одного кивка от подопечной, назидательно проговорил. – Значит, не обидела, это точно. У тебя сердце доброе, Ёжка. Глупенькое иногда, само не понимает, что ему надо, но доброе, обидеть того кто дорог не сможет.

–А с чего ты решил, что дорог мне Зареслав? – удивлённо и самую малость смущённо полюбопытствовала Яга.

–С того, что щечки при его упоминании у тебя розовеют, а глаза светятся, – фыркнул кот добродушно и тут же перешёл на командный тон. – А теперь, Ягусь, заканчивай страдать и принимайся-ка за дело! Тебе ещё учиться надо, как Избушку с места насиженного сдвинуть.

–И впрямь, – с улыбкой согласилась Баба Яга и решительно направилась на чердак.

Глава 12. Мы поедем, мы помчимся во Избушке утром ранним!

–Избушечка, подними правую ножку! – молила Златослава, с надеждой глядя на свою Избушку-на-Курьих-Ножках, упорно стоявшую на одной лапке.

Сзади послышался смешок Руслана, который прекратил играть с Василисой в Большого Змея и теперь вместе с девочкой с интересом следил за Ёжкиными потугами наладить общение с Избушкой. Малышке, уютившейся на руках кня-

жича, всё вокруг было в новинку, и она, то и дело переводила взгляд с любимой матушки, на перелетевшего с ветки на ветку снегиря или на бельчонка, усердно обгрызающего большую еловую шишку. Вид у Василисы при этом был настолько забавным, что Яга не удержалась, улыбнулась глядя на доченьку. Потешности малютке добавлял и наряд, старательно подобранный переживающей о дитятке матерью вкупе с домовушкой. Девочка была обряжена в две пары штанов, одни были вязанными из козьего пуха, другие сшиты из плотной добротной шерсти, в шерстяную рубаху, вязаную кофточку и тёплый заячий тулупчик. На головку дочери Баба Яга нацепила шапку вязанную, пуховый платок, а сверху водрузила меховую шапочку привезённую Кошчем вместе с тулупчиком. На ногах малышки красовались крохотные замшевые сапожки, надетые на две пары тёплых носочков. И ничего страшного, что Василиса ещё и стоять не умеет! Сапожки всё равно пригодились, вон Змей время от времени ставит кроху на снег, осторожно, но при этом крепко придерживая её руками.

Златка перевела взгляд на невозмутимого на первый взгляд Хмурича, пришедшего вроде бы поддержать Ёжку, но почему-то старательно скрывающего широкую ухмылку. Безуспешно скрывающего, потому что, как бы он не прикрывал ладонью рот, кончики губ предательски виднелись и глаза, в которых плескались целые полчища смешинок, тоже спрятать не получалось. Яга нахмурилась и перевела взгляд

на Терентия, сидевшего на нижней ветке ближайшей сосны. На мордочке фамильяра пребывало выражение полнейшего страдания.

– Ягусь, – простонал кот, укладываясь на ветке и прикрыв на мгновение мордочку лапками, – бедная Избушка уже четверть часа на правой лапке стоит! Прекрати издеваться над нашим домом, а то жить негде станет!

– Ну, как же на правой, когда она на левой стоит! – возмутилась Бабка Ёжка, всплеснув руками.

– Злат, ты бы отдохнуть сходила, а то заучилась, похоже, – вздохнув, проговорил Реня, снова усаживаясь на ветке, и мягко напомнил девушке. – Избушка напротив тебя стоит, а значит, её правая нога будет, как в зеркале, противоположной твоей правой ноге.

Услышав его слова, Яга сначала задумалась, пытаясь осознать сказанное. Все окружающие затихли, давая Ёжке время понять, что не так, и ожидая её реакции. Постояв пару секунд Златослава неожиданно весело расхохоталась, осознав свою оплошность.

– Избушечка, хорошая моя, опусти лапку! – сквозь смех обратилась она к своему колдовскому домику. – И прости, пожалуйста!

«И впрямь заучилась!» – не переставая смеяться над собственной ошибкой, подумала Баба Яга.

Последние две седмицы Златка старательно осваивала премудрости обращения с Избушкой-на-Курьих-Ножках,

основываясь на записях Яги Парфирьи, с которой с недавнего времени начала переписку по совету Летописи, наотрез отказавшейся в чём-либо помогать молоденькой Яге. Объяснила она это тем, что Злата так и не исполнила главное условие, выставленное зловредным фолиантом: не погостил у неё колдун-воитель. Сколько бы ни спорила по этому поводу с Летописью девушка, ничего не добилась. Книга посоветовала обратиться к какой-нибудь Яге за советом, на том и замолкла и на вопросы больше не отвечала.

В тот же вечер, разругавшись в пух и прах с ехидной Летописью, Ягуся села за написание нового письма, уже не мужу, а незнакомой ей женщине. Писать Бабе Яге оказалось куда проще, чем собственному супругу и письмо вышло на диво складным и потому Злата даже не испытывала никакой неловкости отправляя его с помощью колдовской шкатулки. Парфирья ответила быстро, будто ждала, что Златослава ей напишет и у неё уже был заранее заготовленный ответ. С того дня Ёжки почти каждый день обменивались письмами, в основном касающимися их ремесла, Злата задавала вопросы, а Парфирья ей незамедлительно и подробно на них отвечала.

Общение с другой Бабой Ягой доставляло девушке удовольствие, да и пользу несло не малую, что нельзя сказать о собственном муже. На самое первое письмо муж ответил только через пяток дней, вызвав в душе молодой жены сперва тревогу, потому жгучую обиду, а после получения короткого, явно написанного впопыхах, послания лёгкое беспо-

койство за слишком занятого делами Змея и невозможное, просто всепоглощающее счастье, когда она прочла ответ, на свой вопрос. «Была ещё причина, ты, верно, подметила, душа моя, – писал Зареслав. – Причиной этой было то, что влюбился я в тебя, как мальчишка». Эти строки Яга готова была перечитывать снова и снова, в первый же день, чуть не затерев послание до дыр, чем вызвала не обидные, но нервирующие смешки со стороны Руслана.

Позже Ягусе удалось написать супругу ещё только раз, потому, как теперь и она сама, а не только княжич Лиходольский, была занята, постигая науку ягушенскую. Примерно на третий день общения с Парфирьей, та предложила Злате на время предоставить собственные заметки, которые каждая уважающая себя Ёжка составляла на случай, ежели вдруг подмену себе вовремя не найдёт и следующей Яге придётся самой науку постигать. Очень удивлена была Яга Парфирья, узнав, что подобных заметок в своей Избушке Златка не сыскала. После этого предложения минуло ещё четыре дня, на исходе последнего, Хмурич, совершивший вылазку до чужой Избушки, передал в руки Златославы увесистый фолиант сероватой кожи с оправленными медью уголками, от корки до корки исписанный мелким убористым подчерком и снабжённый подробными картинками, исполненными, по-видимому, той же рукой. С тех пор Ягуся потеряла покой, поглощённая новыми знаниями, да так увлеклась, что её порой все обитатели Избушки чуть ли не насильно заставляли

поспать и поесть.

Единственная, кто помимо учёбы, могла отвлечь Бабу Ягу, являлась Василиса, каждый день требующая всего маминого внимания. Малышка уже уверенно держала голову, сидела и даже довольно шустро ползала, заставляя ежеминутно за ней приглядывать кому-то из взрослых. Так как бодрствовала девочка теперь дольше, то и пригляд ей нужен был постоянный, весомой подмогой тут пришёлся Руслан, с радостью возящийся с крохой, но при этом ещё и умудряющийся исполнять наказ брата и просматривать ёжкины книги. Вот так и жили, покуда крайний срок не вышел.

На следующий день после того как Хмурич сообщил Бабе Яге об обвале, обнаруженном в пещерах под Ветряным кряжем, прямо поутру связался с дочерью Ростислав Кошей, да подтвердил, что Злате и впрямь надобно будет вместе с Избушкой-на-Курьих-Ножках в другое место перебираться, подальше от кряжа, поближе к мужу, в земли Змея Горыныча. Сообщил Ростислав Всеволодович так же, что с новыми родичами связался и договориться успел, что в день, когда Яга свой домик волшебный на новое место будет вести, присматривать за ней и оберегать на это время придут ещё трое Лиходольских княжичей, братьев двоюродных Зареслава. Они конечно все тоже Змеи занятые, у каждого свои дела неотложные, но безопасность невестки новоявленной важнее. Словом, как только договорится Ёжка со своей Избушкой, так Руслан братьям знак даст прилетать. Да и

часть колдунов, что на постое в ближайших селениях стоят, тоже присоединятся к помощи с переселением.

Как раз прошлым вечером от Якова весточка пришла. Сообщал колдун-воитель, что две трети завала уже разобрано и теперь работу пришлось чуть замедлить, ловушек опасаясь, но не более десятка дней у Златки в запасе будет. Избушка-то не птичка перелётная – тут взлетела, да по ту сторону села! Избушке время надобно, чтобы ножками до обозначенного места добраться, которое по просьбе Кощея и со Златиными уточнениями выбирал Хмурич. Да и само место надобно подготовить, круг защитный начертать, камнями защитного купола место оградить. Последним обещал заняться Яков самолично. Словом, все при деле оказались.

–А знаешь, чего тебе, Ёжка, сейчас не хватает? – неожиданно вырвал девушку из дум голос Руслана.

–Чего? – рассеяно поинтересовалась Златослава и тут же взвизгнула, получив за шиворот изрядный ком снега. – Ах ты, Змей плешивый!

–Я не плешивый! – давясь смехом, возразил княжич, вручил маленькую Василису лешему и приготовился удирать от заслуженной мести.

–Сейчас будешь! – злобно прошипела Ёжка, сгребая рукавичками снег и скатывая его в плотный ком.

–Опускаться до мести, недостойно княжны Лиходольской! – выкрикнул парень, уворачиваясь от полетевшего ему в отместку снежка.

–Точнее целься! – подзадоривал свою Ягусю забравшийся повыше Терентий и для пущей безопасности спрятался в густых еловых ветвях. – В голову его дурную меть! В голову!

–Не надо в голову! – возмутился Змей, петляя вокруг Избушки, как спасающийся от лисы заяц.

–Действительно, – вдруг согласился Реня и ехидно заметил, – ещё зашибёшь, а он нам может пригодиться.

–Вот именно! – на бегу подтвердил Руслан, но вдруг поскользнулся на стоптанном до состояния льда снегу.

Пытаясь удержать равновесие, княжич замешкался и тут же получил увесистым снежком промеж лопаток и, не удержавшись, рухнул в сугроб, где его настиг ещё один снежный ком. На этот раз целилась Яга лучше, и снежок попал аккурат за шиворот родичу. Змей, конечно же, как Златка визжать не стал, помня, наверное, о том, что он всё же мужчина, а лишь только шумно втянул воздух через плотно сжатые зубы и резко перекатился на спину. Об этом Руслан тут же пожалел, потому, как раззадоренная Ёжка загребая обеими руками снег, обрушила на лежащего княжича целую лавину, погребя лицо Змея под внушительным снежным сугробом.

–Значит война?! – одним слаженным движением поднявшись на ноги и освободившись от снега, злорадно спросил он.

–Э-э-э, Руслан, я с тобой всего лишь сквиталась, – попыталась напомнить ему Баба Яга, принявшись осторожно пятиться от мужниного брата и лихорадочно соображая, успеет

или нет добежать до Избушки и спрятаться от зловредного Змея за её надёжными стенами.

–Нет, Ягусь, ты значительно превысила дозволенную для мести меру, – ехидно заметил парень, неспешно наступая на заметно нервничающую Ёжку. – Словом, за свои поступки, дорогая моя родственница, надо отвечать по всей строгости.

–Руслан, я же тебе это припомню! – попыталась пригрозить девушка в ответ, но заметив запредельно довольную улыбку Змея, быстро приняла решение о бегстве.

–Э-э, нет, Ягусь, я тебя не отпускал! – быстро догнав и изловив её, с весёлым смешком сообщил Златке княжич.

–Ты, что делать собираешься?! – вознегодовала Бабка Ёжка, пытаясь вырваться из его рук.

–Отпускать, – невозмутимо сообщили ей.

–То есть как, отпускать? – озадачилась и даже немного растерялась Яга.

–А вот так, – ласково-ласково заявил Руслан и без усилий закинул от души взвизгнувшую Златославу в самый глубокий сугроб.

В сугроб Злата провалилась бы по самый пояс, если бы приземлилась стоя. Но так, как кинули её довольно бесцеремонно, приземлилась Баба Яга на попу и завязла в снегу по уши. Долю мгновения девушка сидела не двигаясь и растеряно моргая, ровно до того момента, как набившийся в сапоги, рукава и за шиворот снег не принялся дружно таять. По-

давив в себе ярое желание выругаться, Злата медленно поднялась на ноги и окинула взглядом поляну возле Избушки.

– Так, Василиска, пошли-ка домой! – поспешил в сторону крыльца Хмурич, бережно придерживая на руках ребёнка, и мечтательно протянул. – Марфа, наверное, заклятье своё с вещей сняла, да пироги печёт.

– Ага, у неё ещё рыбка оставалась, – подтвердил Терентий, осторожно спрыгивая с ветки на плечо лешему, – она ущицу сделать собиралась, мур-р-р.

На поспешное отступление фамильяра и лешака вместе с малюткой, Златка глянула с удовлетворением и перевела уже недобрый взгляд на Змея Лиходольского. Руки девушки произвольно потянулись, загребли побольше снега и слепили внушительный снежный комок, который без каких-либо лишних слов полетел прямо в лицо Руслану. Ответа от княжича ждать долго не пришлось. Через полчаса перед взорами мирно трапезничающих домочадцев появились две фигуры, так густо облепленные снегом, даже чуточку покрывшимся корочкой льда, что Руслана и Златославу в них можно было узнать с трудом.

Обычно добродушная и заботливая домовушка, смерила прищуренным взглядом начавший таять снежок на сапожках двух вояк, после чего взяла веник и направилась к своей хозяйшке и её родичу. Подойдя почти вплотную к ним, маленькая женщина с мрачным видом вручила Змею веник и выразительно указала обоим на дверь в сени. Ёжка и княжич

слаженно переглянулись и со вздохом побрели назад, туда, откуда пришли.

Стоило только раздаться скрипу входной двери, как снаружи донеслись глухие удары и едва слышные возмущённые голоса: то Златки, то Руслана. Домовушка тоже времени не теряла, быстро вытерла тряпкой лужицы от растаявшего снега, повесила намокший половичок сушиться у печки и приготовила две пары домашней обуви. Когда Ягуся и княжич уже избавившиеся от лишнего снега и теперь вполне узнаваемые, снова появились на пороге кухни, то немедленно подверглись придирчивому осмотру Марфы. Под зорким взглядом домовой Ёжка и Змей чуть устыдились своей детской выходке, а когда она строго кивнула им, мол, раздевайтесь, давайте, с облегчением выдохнули.

Скоренько сняв промокшую почти насквозь обувь и верхнюю одежду, натянув домашнюю обувку, Златка с Русланом тихонечко, как мышки, проскользнули к столу, где их уже ждали плошки с наваристым супом, кружки горячего травяного отвара и ещё дышащий жаром пирог. Ели молча и быстро под насмешливым взглядом Хмурича и сонным Василисы, Терентий же делал вид, что дремлет, но блеск зеленущего кошачьего взгляда, то и дело ловили на себе и Злата, и княжич.

–Теперь можно и о деле поговорить, – отставив от себя пустую кружку, проговорил Змей и подмигнул Бабе Яге. – У тебя, Ягусь, уже с Избушкой договориться получилось, а

значит и времени терять более нельзя. Я сегодня же с дедом свяжусь и попрошу братишек к нам прислать с охранными камнями, потом с Яковом пообщаемся, он нам знаки обережные колдовские начертать обещался в том месте, где Избушка стоять будет, пора ему этим делом заняться. Ну, а нам следует решить, кто как до места добираться будет.

–До места добираться, – задумчиво повторила Златослава и обратилась к домовушке. – Марфушка, скажи, как тут было, пока я с Избушкой силы пробовала?

–На чердаке всё волошбой прежних Яг пропитано, там вещам ничего не грозит. Не разобьются они, не сдвинутся, – отозвалась маленькая женщина, натирая глиняный бочок кувшина, – а здесь я своею силою всё на местах держать смогу, вот только... – Марфа задумчиво нахмурилась. – Как бы тебе объяснить, хозяйюшка? Всё что тут, внутри Избушки останется, застынет, будто мошка в янтаре. С людьми то же самое произойдёт.

–Ясно, – кивнула словам домовушки Яга и, повернувшись к Змею, произнесла. – Значит, внутри Избушки нам передвигаться не получится, мне надобно будет её направлять. Что я сделать смогу, ежели внутри буду, как мошка в янтаре? Ничего, вестимо. Вот Василису с собой мне брать не стоит. Не хватало ещё ребёнка на кочках болотных растрясти.

–Так, а я вам на что?! – почти обиженно спросил парень. – Я Змей быстрый, домчу до места, моргнуть не успеешь!

– Ты это, давай-ка без твоего «домчу», – погрозила пальцем Баба Яга. – Ребёнка мне на ветру застудишь ещё, да образиной своей чешуйчатой напугаешь.

– Это у кого образина?! У меня?! – уже взаправду обиделся княжич Лиходольский. – Да меня ещё ни один ребёнок в змеиной шкуре не забоялся! И Василиска, будь спокойна, не заботится!

– Ладно! Ладно, верю, – поспешила успокоить родича Злата и со вздохом согласилась. – Мчи, только очень осторожно, а то, ежели что, я с тебя шкуру спущу и не посмотрю, что ты Змей и брат Зареслава.

– Не страшись, Златка, я буду очень осторожен, – без тени усмешки пообещал Руслан и подвёл итог. – Решено значит, что ты с Избушкой будешь до места добираться, с тобой Хмурич останется, и кто-то из братиков подстрахует. На мне Василискина безопасность и тоже кто-то из братьев неподалёку будет. Колдуны на протяжении всего пути нас сопровождать будут, а Яков на месте станет дожидаться, чтобы помочь Избушку разместить, да купол зачаровать.

– Рень, ты со мной или с Русланом будешь? – обратилась к фамильяру девушка.

– Куда же я от тебя, Ягуся моя, денусь, – фыркнул кот и, зевнув, продолжил, – кто-то же должен за тобой присматривать.

– Вот и славно, – улыбнулась Ёжка, поднявшись из-за стола.

На том и порешили. Хмурич сразу же после этого разговор обратно в лес отправился, ещё раз осмотреть решил полянку, куда вскоре переберётся Избушка-на-Курьих-Ножках. Руслан, выудив из поясного кошелья кристалл, принялся с дедом связываться. А Златослава бережно покачивая заснувшую Василису, направилась в спальню, чтобы её уложить в колыбель. Терентий последовал за своей подопечной, вознамерившись тоже вздремнуть.

Уложив ребёнка, Ёжка засела за изучение заметок Яги Парфирьи, особенно её заинтересовала та часть, где описывалось создание и обращение со ступой и помелом. Мысль о том, что она сама сможет когда-нибудь летать, не давала покоя непоседливой Бабке Ёжке. Она даже принялась прикидывать в уме, из какого дерева будет сделана её ступа и метла, как вдруг неожиданно задумалась о том, кто эту ступу собственно делать будет. «Ничего, – с усмешкой подумала Ягуся, – у меня же вроде как муж имеется, вот пущай он и сладит мне ступу-то». Домыслив это, Злата прыснула в кулачок и стала листать ёжкины заметки дальше.

Много чего любопытного нашла Баба Яга на страницах чужой книги. Узнала она о том, что ежели правильно попросить, то любой зверь али птица помочь смогут, трав ли каких собрать, орехами да ягодами поделиться, проследить за кем-то или проводить до нужного места. Да мало ли, что вообще Яге потребоваться могло! Так же наткнулась Ёжка на описание того, как клубочек путеводный создать можно и припис-

ку о том, что волошба такая будет действительна только тогда, когда Баба Яга точно знает, где требуемое находится должно. Обратится к Яге молодец какой в поисках меча волшебного, к примеру, так ей для того, чтобы ему клубочек путеводный справить, нужно чётко знать, где меч тот сокрыт. Без этого никак. А чтобы узнать, где меч утаён, Яга сперва должна обряд поиска сотворить, а уж потом клубок чаровать.

Прочитав небольшую приписку после записей о клубке да обряде поиска, Злата долго не могла прекратить весело похихикивать. «Дабы не ронять в глазах люда простого славу нашу ягушенскую, надобно просителя от дум насущных отвлечь: накормить, напоить, в баньке попарить, да спать уложить, – гласила запись Яги Парфирии. – Пока он всем этим занят будет, можно успеть и обряд поиска справить, и клубочек зачаровать, а самое важное, что никто не догадается, что Яга про его беду первый раз слышит. После этого люд уверен будет, что нет никаких тайн для Бабы Яги».

Наткнулась Златослава и на другую, совсем уж не смешную запись, повествующую о Исподнем Мире и сущностях, его населяющих. Говорилось ещё и то, что каждая Баба Яга является разом и ключом, и вратами, и привратницей в этот мир, но самой туда ей хода нет, как и любому живому существу. В то же время обязана Ёжка в Исподний Мир провожать тех, чей срок под Отцом-Небом и на Матери-Земле истёк, но что-то или кто-то мешает им с белым светом проститься. Представила себе это Злата и даже поёжилась от хо-

лодка, по спине пробежавшего, но пропускать написанное не стала, прочла всё. Вдруг да понадобится знание!

–Златка, ау! Ты чего не слышишь что ли?! – оторвал Ягу от изучения новых знаний, так и лучащийся радостью Руслан.

–А ну-ка, цыц! Ребёнка разбудишь! – в полголоса прикрикнула на него девушка, не поднимая головы.

–Мама! – внятно и совсем не сонно произнесла Василиса.

–Ой! – растеряно выдала Ёжка, когда подняв голову, увидела, что дочка на руках у Змея сидит.

–Вот тебе и «ой», – с задорной усмешкой выдал княжич и, наклонившись к уху малышки, принялся тихим голосом объяснять. – Заучилась, Лисёнок, твоя мама, ничего вокруг не замечает, право с левом путает...

–Ты как её назвал? – опешила Злата. – Какой ещё Лисёнок?!

–Так, Баба Яга, не возмущайся! У ребёнка должно быть прозвище домашнее, – принялся шутливо отчитывать Ягу Руслан, – у всех детей такое есть. Скажешь, у тебя не было?

–Было, – нехотя созналась Златослава

–Какое? – тут же проявил любопытство Змей.

–Не твоё дело, – хмуро отрезала Бабка Ёжка и сразу же потребовала от парня ответа. – Почему лисёнок? Она не рыжая же?

–Потому что Лиска-Василиска, потому и Лисёнок, – самодовольно скалясь, выдал он. – К тому же племяшка у меня

ещё та хитруля, словом настоящий лисёнок. Что не нравится, что ли? А я так старался...

—Ой, замолчи уж, балабол! — фыркнула Ягуся, как-то вмиг успокоившись и благодушно, но, тем не менее, с долей ехидства произнесла. — Зато я догадываюсь, какое прозвище было у тебя в детстве.

—Не Балабол, уж точно! — показав девушке язык, отозвался княжич.

—Не об этом я подумала, — хихикнула Златка, наблюдая за тем, как нахмурился в недоумении родич.

—А о каком ты подумала? — с опаской и подозрением решил уточнить он.

—Бредко (прим. бредкий — болтливый), очень уж тебе подходит! — прыснула в кулачок Ёжка.

—Я даже почти не обиделся, — скроив кислую мину, проговорил Руслан и, вдруг хитро подмигнув, огорошил Ягу откровением. — А твоё прозвище я и так знаю...

—Ну-ну, — недоверчиво фыркнула она.

—Малуша (прим. младшая, малая), — коротко произнёс Змей и широко улыбнулся.

—Откуда знаешь? — опять нахмурилась Баба Яга и вдруг её озарило. — Терентий сдал, да?!

Змей Лиходольский только загадочно улыбнулся и пожал плечами, а Златослава сразу поняла, что фамильяр не причём, даже стыдно чуток стало, что усомнилась в нём. Но вот откуда тогда он это узнал?! И ведь не скажет змеюка зловред-

ная!

– Не пыхти, Златка! – примирительно попросил княжич и, подмигнув, заговорщицки пообещал. – Как-нибудь потом я тебе расскажу, откуда узнал, хорошо?

– Хорошо, – нехотя согласилась девушка и со вздохом поинтересовалась. – С Будимиром Давыдовичем поговорил?

– Ага, – охотно кивнул родич. – Дед пообещал, что уже завтра поутру братики прилетят, да не трое, а целых пятеро.

– Что совсем наши дела плохи? – напряглась она.

– Не полошись понапрасну, Ёжка! – рассмеялся он ей в ответ. – Дед их не только для твоей охраны отправил, а колдунам на подмогу. Он посчитал, что когда колдуны-воители пещеру осмотрят, да всё нужное оттуда вынесут, если конечно найдётся такое, то пещеру енту надо огнём очистить, чтобы и следа от тёмной волошбы не осталось. Этим-то брашки и займутся опосля.

– Точно? – подозрительно прищурилась Яга, решив, что ей чего-то не договаривают.

– Точнее не куда, – заверил её Руслан и поспешил пояснить. – То место, где колдовство тёмное творилось, ежели огнём не очистить, потом может большой проблемой стать. Тьма, словно чума, разрастаться будет. Мёртвые подниматься станут, мирная лесная нечисть перерождаться начнёт. Многого от ентной гадости ожидать можно, так что негоже её просто взять, и оставить так, как есть.

– Понятно, – задумчиво протянула Златка и спросила но-

вое. – А Якова предупредил?

–Предупредил, Ёжка, – хмыкнул парень и, подмигнув, добавил. – Все знаки колдовские, защитные к нашему прибытию он начертает. Словом, дело за тобой остаётся – Избушку в нужное место довести.

В ответ на его слова Баба Яга только кивнула и вздохнула тяжело. Не особо была в своих силах Ягуся уверенна, да ещё и мысль покоя не давала о том, что братья Зареслава тут завтра будут и возможно увидят её позор, что не смогла Яга свой чудной домик сдвинуть. Будут промеж собой потом говорить, что де жена-то у Зареслава совсем бестолковая. Ну, уже нет! Она всё сделает как надо! Стараться изо всех сил будет!

Остаток дня в Избушке прошёл тихо и мирно. Руслан если не развлекал Василису, то читал недавно найденную на чердаке книгу о печатях колдовских, порой так зачитываясь, что не замечал, что вокруг творится. Марфа на кухне яства разные стряпала, чтобы завтра гостей хозяйюшки своей потчевать вдосталь. Терентий разрывался между кухней, где домовая угощала его разными вкусностями, и златкиной кровати, откуда он мог, нежась на мягком покрывале, наблюдать за всеми находившимися в спальне. Василиса же была бодра и жаждала общения со всеми взрослыми разом и с каждым по отдельности. Совсем недавно у неё показали свои белые краешки два молочных зуба, но благодаря отварам, сваренным по рецептам прежних Яг, никакие болезненные

ощущения малышку не мучили, потому-то видимо кроха и была так весела. Ну, а Златослава старалась занять себя любыми делами лишь бы не думать о дне следующем.

Когда время стало неуклонно приближаться к полуночи, Василиса, наконец, вдосталь наигравшись, уснула прямо на маминой постели. И Злата, и Руслан вздохнули с облегчением, когда маленькая непоседа закрыла сонные глазища и тихонько засопела, прижимая ручонками тряпичную куклу. Терентий, который последним развлекал кроху, спрыгнул с кровати, прошёлся по комнате и, смерив свою Ёжку и Змея Лиходольского строгим взором, скомандовал:

–И вы оба давайте-ка спать быстро! Завтра день тяжёлый, да долгий будет, надобно вам сил подкопить впрок. Бросайте свои книжки, записульки и спать!

–Ох, и раскомандовался ты, я посмотрю! – протяжно зевнув, сообщила коту Яга.

–Кому, как не мне командовать! – фыркнул насмешливо фамильяр и боднул лобастой головой ёжкину коленку, выпрашиваясь на ласку и признание, что он действительно может изредка распоряжаться своей Ягусей.

–И то верно, – покладисто согласилась Злата и рассеяно почесала кота за ухом.

–И впрямь спать пора, – подтвердил Руслан, потирая уставшие от чтения глаза, и пожелал всем. – Доброй ночи!

–И тебе доброй ночи! – отозвались Баба Яга и Ёжкин кот одновременно.

Княжич отложил книгу и, сонно моргая, направился в свою постель, устроенную на печи. Миновав порог кухни, Змей осторожно прикрыл за собой дверь. Было слышно, как он протопал до печи и с нарочитыми стонами и кряхтением забрался на своё лежбище. Златка тихонько хихикала, слушая причитания родича и укладывая спящую дочку в колыбельку, потом и сама быстренько в ночную рубаху переоделась, да под одеяло юркнула, потеснив уже спящего почти в центре постели Терентия.

Отступление.

Коридор, выложенный крупными из цельного камня плитами, был узок, холоден и сыр, человек, что шёл по нему уверенным шагом, брезгливо морщил красивые губы, то и дело хмурился, словно размышляя над чем-то неприятным. Над ладонью его вытянутой перед собой руки висел светящийся тусклым зеленоватым светом колдовской огонёк, он освещал коридор всего-то шагов на пять вперёд, но это ничуть не смущало мужчину и уж тем более не заставило его, сбавит шаг. Колдун стремительно двигался вперёд, и было сразу понятно, что путь ему знаком и никаких опасений не вызывает. Оставив за спиной несколько поворотов и одну лестницу, мужчина, наконец-то, достиг цели.

Довольно просторный подземный зал с высоким куполообразным потолком был освещён развешенными по стенам факелами. Часть зала была занята большим каменным столом, напоминавшим алтарь, на котором в невероят-

ном нагромождении, казалось бы, беспорядочно располагались склянки, пузырьки и бутылки с неизвестным содержанием, небольшие деревянные коробки, металлический шкапулки, ступки, мерный весы, разнообразные ножи и глиняная утварь всевозможных форм. Рядом со столом располагались громадные шкафы со столь омерзительным содержанием, что вызвало бы оторопь у любого человека. На полках шкафов находились банки с плавающими в мутноватой жидкости глазами животных, человеческими конечностями и органами, в корзинках и на блюдах лежали сушеные крысиные головы, целые тушки ящериц и змей, крупные неизвестного вида насекомые, а так же груды разнообразных костей, в том числе и явно человеческих.

У противоположной от стоящих у стены шкафов находилась клетка, в одном из углов которой лежал пук слежавшейся отсыревшей соломы и пустая миска. В клетке никого не было и было довольно трудно определить, кого же там когда-то удерживали. Чуть поодаль клетки на полу были начертаны колдовские знаки, образующие правильный круг с вписанным в него символом Смерти. Рисунок слабо светился таким же зеленоватым светом, что и огонёк над ладонью колдуна, выдавая их сходное происхождение. В центре круга возвышалась закутанная в плащ с ног до головы фигура, совсем никак не реагирующая на появление в зале колдуна.

–Как успехи? – разорвал тишину звонкий молодой голос колдуна.

Фигура в плаще чуть качнулась, но поворачиваться к говорившему, видимо не посчитала необходимым.

—Пять печатей снято, оставшиеся четыре мне не по силе, — отозвался хриплый, словно после затяжной болезни, голос. — Лиходольские и Белояжские колдуны охраняют оставшиеся печати, так что теперь к ним очень сложно подобраться.

—А что твой братец? — почти участливо поинтересовался колдун.

—Как я и рассчитывал, он пошёл по ложному следу, — последовал слишком сухой ответ. — Зареслав, как впрочем и другие, свято верят в то, что ведутся поиски оставшихся ключей. Не думаю, что они подозревают истинную причину появившегося интереса к печатям.

—Славно! — в голосе говорившего были слышны нотки удовлетворения. — А как с поиском Златы дела обстоят?

—Не нашёл пока, — спокойно ответил человек в плаще и не меняя интонации продолжил, — но до меня дошёл слух, что юная княжна Лиходольская с мужем и дочерью, собирается навестить родителей в первый день весны в царском тереме Белояжска.

—Значит и впрямь замуж выскочила, паскуда! — тон колдуна в миг из благостного сделался злым и ядовитым. — Ну, ничего, овдовеет скоро с нашей-то помощью.

Избушка-на-Курьих-Ножках. За три часа до полудня. Златослава как раз доплетала косу, когда услышала странный шум, доносившийся снаружи. Сперва она никак не мог-

ла понять, что это, но по мере приближения источника звука, Ёжка наконец поняла, что ей это напоминало. Создавалось ощущение, что на сильном ветру хлопает вывешенное для просушки мокрое бельё. Яга невольно нахмурилась, пытаясь сообразить, что же может так странно шуметь. Звук всё нарастал и нарастал, теперь он был отчётливо слышен всем. Малютка Василиса даже прекратила попытки поймать кончик кошачьего хвоста, мелькавший поблизости от её ручек, и, чуть приоткрыв ротик, вслушивалась в странный звук.

–А вот и братишки летят! – радостно сообщил Бабе Яге Руслан только для этого выглянувший из кухни. – Я пошёл их встречать.

Не успела Злата даже слова молвить, а княжич натянул сапоги, накинул на плечи плащ и вбежал вон из Избушки. Девушка тоже поспешила. Быстро закрепила косу шнурком и к окошку подбежала, глянуть, что снаружи творится. Любопытно же ведь!

–Ратибор, прекрати! – внезапно услышала Яга громоподобный мужской голос. – Прекрати, кому говорю! Радим, да выплюнь ты его хвост ради Богов! Шеи же свернёте, полудурошные!

–Фыфы хах фыфел! – был на это ему странный ответ.

–Бажен, да ну их! Хотят крылья переломать – пусть ломают! Мы няньками этим балбесам не занимались, – посоветовал столь же громкий, но всё же несколько отличающийся от первого, голос.

Вот тут Златка до окна-то и добралась и удостоилась поистине потрясающего зрелища. На полянку перед Избушкой-на-Курьих-Ножках мерно махая громадными перепончатыми, как у нетопыря, крыльями медленно садился Змей. Хотя на Змея громадный ящер с медной чешуей был меньше всего похож. Бабке Ёжке он напоминал шипастых ящериц, что водятся на Ковыльных холмах, что близь Белояжска располагаются. У этого Змея Лиходольского была разве что похожая на змеиную голова, да гибкий чересчур длинный хвост. Туловище Змея было худощавое, даже какое-то поджарое, четыре мощные лапы с крупными загнутыми как у хищной птицы когтями и ряды острых шипов, широкой полосой идущие от самого носа до кончика хвоста, давали понять каждому, что перед ним предстал смертельно опасный соперник, с таким даже самый сильный колдун-воитель не справится. Но больше всего восторга у Ягуси вызвали крылья, громадные и на первый взгляд какие-то хрупкие, тонкие с переливающимися медными отблесками перепонками, поверить было сложно, что им под силу поднять тело Змея в воздух.

К сожалению, долго полюбоваться на себя Змей не дал, подёрнулся, словно маревом полуденным, и вот уже на снегу вытоптанном стоит рослый парень с тугими кудрями каштановых волос, чью худощавую фигуру не скрыл даже длинный тёплый плащ. Парень глянул на небо, чуть прикрыв глаза ладонью от яркого зимнего солнца, что-то пробубнил себе под

нос и поспешил к стоявшему у самой Избушки Руслану, чья светлая макушка маячила прямо под окном, у которого стояла Злата.

Стоило только княжичу отойти, как на то же самое место широко раскинув крылья, приземлился уже другой Змей, чешуя которого была подобна чернённому золоту. Только успели коснуться когтистые лапы снега, как тут же превратился Змей в смуглого черноволосого юношу, сразу же поспешившего в сторону Избушки. На его место уже садился третий Змей. Этот представитель Рода Лиходольского был на много крупнее двух предыдущих и полянка как-то сразу стала казаться совсем крошечной, когда он там оказался. Шкура его отливала то золотом, то багрянцем, а шипы на спине больше напоминали частокол из мечей богатырских. И обернувшись Змей крупным мужчиной, высоким, вот уж где точно кося сажень, широкоплечим, да справным, волос его золотился точь-в-точь как у Руслана, с чего Ягуся решила, что видимо этот родной брат приставленного к ней княжича.

Не так много времени прошло, а под окошком у Златославы собрались аж четыре Змея Лиходольских, а значит, где-то ещё двое летают. Яга повертела головой, пытаясь рассмотреть тот клочок неба, что был доступен ей из окна, но так ничего и не углядела.

–Разобьются же паршивцы! – вдруг на выдохе выкрикнул черноволосый княжич.

От его голоса девушка вздрогнула, и чуть было не завиз-

жала от ужаса, увидев, как к земле несётся клубок из двух сцепившихся серебряных Змеев. Чуть-чуть не долетев до снежных сугробов, клубок расцепился, и на снежную перину поднимая целое облако снежинок, грохнулись два взъерошенных совершенно одинаковых парня с невероятно белыми, будто седыми, волосами. И уж чего-чего, а последовавшего за падением светловолосых близнецов заливистого хохота Яга точно не ожидала. Светловолосые, похожие как в отражении, молодцы прытко вскочили на ноги и, не переставая хохотать, принялись закидывать друг дружку снежками.

– Как дети малые, – услышала Ягуся отчётливый вздох одного из княжичей.

– Пусть развлекаются, а мы с вами, пожалуй, в Избушку пойдём, – произнёс Руслан, – со Златой познакомлю, на пляшку полюбуетесь...

Дальше Ёжка слушать не стала, вернулась к зеркалу, на себя глянуть – всё ли хорошо. Нельзя же перед мужниными родичами растрёпой появиться! Златка поправила косы, на той, которую заплетала последней, ремешок перевязала, на сарафане складочку расправила, ворот на рубаше поправила. Ещё раз в зеркало себя оглядела. Вроде всё.

– Да, хороша, ты, Ягуся! Хороша! – насмешливо сообщил Терентий, вышагивая по покрывалу перед насупившейся и готовой разразиться протестующим рёвом Василисой.

– Ну, тебя! – фыркнула Баба Яга ничуть не смутившись и поспешила к дочке, раздосадованной, что никак не полу-

чается поймать свою усатую няньку за хвост. – Лисёнок, не расстраивайся, мы этой вредине рыжей ещё отомстим!

–Та-та! – грозно подтвердила малышка и, нахмурив бровки, ладошкой по коленке ударила.

–Лучше а-та-та, – подмигнув, предложила дочери Златослава.

–Нет, а-та-та мне не надо, – усмехнувшись в усы, сообщил фамильяр, спрыгну с постели на пол, и там всласть потянувшись, – а вот мисочку сметанки за пригляд в самый раз.

–А нос тебе сметаной не намазать? – уточнила Яга, изумлённая наглостью рыжего.

–Намажь, сделай милость! – охотно согласился кот и предупредил. – Я тебя в кухне буду ждать.

–Ох, и обнаглел ты! – рассмеялась девушка и подхватила уже просившеюся на ручки Василису. – Пошли, Лиска, с дядюшками знакомиться!

Лиска. Лисёнок. Ох, Руслан! Вот же привязалось прозвище Змеем данное! Теперь уже и Бабка Ёжка дочку Лисёнком называть стала. Да, что там Ёжка! Даже Марфа с Хмуричем кроху так именовали, а уж Терентий, наверное, самым первым после Руслана, разумеется, так Василису звать стал.

Обняла Ягуся дочку, в щёчку румяную поцеловала и направилась в кухню, где уже слышно было, как гости с домовушкой да Реней здороваются. Переступив порог, Злата только диву далась, как в её кухоньке сразу тесно стало. Змеи топтались на половичке по ту сторону открытой в сенца две-

ри, дожидаясь своей очереди снять тяжёлые плащи и разуться. Трое, в том числе и Руслан, уже усаживались за накрытый Марфой стол. Оставшиеся трое парней никак не могли договориться, кто войдёт в кухню следующим. Светловолосые близнецы совсем не хотели пропускать ни друг друга, не своего черноволосого брата. Баловники оттаскивали друг дружку то за руки, то за шкурку, а один из них изловчившись, схватил братца за ногу и потащил куда-то в сторону чердака. В это самое время черноволосый Змей, воспользовавшись тем, что близнецы отвлеклись, юркнул в кухоньку и прикрыл за спиной дверь, да на щеколду её запер

Златка стояла в дверях спальни и ошарашенно наблюдала за действиями новых родичей, попутно размышляя над тем, что Руслан оказывается не самый беспутный среди братьев, как ей по незнанию казалось. Яга внимательно смотрела на темноволосого княжича, прильнувшего ухом к дверной щели и совсем не замечающего ничего вокруг себя. Потом девушка перевела недоуменный взгляд в сторону Руслана, который заговорщицки подмигнул Ёжке и тихонько рассмеялся. Старший из княжичей высокий и золотоволосый только головой покачал устало, и встал из-за стола сам, да братьев одним взглядом с лавки поднял.

–Приветствуем тебя, Златослава Ростиславовна! Рады наконец-то с тобою увидеться! – поздоровался с девушкой за всех присутствующих разом этот Змей и поклонился. – Моё имя Бажен. Твоему супругу я прихожусь двуродным братом,

а вот этому шалопаю, – мужчина кивком головы указал на Руслана, – родным.

–Здравствуйте! – стараясь не подавать виду, что смутилась, поприветствовала родичей мужа Баба Яга и, покосившись на черноволосого молодца, всё ещё прислушивающегося к возне и тихой ругани в сенцах, с улыбкой проговорила. – И я рада видеть братьев Зареслава в моей Избушке! Будьте, как дома, гости дорогие!

–Спасибо на добром слове, княжна! – поблагодарил Бажен и, водрузив большую ладонь на плечо княжича с каштановыми волосами, представил того. – Это Глеб. Возможно, ты помнишь его? Как-то раз, на большой охоте он тебя с Русланом и Зареславом сопровождал.

–Я смутно помню ту охоту, – чувствуя себя донельзя неловко, призналась Златослава, мечтающая исчезнуть с глаз этих Змеев, так ей было стыдно.

–Ну, ты, Баж, и сказанул! – со смехом воскликнул Глеб, хлопнув брата по плечу. – Это когда было-то?! Я и то не помню того дня, а ты от девушки, которой на тот момент пятнадцати лет не было, этого хочешь!

Ёжка смутилась ещё больше, сразу поняв, что княжич это намеренно сказал. Не хотел Глеб и без того устыдившуюся Ягу, ещё больше усостыдить, потому в шутку всё и перевёл. В одном Змей маху дал. Если не помнил он о той охоте, откуда же знал, что на тот момент Златке и впрямь ещё пятнадцати не было.

– Да, и вправду не подумал, – повинился Бажен, тоже, как уразумела Ягуся, нарочно, чтобы её не тревожить.

– А вон тот чернявый – это Милорад, – тут же поспешил представить третьего из прилетевших княжичей Руслан. – Радик, ты бы хоть лицом к нам повернулся, а то твои тылы нам рассматривать надоело!

– Ой! – чуть ли не подпрыгнув на месте и одновременно с тем повернувшись к говорившему лицом, выдал Змей.

– Не «ой!» надо говорить, а «здравствуй, родственница наша дорогая!», – с насмешкой поправил брата Глеб и украдкой подмигнул Златославе.

– Здравствуйте! – поспешно выдохнул Милорад и поклонился девушке, чуть не подметая смоляными кудрями пол в Избушке.

И тут за его спиной затряслась под оглушительными и, похоже, сдвоенными ударами дверь в сенца. Чернявый вздрогнул, сделала два шага от двери и остановился. Трое других Змеев нахмурились и готовы были отпереть дверь, чтобы наградить близнецов оплеухами, но сдерживали порыв, надеясь видимо, что в светловолосых мальчишках разгорится искра здравого смысла и они сами уразумеют, что в чужую дверь так бесцеремонно барабанить негоже. Василиса же спокойно сидевшая на руках Златы, удивлённо округлила глаза и посмотрела на мать. Яга, чмокнув малышку в нос, решительно передала её с рук на руки Руслану и, вооружившись веником, направилась отпирать ходящую почти ходу-

ном дверь. Княжичи, Василиса, Терентий и даже Марфа, что-то тщательно размешивающая в большой миске до сего момента, с нескрываемым любопытством наблюдали за действиями Бабы Яги.

Ягуся удобнее перехватила веник, являющийся с недавних пор не только орудием уборки, но и воспитания, и отодвинула запор. Дверь тут же распахнулась с грохотом, ударившись об стену, и в проёме в мгновение ока возникли расстрёпанные и с горящими глазами близнецы. Завидев Златку, с грозным видом стоящую на пороге и небрежно поигрывающую веником, Змеи растерялись, и войти так и не решились. А Ёжка же в тот миг поняла, что смущения больше перед зареславовыми братьями не испытывает, да и вообще воспринимала она мужниных родственников почти сразу как родных, будто ни один год их знает.

–И как оправдываться будете? – хмуро спросила двух баловников Яга.

–Зачем?! – озадачено переглянувшись, спросили светловолосые почти одновременно.

–Как это зачем?! – вознегодовала Ягуся. – Вы мне тут чуть дверь не выломали, все сени разгромили..., – тут она не выдержала, осознав, что недоумение на лицах близнецов деланное. – Ах, вот вы значит как, Змеи бессовестные! Честной Яге её родимую Избушку порушить решили!? Да я вам! – девушка потрясла зажатым в кулаке веником, обнаружила на лицах парней довольные улыбки и сдалась. – Да, ну вас, бес-

путных!

С этими словами Златка резко развернулась на пятках и направилась к Руслану. Не пройдя и трёх шагов, Баба Яга услышала за спиной самодовольный голос одного из бело-брысых Змеев:

–Я же тебе говорил, что ничего она нам не сделает, больно добрая...

–Ох, зря ты так, Радим! – хмыкнул Руслан, с упоением ероша волосики Василисы, которые с недавних пор начали виться крупными кольцами.

–Ты о чём? – удивился парень ещё не подозревающий, что его ждёт.

Вот тут-то и показала Златослава всю свою ягушенскую натуру. Развернулась Ёжка так резко, что близнецы отреагировать не успели и со всего размаху в них веником швырнула. Что удивительно – попала. В обоих попала. Да не просто попала, а прямым в лоб – одному ручкой, другому метёлкой.

–Об этом, – с некоторым опозданием ответил княжич, давясь от смеха.

Ягуся, которая ещё не успокоилась и продолжала злиться, посмотрела на собравшихся, почти покатывающих со смеху, и потихоньку начала успокаиваться, а чуть погодя поймала себя на том, что и сама смеётся вместе со Змеями. И только баловники-близнецы не смеялись, потирали пострадавшие лбы и с неподдельным удивлением взирали на Бабу

Ягу.

–Ладно, будет вам, – отсмеявшись, проговорил Бажен. – Пора и делами заняться...

–Нет, пока не поедите, никаких дел! – поспешно перебила его Злата. – Зря, что ли наша Марфушка старалась? Вот подкрепитесь, тогда и будем дела делать.

–Это ты, Златослава, хорошо придумала! – похвалил её Глеб и заговорщицки сообщил, даже не понижая голоса. – Мы страсть, какие голодные!

–Тогда за стол садитесь, а мы с Марфой снедь пока расставим, – предложила Бабка Ёжка и повернулась к так и оставшимся стоять на пороге близнецам. – А вам, что отдельное приглашение нужно? Ну-ка марш за стол!

Светловолосые снова молча переглянулись и поспешили расстаться со своими плащами и обувью. Злата, к тому времени возвращавшаяся к столу с полным блюдом пирожков с мясом, опять обратилась к ним с укором:

–Представились хоть бы!

–Радим, – назвал своё имя тот из близнецов, что был чутьку повыше и коренастее, как отметила Ягуся.

–Ратибор, – произнёс другой, более худощавый, с трогательными ямочками на щеках, которых у его брата видно не было.

Кивнув в знак того, что услышала и уразумела, Ёжка с удвоенной прытью, почти наперегонки с домовушкой принялась сновисто расставлять явства разные, да напитки.

Мужчины несколько раз порывались было помочь им, но ни Златка, ни Марфа им этого сделать не дали. Когда последняя тарелка была выставлена на стол, девушка присела рядом с Русланом, порываясь забрать малышку Василису, чтобы та не отвлекала мужчин от еды, но не тут-то было. Змеи изъявили желание познакомиться с племянницей именно сейчас. Кроха кочевала с одних рук на другие, успевая подёргать намеренно подставленные носы, волосы и уши новоявленных дядюшек, в ответ получала восторженные похвалы, щекотание и даже покаталась на коленях у каждого до восторженного визга. Чудно, конечно, но Змеев малышка совершенно не боялась и на руки к ним шла охотно, будто всегда так и было. Княжичи в свою очередь относились к девочке так, словно она была единственным и наилюбимейшим ребёнком, какой-нибудь дюже знатной и большой семьи. Хотя... так почти и было, если забыть, кто её настоящие родители.

–Златка, очнись! – нетерпеливо тронув Ягу за плечо, проговорил Руслан. – Мы все поели, пора бы уже и к переезду подготовиться.

–Действительно, – чуточку растеряно произнесла Баба Яга, наблюдая, как слажено Змеи помогают домовой убрать со стола грязную посуду, – пора.

Немного позже, после того, как прибралась, Злата обрядила потеплее Василису, сама надела удобную одежду и поспешила покинуть Избушку-на-Курьих-Ножках. На снегу у ступеней Ягу дожидались новые родичи и Терентий, удобно

устроившийся на перилах крыльца.

–Ну, что, Ягуся моя, давай-ка подмогнём нашей Избушечке с переездом! – лукаво блеснув зелёным глазом, предложил фамильяр.

–Подмогнём! – задорно подмигнула коту Ёжка.

Василису тут же забрали Руслан и Глеб, которым поручалось доставить Ёжкину дочку к нужному месту. Ягуся правда попервах была категорически против того способа, которым Лиходольские Змеи собирались её доченьку везти, но после уверений Бажена, что всё будет хорошо, девушка не успокоилась, но смирилась с этим. Потому она более ничего не стала против говорить, стоило только Руслану взять малютку на руки, а Глебу обернуться тем памятным Змеем с медной чешуёй и крыло брату подставить, по которому княжич с ребёнком ловко взбежал и на шее змеиной устроился прямёхонько меж двух рядов шипов. Злата смотрела на это, добела сжав кулачки и прикусив губу.

–Златослава, не стоит тревожиться! – тронув девушку за плечо, произнёс старший из присутствующих княжичей. – Они не допустят, чтобы с малышкой дурное случилось. Костями лягут, а не допустят!

–Правда, Златослава, не нужно бояться за неё! – попробовал успокоить материнское сердце Милорад. – Братишки со всем справятся. А Радим их сопровождает...

–Это-то и тревожит, – хмурясь, перебила черноокого княжича Ягуся. – На него с братом надежда, как на ёжа! Что вы-

творяют беспутные – не угадаешь!

– Ну, хочешь, я вместо него полечу? – предложил со вздохом Милорад.

– Уж лучше ты, чем эти, – произнесла Злата, выразительно глянув на споривших о чём-то близнецов.

– Хорошо, – согласился с решением Яги Бажен. – Значит, прикрывать Глеба будешь ты, Милорад. Решено!

– Эй, а мы как же?! – оторвавшись от спора, возмутился Радим.

– А вы будете Избушку сопровождать, – сурово глянув на братьев, сообщил старший княжич. – И только попробуйте какое-нибудь непотребство учинить! Всё Зареславу расскажу!

– Ябеда! – в один голос выдали близнецы и слажено показали языки старшему брату, за что тут же получили по шее от Милорада.

Смерив суровым взором притихших после полученного наказания Радима и Ратибора, Бажен кивком разрешил Милораду перекинуться. Рядом с медным тут же появился Змей с чернёной чешуёй, и оба они в один миг оттолкнувшись лапами от утоптанного снега, взмыли ввысь махая перепончатыми крыльями, от чего Ягу, не успевшую даже опомниться, чуть не унесло в ближайший сугроб, благо Бажен вовремя поймать успел.

Баба Яга ничего вокруг не замечала, лишь стояла, прикрыв рот ладошками, и напряжённо смотрела вслед удаляю-

щимся Змеям, на спине одного из которых была её маленькая доченька. Ох, и щемило сердце материнское от страха! Вот вроде умом-то она, Ёжка, понимала, что со Змеями этими Лиходольскими Василисушке ничего опасаться не следует, только вот сердце всё равно замирает.

–Теперь и нам пора, – тронув родственницу за плечо, проговорил Бажен.

–Да, Ягуся моя, пора! – напомнил о своём присутствии Терентий, так и сидевший на перильцах и встопорщивший мех, так сильно, что, казалось бы, в разы округлился. – У меня уже лапки зябнут и нос с ушками.

Чуть ли не силой заставив себя прекратить смотреть в небесные дали, Златослава перевела взгляд на Избушку-на-Курьих-Ножках и решительно взобралась по ступеням, старший княжич последовал за ней, а двое младших перекинулись в Змеев и, взлетев, принялись кружиться над Избушкой, ожидая, когда она с места сдвинется. Баба Яга вдохнула полной грудью, крепко ухватилась за столбец, что навес над крыльцом держал, другой рукой Терентия на всякий случай обхватила, дождалась, когда Бажен рядышком встанет, да тоже за столбик схватится.

–Пусть Боги с нами будут! – выдохнув, произнесла Ягуся и громко скомандовала. – Ну, Избушечка! Ну, родименькая, давай-ка потихонечку вперед!

Дрогнула Избушка, едва слышно скрипнули досточки, и вот уже курьи ножки выпрямились, приподняв лесенку на

целый локоть от земли, да осторожными шажками в указанном направлении пошли, неся на себе ёжкин домик, саму Ёжку, Ёжкиного кота, да Змея Лиходольского. Осторожно-то они, осторожно – да, только Златке от этого не легче было. При каждом шаге Бабу Ягу мотало и подбрасывало так, что ей начало казаться ещё немного, и она не хуже Змеев ввысь небесную улетит, Терентия с собою прихвативши. Так бы оно и случилось, не будь рядом Бажена. Высокий да сильный Змей сам крепко стоял на ногах, даже не покачнувшись, и жену братову, после нескольких отчаянных попыток той взлететь, крепко спиной к своей груди прижал, и отпустить, судя по всему не собирался, покуда они до места, оговорённого, не доберутся. Златослава благодарно улыбнулась через плечо своему спасителю, да Терентия, из последних сил за перила цепляющегося, на руки взяла. Крупный и тяжёлый кот, то ли от страха, то ли, чтобы облегчить Яге носу вцепился всеми когтями в её тулупчик и нос в опушке воротника спрятал.

–Златка, – простонал ей в ухо фамилляр, – я помру от страха, прежде чем мы до места доберёмся!

–Полно тебе, Реня, – шепнула Ёжка коту. – Ты в меня вцепился, что и клещами не оторвать, я тебя тоже крепко держу, так что ничего с тобою не случится!

–А вас обоих держу я, так что точно не улетите, – добродушно рассмеялся Бажен, слышавший их беседу.

–Вот и держи! – снова спрятав нос в воротник, взмолился

кот. – Крепче держи, Змей! На тебя одного надёжа!

После этого разговоры прекратились, ибо Избушка, наконец, вошла в лес. Тропу для ёжкиного колдовского домика ещё со вчерашнего вечера подготовил Хмурич, загодя с деревьями и кустами сговорившись, чтобы они проход очистили. Деревья вековые, кустарники ползучие жались по сторонам от тропы хвоей густо устланной, чтобы потом, как только Избушка-на-Курьих-Ножках их минует, сразу же на место своё встать да снова во сны погрузиться, чтобы к первым весенним оттепелям сил побольше накопить. Но Яга этого не видела, хотя из объяснений лешего и знала, что так случится, смотрела только вперёд, страшась пропустить поворот, ведь Избушку надо предупредить об этом вовремя. Напряжённно Баба Яга всматривалась вперёд, а княжич Лиходольский столь же напряжённно всматривался в небо, где кружили его братья, но не потому, что страшился нападения, а совсем по другой причине. Бажен переживал, успеют ли они засветло до поляны добраться. В потёмках Избушку будет вести трудновато, даже если колдовскими огнями путь освещать.

–Златушка, надо бы Избушку твою пошустрее бежать заставить, а то мы до заката не управимся, – задумчиво глядя ввысь, произнёс Бажен.

–А может не надо? – жалобно прохныкал Терентий, ещё крепче в тулуп Яги вцепившись.

–Надо, Реня! Надо! – со вздохом произнесла Бабка Ёжка и скомандовала своему домику. – Избушенька, давай-ка бегом

припустимся!

А Избушка будто того и ждала, припустилась так, что ветер у Златки в ушах свистел оглушительно, да трясло их так немилосердно, что даже Бажен пожалел, что подался на уговоры Яги и домовушки, да поел плотно. Вслух он этого, конечно, не сказал, но в мыслях костерил себя дюже красноречиво. А Ягуся от тропы глаз не отрывала, хотя мутило и её. Девушка поворот боялась пропустить или яму какую, но на её удачу тропа дальше шла ровнёхонько и вскоре вывела Избушку на громадную лесную поляну, раза в три больше той, на которой прежде стояла. Тут Яга домик свой шаг сбавить попросила, да направила её прямёхонько в то место, где виднелись фигуры Змеев и колдунов, что обережные знаки, да купол ставили.

Пока Избушка-на-Курьих-Ножках неспешно шествовала через поляну, Бабка Ёжка рассматривала всё вокруг, и с каждым мгновением ей тут нравилось всё больше и больше. Поляна была окружена стройными белоствольными берёзками, а не тёмным ельником вперемешку с редкими соснами. Ох, и солнечно же тут, наверное, в летнюю пору! В одном месте Яга заприметила берег речушки, коромыслом изгибающейся и теряющейся за стволами берёзок. Чуть поодаль от бережка густой стеной расположился малинник, топорщивший сквозь сугробы свои ветки словно щетину. Златослава смотрела вокруг с улыбкой, уже представляя как дивно тут летом бывает.

–Избушка, ещё пару шажочков вперёд! – попросила Ягуся, направив куриные ножки прямоком в центр вытравленных огнём колдовским знаков обережных.

Зрением волшебным Баба Яга все эти знаки видела прекрасно и радовалась, как дитя, что теперь узнаёт их все и знает для чего тот или иной нужен. Но больше всего радовало Златку то, что выжженные колдовством знаки, просто так не разрушишь, а значит, за сохранность родной Избушки-на-Курьих-Ножках можно не тревожиться.

Стоило только Избушке на своём месте оказаться, как почувствовала Ёжка, что купол развернулся, да судя по ощущениям ещё крепче, чем прежний, видно много сил и колдуны батюшкины, и родичи новые приложили для защиты её Златки, да малютки Лиски-Василиски. Такой купол и личу не пробить!

–Ну, Златослава Ростиславовна, здравствуй и прощевай сразу же! Пора нам, – выдал непривычно серьёзный Яков и собрался, судя по всему, ход пробивать.

–Стой! – Яга перегнулась через перила, чтобы хорошо видеть стоявших подле Избушки мужчин. – Пойдёмте, вас хоть Марфушка ужином накормит! У ней готовой снеди полно, разогреть в печи – делов-то.

–Нет, Злата, – покачал головой колдун-воитель и слабо улыбнулся, приободряя. – Нам надо назад вернуться. Завтра поутру будем последние камни убирать, так что нам надо как следует отдохнуть, а поужинать нам приготовят те, к кому

нас на постой определили. Не зря же царь-батюшка им за это серебром платит. Всё, прощевай, Златка!

Не дождавшись ответных слов, Яков и ещё двое колдунов шагнули в проход, что в мгновение ока в воздухе образовался, и были таковы.

–И нам пора прощаться, Златушка! – раздался за спиной голос Бажена, который только-только отпустил Ягусю из своих рук. – Я с близнецами к кряжу направлюсь, а Глебу с Милорадом надобно к деду вернуться. Так, что расставаться надобно нам.

–Но как же так?! – растерялась Златослава, переводя взгляд с одного Змея на другого. – Я думала вы хотя бы поужинать останетесь...

–Не переживай, Златка, обещаю съесть всё, что смогу! – поспешил пошутить Руслан, укачивающий на руках посапывающую во сне Василису.

–Да в тебе я и не сомневалась, – фыркнула Баба Яга и огорчённо добавила. – А вот твои братья на голодный желудок полетят.

–Так им пользительно. С полным пузом лететь тяжело, – подмигнув, сообщил княжич и серьёзно добавил. – Ничего с ними не случится, поверь и не тревожься!

–Поняла я. Поняла, – смирившись, проговорила девушка. – Ну, что ж, значит лёгких путей вам, родичи мои!

–Спасибо, за доброе напутствие, Златослава Ростиславовна! – в один голос поблагодарили Змей и после Бажена за всех

в ответ Злате пожелал. – И тебе всего хорошего, мир дому!

На последних словах поклонились княжичи Бабе Яге, приобняли каждый по очереди Руслана, да спящую малютку легонько по головке на прощание погладили и, один за другим перекинувшись в Змеев, взлетели в алеющее закатное небо и разлетелись в разные стороны. И так это снова быстро всё произошло, что у Ягуси возникло стойкое ощущение, что Змеи ей привиделись во сне.

– Ёжка, пошли в дом! – скомандовала Руслан, уже взобравшийся по лесенке, и потянул девушку в сторону двери.

– Правда, Злат, давай быстрее! – принялся жаловаться Терентий. – Я замёрз весь и вообще худо мне после такой вот езды.

Златослава дала себя увести. А в кухне их уже ждала во всю суetyающаяся Марфа, успевшая колдовство своё снять, что вещам при Избушкиной ходьбе двигаться не давало, и теперь скоренько снeдь в печи разогревала. И так вдруг Яге хорошо стало, все тревоги дня нынешнего вмиг забылись, а от уюта домашнего в сон клонить начало немилосердно, так что едва ужина дождалась.

Поели все быстро и столь же быстро спать разбрелись, даже Василисушка, хоть и поспать успела, пока мамку ждала, без капризов дала себя в колыбельку уложить и заснула тут же, умаялась маленькая. Златка тоже, стоило голове её коснуться подушки, в сон, будто в омут затянуло. Рядом с девушкой свернулся клубком фамильяр, натерпевшийся

страху за поездку «верхом» на Избушке. Последним спать отправился Руслан, прежде связавшись с Зареславом и царём Кощеем, чтобы доложить – переселение Избушки-на-Курьих-Ножках успешно состоялось. Княжич Лиходольский только и успел камень, что для связи с братом использовал в кошель поясной положить, да кинуть тот на лавку, как и его сморил сон. Не спала только хозяйничавшая у печи домовушка, да сама Избушка, которая «обживалась» на новом месте, к нитям волошбы от защитных чар прислушиваясь и вплетая их в собственную волошбу.

Глава 13. Жена да муж – змея да уж.

После переселения на новое место, жизнь в Избушке-на-Курьих-Ножках потекла медленно и размерено, будто и не было тех страшных и таинственных событий, из-за которых в Златкином домике появился временный жилец. Руслан неустанно уверял Ягу, что совсем скоро, когда явится Зареслав, он брату жену его с рук на руки сдаст и полетит восвояси, а навещаться в Избушку будет только в гости и по личному приглашению дорогих родственников.

Время шло, а вестей от Зареслава не было. Вернее ей, Ягусе, он не писал, а вот, по словам, Руслана с ним связывался регулярно, но по делам сугубо государственным, дюже важным и неотложным. Умом Ёжка понимала, что у супруга должно быть много срочных дел, но разве среди них не найдётся места для столь же значимого занятия, как наказ Матушки-Земли. Первое время, не получая ни писем, ни да-

же коротеньких записочек, Златка обиделась и даже чуть-чуть разозлилась на супруга, но чем дольше она не получала от него вестей, чем беспечнее выглядел Руслан, и чем чаще начал связываться через волшебное зеркало батюшка-царь, тем сильнее стала тревожиться за судьбу супруга. Где находится Зареслав и что с ним – на эти вопросы ни отец, ни Руслан не отвечали, отшучивались или просто переводили разговор на другую тему. Однажды Баба Яга не выдержала.

Утро, две с половиной седмицы спустя после переселения Избушки в земли Горынычей, выдалось ясным и тёплым, сосульки, украшавшие крышу, всю переливались и искрились в лучах солнышка, а на ветке молоденькой рябины, росшей у окна, оглушительно пели почуявшие весну пичуги. Злата в то утро, сразу после завтрака, принялась последние ингредиенты для зелия «Видения памяти» готовить, а Руслан на медвежьей шкуре сидел да Василисушку развлекал. Тихо всё было, да мирно, как вдруг побледнел княжич Лиходольский, да за головушку схватившись, застонал, будто бы от боли сильной. Яга даже не успела со стула вскочить, как поднялся Змей с пола, заметался по комнате, потом ни слова, ни говоря, подхватился и выскочил вон, только дверь наружу хлопнула оглушительно.

Тут словно того и дожидаясь, Василиса заголосила, слезами заливаясь, а у Ёжки у самой сердце защемило от нехороших предчувствий. Бросилась Златка к дочери, кое-как успокоила да Марфе под пригляд передала и уже собралась

к Руслану на выручку мчаться, как он вдруг сам объявился. Вернулся в Избушку, как ни в чём не бывало, ноги босые о половичок обтёр и обратно к Василисе направился, совсем словно бы Бабу Ягу не замечая.

–Что происходит? – хмуро спросила девушка Змея, пытаюсь заглянуть ему в глаза.

–Ничего не происходит, – нагло врал княжич, делая вид, что его какая-то книга на полке у Ёжки заинтересовала.

–Руслан, не держи меня за дуру запечную, – чуть повысив голос, произнесла Ягуся раздражённо. – Если бы ничего не произошло, ты бы тут не белел, как полотно, за голову не хватался и босиком на снег не выбегал. А ну отвечай, что стряслось! С Зареславом что-то?! С ним?!

–Злат, не части, – сморщившись и всё же подняв страдающий взгляд на Ёжку, попросил парень. – Голова раскаляется.

–Я её тебе сейчас и впрямь ухватом расколю, если не ответишь! – пригрозила Бабка Ёжка и даже кулак для наглядности показала.

–Ох, что же ты такая вредная, а? – простонал Руслан, потирая пальцами виски. – Нет бы, сидела, как любая другая девка, да ждала, когда ей всё объяснят, но нет, сама правду клещами вытащит!

–Мне зубы не заговаривай, – уперев руки в боки, снова пригрозила Златослава кулаком родичу. – Я тут пока от вас объяснений дождусь либо умом тронусь, либо поседею! А

ну-ка, пошли на кухню! Я тебе трав от боли головной заворю, а ты мне всё как миленький расскажешь!

–Твой папенька меня прибьёт, – со вздохом произнёс княжич и поплёлся вслед за Златой на кухню, – а ежели не он, так Зареслав меня точно порешит.

–Значит с ним хорошо всё? – с облегчением выдохнула Ягуся и, развернувшись, с надеждой глянула на Руслана.

–Не смотри на меня так, Злата, – со вздохом попросил Змей Лиходольский. – Не знаю я, что с братом случилось. Жив он – это точно известно, иначе камень в твоём кольце расколосся бы, а вот где он сейчас, и что с ним, никто не ведаёт.

Каждое слово княжича то заставляло сердце Ёжки быстрее биться от радости, что жив Зареслав, а то замирать от ужаса, что совсем худое с ним что-то случилось. Только замолк Руслан, важное самое сказав, как Ягуся зубы стиснула, кулачки сжала, взглядом по перстню обручальному скользнув, удостовераясь, что цел камень, и попыталась успокоиться – слезами, да криками ничего не изменишь. Развернулась Баба Яга опять спиной к княжичу и решительно направилась отвар делать, мимоходом попросив княжича за стол усаживаться и рассказывать подробно, что же такого стряслось.

–Для начала я у тебя, Ёжка, спрошу, что знаешь ты о девяти печатях, что Исподний Мир запечатали? – со вздохом спросил Руслан, растирая пальцами виски в надежде унять головную боль.

– Немного, – честно призналась Яга и, не отрываясь от приготовления смеси из трав, глянула через плечо на княжича. – А это какое-то отношение к нашему разговору имеет?

– Самое прямое, – отозвался парень и попросил. – Ты скажи, что знаешь, чтобы я тебе уже известное не сказывал.

– Знаю, что когда-то мой предок и твой, который Горын Змеевич, Тёмным Богам службу служили, – послушно принялась пересказывать Баба Яга историю, когда-то услышанную от отца. – Много они тогда бед натворили во славу Чернобога и Мораны, но однажды случилось так, что сестра того Кощея, приходящаяся Горыну невестой, пропала. Долго её искали Кощей и Горын, но вернулась она сама. В тягости была сестра Кошеева, в слезах бросилась она к брату и рассказала, что похитил её сам Чернобог, позабавился, а узнав, что она понесла от него, выставил её из дворца своего подземного. Долго кошеева сестра скиталась, чтобы в родной дом вернуться и от дитя избавиться пыталась, только не так-то просто ребёнка Тёмным Богом зачатого убить. Слушал её Кощей и злоба в нём разрасталась, не хотел он больше Чернобогу служить, не нужны были его милости и подарки. Затаил он на него обиду лютую и решил поквитаться за сестру опороченную. Поведал Кощей и Горыну, другу своему, что с невестой его приключилось. Не в себе Горын был, узнав, что с любимой сделали и поклялся он всё сделать, чтобы Чернобогу отомстить. Втайне от Тёмных Богов сговорились Кощей и Горын со светлыми, поведали всё, что сами знали о пра-

вителях Исподнего Мира. Светлые Боги давно искали, как Тёмных в подземельях заточить, но только после слов Кощея, поняли, что делать надобно. Вот тогда сотворили они девять печатей, по одной на каждый выход из Исподнего Мира, отдали их Кощею и Горыну Змеевичу с наказом, опечатать каждый из выходов, пока Светлые Боги Тёмных отвлекать будут.... Ну, в общем, это всё. Вернее потом была битва божественная, все выходы на поверхность опечатали, и добро зло победило.

–Ну, вот, а говорила, что знаешь мало, – с улыбкой отозвался Руслан, принимая из рук Златославы кружку со взваром травяным. – А как печати снимаются, знаешь?

–Вроде как те, кто опечатал, только снять и могли, – нахмурился бровки, ответила Ягуся, присаживаясь за стол напротив родича. – Так?

–Так, да не так, Ёжка, – покачал головой Змей и сделал глоток ароматного взвара, поморщился и продолжил. – Любой из потомков, что Кощея, что Горына может печати снять. Хоть ты, хоть аринкин сынок, – парень сделал ещё один глоток и с затаённой злостью припечатал, – и вот кто-то из наших пять печатей уже снял. Снимут оставшиеся четыре и Тёмные Боги опять по белому свету ходить без препятствий смогут.

–Ты с чего взял, что из ваших? – не удержавшись, спросила Баба Яга.

–А чьи ещё? Вас, детей Кощеевых, не так много и все под

приглядом, да и древо ваше колдовское серебряное семейное сразу всех носителей крови показывает, – принялся пояснять Змей Лиходольский, нервно постукивая пальцами левой руки по столу. – К тому же, на сколько я знаю, ваших царевичей, как только те говорить нормально выучиваются, сразу клятву на крови приносить заставляют, после которой они к печатям даже близко подойти не могут...

–Но есть же царевны! – возразила Златослава и поймав снисходительную улыбку родича замолчал.

–А царевны у вас редко рождаются, и если такое случается, то все он Ягами становятся, а Баба Яга печать не разомкнёт, не сможет против воли Матери-Земли пойти – это же, как родной матери нож в спину воткнуть, – старательно разъяснил девушке Руслан и, нахмурившись, почти лицом почернев, продолжил. – К тому же именно пять печатей Горын Змеевич ставил, так что, тут и так ясно, чей род виновен. Вот Зареслав и отправился осмотреть те выходы, что распечатаны были, а те, что закрыты до сих пор, проверить надобно было. Все пять с сорванными печатями он обошёл, но найти ничего ему не удалось на предателя указывающее, тогда отправился он к первой из целых печатей, проверил и её, с батюшкой твоим да дедом нашим связался, сказал, что к следующей отправится и пропал. Который день от него вестей нет. Дед отправил нескольких наших братьев на его поиски, царь Кощей колдунов отрядил, но потеряли они его след.

– Где потеряли? – Златка едва смогла выдавить из пересохшего горла вопрос.

– Да аккурат у второй печати, – сквозь зубы прошипел княжич. – Словно был и исчез вмиг. Решили, что ходом воспользовался, да только...

– Что только? – не выдержав даже краткого молчания, поторопила Змея с ответом Ёжка.

– След чужой волошбы там остался, тёмной волошбы, – хмуро ответил он. – Знаем, что жив Зареслав, но даже колдовством на крови найти не можем. Самое дурное, что никак понять не удастся, кто печати сорвал. Сердце криком кричит, что никто из братьев и дядюшек не мог этого сделать, только вот всё об обратном говорит. И ладно, если кто-то один предал! А вдруг несколько предателей?! Как с этим потом жить будем...

– А может, дитя, какое на стороне родиться могло..., ну, не в супружестве? – с запинкой предположила Баба Яга в надежде, что нету среди Змеев предателя.

– Нет, Ягусь, – покачал головой Руслан, улыбкой невесёлой улыбнувшись. – Дети у нас рождаются, только ежели отец с матерью обвенчаны чин по чину. Если даже понесёт девица от Змея, женой его не будучи, ребенок, даже если и родится, долго без помощи рода не проживёт. Сынок тётушки моей, если бы не наша сила тоже бы не выжил, да и с нею..., – тут парень устало рукой махнул и тише закончил. – Может и проживёт. Айри жалко, души она в нём не чаёт!

Замолк Руслан, мрачен лик его стал, снова и снова принялся он в уме родичей перебирать, да только ни на кого дурного он подумать не мог, некого было обвинять в столь страшной измене. Златослава тоже молчала. Сидела, положив ладони на стол перед собой, и не отрываясь на перстень обручальный смотрела, взгляд от него оторвать боялась. А вдруг, вот именно сейчас пойдёт по камню тёмному трещинка и рассыплется он осколками о самом страшном извещая? Нет, нет, нет! Нельзя об этом думать! Так можно и совсем в разуме повредиться от волнений.

– Вот такие невесёлые дела Златослава Ростиславовна, – наконец молвил Змей Лиходольский, ставя пустую кружку на стол.

– Да, уж, невесёлые, – согласилась Яга и, хлопнув ладошкой по столу, сообщила. – Пойду, в книгах ягушенских гляну, может, какое заклятие поиска найду. И ты давай без дела не сиди. Иди на чердак и сколько сможешь книг унести за раз, сюда тащи! Изучать их будем. Одна голова хорошо, а две лучше!

– Думаешь, мы сможем что-то найти? – едва заметно улыбнулся Руслан, поднимаясь из-за стола и направляясь в сени.

– Уверена, что-нибудь, да найдём, – серьёзно кивнув, уверенно подтвердила свои слова Златка.

Княжич напоследок одарил Ягу слабой улыбкой и скрылся за дверью, ведущей в сени, почти сразу же до девушки донесли едва слышные его шаги вверх по ступеням, а затем

тихий шорох над головой. Только тогда Ёжка медленно поднялась из-за стола, не замечая, что делает, вымыла кружку, убрала её на место и подошла к окну. Нужно было успокоиться, привести мысли в порядок. Это перед Русланом она была такая спокойная и уверенная, зная, что кому-кому, а мужнинному брату её слёзы совсем ни к чему и Баба Яга старалась вести себя достойно. А сейчас, когда внимательные янтарные глаза уже не смотрели на Ягусю, ей как никогда захотелось сесть прямо на пол и разреветься. Первая слезинка, будто почувствовав слабинку, предательски заскользила по щеке. Злата быстро стёрла её след и подавила чуть не последовавший за этим всхлип.

–Юни не распускай! – вдруг услышала Яга, голос своего фамильяра, а потом в ноги ей ткнулась кошачья мордочка. – Всё наладится, Ягусь! Найдётся твой Змей, никуда не денется. Он и так тебя столько лет пытался замуж затащить, что успевши это сделать, так просто не помрёт.

–Реня! – возмутилась Златослава, нагибаясь и с трудом подхватывая крупного и тяжёлого кота на руки.

–Что Реня? – потёрся о щёку своей Ягуси Терентий, выпрашивая ласку. – Я тебе точно говорю, что не помрёт ентот Змей, пока жизнью супружеской сполна не насладиться, а потом тем более помирать не захочет.

–Язва ты, Ренька! – хмыкнула Бабка Ёжка и поняла, что от сердца и правда чуть отлегло, плакать больше не хотелось, хотелось действовать.

– Другое дело, – удовлетворённо произнёс фамильяр, млея под поглаживающей его рукой.

– Рень, ты же мне поможешь? – тихонько задала вопрос Златка и попросила. – Мне очень нужна твоя помощь, иначе я и впрямь нюни распушу!

– Конечно, помогу, Ягуся моя! – мурлыкнул кот, последний раз ткнулся мокрым носом в её щёку и спрыгнул с ёжкиных рук. – Пойдём, что ли искать способ, как Змея твоего из беды выручать!

Они и пошли. Вернувшись в спальню, Злата улыбнулась домовушке, отвлекшейся от разучивания с Василисой новых слов. Марфа пристально оглядела свою хозяйшку, головой расстроено покачала, заметив покрасневшие глаза и чуть припухший нос, но вопросов задавать не стала, за что ей Яга была искренне благодарна. Домовая вернулась к прерванному занятию, а Ёжка остановилась у шкафа с книгами и принялась задумчиво разглядывать тёмные корешки. Терентий, запрыгнув на письменный стол, так же принялся изучать книги.

– Вот эту попробуй, Ягуся моя! – ткнув лапкой в большой сборник заклинаний поиска.

Баба Яга взяла книгу с полки, присела в кресло, открыла первую страницу и над ней тут же склонилась не только её светловолосая голова, но и Терентий, пристроившийся на подлокотники кресла, тоже сунул любопытную мордочку в текст. Просили же помочь? Вот он тоже изучает, ищет под-

ходящее заклятие.

Вскоре к их изысканиям присоединился Руслан, добывший на чердаке внушительную стопку книг, в которых, так или иначе, упоминались поисковые и путеводные заклятия. Так они просидели до полудня, отмечая алыми полосками атласной ленточки, которую Златослава пожертвовала из своих запасов на благое дело, те заклятия, которые возможно смогут помочь, пока таких набралось всего-то три штуки. Ровно в полдень Марфа обвела всех суровым взглядом и нетерпящим возражений голосом потребовала, чтобы все шли обедать. Со стороны это могло показаться смешным из-за её небольшого росточка, но смеяться никого не тянуло. Ягуся подхватила мирно играющую на покрывале Василису, Терентий спрыгнул со стола и направился в кухню вперёд всех, а Руслан, прежде чем пойти обедать, захватил недосмотренную книгу с заклятиями, на входе тут же отобранную рассерженной домовушкой.

– Ишь, чего удумал – книжки за обедом читать! – погрозила Марфа крошечным кулаком высокому Змею. – Так себе только аппетит испортишь и страницы в книге. Поешь, тогда отдам!

Княжич только вздохнул печально, но спорить не стал. Да и кто в своём уме с чужой домовою нечистью спорит, да отношения портит? Марфушка конечно не суровый Переяр, домовою родного княжеского терема, который когда-то на них нерадивых отроков и заклятие послушания наслать не гну-

шался, а всё же расстраивать домовушку не стоит, она и великом огреть может в воспитательных целях.

Расселись они за столом и за еду принялись. Попервах-то казалось, что особо не голодны были, но как первая ложка в рот попала, так сразу стало ясно, что проголодались все на совесть. Златка ела сама, да уже сонную, а оттого слегка капризную Василису умудрялась одновременно кормить. Терентий тоже от еды не отвлекался, каша на молоке из его мисочки быстрёхонько исчезала.

Поели все быстро, уж больно не терпелось к поискам вернуться. Руслан и Терентий воротились сразу, как только их тарелки опустели, а вот Злате ещё раскапризничавшуюся дочку укладывать пришлось. Змей, пока Яга ребёнку колыбельные пела да укачивала в люльке, даже страничками шелестел осторожно, уж больно разошлась Лиска-Василиска после обеда, ни в какую спать не хотела, хотя глазёнки-то сонные были. Наконец, кое-как удалось Бабке Ёжке доченьку укачать, закрылись глазки малютки, и носик тихонечко засопел. Спит. Ягуся даже нагнуться побоялась и поцеловать малышку, боясь разбудить, потому только глянула на неё с любовью и на цыпочках к столу прокралась, где к поискам присоединилась.

Только ближе к вечеру, когда уже начало смеркаться княжич Лиходольский и Ягуся решились хотя бы несколько заклятий в деле проверить, а вдруг не понадобится искать больше. Заклятия не сложные были, поисковые, но ничем

они не помогли – нити колдовские путеводные рвались, зеркальце ручное, которое Злата для поиска зачаровать хотела, мутнело, но где Зареслав показывать отказалось. Осталось последнее заклятие, которое Яга решила попробовать от отчаяния, называлось оно «Призывом» и должно было явить вызванного с помощью него человека. Руслан сразу сказал, что такое заклятие ничем помочь не сможет, но Златослава решила его попробовать. Прочла Баба Яга колдовские слова, зазвенели они в полной тишине, будто эхом отразились, и вдруг вспыхнула маленькая алая искорка посередине избы, метнулась к зеркалу большому и исчезла. Застыли все в ожидании. А вдруг, да получится?! Но шло время и ничего не происходило, Златка от обиды даже всхлипнула, но слезам пролиться не дала.

– Не расстраивайся, Ёжка! – подошёл к ней Руслан и чуть приобнял её за плечи. – Книг у тебя ещё много, мы даже половину не просмотрели, так что обязательно что-нибудь найдём дельное.

– Угу, – шмыгнула носом Яга и хмуро скомандовала. – Ужинать пошли, а потом снова за книги засядем!

Как решили, так и сделали. Отужинали они, а потом по очереди весь вечер в книгах рылись, потому как Василиса после обеденного сна настроенная очень воинственно, громко и требовала, чтобы её кто-то из взрослых обязательно развлекал. И только после того, как почти в полночь ребёнка удалось уложить спать, Златослава уже вместе со Зме-

ем над книгами склонилась, но усталость и переживания взяли своё, после полуночи все разбрелись спать.

Ни Златослава, ни Руслан, так и не узнали, что не просто так исчезла та искорка из Избушки-на-Курьих-Ножках. Крохотный алый огонёк появился за сотни вёрст от жилища Бабы Яги у узкого горного лаза, замер на миг и неспешно поплыл в тёмную дохнувшую холодом и сыростью щель. Света искры не хватило даже на то, чтобы осветить путь дальше, чем на шаг, но в этом не было необходимости. Огонёк, слабо мерцая, летел сквозь тьму, всё ускоряясь и ускоряясь, словно бы его цель была близка, и он стремился как можно скорее достичь её, но минуя с десятков крупных пещер и множество узких туннелей движения не замедлил. Искра мчалась всё дальше вглубь горной гряды, словно специально выбирая такой путь, где смог бы без труда пройти человек, ловко избегая опасных мест. Путь искры был долгим, но и он к счастью закончился в одной из самых глубоких пещер, чей единственный выход был тем, через который в него попал алый огонёк.

В пещере было достаточно светло за счёт широких жил светящегося мягким синеватым светом лазурь-камня, словно полноводные реки рассекающих своды и стены. Этого слабого света едва хватало на то, чтобы разглядеть лишь очертания несколько крупных глыб на полу, груду мелких камней почти в самом центре пещеры и бесчувственное тело крепкого мужчины, полулежащее на пологом боку круп-

ного валуна. Искорка, ненадолго зависшая в центре пещеры, неспешно двинулась в сторону находящегося без сознания человека. Алый огонёк завис на уровне мужской груди, мигнул и, со скоростью выпущенной из лука стрелы, врезался в человеческое тело, тут же выгнувшееся дугой. Ни стопа, ни вскрика не сорвалось с губ мужчины, хотя рот открылся в безмолвном крике, а глаза с вмиг сузившимися змеиными зрачками широко распахнулись. Искра словно растворилась в теле, а мужчина, наконец, пришёл в себя. На первый взгляд никаких повреждений на теле человека не было, но замедленные движения и затуманенные болью глаза, с уже обычными зрачками, говорили сами за себя.

Мужчина сел, с трудом удерживая спину прямо, а голову поднятой, и внимательно огляделся, затем смежил веки и замер, будто к чему-то прислушиваясь. Через некоторое время он открыл глаза, снова превратившиеся из серых в янтарные, только теперь змеиный зрачок бешено пульсировал, словно ему было трудно принять какую-либо определённую форму. Человек медленно, через силу поднялся на ноги и, пошатываясь из стороны в сторону, точно пьяный, неспешно побрёл к выходу из пещеры. Очутившись в туннеле он, прислонился плечом к холодной стене, на мгновение смежил веки, давая телу передохнуть и оттолкнувшись, зашагал во тьму, чтобы через несколько десятков шагов опять остановиться для отдыха.

Путь к поверхности для ослабленного человека оказался

в несколько раз дольше, чем у той алой искорки, что сейчас грела его сердце и направляла в сторону спасительного выхода. Мужчина выбрался из расщелины, когда ночное полное ярких звёзд небо начало светлеть на востоке, вдохнул полной грудью морозный воздух и, несмотря на боль, всё ещё таившуюся в глазах и скованных жестах, широко улыбнулся, запрокинув голову к небу. Тут колени его подогнулись, и он упал на громко хрустнувший под его весом плотный наст снега, ладони, которыми пытался смягчить удар, тут же пронзила боль, от впившихся в них острых льдинсколов. Более рыхлый снег, оказавшийся под ледяной коркой, заалел от крови, заструившейся из рассечённых рук. Перед глазами мужчины на миг сгустилась тьма, алчущая поглотить сознание, оставив тело на растерзание зверья и стихий, пытаясь болью отогнать её, он что есть силы, сжал в израненных руках острые льдинки, глубже загоняя их в свежие раны. Новая волна боли отрезвила, помогла собрать волю в кулак и заставить подняться на ноги. Он не может умереть вот так. Просто не может! Его жду. Его ищут.

—Отец, помоги! — едва слышно прошептали потрескавшиеся от жажды губы.

Мужчина выпрямился и сосредоточено нахмурился, стараясь не поддаваться слабости и желанию снова упасть и больше никогда не вставать. Его губы что-то быстро зашептали, а пальцы, по которым всё ещё стекала кровь, задвигались так, будто вылетали какой-то сложный узор. По мере

того, как слабел и срывался на хрипы голос мужчины, прямо перед ним возник проход, сперва полупрозрачный, больше похожий на мираж, с каждым произнесённым словом он становился всё чётче и ярче. Когда последнее слово заклęcia затихло, перед человеком обозначился вход в чёрный, точно бы сотканный из самой тьмы, переход, в противоположном конце которого можно было едва различить очертания какого-то жилища. Собрав волю в кулак, мужчина заставил себя преодолеть проход, хотя уже и так был на грани между тьмой и явью. И вот он уже очутился на крыльце, протянул руку к дверной ручке и... это было последнее, что ему запомнилось.

Баба Яга проснулась от того, что кто-то легко, но настойчиво тряс её за плечо. Спать хотелось так сильно, что Златослава поначалу совсем никак не отреагировала на попытки заставить её подняться с постели, в надежде, что от неё возможно вскоре отстанут. Не тут-то было! Трясти Ёжку стали бойчее.

– Да, идите вы лесом! – пробормотала Яга, пытаясь отбиться от чужой чрезмерной настойчивости.

– А ну-ка, Ёжка, прекрати хулиганить! – услышала сквозь сон возмущённый шепот Руслана ей на ухо. – Вставай немедленно! Ежели вдовой остаться не хочешь, то поднимайся.

– Что?! – всю сонную хмарь с Бабки Ёжки вмиг сдуло, рывком села она на постели и за руку княжича схватила. – Чтостряслось?!

–Что? Что? Муж твой объявился, вона на лавки лежит еле дышит, – ответил он и, шикнув на собравшуюся что-то сказать Ягу, потребовал. – Не кричи. Разбудишь ребёнка. Лучше поднимайся скорее, одевайся и пошли Зарика лечить, а то я без тебя не найду всё нужное для его исцеления!

–Что с ним? – уже шепотом спросила Ягуса, искоса поглядывая на колыбельку, проверяя, не проснулась ли дочка.

–Есть у меня одно подозрение, но о нём скажу, как только ты на Зареслава сама глянешь, может своим ягушенским взглядом, ещё чего заметишь, – отозвался Руслан, посмотрев в сторону ведущей на кухню двери.

–Иди к нему! – проследив за взглядом родича, скомандовала Злата, откинула в сторону одеяло и бросилась к лежавшему на сундуке платью. – Я быстро.

Княжич кивнул в знак того, что услышал её, и стремительно покинул спальню Бабы Яги, затворив за собою дверь. Ёжка тем временем уже натягивала на себя платье и, собрав волосы, заколола их гребнем, а сверху туго завязала платком, чтобы не мешались, заплетать их в косу, не было ни времени, ни терпения. Проверив спит ли Василиса, Яга поспешила вслед за Русланом, только на пороге кухни осознав, что вот сейчас, наконец, узнает, правильные или нет, были её догадки в отношении мужа. Отбросив эти мысли, как сейчас совсем ненужные, Златослава решительно прошла в кухню.

Сперва на глаза Ягусе попался сидящий на полу в центре кухни Руслан, и только после этого, она разглядела, что си-

дит он возле мужчины, лежащего прямо на половичке. Сердце Златки болезненно сжалось, заставив замереть, не сделав новый шаг, но она сразу взяла себя в руки, и осторожно обойдя мужчин, присела на корточки. Увидев коротко остриженные каштановые волосы и знакомое лицо с приметными шрамами, Ёжка непроизвольно сжала губы и нахмурилась. Надо же, прямо не в бровь, а в глаз!

–Ну, Златка, хватит так хмуриться! Лучше приглядиись повнимательнее, что с ним такое? Выяснить отношения будете, когда мы его на ноги поставим, – поторопил девушку Змей, заметив обиду в её глазах.

Серьёзно кивнув, Златослава принялась осматривать лежащего на полу мужчину. Никаких серьёзных ран на теле она не обнаружила, только несколько синяков, ссадин и рассечённые чем-то острым ладони с запекшейся уже кровью, а ещё кожа супруга была очень холодной, словно бы он только-только с мороза. Баба Яга растерялась, не зная, что и думать, в голове было совсем пусто. Вот тут Злату озарило, глянула она своим колдовским зрением и чуть не взвизгнула, вовремя губу до крови прикусив. Увидела она, что всё тело её мужа чёрной волошбой опутано, как сетью, а на груди и вовсе, словно ком дегтярный.

–Что это? – выдохнула Яга едва слышным шепотом.

–А что ты видишь? – вопросом на вопрос ответил Руслан, пытливо вглядываясь в лицо испуганной Ёжке.

–Он словно сетью чёрной окутан, а тут, на груди, всё и

вовсе черным-черно, – жалобно прошептала она, с надеждой глядя на княжича.

– Значит прав я, – кивнув своим мыслям, произнёс Змей и, поднимаясь на ноги, принялся поспешно объяснять. – Его отравили. Яд редкий, только на нас Змеев и действует, огонь наш колдовской пожирает медленно, но неотвратимо. Без огня ни один из нас долго не проживёт. Противоядие есть, но..., – на этих словах он замолк и тяжело вздохнул.

– Что «но»? – с замиранием сердце спросила Яга.

– Чем дальше яд в теле находится, тем меньше шансов на исцеление, – нехотя поведал он ей.

– Что мне делать? – сжав кулачки, спросила Баба Яга, глядя на родича серьёзно и решительно.

– Зелье непростое и я один бы долго с ним возился, но вдвоём, Ягуся, мы, думаю, быстро управимся, – княжич слабо улыбнулся и принялся объяснять. – Давай сперва все травы да порошки для зелия разыщем, так быстрее будет, а потом уж и за готовку примемся.

Как решили, так и сделали. Вначале все составляющие для зелья сыскали, потом Злата отвар из трав принялась делать, а Руслан, рядышком пристроившись, порошки нужные смешивал, да сильнее в ступке растирал. И так это у них ладно и проворно получалось, что лекарство для Зареслава было готово за каких-то полчаса, в течение которых Ягуся то и дело с тревогой поглядывала на бледного почти до синевы мужа. Девушка, как могла, отгоняла скверные мысли о том,

что опоздали они, и зелье супругу уже не поможет, но они с завидным упорством возвращались и терзали разум.

–Ну, вот, Ёжка, почти готово, – прошептал Руслан, помешивая красноватое варево в глиняной плошке. – Сейчас остудим, процедим, и нужно будет братишку этим напоить.

–Угу, – кивнула Златослава, с тревогой поглядывая то на зелье, то на мужа.

–Мама! – вдруг донеслось требовательное из спальни. – Ма-ма!

–Ох, как не вовремя! – простонала Яга и метнулась к дочке, на бегу бросив княжичу. – Я сейчас.

–Злата, спаси! – это уже сипели Терентий, оставшийся присматривать за спящим ребёнком.

Очувтившись в спаленке, Бабка Ёжка оторопело уставилась на сидящую в люльке Василису, крепко прижимающую к себе застывшего, как соломенное чучело, рыжего кота. Видимо когда ребёнок проснулся, Реня запрыгнул в люльку, решив до прихода Златы не допустить, чтобы малютка, ставшая очень егозливой, не выпала, но вдруг оказался пойман цепкими ручонками и похоже лишился нескольких клочков своего пушистого меха. Стоило только матери показаться в дверях, как фамилляр был забыт и отпущен на волю, а Василиса, протянув ручки, грозно потребовала:

–Ма-ма, наа-а-а!

–Лисёнок мой! – Ягуся подскочила к колыбельке, подхватила девочку на руки и, поцеловав в румяную щёчку, прого-

ворила. – Мама сейчас очень занята и поиграть с тобой не сможет, – а затем обратилась к домовушке, тут же появившейся перед очами хозяйюшки. – Марфуш, присмотри за ней, пожалуйста, да накорми!

–Конечно, хозяйюшка! – покивала домовая, принявшись игрушки василискины из коробов доставать, а потом ещё и за едой для малышки шустро сбегала.

–Василисушка, будь хорошей девочкой, поиграй пока с Марфой! – очень серьёзно, совсем как со взрослой, заговорила Яга с дочерью. – Я пойду..., – тут Яга запнулась, и через мгновение уже уверенно произнесла, – пойду папу лечить, а потом вернусь и мы с тобой поиграем, и дядя Руслан с тобой тоже поиграет.

Василиса смотрела на мать внимательным взглядом, словно понимая всё то, что она ей говорила. Злата со вздохом усадила ребёнка на шкуру среди разложенных игрушек, поцеловала в макушку и, дождавшись возвращения домово́й, поспешила вернуться в кухню. Что удивительно – девочка не стала капризничать и плакать, когда Златослава скрылась за дверью, будто и впрямь осознавая важность маминого занятия.

Стоя на коленях возле находящегося в беспамятстве Зареслава, Руслан ожидал возвращения Яги, потому как сам, без чужой помощи напоить отравленного ядом он бы не смог. Ёжка же торопливо пересекла разделявшее их расстояние, села подле супруга и забрала протянутую родичем кружку с

зельем.

–Так, Ягусь, приготовься! – скомандовал Змей Лиходольский, приподнимая брата за плечи и почти усаживая его. – Я сейчас ему рот открою, а ты зелье лей, да смотри, не проливай сильно!

–Да, как же он глотать-то будет?! – всполошилась Яга. – Он же в беспамятстве!

–Об этом я позабочусь, – поспешил успокоить её княжич. – Ты главное зелье лей! Готова?

–Ага, – кивнула Баба Яга, поднося кружку к самым губам мужа.

–Лей, только медленно, – потребовал Руслан, надавив каким-то хитрым образом на челюсть Зареславу, открывая тем самым ему рот, а затем пальцем на язык, заставляя глотать зелье, которое лила Злата.

Так было сделано всего-то два глотка, а потом мужчина закашлял, глаза открылись, но были они какие-то мутные и словно не видели ничего. Воспользовавшись тем, что брат очнулся, Руслан отобрал у оторопевшей Яги кружку и принял поить его. Зареслав послушно и даже как-то жадно глотал настойчиво вливаемое в него зелье, но боле никак не реагировал на окружающих. Ёжка затаив дыхание следила за тем, как супруг опустошает кружку, и мысленно возносила молитву Матушке-Земле, чтобы подействовало зелье как должно. Стоило только кружке опустеть, как её тут же передали Злате, а Зареслава, находившегося в каком-то погра-

ничном между беспамятством и явью состоянии, Руслан как-то умудрился теперь уже полностью усадить на колени и теперь придерживал его за плечи.

–Так, Ягусь, а теперь тащи ведро и наполни ещё одну кружечку зельем, – распорядился родич, расположив одну руку под рёбрами брата, а второй наклонив того за плечи вперёд. – Ведро сейчас тащи и перед ним ставь!

–Тут? – донесся и поставив прямо у колен Зареслава деревянное ведёрко, спросила Яга.

–Чутьочку подальше от него, – отозвался Змей, внимательно следя, как девушка медленно двигает ведёрко. – Вот так и оставь. А теперь можешь зелье наливать... И, да, Златка! Если что, ты ничего не видела и в этом не участвовала, а то Зарик меня пришибёт!

–Нашёл о чём сейчас думать! – возмутилась Ёжка, всплеснув руками.

–Если я сейчас об этом не подумаю, то потом кое-кто мне шею намылит! – огрызнулся Руслан и, бросив короткий взгляд на Бабу Ягу попросил. – То, что останется от зелья, в ковш с водой вылей, пригодится.

Злата фыркнула и принялась за дело. Перво-наперво налила полную кружку зелья из миски, оставшегося в ней хватило бы ещё кружки на две. Потом девушка принялась искать большой ковшик, который, как назло отказывался находиться. Яга начала нервничать, когда вспомнила, что ковшик в сенях остался, Марфа его за ненужностью на крю-

чок там повесила. Метнулась Златослава туда, да впотьмах никак отыскать не могла, а свечу с собой взять забыла, и вот когда нащупала на стене черпачок этот, услышала звуки, донёсшиеся из кухни и чуть ли не с гвоздём сорвав ковшик, ринулась назад.

Распахнув настежь дверь, у бедной Ёжки чуть сердце не остановилось, увидев, что Зареслава кровью тёмно-алой рвёт. Как стояла она на пороге, так ноги и подкосились, и вот сидит уже Яга и с ужасом на мужа смотрит.

– Да не смотри ты на него, как на покойника! – рыкнул Руслан, придерживая брата. – Не кровь это! Просто зелье часть яда вытянуло и в такой цвет окрасилось...

– Да, что же ты сразу, паразит такой, мне не сказал! – в ответ зло рявкнула Златослава. – Я же чуть от страха не померла!

Княжич ничего на это не ответил, с заметным усилием брата придерживая, пока тот с содержимым желудка расстался. Бабка Ёжка же, времени не тратя даром, на ноги поднялась и с ковшом к бадье, у стола разделочного стоящей, метнулась, наполнила черпак водицею родниковой и оставшееся зелие туда вылила. Ковш на столе оставив, а вот кружечку, наоборот, с него забрав, Злата вернулась к мужчинам, мимоходом отметив, что муж всё ещё в некоем подобии сознания находится и тошнить его прекратило.

– Так, Ягусь, зелье мне давай, и ковшик сюда тащи! – командовал Руслан, почти вырывая из рук Яги кружечку. – Хо-

рошо пошло! Мы эту гадость из него мигом выведем!

– Уверен?! – с надеждой выпалила девушка, замерев на месте.

– Теперь уверен, Ёжка, – залихвацки улыбнувшись, сообщил Змей, одновременно с тем стараясь напоить брата новой порцией зелья. – Тут дело такое, если бы не подействовало наше снадобье, наружу бы оно точно не попросилось. Словом пои – не пои всё одно, нету сил, с ядом бороться и всё тут. Самое опасное зелье вытянуло, да вышло, теперь осталось дело за малым, оставшуюся отраву извлечь, да огонь его подпитать, но там другие отвары нужны, их приготовить легко. Так что, думаю, денька через три Зарик на ноги встанет.

Вторая кружка зелья не столь быстро тошноту вызвала, пришлось ждать, да придерживать ослабленного ядом Зареслава. В этот раз зелье в столь тёмно-алый цвет не окрасилось, а когда уже из ковша отваром больного поить начали, и вовсе осталось, как и прежде.

– Ну, вот, теперь его бы уложить удобнее, да укрыть по-теплее, – задумчиво произнёс Руслан, осторожно укладывая, снова потерявшего сознание брата на пол. – Твои предложения?

– Давай на кровать его перенесём, – растеряно произнесла Златослава, даже не представляя, где ещё можно супруга разместить.

– Нет, Ягусь, так не пойдёт, – покачал головой княжич. – Я конечно посильнее обычного человека, но Зарика даже

мне будет тяжело ватно ворочать – это раз. У тебя дитё малое в спальне обитает, напугаем ещё. Когда Зарика отварим, огонь восстанавливающими, поить начнём, ему, скажем так, не очень-то хорошо будет, в бреду станет метаться, может даже кричать. Так что в спальню мы его не потащим.

–Тогда тут у печи несколько лавок составим, да табуретов, сверху перину постелю, – оглядевшись, предложила Ёжка. – Так, наверное, и впрямь лучше будет. А на спальню, я Марфу попрошу полог тишины пока накинуть, так что Василиску не потревожим.

–А что? – задумался на мгновение княжич и удовлетворённо кивнув, постановил. – Прекрасная мысль! Так и делаем.

Пока Руслан у печи лавки прилаживал, Баба Яга в сундуки свои с царскими подарками зарылась, да с самого дна перинку достала, хорошую, пуховую. Раздобыла Ёжка и подушку, и одеяло шерстяное, да поспешила назад, постель для мужа готовить. Змей Лиходольский к тому времени две лавки сдвинул у печи, да додумался один из прочных коробов для лежанки приспособить, всё же Зареслав росту высокого, лавки для него коротковаты были бы. Златка же быстро сообразила постель, на которую Руслан без особых усилий брата перенёс и уложил осторожно. Вот ведь надувала! А говорил-то, что тяжело ему будет с Зареславом возиться.

Фыркнула Ягуся на родича возмущенно, да поспешила мужа в одеяло закутать, да сверху ещё одним прикрыла, что-

бы теплее было, хотя от горячего печного бока и так хороший жар шёл. Дождавшись, когда Яга закончит супруга своего завертывать, княжич попросил её травы, ягоды и коренья достать, которые ему для нового отвара нужны будут. Часть трав на кухне нашлось, а другую часть Руслану пришлось самому добывать, на чердак полезши. Объяснила она ему, где что искать надобно и спровадила восвояси.

Стоило только шагам Змея раздаться на лестнице, как Злата к мужу поближе переместилась, у изголовья его прямо на пол присела и принялась бледное лицо разглядывать, будто впервые видела. Вглядывалась она в каждую чёрточку, кончиком пальца шрамы тихонько отслеживая и только сейчас понимая, как это больно ему верно было. Та глупая девчонка, что первый раз эти шрамы увидевши едва сдержалась, чтобы не скривиться, даже не задумалась о том, в какой битве их получил мужчина, а теперешняя Златка с ужасом и душевной болью представляла, каково это было Зареславу такие раны заполучить. Вот ведь как оно бывает – сперва нос воротим, а потом и налюбоваться не можем! Нет, жалости она к мужу не испытывала, тут другое чувство проснулось, нежностью зовётся. Откуда она взялась по отношению к сильному да удалому Змею, не ведомо было Ёжке, а нежность тёплой волной по телу разливалась, заставляя сердце то и дело замирать. И уже неважно было Яге, по какой такой причине таился от неё Зареслав, главное, что сейчас тут, рядом. Главное жив!

Вдруг как-то уж слишком нарочито громко закрипели до сего момента совсем не скрипучие ступени, предупреждая, что скоро в кухню Руслан вернётся. Бабка Ёжка вздрогнула, поднялась с пола проворно и к столу отступила, не хотелось повод для зубоскальства родичу давать, а он ведь обязательно решит поддеть девушку теперь, после того как тревога за брата миновала.

Прекратила надрываться скрипом лесенка, простучали по полу сеней мужские шаги, и отворилась дверь, впуская княжича Лиходольского с целым пучком сухих трав и соцветий, от небрежного обращения обильно сыпавшихся на пол. Руслан потерь в добытых нелёгким путём травах не замечал, старательно пытаясь подавить рвущееся наружу чихание. Сдержаться он не смог.

–А-а-а-ап-чхи-и-и! – гулко выдал он, как малец какой-то, извернулся и нос о плечо утёр.

Златка не удержалась и в кулачок прыснула, чувствуя, как тревога потихонечку истаивает, будто снежок на пригорке под весенним солнышком. Княжич фыркнул и устремился к столу, свалив на него свою добычу.

–Иди-ка ты, Злата, к ребёнку, – посоветовал Змей, сноровисто принявшись отщипывать от принесённого веника нужные ему травы. – Марфа пока завтрак приготовит, да и я отвар целебный закончу.

–А Зареслав как же? – невольно вырвалось у Яги и, не удержавшись, метнулся в его сторону тревожный взгляд.

– Пусть спит, – произнёс Руслан, не отвлекаясь от своего важного занятия, – пока зелие остатки отравы изничтожит, ему спать надо много. Ближе к вечеру ещё одну порцию противоядия дадим, а потом уж можно будет потихоньку укрепляющими отварами поить. Поняла? – Змей обернулся на мгновение к Бабе Яге и, дождавшись её нерешительного кивка, попросил. – Иди к Лисёнку, Ёжка.

Не стала спорить Златослава, послушна в спальню направилась и только порог переступивши, глянула ещё раз на мужа своего, вздохнула и к дочери пошла. Понятливая домовушка тут же подхватила и поспешила к печи, завтрак готовить, а Ягуся уселась на шкуру, подле возившееся с игрушками Василисы и вдруг шмыгнув носом, тихонечко заплакала, только сейчас осознав какой страх её за Зареслава в тисках держал.

– Не реви, Ягусь! – тут как тут возле своей Ёжки возник Терентий, потёрся лбом о её коленку. – Выходишь ты Змея этого болезного, не бойсь!

– Ух, я его выхожу! – согласно буркнула Баба Яга, утерев слёзы ладошкой и улыбнувшись настороженно поглядывающей на неё дочери.

К вечеру того же дня Зареславу стало хуже, яд так просто не собирался зелью поддаваться. С этого момента и следующие четыре с половиной дня для Златы и Руслана стали крайне тяжкими и тревожными. У постели больного Яга и Змей дежурили по очереди, поя его отварами, да зельями,

меня примочки и следя за прерывистым дыханием Зареслава.

На исходе четвёртого дня, силы покинули Златославу. Девушка, как сидела на расстеленной шкуре подле больного, так и заснула, уткнувшись лбом в перину, на которой муж лежал. Сон смешался с явью, разобрать, что где не получалось. Ёжка словно видела себя со стороны. Вот она, как сидела, так и сидит подле мужа, а он вдруг хрипеть начинает, задыхается. И Злата не знает, что делать, кричит, зовёт Руслана, а того нет. Не отзывается княжич, как не кричи, а Зареславу всё хуже и хуже, вот уже побледнел весь, а губы посинели, и он этими губами тихо шепчет: «Душа моя!».

Яга не сразу поняла, что снилось это ей всё, только чувствовала, как по щекам слёзы потоком льются, да чьё-то нежное прикосновение эти слёзы утирающее. А глаза открыть было боязно. Вдруг не сон ей снился? Вдруг всё взаправду?!

—Ну чего ты плачешь, родная? — снова услышала она тихий шепот мужа. — Что тебе такого страшного приснилось?

Если до того момента сон казался Ягуси явью, то теперь явь чудилась сном, да ещё таким дивным. Глаза открывать она не спешила, боясь, что увидит мужа всё ещё находящегося в бреду, между жизнью и смертью. Зареслав же тем временем, утерев последнюю слезинку на щёчке Златы, почти невесомо коснулся ладонью её волос и прошептал со вздохом:

—Не плачь больше никогда, ненаглядная моя!

–Очнулся! – на выдохе радостно выпалила Яга, наконец-то уверившись, что Змей её и впрямь жив живёхонек.

–Не спишь, – как-то подавленно произнёс мужчина очевидное.

–Нет, – радостно подтвердила она, глаза на мужа поднявши.

На лице супруга особой радости она не обнаружила, хмуρο чело его было, и взгляд он в сторону отводил, словно на Ягусю смотреть ему не хотелось. Вот чего он так, а? Мгновение назад «ненаглядной» называл, а теперь и смотреть на неё не желает. До глубины души Ёжка обиделась, чуть повторно не разревевшись.

–Как я здесь оказался? – вдруг спросил мужчина, когда Златка уже в голове себе таких страстей напридумывала.

–Не ведаю, – буркнула Баба Яга, насупившись и тоже от мужа отвернувшись, да губы, словно дитё малое, надув. – Вона у Руслана надобно поспросать, он лучше знает. Сейчас позову.

–Стой! – крепкая рука поймала тонкие девичьи пальчики в свой плен, так и не дав Златославе подняться. – Что случилось? Отчего помрачнела так?

–А ты чего помрачнел? – запальчиво спросила Ёжка и тут, не сдержавшись, всхлипнула, принялась сбивчиво ему высказывать. – Значит, пока думал, что спала я, «душа моя» называл, «ненаглядной» кликал, а как я глаза открыла, даже не смотришь в мою сторону! Я что провинилась перед тобою

чем-то? Скажи!

– Да чем ты могла передо мною провиниться?! – удивившись, спросил Зареслав.

– Да мне, откуда знать? – всхлипывала Яга, утирая свободной рукой снова лившиеся из глаз слёзы. – Я так ждала, что ты очнёшься! Так боялась, что хуже тебе станет, а ты... – шмыгнув носом, Яга в запале высказала самое страшное своё опасение. – Ты, наверное, сто раз пожалел, что со мной свою судьбу соединил! Ведь верно, зачем тебе такая вертихвостка как я?! То за Ивана замуж собиралась, а как случилась беда, сразу колечко приняла. Вертихвостка как есть! Ты ежели жалеешь, что со мною связался так и скажи...

– Куда-то тебя, Златослава Ростиславовна, не в ту степь понесло, – прервал поток её слов Лиходольский княжич и строго спросил, глядя ей прямо в глаза. – Причём тут ты вообще? И с чего ты взяла, что я о своём решении пожалел?

Злата молчала. Не знала она, что тут сказать. Вернее знать-то знала, но что-то её останавливало от откровенностей, наверное, боязнь сболтнуть лишнего на эмоциях. Лучше будет разговор в другую сторону увести.

– Не знаю, – со вздохом пробормотала Яга и, бросив короткий взгляд на мужа, тихонечко спросила. – А ты почему сразу не признался, кто ты таков есть?

– Не знаю, – вдруг как-то светло улыбнувшись, ответил Зареслав.

– Ты меня тут не передразнивай! – шмыгнув носом, погро-

зила ему Бабка Ёжка и сама того не замечая ответила на его улыбку. – Говори уж как есть!

–Я действительно не знаю, – покаялся муж. – Ехал верхом специально, чтобы тебя увидеть, даже кольцо венчальное взял, сам хотел замуж позвать, даже целую речь заранее написал и выучил. И вдруг в Карповке тебя встречаю, а ты меня «учителем» назвала, в тот момент у меня вся речь из головы вылетела. Стою, смотрю как ты, то краснеешь, то бледнеешь и понимаю, что не знаю, как сказать о моём желании тебя замуж взять, а ещё страшно стало, что опять откажешь...

–Так-таки страшно? – не поверила Ягуся, снова чувствуя к супругу своему неизъяснимую нежность.

–Страшно, Злата, – подтвердил свои слова Зареслав. – Очень страшно!

–А я стояла, смотрела на тебя и думала, что правы были мои подружки по Академии, – неожиданно даже для себя призналась Златослава, тут же губу прикусила, смутившись, но всё же продолжила, – когда говорили, что ты очень красивый и мужественный, что даже шрамы и те не заметны становятся. Потому-то я то краснела, то бледнела, стыдно было, что так тебя разглядываю...

Ёжкины слова прервал тихий смех княжича, в котором чувствовалась горечь. Злата тревожно вглядывалась в лицо супруга, но, так и не поняв в чём причины столь странного на её взгляд поведения, осторожно сжала ладонь мужа свои-

ми пальчиками, призывая обратить на неё внимание и объяснить, что же произошло.

– Я ведь думал, что до сих пор неприятен тебе, – мягко проговорил Змей Лиходольский. – Когда ты меня первый раз увидела, на твоём лице было столько страха и неприязни, а я уже тогда был влюблён в тебя. Вот и в Карповке, когда ты меня разглядывала, я подумал...

– Балбес ты, муж мой! – хмыкнула Яга и, приподнявшись чуть-чуть, чмокнула мужа в щёку, туда, где шрам был, правда тут же смутилась своему поступку и снова разговором его отвлекла. – А почему ты себе имя другое взял, не родителями данное? Почему тебя в Академии Святозаром Добролюбовым все называли?

– Почему же, именно родители и назвали меня Святозаром, – хитро улыбнувшись, пояснил мужчина, – а Добролюбовы – это вообще материн род. Так что это тоже моё имя.

– А почему тогда тебя братья Зареславом кличут? – искренне недоумевала Баба Яга.

– Потому, что и это моё имя, – признался Змей, продолжая хитро поглядывать на жену и лукаво улыбаться.

– Но как же так? – совсем растерялась девушка.

– Всё очень просто, – сжалился Зареслав и принялся объяснять. – У нас в роду Змеев Лиходольских принято, что мальчикам имя даёт старший в роду. Уже многие десятилетия старшим является дед, он дал имя моему старшему брату и мне имя должен был дать. Вот только мама моя кате-

горически была против дедова самоуправства и назвала меня раньше, чем это сделал он. Когда дед узнал о мамином поступке, то тут же заявил, что княжеским для меня станет имя Зареслав, а Святозар останется вторым именем. Не любил дедушка с матерью моей ссориться, вот так и получилось, что я двойное имя ношу. В княжестве нашем на имя данное главою рода отзываюсь, а в других царствах государствах второе использую, если, конечно, не по делам родного княжества ездить приходится.

– Вот так да, – подивилась странности Ёжка. – А я всё никак в толк взять не могла, почему же ты Святозаром-то называешься.

– Ежка! А Ёжка?! А чего это ты мне зубы заговариваешь? – хитро улыбнувшись, спросил мужчина и, поймав вторую златкину ладошку в плен своих рук, прошептал. – Скажи, ты впрямь не жалеешь, что за меня замуж пошла?

– Ну, вот, снова здорово! – закатив глаза, вознегодовала Ягуся. – Знаешь, что, муж, выздоровеешь и я тебя веником отхожу за такие вопросы глупые, а пока ты у меня вроде как больной, просто скажу – ни мгновения я не жалела, что согласие на брак дала, а сейчас вообще с ужасом думаю, что было бы если бы я отказалась.

– И что было бы? – чарующим голосом спросил он, склонившись к самому лицу девушки.

– Не было бы у меня такого чудесного Змея, с такими беспутными родственниками, – фыркнула насмешливо Яга и,

даже пискнуть ничего не успела, как припал княжич к её устам.

–Эй, вы двое! Заканчивайте, давайте отношения выяснять и нежничать! Мы с Лисёнком уже есть хотим, того и гляди с голода помрём, пока дождёмся, что вы намилиуетесь, – раздался чересчур громки и язвительный голос Руслана. – А тебе, Зарик, вообще никаких милований сейчас не нать! Ты тока от яда оклемался, тебе покой нужен.

–Я его сейчас прибью! – прошептал Зареслав, прижавшись лбом ко лбу Златы.

–Не надо пока, он нам ещё пригодится, – хихикнула Ёжка, легко поднимаясь на ноги.

–Возможно, – задумчиво протянул её супруг.

–Спелись! – делано возмущённо пробормотал Руслан. – Верно, говорят: «жена да муж – змея да уж».

–Пожалуй, веником я приласкаю всё же этого болтуна, – как бы невзначай поделилась планами Златослава.

–Злые вы! Уйдём мы от вас! Правда, Лисёнок? Ты же меня не бросишь одного? – посмеиваясь, ворчал брат Зареслава, покачивая на руках малышку.

–А ну-ка, болтать прекратили усе! – строго прикрикнула Марфа и скомандовала. – За стол идите! Стынет же всё.

Глянули все на стол, ещё недавно совсем пустой, а там и впрямь уже всё к завтраку готово было. Переглянулись Змеи со Златой и улыбнулись друг дружке. Вот оно, какое быстрое колдовство домовых бывает!

Глава 14. К тёще на блины или долги надо отдавать.

Хотя на первый взгляд, пришедший в себя Зареслав и казался почти здоровым, но слабость после столь сильной отравы не дала ему встать и присоединиться к остальным за столом, потому Руслан остался кормить малышку, а Злата забрав полную миску наваристого мясного бульона направилась к мужу. Поначалу Девушка собиралась сама покормить супруга, но Добролюбов категорически этому воспротивился, заявив, что поест самостоятельно может и сама. Под скептический хмык Яги, Зареслав приподнялся с трудом, прислонился к печному боку спиной и принял из рук жены миску и ложку.

–И не надо на меня так смотреть, – хмурясь, попросил мужчина, осторожно устраивая миску на коленях и придерживая её левой рукой. – Я действительно могу поест самостоятельно, присматривать за мной не надо, чай не младенец.

–А что я?! Я тут просто сижу, – невозмутимо отозвалась Баба Яга и принялась с независимым видом рассматривать потолок, изредка искоса поглядывая на супруга.

–Злата! – попытался возмутиться ёжкиному самоуправству Змей, но не преуспел в этом.

–Ну, Злата и что? – фыркнула девушка насмешливо и сообщила не терпящим пререкания тоном. – Пока всё не съешь, буду сидеть тут, а то мало ли...

–Злата, я давно не ребёнок, поест могу без пригляда, – напомнил Ёжке княжич, но та его проигнорировала с гордым

ВИДОМ.

–Ты, Зареслав Венцеславович, ешь, давай, – назидательно проговорил рыжий кот, только сейчас покинувший спальню своей подопечной и запрыгнувший на печку. – Ягсую мою слушайся, она за тебя знаешь как переживала?

–Терентий! – нараспев произнесла Яга с угрозой в голосе, в надежде урезонить фамильяра.

–Цыц, Ёжка! Если я ему не скажу, ты и подавно промолчишь, дуться будете потом, как дети малые друг на друга, – оборвал девушку кот, поглядывая на неё сверху вниз, потом перевёл взгляд на Змея, что с интересом к его словам прислушивался. – Так вот, Змей Лиходольский, Ёжка за тебя беспокоилась, ночей не спала, у постели караулила, а тебе такой малости жаль, не хочешь, чтобы она тихонечко посидела да убедилась, что и впрямь сам в состоянии ложку держать. Переломишься ты, что ли от этого, а? Ведь и тебе не в тягость, и ей спокойно.

–Реня, может, хватит? – хмуро полюбопытствовала у рыжего Златослава.

–Да не пострадает твоя гордость от такого, – продолжал вещать кот, совершенно не обращая внимания на свою Ягу.

–Терентий, может, ты помолчишь уже? – миролюбиво поинтересовался Зареслав, осторожно хлебая ложкой бульон. – Видишь, ем я уже, а Злата вот рядышком сидит.

–И вправду, – оглядев мирно сидящего мужа да жену, выдал Терентий и, словно бы не он только что распекал Змея,

сообщил. – Ну, тогда я тоже есть пошёл.

–Знаешь, Зарик, я бы такого помощника, как этот кот, – неожиданно заговорил Руслан, кормивший Василису, – остерегался, честное слово. Вреда от него больше, чем пользы.

–Ай, не скажи, – вдруг широко улыбнувшись и подмигнув жене, произнёс Зареслав.

Дальше уже всё пошло без ненужных препирательств и поучений. Сразу после завтрака, Руслан передал под пригляд Марфы малышку, а сам вместе со Златкой принялся у брата выспрашивать о том, что же с ним произошло.

Рассказ Зареслава ясности совсем не внёс. Выяснилось лишь то, каким образом Змея отравили, да и только, а вот кто это сделал, чего добиться этим хотел, осталось неизвестным. Со слов ёжкиного мужа оказалось, что перед тем, как направиться ко второй печати, что была ещё цела, мужчина побывал у старого колодца, воды во фляги набирал, именно та вода-то по его разумению и была отравлена. Как раз пары глотков хватило удалому княжичу, чтобы дурно себя почувствовать, но и после этого пройти Зареслав смог довольно далеко и почти что у самой второй печати попал он в ловушку колдовскую, что «Проклятой Ямой» зовётся. Ловушка эта подлая, кто в неё попадает, переносится, словно через проход в место заговорённое, где колдовство творить невозможно, обычно из таких мест нет выхода. Только повезло Змею, что тот, кто ловушку делал, решил жизнь себе облегчить и вместо заговорённой «Ямы», перенёс отравлен-

ного мужчину в пещеры с жилами лазурь-камня, что любую волошбу и силу колдовскую вытягивает. Сам колдун подлый тоже явился, потом на жертву свою посмотреть, Зареслав к тому времени в беспамятстве почти всё время был, но всё же почувствовал, что оружие и амулеты с него сняли, да тёплых вещей лишили, оставив его практически в одном исподнем. Больше колдун ентот не показывался, видимо решив, что жертва его рано или поздно всё равно помрёт, а значит и проверять незачем.

Злата слушала тихие слова мужа и злилась. Злилась лютой ягушенской злобой и будь поблизости тот колдун, из-за которого Зареслав чуть жизни не лишился, рисковал бы он получить страшное и не снимаемое проклятие в исполнении разгневанной Бабы Яги. И ведь как по заказу вспомнились самые жуткие смертоубийственные проклятия, только вот колдунишки поблизости, как на грех, не оказалось.

Добролюбов тем временем добрался до разьяснения о том, каким образом он из пещер выбирался, да как проход строил. Оказалось, что каким-то чудом сила его колдовская пополнилась ровно на столько, сколько требовалось для того, чтобы проход пробить.

–А почему именно к Избушке строил? – лукаво поинтересовался до того момента ни разу не перебивший брата Руслан.

–Ближе было, – ничуть не смутившись, ответил княжич.

–Угу, почти верю, – уже не лукаво, а как-то даже пакостно,

улыбнулся золотоволосый Змей.

Ничего не сказал ему на это Зареслав, только так выразительно на жену свою взглянул, что зарделась она совсем под его жарким взглядом. Тут слова-то действительно не нужны были и так понятно, что сердце Змея Лиходольского в Избушку Бабы Яги привело.

– Знаешь, Зарик, тебе бы помыться не мешало, – делано задумчиво произнёс Руслан, пристально оглядывая брата. – Вот честное слово – не мешало бы! Конечно, некрасиво так говорить, но пахнешь ты братец, как труп, что на солнышке седмицу пролежал.

– Руслан, вот я тебя ж веником-то приласкаю! – прошипела сквозь зубы Ёжка.

– Не надо, – с улыбкой остановил её муж. – Руслан прав, мне действительно не мешало бы помыться.

– Эх, бедовая ты Яга, Златка! – засмеялся новый родич. – Даже баньки у тебя нет, в которой добра-молодца попарить следует. Слышь, Зарик, это в твой огород камушек! Уж будь добр, когда на ноги встанешь, исправь это упущение, а то так и придётся в этой срамоте заморской отмокать.

– Это ты о чём? О ванне что ли!? – рассмеялся в голос Зареслав. – Чем тебе ванна-то не угодила?

– Да, ну! Маленькая, неудобная, остывает быстро..., тьфу!.. одним словом заморщина, – наигранно возмущённо выдал княжич и, подмигнув брату, язвительно припечатал. – Как ты со своим ростом там разместишься, не ведаю, колени

чать выше головы торчать будут.

–Достаточно! – прикрикнул на него Добролюбов и пальцем так строго погрозил. – Скажи лучше, есть у тебя сменная одежда?

–Зарик, ты сам-то понял, что спросил? – продолжал насмешничать Руслан. – Тебе ни мои рубахи, ни портки и на нос не налезут, так что придётся тебе братик простынкой пока обмотаться какой-нибудь. Злат, найдётся у тебя для мужа простынка?

–Найдётся, – буркнула Ёжка, слегка покраснев и сделав вид, что увлечена разглядыванием вышивки на собственном рукаве.

–Тогда тащи сюда, потом забирай малышку и Марфу! – самодовольно скалясь, скомандовал золотоволосый княжич. – А я братика пока до ванны твоей срамной дотащу.

Златослава кивнула и поспешила в спальню, чтобы никто не заметил, как лицо её от смущения зарделось. Дольше чем нужно для поиска простыни в сундуке провозилась Баба Яга, стараясь успокоиться, потому что мысль, что Зареслав будет тут почти нагишом находиться, смущала её невероятно. Только успела Ягуся простынь достать, как вдруг из кухни донесся сначала скрип, потом громкий треск, стук чего-то деревянного упавшего на пол, а за всем за этим послышалась тихая ругань на два голоса.

–Что там у вас такое?! – почти влетев на кухню, потребовала ответа Ёжка.

– Да вот, сломалось тут кое-что, – пробурчал Зареслав, сидевший лишь на одной чудом уцелевшей лавке, с возмущением поглядывая на Руслана.

– Эх, Ёжка, мужу твоему теперь спать негде, – очень печально подвёл итог второй Змей, держа в руках обломки лавки.

– Он её нарочно сломал! Я сам видел, – сдал Руслана рыжий кот, до сего момента дремлющий на печке.

– Вы в этом уверены, многоуважаемый Терентий? – сладким голосом, словно мёд лесной, поинтересовался у фамильяра парень.

Кот приоткрыл один глаз, глянул на выразительно улыбающегося княжича и задумался. Думал Реня недолго и вскоре совершенно невозмутимо выдал:

– Ошибся я, Ягуся. С кем не бывает.

– Реня! – с нажимом произнесла Бабка Ёжка, сурово глядя на него.

– Что Реня? Что Реня?! – принялся возмущаться фамильяр, поворачиваясь ко всем присутствующим спиной. – Спал я, вот и примерещилось всякое.

– Вот видишь, Ягусь, примерещилось ему, – беспечно проговорил Руслан и, бросив под ноги останки лавки, невозмутимо сообщил. – Придётся тебе потесниться, Златушка. Кровать у тебя большая, с Зариком вдвоём вы точно поместитесь. Не заставишь же ты родного мужа, к тому же болезного такого, на полу спать? – с этими словами он выразительно глянул на Ягу и делано печально вздохнул.

–Ничего, мне на полу не привыкать спать, – смерив хмурым взглядом брата, заявил Добролюбов, попытался встать, но чуть приподнявшись, тут же повалился назад.

Единственная оставшаяся целой лавка, не вынесшая такого издевательства, а именно почти с размаху упавшего на неё Змея, крикнул, скрипнул и развалилась прямо на глазах. Зареслав, ошарашено сидящий на обломках, цветасто выругался на каком-то совершенно неизвестном Ёжке языке и, видимо исключительно от злости и досады, сумел подняться на ноги и даже сделать пару шагов. Вот тут уже начавшего заваливаться от слабости княжича, поймал Руслан, закинул одну его руку себе на плечо, а второй за пояс для надёжности ухватил.

–Развоевался! – хмыкнул насмешливо парень, придерживая брата и, уже совершенно серьёзно, без прежнего ехидства произнёс. – Нечего тут в гордость да скромность играть! Тебе Зареслав отдых нормальный нужен, так ты быстрее силы накопишь да выздоровеешь. А тебе, Златослава, надо привыкать к мужу-то, как-никак почитай как год уже замужем, дитё ваше вона с погремушкой играетя, – с этими словами Змей выразительно глянул на Бабу Ягу и строго так попросил. – Не забывай об этом.

Ничего на это ответить Ягуся не смогла, кругом прав оказался Змей Лиходольский. А ведь им ещё вместе в Белояжск вскоре отправиться придётся, странно будет, ежели она мужа своего стесняться будет, да краснеть, как девчонка. Надо

привыкать!

– На полу я посплю, – всё равно упорствовал Добролюбов и, как ему казалось, серьёзную причину выискал. – Кровать всё равно нам двоим мала будет.

– Руслан прав, – не согласилась с ним Яга и сперва на Змея светловолосого прямо глянула, а потом на супруга взгляд перевела. – На кровати поместимся, будь спокоен.

– Ну, раз всё разрешилось, пошли мы, – снова растеряв всю свою солидность, радостно сообщил Руслан и почти потащил брата в сторону спальни, видимо стараясь не дать тому снова возразить.

– Идите, – хмыкнула Златка, направляясь вслед за ними. – А я ребёнка заберу пока.

Пока мужчины не спеша шли к ширме, за которой пряталась ванна, Ягуся успела пересечь комнату, подхватить на руки Василису, разглядывающую свои игрушки и никак не решившую какую именно ей взять, кликнула Марфу и направилась обратно на кухню. Домовушка, чуть помешкала, собирая в берестяной короб детские игрушки, а потом поспешила догнать свою хозяйку. Стоило только домовою переступить порог кухни, как дверь в спальню Ёжка плотно прикрыла и, развернувшись, направилась к столу.

Присев на единственный уцелевший табурет, Златослава посадила дочку к себе на колени, придвинулась ближе к окну и, высыпав из протянутого Марфой короба на подоконник вырезанных из дерева зверят, принялась развлекать Васили-

су. К тому, что творится за закрытой дверью, Яга не прислушивалась особо, но время от времени обращала внимание на слишком громкий плеск воды, возмущённый голос Зареслава и смешки Руслана.

Злата не заметила сколько прошло времени с того момента, как она вместе с Василисой закопалась в короб с игрушками. Каждый зверь, которого вынимала либо Ёжка, либо малютка, тут же становился героем сказки, которую девушка придумывала на ходу и сразу же разыгрывала целым представлением на окошке. Это нехитрое развлечение так увлекло и мать, и дочь, что Ягуся не обратила внимания ни на то, что за дверью спальни слышалось уже не два голоса, а четыре. Эту странность Баба Яга заметила только тогда, когда Василисушка сонно моргая глазёнками, прижалась к матери и тихонечко засопела, засыпая.

Осторожно покачивая ребёнка на руках, Златослава поднялась из-за стола и направилась в спальню, чтобы уложить дочь. То, что там, похоже, идёт оживлённый разговор между князем, княжичами и родным отцом, Ёжке было всё равно. Здравомысленно рассудив, что Избушка всё-таки её, а ребёнку нужно нормально выспаться, Яга распахнула двери и невозмутимо прошествовала к колыбельке, под недоуменными взглядами мужчин. Помимо Руслана и Зареслава, сидящих перед Златкиным зеркалом, в какой-то мере присутствовали князь Будимир Лиходольский, чей словно бы сотканный из дыма образ парил чуть правее отражавшегося в зеркальных глубинах

Ростислава Кощея.

– День добрый, Будимир Давыдович! Здравствуй, батюшка! – тихонько поприветствовала Баба Яга царя и князя, а поймав на себе укоряющие взгляды, фыркнула и произнесла. – Да вы не обращайтесь на меня внимания, беседуйте дальше! Я тут пока ребёнка спать уложу, так что слишком громко всё же не разговаривайте.

– Златослава! – хмуро одёрнул дочь Ростислав Всеволодович.

– Угу, – нисколько не устыдившись, подтвердила Ягуся, осторожно укладывая Василису в люльку и укрывая её одеяльцем. – Не шумите! Разбудите ребёнка – света белого не увидите, я вам ручаюсь!

– Златослава Ростиславовна, здесь вообще-то беседа серьёзная ведётся..., – снова попытался повлиять на дочь Кощей.

– А у меня маленькая дочь спит, которая не виновата, что у вас тут беседы беседуются даже важные, – начала раздражаться Златка, принявшись покачивать колыбельку, в которой через сон захныкала малышка Василиса.

Мужчины и без того молчавшие, ещё и дыхание затаили, поглядывая на ребёнка. То ли угрозу ёжкину всерьёз восприняли, то ли ребёнка побоялись разбудить, но через какое-то время, после того, как малышка задышала ровнее и перестала всхлипывать во сне, царь Кощей почти шепотом произнёс:

–Ладно, потом обсудим эту проблему. Будимир Давыдович, вы надеюсь не против этого?

–Нет, – покачал головой князь, из-за чего его образ на мгновение смазлся, превратившись в облачко, а затем снова стал чётче. – Этот разговор с тобою, Ростислав Всеволодович, мы и вдвоём довершим. А ты, Зареслав, поправляйся пока, да думай, кто такую западню на тебя устроить смог. Любые твои выводы ожидаю, даже те, что неприятны окажутся, потому, как сам уразуметь не могу, кто же так... – тут князь Будимир запнулся и в раздражении махнул рукой, от чего снова образ его сделался дымным облачком. – А-а, пёс с ними! Не будем сейчас об этом! Лучше скажи, это что ли моя правнучка была? Она, да?

–Она, – ответила за мужа Златослава, приготовившись, как ей почему-то чудилось, к неприятному вопросу.

–Больша-ая, – с улыбкой явственно чувствующейся в голосе, раскатисто произнёс князь Лиходольский. – Когда Зареслав на ноги встанет, уж привезите понянчиться, порадуйте старика.

–Привезём, – пообещала Бабка Ёжка, украдкой переводя дыхания и в душе ликуя, что родичи у мужа такие замечательные.

–Так, дочь моя, ты мужа своего и Василису в Белояжск сперва обещала привезти, помнишь? – вклинился в разговор царь Кощей и обратился к Будимиру Давыдовичу. – Вы на меня уж не сердчайте, но Злата и Зареслав, пускай сперва у

нас погостят. Мне нужно, чтобы они перед народом помелькали, слова мои подтвердили, да и царица моя её ждёт, братья соскучились.

– Да, чего уж серчать-то, – хмыкнул князь и делано сурово повелел внуку. – Но как только жениным родичам покажешься, домой вертайся и жену вези с дочерью. Понял меня, Зар?

– Понял, дед, – заверил Зареслав князя Будимира и чуть повернувшись, подмигнул эдак заговорщицки Ёжке. – Привезу.

– Вот и лады, – подвёл итог Змей Горыныч и со вздохом попрощался со всеми. – Ну, бывайте! – и уже почти из рассеявшегося облачка донеслось едва слышное. – Свяжемся ещё, Ростила!

– Ну, и мне пора прощаться, – заторопился царь Кощей. – Ты, Зареслав, давай уж поправляйся! Златка, за мужем гляди! Руслан, тебя пока попрошу там остаться. Вроде всё. Прощевайте, дети!

С этими словами колдовское зеркало пошло рябью, словно водяное зеркало, а когда поверхность разгладилась, Ростислав Кощей в нём уже не отражался. Княжичи отчего-то дружно вздохнули, а Златослава только сейчас осознала одну немаловажную для себя вещь, а именно, что муж перед ней почти нагишом сидит, только бёдра простынкой стыдливо обёрнуты. Вспыхнули у Ягуси щёки, да так сильно, что уши аж обожгло.

–Горим? – задумчиво поглядывая на потолок и, бросив на Ягу лишь один насмешливый взгляд, произнёс Руслан.

–Догораем, – хмуро произнесла Ёжка, с которой вмиг всякое смущение сошло, заменившись возмущением.

–То есть тушить не надо? – с усмешкой уточнил Змей. – А то я мигом за водицей сбегаяю.

–Сбегай, сделай милость, – распорядилась Златка, быстро взявшая себя в руки и уразумевшая, что Руслан её специально раззадоривает, чтобы она о смущении меньше думала. – Вёдра с коромыслом в кладовой, река сам знаешь где, так что вперед!

–Эй! Какие ещё вёдра?! Какое коромысло?! – возмутился княжич, скрестив руки на груди. – У тебя вода в кадушках вообще колдовством появляется!

–Сам вызвался – вот и иди, – ехидно выдала девушка, победоносно улыбаясь.

–Ладно, уговорила, – подозрительно покладисто произнёс Руслан и направился прочь из спальни, только у самых дверей насмешливо проговорил. – Так бы сразу и сказали, что уединиться хотите, я бы уже ушёл.

–Руслан! – возмущённо воскликнула Баба Яга и тут же рот обеими ладошками закрыла, да проверить поспешила, спит ли ребёнок.

–Вот и я о том, – откровенно потешался змей Лиходольский. – Вы себя тише только ведите, а то дитё разбудите. Зарик, до кровати сам доберёшься.

–Руслан! – угрожающе прорычал Зареслав, до того мгновения с улыбкой любующийся своей женой.

–Ухожу! Ухожу! – тихонько расхохотавшись, выскочил за дверь парень, не забыв плотно прикрыть её за собой.

Почти сразу нарочито громко хлопнула дверь в сени, дробно простучали шаги по ступеням, под окном раздалось молодецкое гиканье, а затем всё удаляющийся залиvistый смех. Злата только головой покачала. Как дитё малое!

–Порой мне за него становится стыдно, – неожиданно признался Зареслав, отрешённо глядя на своё отражение в зеркале. – Но одного у него не отнять, он очень тонко чувствует, когда нужно вмешаться и когда необходимо отступить.

–Я тоже это заметила, – улыбнувшись, отозвалась Златослава, украдкой поглядывая на мужа. – Поначалу его выкрутасы вызывали только одно желание – огреть ентого болтуна чем-нибудь тяжёлым по темечку, но потом, чуть остыв сразу понимала, что он специально раззадоривал, отвлекая. Тут ему, конечно, большая благодарность, о которой я ему никогда не скажу.

–Это почему же? – слова Ёжки так озадачили Змея Лиходольского, что он прекратил гладь зеркальную взором пронзать и обернулся, чтобы на жену свою взглянуть.

–А чтобы нос задирать не смел, – тихонько прыснув в кулачок, сообщила ему Баба Яга. – Будет ещё важничать, раздуется, как жаба.

–Как жаба? – растеряно переспросил Добролюбов, потом

на мгновение прикрыл глаза, видимо представляя себе это, а потом, зажав себе рот ладонью, чтобы не расхохотаться в голос, простонал. – Ох, Златушка, повеселила ты меня! Как жаба!

Видно очень уж живо себе княжич представил, как братец его словно жаба раздувается от гордости, что никак не мог прекратить смеяться. Ягуся даже беспокоиться было начала, как бы дурно мужу не стало после такого веселья. К тому времени, как Златка уж было хотела попросить Зареслава успокоиться, он сам смех оборвал, ладонью утёр глаза от проступивших слёз и с такой нежностью на неё взглянул, что лицо снова жаром опалило. А ещё Ёжка вдруг поймала себя на том, что тот самый поцелуй случившейся во время обряда свадебного вспоминает, да эдак явственно, что не заметила, как пальцы к губам невольно потянулись. Она-то не заметила, а вот супруг ейный приметил тотчас, и как пальчики тонкие по устам алым скользнули да замерли, едва касаясь, будто то давнее прикосновение сохранить пытались. А ещё не укрылось от взора Змея Лиходольского, как глазки Златославы заблестели, как улыбка мечтательная появилась. Тогда, наконец, поверил Зареслав словам Матери-Земли на обряде произнесённым: «Ну-ну, не переживай так, княжич! Тебя она больше жизни любить будет, будущее мне видно отчётливо...». И Баба Яга видимо об этом же вспомнила, потому как охнула тихонько и с тревогой в голосе прошептала: –Ох, совсем про наказ Матушки-Земли забыла! Она же

нам запретила встречи искать, покуда мы с тобой не познакомимся через письма. Что же будет?!

–Ну, чего-то всполошилась, Ёжка? – с непередаваемой нежностью произнёс княжич, ...вот чудо!.. поднялся сам, без чужой помощи, хоть и с трудом, но до Ягуси своей добрёл, да рядышком с нею присел, чтобы обнять, успокаивая. – Ничего не будет, не трясись!

–Да, как же это так – не будет!?! – возмутилась Злата, глянув в мужнины серые глаза. – Мы же против её слова пошли.

–Так-таки против слова? – чуть насмешливо переспросил Зареслав, чуть крепче обняв жену, и ласково по её щеке ладонью свободной руки провёл. – Разве мы письма друг другу не писали? – спросил он и тут же на свой вопрос и ответил. – Писали. Узнавали друг о дружке? Узнавали.

–Да что мы там писали?! – возмутилась Златка, всё ещё тревожась. – Раз, два и обчёлся!

–Ох, Ёжка, что же ты трусишка такая, а? – усмехнулся мужчина и, наклонившись, чмокнул нахохлившуюся, словно воробышек, девушку в кончик носа. – Не уж-то ты думаешь, что без ведома Матери-Земли я у дверей твоей Избушки появился? Думаешь, допустила бы она этого ежели бы против была? Ну, же, Златослава Ростиславовна, отвечай как на духу!

–Нет, – смущённо прошептала Яга и, зажмуриив глаза, прижалась к мужу теснее.

–Вот и я тебе о том же говорю, – зарывшись лицом в её

волосы на макушке, столь же тихо произнёс княжич.

–Но мы ведь так друг о друге ничего толком и не выяснили, – со вздохом молвила Баба Яга, осторожно поглаживая кончиками пальцев широкую мужскую ладонь, что её за талию обнимала.

–Разве?! – делано удивился Зареслав, не спеша выпутывать свой нос из ёжиной шевелюры и опалая её своим горячим дыханием. – А по-моему всё-то мы выяснили. Я, как уже сообщал, о тебе, родная, знаю почти всё. Ну, а ты с Руслановой помощью наверняка про меня многое узнала. Этот обалдуй, я более чем уверен, всё растрезвонить успел. Зря я, что ли именно его сюда направил?!

–То есть ты хочешь сказать, что этого балабола ко мне специально приставил, чтобы он про тебя разболтать всё успел? – опешила Ягуся и попыталась голову поднять, чтобы в глаза мужнины поглядеть, да только не получилось у неё ничего. – Зареслав, ты его сам попросил всё рассказать? Отвечай!

–Ну, напрямик я ему ничего не говорил, – тихонько рассмеялся в её макушку Змей Лиходольский, – так намекнул немного, что буду не против, если он тебе кое-что обо мне поведаёт. А Руслану-то что? Ему только намекни – он и рад стараться!

–Ну, ты..., – Златослава не знала смеяться ей или злиться. – Вот ты Змей хитрючий! Самый настоящий Змей!

–Так я же это и не отрицаю, – продолжая веселиться, под-

твердил ёжкины слова княжич. – Мы Змеи без хитрости, что печка без дров.

– Вот обидеться бы на тебя, – вспомнив о ягушенской вредности, пригрозила Баба Яга, но тут же со вздохом призналась. – Да только как-то не получается, – затем немного помолчав решила Злата задать мужу давно мучающий её вопрос. – А почему у тебя в промежуточной ипостаси шрамов нет?

– Ах, это, – чуть невпопад ответил Зареслав, и с тихим вздохом хотел было разжать объятья, но тут воспротивилась Яга, сама для надёжности обхватившая мужа за талию и спрятавшая лицо на его груди.

– Ты давай на вопрос отвечай и не вздумай мне тут дергаться! Я только привыкать начала, что у меня муж есть, а он тут сбежать пытается, – возмущённо пробурчала Ягуся, не отрывая лица от груди супруга, хотя и испытывала при этом смущение сильное, но отступать уже не хотела. – Всё равно далеко не убежишь. Отвечай лучше!

– Связался же с Бабой Ягой, так тебе и надо! – снова тихо и даже с облегчением рассмеялся мужчина, прижался щекой к светлой златкиной макушке и попытался уйти от разговора. – Чтобы ответить на твой вопрос, мне многое нужно будет рассказать и объяснить, это займёт много времени.

– Так я не тороплюсь, – стояла на своём Ёжка. – Рассказывай, не увёртывайся!

– Как скажешь, – девушка снова почувствовала, как он

улыбается. – Начну я издалече, – предупредил Зареслав, потом вдруг замолчал на какое-то время и уже глухо и как-то отстранённо принялся рассказывать. – Мне шестнадцать лет всего минуло, когда последняя битва с лесными воителями состоялась. Это был мой первый военный поход, который мог стать последним в моей короткой жизни. Матушка, как чувствовала, что дурное должно произойти и не хотела меня отпускать, а отец сдался, согласился оставить меня дома. И я возможно даже не пожалел бы о его решении, если бы не брошенные моим старшим братом напоследок презрительные слова, что трус недостоин быть наследником Рода. Каюсь, эти слова задели мою мальчишескую гордость, переросшую почти мгновенно в гордыню. Я знал, что дед выбрал наследником Рода меня исключительно потому, что именно в моей крови ярче всего горел огонь Первозданного Пламени. Тогда мне казалось, что этого мало и я должен доказать всем, что не только благодаря родовой волошбе, но с помощью воинской доблести смогу добиться уважения. И тогда я сбежал вслед за идущими на бой родичами. Обмануть матушкину волошбу не составило труда и, обернувшись Змеем, я очень быстро догнал отряд, который возглавлял мой отец. Отсылать меня назад не стали, разумно полагая, что если я сбежал один раз, сбегу и вновь, и поэтому решили, что под приглядом старшего брата мне ничего не грозит. Ошиблись...

...Редкий, искореженные лес остался за спиной, впер-

ди на много вёрст простирались непроходимые топи, которые в обычное время всякий путник постарался бы обойти десятой дорогой, но они не беспечные путники, к сожалению. Позади враг и отступить больше некуда, ещё немного и на эту узкую полосу твёрдой почвы выйдут преследователи, а подмоги всё нет. Воины стремительно осматривают местность, прикидывая, принять бой здесь или всё же попробовать пройти через болота. Два выживших в ходе стремительного отступления лекаря сноровисто бинтуют раненых, раздают зелья укрепляющие силы и обезболивающие отвары. На самой границе леса вглядываясь в просвет между уродливо изогнутыми деревьями, стоит высокий юноша лет двадцати, подле него, весь изнывая от нетерпения и нервозности, вертится мальчишка лет шестнадцати, а в двух шагах от них приземистый воевода ведёт подсчёт выживших воинов.

– Мир, нам надо обратиться! – твердит не первый раз мальчишка, нервно похлопывая ладонью по стволу ближайшей чахлой сосны. – Мы атакуем их с воздуха и...

– ... и их колдуны развеют твой прах по ветру, прежде чем ты сможешь убить хоть одного врага, – хмуро закончил за него юноша, надевая на голову шлем, который до того момента держал в руках. – Нашими силами их не победить.

– Ты даже не хочешь попробовать! – возмущается мальчик, ударив кулаком ни в чём не повинное деревце, тут же переломившееся пополам. – Это может твой прах они, и развеют, ты же слабее...

Юноша бледнеет, на его лице явственно виднеются ходящие ходуном желваки, а мальчишка только тогда понимает, что сказал лишнего. Он краснеет, затем бледнеет и пытается извиниться, но старший не хочет его выслушать.

–Княжичи, сейчас не время для подобной свары! – хмуро прикрикивает на них воевода и, обращаясь к старшему из братьев, просит. – Велимир, давай отойдём.

–Я с вами! – снова встречается в разговор младший, но его быстро осаживает хмурый взгляд отцовского воеводы.

Мальчишке не остаётся ничего другого, как остаться на месте и, совсем по-детски насупившись, наблюдать, как его старший брат и воевода отходят ото всех подальше, дабы обсудить план дальнейших действий. Обида, злость и желание доказать, что он тоже может сделать что-то полезное в этой безвыходной ситуации, так и подтачивают и без того хрупкое терпение мальчика. В какой-то момент, когда на него не смотрит пристальным взглядом воевода, поклявшийся отцу, что сбережёт младшего княжича от глупых поступков, мальчишка срывается на бег, а через некоторое время и вовсе оборачивается Змеем и устремляется ввысь.

–Зареслав, вернись, бестолочь такая! – несётся вслед голос старшего брата. – Я приказываю!

Небольшой ещё Змей в алой чешуе с золотыми переливками даже не обернулся, уносясь прочь от отряда, туда, где мчалась сквозь покорёженный лес отставшая погоня. Он увидел их скоро. Долговязых, слишком резких в движении,

лесных воителей, чьи смоляного цвета волосы шёлком развевались под порывами ветра. Его враг заметил столь же быстро, молниеносно готовясь дать отпор. Тонкие фигуры вражеских колдунов, укутанных в серые плащи, выступили перед обычными воинами. Они в едином порыве вскинули руки по направлению к Зареславу, но выпустить нечто смертоубийственное попросту не успели сметённые огненным валом, появившегося, словно ниоткуда, более крупного золотистого Змея.

«Велимир!» – пронеслось в голове у мальчишки. Зареслав не ожидал, что старший брат кинется к нему на выручку и, презрев собственное решение, пойдёт в атаку на недруга. Между ними уже давно не было той далёкой детской дружбы, что когда-то связывала покрепче братских уз. Пропала она в тот момент, когда на одном из советов рода, дед объявил Зареслава своим наследником, после этого между братьями и наметился разлад, с каждым годом всё больше и больше увеличивающий расстояние между ними. Потому-то и удивился младший, что Велимир к нему на выручку явился. И вот стоило только зазеваться, как получил волошбой лесных прямо в грудь. Последнее, что увидел мальчик, перед тем, как его сознание скатилось во тьму, это второй громадный и матёрый Змей, кинувшийся в бой вместе с братом.

Очнулся Зареслав уже в плену у какого-то странного лесного. Не столь странно, что ушастый воитель был один, сколько то, что разговаривал он с пленённым мальчишкой

без малейшего иноязычного выговора. Закрой глаза и не поверишь, что перед тобою большеглазый и ушастый лесной воин.

–Что, Змеиный выродок, очухался? – с мерзким оскалом спросил лесной с отвращением разглядывая мальчика. – А я уж надеялся, что сам помрёшь, и руки о тебя марать не придётся. Ну, да ладно, сам избавлю мир от тебя, так уж и быть, но прежде немного поиграюсь.

Лесной со смешком вынул из-за голенища высокого сапога тонкий кинжал, блеснувший тёмной вязью странных символов. Зареслав таких клинков прежде не видел, но сразу догадался, что кинжал этот явно из проклятых. Заметив внимательный взгляд юного Змея, ушастый снова хищно оскаллился и решил объяснить:

–Этот клинок не простой, он заговорённый специально таких, как ты убивать. Если им сердце проткнуть смерть будет мгновенной даже для Змея, я бы даже сказал, тем более для Змея.

–Ежели любому сердце кинжалом проткнуть, помрёт тут же, – не удержался и нервно фыркнул мальчишка. – И тут уже неважно заговорённый клинок или не заговорённый.

–Тут ты прав, чешуйчатый червячок! – расхохотался безумным смехом лесной и со злорадной улыбкой полоснул мальчишку по лицу. – Но только для вас Змеев этот клинок подобен серебру для оборотня. Если таким рану нанести, болеть она будет невыносимо сильно, а несколько таких

ран на теле и ты сам будешь умолять меня, тебя прикончить, прервав мучения. Ну, что, змеёныш, чувствуешь, как рана начинает гореть? Не стесняйся! Можешь поделиться своими ощущениями!

Зареслав только сильнее стиснул зубы, стараясь не закричать от нахлынувшей боли, пытающейся его утопить в своих глубинах. Лесной улыбался, наслаждаясь чужими страданиями, и снова чиркнул клинком по лицу мальчика, оставляя уже более глубокую борозду. Боль становилась все сильнее и сильнее, возникало чувство, что на раны сыпанули тлеющие угли и со всей силы прижали их, казалось, что даже чувствуется запах палёной плоти, но это был всего лишь обман измученного болью сознания. Сколько продолжался его плен у сумасшедшего лесного, Зареслав не знал и не спешил узнавать, когда вдруг очнулся в княжеском тереме деда. Очнулся, спустя восемь лет с момента той памятной для него битвы...

Супруг вдруг замолк, погрузившись в свои мрачные думы, что даже не замечал, как всё крепче прижимает к своей груди Златославу, будто пытаясь согреться, разогнать те давние стылые воспоминания живым теплом. А Ёжка притихла в его объятьях, осторожно поглаживая ладошкой напряжённую спину мужа и жалея, что не в её силах помочь ему. Нет, не забыть то, давно канувшее в Лету, но унять боль, причиняющую и по сей день муки душе.

—Случилось так, что отряд, который вёл мой брат, попал в засаду лесных, — прервал затянувшееся молчание Зареслав

и снова принялся за рассказ. – Лесных было больше почти в три раза, а наш отряд после вылазки был весьма потрепан. Им удалось оттеснить нас слишком далеко от наших главных сил и загнать на самую окраину Тьмушинской Топи, где мы и готовились принять бой. Велимир отправил зов о помощи родичам, но все мы прекрасно понимали, что на подмогу к нам, скорее всего, никто не успеет, – тут он снова ненадолго замолк, а потом продолжил как-то совсем уж отрешённо. – Мы тогда с братом не сошлись во мнениях, что делать дальше. Я по малости лет и горячности предложил перекинуться и Змеями напасть на лесных. Меня не поддержали. Затаив обиду чуть ли не на весь свет, я сам решил осуществить задуманное, обратился Змеем да полетел на врагов. Дурень малолетний! Колдуны лесных в меня сразу же заклятьями жахнули и погиб бы я, если бы Велимир вовремя не подошел.

Тут мужчина в очередной раз замолк, шумно вдохнул, выдохнул и стал осторожно поглаживать заплетённые в тугие косы волосы супруги. Пальцы бережно касались светлых прядей, а его тёплое дыхание легонько щекотало висок и щеку.

– Не смотря на то, что брат успел меня оттолкнуть, заклятье всё же знатно меня приложило, – теперь быстро заговорил Зареслав, будто боясь, что решимость рассказывать иссякнет. – Я потерял сознание и видимо упал где-то в болтах, там меня и нашёл один из лесных. Он-то и оставил в

память о себе эти шрамы заговорённым тёмной волошбой клинком, а ещё от щедрот душевных напоил меня ядом, точно таким же от которого вы меня с Русланом выхаживали. Надеялся ушастый, что я быстро отдам богам душу, помучаюсь напоследок, чем его и порадую. В его плену я пробыл всего-то два дня, когда отцу удалось меня разыскать. Лесного он спугнул своим появлением, а меня доставил к матушке, в надежде, что опытная Яга сможет вытянуть сына уже одной ногой стоящего на пути в Исподний Мир. Мама сделал всё возможное, даже противоядие смогла найти, но к тому времени Огонь в моих жилах почти угас, а змей без Огня умирает очень быстро. Тогда Матушка обратилась к своей покровительнице и к её супругу покровителю всех Змеев, чтобы просить помощи. Боги откликнулись на зов, и Отец-Небо отчего-то решил самолично мне помочь. Он перенёс меня в юдоль Первозданного Пламени, где я провёл целых восемь лет, медленно, искра, за искрой вновь обретая свой Огонь. Слишком долго я там пробыл... Очнулся от многолетнего сна в родной Избушке, у моей постели заливалась слезами облегчения совсем седая постаревшая мать, а отца и брата на этом свете уже не было. Я выжил, а они приняли смерть.

Последние слова Добролюбов произнёс едва слышно и вдруг попытался отстраниться, хуже того отвернуться и стало ясно, что кто-то винил в смерти родных себя. Баба Яга такой глупости не собиралась дать случиться, так что вцепилась в мужа не хуже репья придорожного, чтобы у того и в

мыслях не было пытаться от супруги сбежать.

– Они как погибли-то и когда? – теснее прижавшись к мужниной груди, негромко, но словно бы с вызовом спросила Злата, чуя, что дело тут самоедством пахнет.

– Велимир две седмицы спустя, после того боя у Тьмушенской Топи, – каждое слово давалось Зареславу с трудом, но он не замолкал, посчитав что между супругами недомолвок быть не должно. – Его поразили своим колдовством лесные, когда он летел к деду с донесением. Мир упал в реку, его тело так и не нашли.

– А отец? – подтолкнула его Ёжка к дальнейшим пояснениям, потому, как муж снова замолк.

– Отец погиб на переправе через Ветлу, – послушно продолжил рассказывать мужчина. – Наши войска шли в наступление, переправляясь через реку, отец со своей дружиной был первым. Им предстояло переправиться и удержать берег на той стороне, оттесняя врага от переправы, чтобы дать остальным пересечь реку и успеть перестроиться для атаки. Они выстояли столько, сколько потребовалось, но из ближней дружины отца выжили только двое.

– И ты себя винишь?! – шепотом возмутилась Яга, даже отстранилась чуток, да с ногами на постель забралась и строго так на мужа глянула. – Совсем ополоумел, что ли?! Ты-то тут причём?

– Злата! – с укором протянул Змей Лиходольский, попытавшийся призвать её к порядку.

– Да, Злата! А ещё жена тебе! – чуть привстав на коленях, чтобы возвышаться над мужем, подбоченись и строгим полупшепотом принялась его отчитывать Ягуся. – Кто, как ни жена сказать тебе может, чтобы дурью не маялся, а? Ты зачем на себя напраслину возводишь?! Тебе шестнадцать годов тогда было всего-то! Да ежели ты при отце остался, да при брате, думаешь, изменилось бы что-то?! Мать твоя тогда бы не двоих схоронила и оплакала, а всех троих!

– Златослава, как ты... – начал было княжить, но осекся, заметив заблестевшие от непролитых слёз глаза жены.

– А вот так, – шмыгнув носом, буркнула Златка.

И вдруг порывисто обняла мужа за шею, прильнула к нему всем телом и губами к темным, заметно отросшим кудрям прижалась. Зареслав попервах удивлён был видимо, потому, как застыл словно истукан, но быстро с глупой оторопью справился. Дрогнули руки мужчины и обняли стройный стан жены, а та на жест его торопливо зашептала:

– Прошу, не мучай ты себя! Ведь вправду не виноват ни в чём, а упрекаешь себя, гложешь себя этим изнутри. Страшно подумать, сколько лет тебя эти мысли посещают! Не хочу, чтобы ты и дальше себя изводил!

– Ёжка, ты моя Ёжка! – едва слышно усмехнулся Добролюбов, украдкой поцеловав жену в плечо. – Как ты вообще об этом догадалась?

– Не знаю, – растеряно призналась девушка, не спеша отстраниться от него. – Просто почувствовала и всё.

–Почувствовала, – рассеяно повторил Змей и снова поцеловал девичье плечико. – Ведь и правда Баба Яга мне досталась, да ещё и сильная такая.

–Так-таки сильная? – озорно спросила Ягуся, пряча счастливую улыбку в его волосах.

–Сильная, – подтвердил муж и вдруг вероломно опрокинул девушку на покрывало и сам рядом вытянулся. Где только силы взял?! – Ты уж мне поверь!

–Что-то сомнительно, – весело прищурившись, отозвалась она и не сдержала улыбку, радуясь, что так легко удалось мужа успокоить.

Конечно, Златослава была уверена, что потом ещё не раз придётся с теми далёкими воспоминаниями супруга столкнуться и вина его пока никуда не делась, затаилась лишь в глубине души, под напором Ёжки ретировавшись. Только теперь знала Баба Яга, как Змею своему помочь с той болью сладить. От этой мысли и от взгляда ясных серых глаз на душе Ягуси радость весенними первоцветами расцветала, яркая, живая. Так бы и смотрела она в эти глаза! Так бы и тонула в их серебристых глубинах! Не знала она, не догадывалась даже, что точно так же, неотвратимо быстро тонул Зареслав в её взгляде, полном нежности.

Сколько бы они ещё так любовались друг другом, не ведомо, если бы не завозилась выпавшаяся Василиса и не потребовала всего маминого внимания. Злата ойкнула, подскочила с кровати и бросилась к дочери, уже требовательно сжи-

мающей пальчики в кулачки, намекая на то, что её надобно на ручки взять. Баба Яга подхватила на руки малютку и решительно направилась к супругу.

– Будем вас знакомить, – сообщила Ёжка Зареславу, присаживаясь обратно на постель, но уже вместе с ребенком.

Змей растеряно улыбнулся, когда Златослава не дав ему подняться, усадила на грудь мужчине весело повизгивающую Василису. Малышка в отличие от Добролюбова никаких смятений и стеснений не испытывала, уже облюбовав нового взрослого для изучения. Девочка с упоением дергала новоявленного папу за волосы, уши и нос. Мужчина стоически сносил всё, что творила маленькая безобразница и только тихонечко посмеивался, вызывая бурный восторг у девочки. Вот так посмотришь на них и впрямь поверишь, что родный отец с дочкой забавляется.

– Ты мне так и не объяснил про шрамы-то, – наблюдая за ними с улыбкой, напомнила Баба Яга.

– Разве? – делано удивился княжич, развлекая девочку тем, что очень правдоподобно изображал серого волчка, кусающего маленькую хохотушку за бочок.

Василиса заливалась смехом, Зареслав с протяжным «а-а-амм!» делал вид, что пытается ухватить маленькие пальчики, так и лезущие в рот Змею. Ёжка пару минут понаблюдала за их игрой, но сдаваться не собиралась. Она должна узнать правду!

– Зареслав! – позвала она тихо, а дождавшись, что муж об-

ратил на неё искрившийся смехом взгляд, мягко попросила. – Расскажи всё же, как так получилось.

– Ох, и упрямая же ты Златослава Ростиславовна, – с усмешкой покачал головой мужчина и, усадив Василису под боком, принялся объяснять. – Я говорил, что кинжал, которым меня ранили, был проклят, а такие раны просто не заживают. Для полного исцеления раненого, так, чтобы шрамов не осталось, нужно клинок проклятый уничтожить, но есть и другой способ... В Первозданном Пламени любое проклятье силу теряет, да только огонь его человеческое тело не пощадит. Когда Отец-Небо меня в Юдоль Первозданного Пламени перенёс, он же и помог мне в Змея перекинуться, пока я в бреду был, иначе в огне бы не выжил. Пламя исцелило мою змеиную часть, а вот человеческая была ему не подвластна. Понимаешь, Злата, в нас, Змей и человек это как бы две разные сущности, объединённые одним разумом. Разные тела, требуют разного лечения и подвержены разным хворям. Вот так и получилось, что в человеческом обличье у меня шрамы и остались. Если вдруг найдётся тот кинжал, то получится и их убрать. Вот только...

– Что только? – так и не дождавшись от супруга продолжения, переспросила Яга.

– Дед сказывал, что после того, как закончилась война с лесными, он пытался через их князя разыскать кинжал, да только не удалось ему это, – немного помолчав, всё же дал ответ Добролюбов. – Скорее всего, сгинул тот лесной, что

мне шрамы эти оставил в Тьмушенской Топи и кинжал вместе с ним.

– Или просто кто-то не сильно хотел помогать, – фыркнула Ёжка и нахмурилась

– Хотите-то он может и не хотел, – смеясь, заметил княжич и, взяв маленькую Лиску-Василиску на руки, снова принялся её развлекать, – да только с дедом не забалуешь!

Пока Змей и малышка веселились, а Златка с умилением наблюдала за их вознёй, послышались звучные шаги по ступеням и два знакомых мужских голоса. Ага, значит, Руслан вернулся вместе с Хмуричем. И где только его разыскать успел?! Леший вот уже несколько дней не появлялся в Избушке-на-Курьих-Ножках, по причине своей крайней занятости, ловлей лесорубов повадившихся без меры хорошие здоровые деревья валить.

– Эй, хозяйка, гостя встречать будешь? – зычно крикнул Руслан, едва успев переступить порог кухни, а потом столь же громко и насмешливо проговорил. – Если милуетесь, то мы вас отвлекать не будем! Милуйте дальше!

– Я его убью! – зловеще заявила Злата и, уже собралась было подняться и исполнить обещанное, как её поймали за руку и встать не дали.

– Не надо, – ласково улыбнувшись, промолвил Зареслав, усаживаясь на постели. – Я силы подкоплю и устрою ему небольшой тренировочный бой. Поверь, так я ему отомщу куда как сильнее.

– Поверю на слово, – сдалась Ягуся и непрерываемо заявила. – А сейчас пора ужинать. Я голодная, Василиска тоже, тебе силы надо восстанавливать, да этих двух проглотов не мешало бы покормить.

– И мне сметанки наложить, – просунув усатую рыжую мордочку в приоткрывшуюся дверь, сообщил Терентий и, сказав эти слова, тут же скрылся на кухне.

Зареслав и Златка переглянулись и, не удержавшись, рассмеялись, уж больно забавно было. После Яга забрала у Змея дочку, прошла в кухню поприветствовать Хмурича и попросить Руслана помочь брату добраться до стола. Ёжка рассудила, что раз уж супруг сам до постели добраться смог, то и за столом отужинать у него получится.

В этот вечер за столом в Избушке-на-Курьих-Ножках было как никогда оживлённо и весело. На один вечер было решено забыть обо всех горестях и неприятностях, свалившихся на долю каждого из присутствующих в последнее время. Руслан как всегда балагурил во всю и затевал шуточные споры то с братом, то со Златой. Терентий, когда отрывался от своего блюдечка, вставлял ехидные комментарии. Хмурич добродушно посмеивался и иногда шутил, но в основном отдавал должное вкусной стряпне Марфы. Сама же домовушка раскрасневшаяся от похвалы, на которую не скупилась все присутствующие, то разносила яства, то страшила веником слишком говорливого Руслан, то останавливалась подле малютки Василисы, чтобы вытереть ей ротик или поправить

постоянно сползающий носочек. Сама же Златка смеялась, вмешивалась в шуточные перепалки между братьями, помогала Марфушке, с прибаутками кормила дочку и всякий раз ловила себя на мысли, что она счастлива. Ей казалось, что за всю свою жизнь, она была так счастлива только в детстве и сейчас, вот в этот самый момент.

Посиделки в Избушке-на-Курьих-Ножках закончились далеко за полночь. Крошка Лиска уже давно спала в своей колыбельке под присмотром домовушки, занятой пошивом одежды для Зареслава, когда попрощавшись со всеми, отправился обратно в лес Хмурич. Змеи Лиходольские, Баба Яга и фамильяр, ещё посидели за столом, неспешно попивая клюквенный кисель и перебрасываясь шутками, да байками, но усталость всё же взяла своё и через какое-то время, разительно зевая, все они отправились спать. Ягуся, до того устала, что даже смущения не испытывала укладываясь с мужем в одну постель, ведь только стоило коснуться головой подушки, как сразу же уснула сладки сном.

С тех посиделок прошло почти четыре дня, прежде чем Зареслав полностью поправился. Поутру пятого с дочерью связался царь Кощей и почти потребовал незамедлительного прибытия дочериного семейства в отчий дом.

– Ты уж, Зареслав, приготовься! – с едва сдерживаемым смехом произнёс напоследок Ростислав Всеволодович, стоявшему за спиной жены Змею. – Тёща твоя, жена моя, ждёт вас на Проводы Зимы, блины самолично печь собирается,

так что одежонку свободную подготовьте, чую я, что из-за стола она вас так просто не выпустит. Ну, детки, до скорой встречи!

Глава 15. В гостях хорошо, а в Избушке засада.

Златослава Ростиславовна, княжна Лиходольская, впопыхах металась по родной Избушке-на-Курьих-Ножках, собирая пожитки, которые по её мнению должны пригодиться на то время, пока она у родителей в Белояжске гостить будет. Девушка подхватывала то одну, то другую вещь, в растерянности разглядывала её со всех сторон и поспешно укладывала в стоящий посреди спальни берестяной короб. Над краем короба уже возвышалась порядочная куча одежды вперемешку с различными предметами утвари. За беготнёй своей Ягуси с насмешливым любопытством наблюдал Терентий, важно восседавший на широкой постели и попутно присматривающий за Василисой, возящейся с игрушками рядом с ним.

–Злата! А, Злат, – вкрадчиво позвал Бабу Ягу фамильяр и, когда та остановилась, обратив на него внимание, скрывая веселье в зелёных глаза, спросил. – Вот скажи мне неумному таком, зачем тебе скалка? Что ты в царском тереме раскачивать собралась, если там свои стряпухи есть? Или ты эту скалку за место веника берёшь, для устрашения? Ежели так, то ты уж меня извини Ягуся моя, но я Зареслава заранее предупрежу, что ты так опасно вооружилась.

–Что? – растерянно переспросила Ёжка, переведя взгляд

с кота на скалку, а потом обратно.

–Ну, ладно скалка, – продолжал потешаться над ней Ёж-кин кот, – ты мне вот другое скажи, зачем тебе половичок понадобился, а? Думаешь, царь-батюшка обнищал совсем, что ты ему половичок решила привезти в качестве гостинца? А подушка нужна тебе для чего?

–Какая подушка? Какая скалка с половичком?! – возмущённо спросила Златка и осеклась, глянув в короб.

Несколько мгновений Яга удивлённо таращилась на торчавшую из вороха рубах и сарафанов скалку и свёрнутый трубочкой половик. Потом она перевела свой взгляд на лежащую сверху подушку, нервно хихикнула и, усевшись на сундук, рассмеялась уже в голос. Лиска-Василиска отвлеклась от внимательного изучения большой тряпичной куклы, всего-то пару дней назад сшитой для неё Марфой, и с укором во взгляде посмотрела на мать. Ёжка развеселилась пуще прежнего, вскочила, подбежала к дочке и поцеловала в курносый носишко. Терентий тоже веселился, поглядывая на Ягусю и наконец, выдал:

–Ты, Златка, пошла бы, прогулялась с дитём. Вона на супружника своего полюбуйся, в конце концов! Марфушка всё необходимое соберёт, пока вы гуляете, а то ты без толку мечешься, словно не в гости собралась, а назад в терем царский перебираешься. Или всё же назад надумала?

–Да, тьфу, на тебя! – сквозь смех, пробормотала княжна. – Мне и здесь хорошо.

– Ну, я так и подумал, – фыркнул фамильяр, одним махом перепрыгнув с постели на подоконник. – Ребенка одевай, сама нарядись и иди, любуйся, как твой Змей Руслана по сугробам валяет.

– Да?! – переспросила Златослава, поспешив к окну, и с любопытством глянула в том направлении, в котором смотрел кот.

А за окошком на полянке перед Избушкой, на изрядно осевших после сильной оттепели сугробах, сцепились в рукопашной два статных молодца. Один высокий и мощный, другой значительно ниже его ростом, тоньше, но в то же время невероятно гибкий, шустрый. Хотя стоило отметить, что, несмотря на то, что Зареслав был крупнее, двигался он столь же изящно, а чёткости и выветренности его движений Руслану стоило бы позавидовать. Видимо, потому и оказывался золотоволосый Змей, раз за разом повержен и распростёрт на утоптанном ими двоими снегу.

– Ох, как бы не покалечились, – выдохнула Злата, замороженно проследив, как Руслан в очередной раз перелетел через плечо брата и бухнулся в чудом уцелевший сугроб.

– Внимательнее надо быть, Ягуся моя, – наставительно произнёс Реня, азартно следя за ходом боя. – Зареслав твой осторожничает, вишь, как ступает медленно да плавно, брату навредить он не желает. Ну, разве, что самонадеянности у него поубавит.

Баба Яга в ответ только протяжно вздохнула. Не дано раз-

браться ей в воинской премудрости. Что ж поделаешь?!

–И впрямь пойдём, свежим воздухом подышим, – наконец решила она, понаблюдав некоторое время за борьбой двух Змеев.

Быстро обрядив малютку и одевшись самой, Златка подхватила ребёнка и отправилась гулять. Стоило только ей покинуть стылые сени и оказаться на крыльце, как на неё лёгким ветерком, принёсшим влагу и аромат хвои, словно бы дохнула сама весна. Ёжка вдохнула полной грудью упоительный аромат и улыбнулась яркому солнышку, высокому пронзительно синему безоблачному небу и далёкой песне лесной пичуги, уже празднующей весну. Зажмурившись и прижав к груди притихшую малышку, девушка распахнула глаза и стремительно сбежала вниз по ступеням.

Стоило ей только ступить ногами утоптаный снег, как Зареслав и Руслан прекратили бой и одновременно обернулись в сторону Златославы. Светловолосый Змей по-собачьи отряхнулся и помахал Бабе Яге обеими руками, даже попрыгав на месте, будто боялся, что она его на совершенно ровной и голой поляне не заметит. Ягуся прыснула в кулачок и помахала в ответ, после чего перевела выжидающий взгляд на мужа. Зареслав лишь сдержанно поднял руку в приветствии, но, даже находясь от него на приличном расстоянии, Ёжка заметила, как растянулись в улыбке губы мужа. Она ему тоже улыбнулась, сама помахала в ответ и неспешно направилась по тропинке, решив обойти Избушку-на-Курьих-Ножка

кругом.

Судя по звукам, мужчины продолжили бой, а Злата повернув дочку личиком вперёд и прижав её к груди, шла по проторённой тропке, внимательно разглядывая всё то, что её окружало, будто впервые видя. Если честно, княжна никак не могла дождаться того чудесного времени, когда сойдёт наконец весь снег, опостылевший за долгую лютую зиму, земля покроется сочной зелёной травкой, а ветви белоствольных берёзок зашумят нежными листочками и украсятся словно юные красавицы длинными серёжками. Речка ото льда освободиться и можно Вереюку будить идти, страсть, как по своей речной подружке Яга соскучилась. Вот удивится русалка, когда малышку увидит, ведь выросла та очень.

Злата вздохнула, задумавшись над тем, отпустят ли её вообще Верею будить. С мужа и родичей станется не отпустить, после всего, что за эту зиму случилось. Умом Ягуся понимала, почему все так тревожатся, но в душе всё равно зрел бунт против чужого самоуправства. Ну, ничего, когда время придёт, она, Златка, сумеет их убедить отпустить её к русалочьей заводи, подружку добудиться. Там всего-то и надо с ивами да берёзками плакучими договориться, что по берегу растут, а они уж своих хозяек покличут так, как лишь они умеют.

Оставшись довольна своим решением, Баба Яга сошла с тропки и направилась к единственной среди берёзок высокой осине, на нижней ветке которой сидел знакомый ворон.

Он так старательно чистил перья, что сразу было ясно всё делается напоказ, для привлечения внимания. Сердце Ёжки кольнуло нехорошее предчувствие, но, не сомневаясь, она подошла ближе к дереву и, вскинув голову, глянула в упор на крупную чёрную птицу.

– День добрый, мамзель! – искоса глянув на Ягу хитрым блестящим глазом, произнёс ворон.

– Добрый, Мор! Добрый! – отозвалась Златослава и столь же небрежно, как и он спросила. – Что за дело тебя привело к моей Избушке или так мимо пролетал?

– Мимо летел, – оторвавшись от чистки перьев, ответил он и, прищурившись, добавил, – решил заглянуть, посмотреть, как Бабе Яге на новом месте живётся.

– Хорошо живётся, – всё сильнее хмурясь, отозвалась Злата, перехватив заёрзавшую на маминых руках Василису. – А ты смотрию, переживал за нас.

– Да, мне то чего переживать?! А вот друг твой старинный переживал, куда это Избушка-на-Курьих-Ножках делась вместе с Ягой, – безмятежно пояснил ворон.

– Какой друг? – едва шевеля помертвевшими губами, спросила Ягуся.

– Так тот, который к тебе в гости заглядывал, – уклончиво ответил Мор и всё же решил уточнить, – который не совсем живой и почти не немертвый.

– Что?! – вдруг слышала за своей спиной ледяной голос супруга. – Повтори!

–Ка-а-аррр! – нахально выдал ворон и попытался взлететь, но какая-то сила не позволила хитрой птице даже пошевелить крылом. – Вы что себе позволяете, любезнейший?!

Зареслав, возникший подле своей Ёжки, только промолчал в ответ на вороновы возмущения и лишь глядел на него тяжёлым злым взглядом, вынуждая сделать то, что велено. Мор поначалу сдаваться не собирался, молчал, видимо стараясь побороть внезапное оцепенение. У него это не получилось, а вот волошба Змея, что ворона спеленала, полыхнула пламенем слабеньким, едва хватившим, чтобы перья птице пощекотать и чуть опалить, и снова невидимым глазу стало.

–Говори! – угрожающе потребовал княжич Лиходольский и смерил ворона взглядом прищуренных змеиных глаз.

–Да, что говорить-то?! Что говорить?! Я и так всё сказал! – нервно заверещал Мор, делаясь похожим не на благородного ворона, а на испуганную сороку. – Туда где Избушка прежде стояла, несколько раз мужик немертвый в чёрном балахоне приходил. Пройдёт по полянке пару раз, поколдует и уходит не солоно нахлебавшись.

–Что ещё? – требовательно спросил Добролюбов, неотрывно глядя на уже почти бившегося в истерике ворона.

–Ничего! Правду тебе говорю, колдун! Ничего более! – вопил Мор, дёргая головой так, что Злате стало казаться, что та у него оторвётся.

–Если «ничего», как ты говоришь, то, что же ты так испугался, а? – зловеще поинтересовался мужчина, сжимая ку-

лак и вместе с ним, видимо, сжимая кольцо своей волошбы, окутывающее птицу.

–А-а-а! – оглушительно заорал ворон, испугав воплем маленькую Василису, которую Златославе пришлось поспешно успокаивать и утешать. – Ну, ладно! Было! Было ещё кое-что! Всё скажу, только прекрати!

–Ну! – чуть ослабив хватку, проговорил Зареслав.

–Немёртвый меня заметил и спросил о Бабе Яге и ребёнке, – учащённо дыша, выпалил Мор. – Я ответил, что не знаю, и он меня отпустил.

–Лжёшшш! – хищно прошипел Змей Лиходольский, снова сжимая руку в кулак.

–Не лгу! – снова дурниной завопил ворон. – Богами клянусь – не лгу! Пусть меня Старший Ворон к последнему берегу не подпустит!

–Живи, – вымолвил мужчина и, брезгливо встряхнув руку, освободил птицу, тут же без лишних слов взвившуюся в небо и мигом исчезнувшую среди ещё пока голых ветвей.

–Зареслав, – осторожно позвала Ягуся супруга, мягко тронув его за плечо, а другой рукой продолжая покачивать, переставшую всхлипывать от испуга дочь.

–Сегодня вечером отправляемся в Белояжск, – непрекращаемо заявил Зареслав и, забрав из рук растерянной девушки ребёнка, принялся её легонечко подкидывать, стараясь вызвать улыбку.

Улыбка Лиски не заставила себя долго ждать, а за ней и

смех задорный послышался, звонкий да залиvistый. Не умела малышка долго печалиться, а вот радоваться у неё всему получалось легко, особенно если кто-то из Змеев с ней забавляться начинал. Что Зареслав, что Руслан умели найти подход к вертлявой и очень деятельной малютке.

–Мы же утром собирались, – осторожно напомнила мужу Злата, ловя себя на том, что тревожно оглядывается по сторонам, будто ожидая появления высокой, закутанной в чёрный балахон, фигуры.

–Собирались, – не стал отрицать Змей, продолжающий развлекать ребёнка, и сам словно старался успокоиться, – только вот не знали доселе, что поблизости рыскает немертвый. Нужно как можно скорее отсюда убраться, не искушать судьбу. Боюсь я и Руслан не сможем вас здесь защитить, если этот немертвый вернётся и не один. Чем скорее мы покинем Избушку, тем мне будет спокойнее.

На это Яга тихонечко вздохнула и прижалась к мужниному плечу. Добролюбов сдержано улыбнулся и, прижав Василису одной рукой к груди, другой притянул супругу ближе и теперь обнимал и жену, и дочь.

–Всё будет хорошо, – прошептал Зареслав, склонив голову к своей Ёжке. – В тереме Белояжска вам двоим нечего будет страшиться, не дотянется ни один враг до вас. А мы тем временем разыщем и выманим этого немертвого, не уйдёт он так просто от нас, – последние слова Змей произнёс жёстко с каким-то скрытым злорадством.

–Пойдёмте в избу! – вдруг позвал их появившийся из-за угла Руслан, непривычно серьёзный и хмурый. – Там дед с нами связаться пытается.

–Идём, – шепнул Яге муж и нехотя освободил её от своих объятий.

Злата столь же нехотя развернулась и зашагала к крыльцу, зная, что муж с дочкой на руках идёт за нею следом. В душе было тревожно, яркие весенние краски словно бы поблёкли, а свежий полный влаги ветерок больше не радовал. Бабе Яге вдруг страсть как захотелось очутиться в Избушке, прижаться к надёжному плечу мужа и заключить в объятия маленькую Василиску, забыть обо всём на свете, наслаждаясь настоящим, тем, что здесь и сейчас. Казалось, что один неверный шаг и вся такая правильная, уютная и наконец-то наполненная смыслом и надеждой на счастливое будущее жизнь сгинет в одночасье, истаёт полуденным мороком. В то же время Ёжка понимала, что оставаясь на месте, не предпринимая никаких действий, ставшая привычной, особенно в последнюю седмицу, семейная жизнь разрушится ещё стремительнее и ужаснее.

В Избушке-на-Курьих-Ножках их уже дожидался Руслан, сидевший посередь кухни, как в день знакомства со Златой, так же как и тогда перед ним висела сфера, наполненная багровым дымком, в котором едва-едва угадывался образ Змея Горыныча. Заприметив это, Зареслав поспешно скинул сапоги и поспешил усесться рядом с братом. Ягуся тоже зато-

ропилась разуться, передав малышку на время в руки, подоспевшей Марфы, снять платок и вновь взяв на руки уже освобождённую от тёплой одежды Василису. Девушка поспешно присела на лавку возле печи и приготовилась слушать. Подле Яги тут же уселся Терентий, ткнувшийся лбом в её локоть и снова принявший независимый вид.

–Собрались? – наконец подал голос Будимир Давыдович, затем вздохнул и поприветствовал всех. – Ну, здравствуйте, дети!

–И вам доброго здоровьица! – пролепетала Злата, почуявшая неладное.

–Здравствуй, дед! – одновременно произнесли оба младших Змея.

–Здоровьице мне не повредит, – с каким-то невесёлым смешком произнёс князь Лиходольский, – особенно в такое смутное время.

–Что случилось? Не томи! – хмуро попросил ответа Зареслав, весь напрягшийся будто к битве изготовившийся.

–Царь Евстей Светорецкий намедни преставился, – глухо отозвался Змей Горыныч, а затем со злостью добавил, – царевич Иван в тот же день на царствие венчался, даже помин отцу достойный не справил, зато пирушку в честь себя любимого закатил такую, что до сих пор всем царским теремом рассол распивают. Только вот царь новый успел-таки за дела взяться, первым делом письмецо накатыл Ростиславу Всеволодовичу...

–Что в письме было? – перебила князя Баба Яга, хоть и понимала, что так делать нельзя, но ничего поделаться с собою не получилось.

–Требование, – коротко ответил Будимир Лиходольский, но Ёжка и так всё поняла.

Судя по громкому скрежету когтей о деревянный пол, Зареслав тоже догадался, что за требование Иван выставил царю Кощею. Златку сперва затрясло от страха, а потом от едва сдерживаемого гнева, что горячий ядовитой волной окатил с ног до головы. Да как после всего того, что учинил, он смеет какие-то требования выставлять?! Что он возомнил о себе, паскуда гулящая?! Жар гнева, сменила ледяная, как водица из колодца, волна ненависти. Она, Злата, только-только обрела свою собственную семью, свой крохотный кусочек счастья, а этот... с позволенья сказать, царевич, решил снова всё испортить!

–Он желает заполучить тебя, девочка, – со вздохом произнёс князь, повернув свой сотканный из дыма лик в сторону замершей на лавке Ягуси. – Настолько сильно он этого жаждет, что желание затмевает глас разума. Иван осмелился угрожать твоему отцу, что в случае, если Ростислав не отдаст тебя ему, войско Светорецкое через седмицу пересечёт границу царства Белояжского и двинется на самую столицу, выжигая все города, сёла и веси, что попадутся на его пути...

–Дед! – громко скрипнув вмиг выросшими змеиными клыками, возмущённо воскликнул Зареслав. – Не надо её

пугать!

– Я и не пугаю, – спокойно отозвался Будимир Давыдович, развернувшись на этот раз уже к внуку. – Она должна это знать, тебе так не кажется? – не дождавшись от мужчины ответа, князь продолжил. – Златослава должна понимать, что как только она появится в отцовском тереме, так сразу окажется в центре внимания и ежели будет допущена хоть малейшая оплошность, хоть кто-то усомнится, что ваше супружество не столь долго длится, как был озвучено, беды не миновать! Пойдут нехорошие слухи, которые сейчас никак нельзя допустить. Никто не должен усомниться во власти твоего отца, Златослава Ростиславовна!

– Что от меня требуется? – поспешно спросила Ёжка, с тревогой поглядывая на разозлённого донельзя мужа.

– Все должны поверить, что вы муж и жена в полном смысле этого слова, – ответил Змей Горыныч и строго выговорил внуку. – Не злись, Зареслав! Среди люда белояжского уже ходят слухи, что царь Ростилав слово своего не держит, что де Ивана-царевича вот обманул, обещал ему царевну в жёны, а в последний миг взял да и отказался. Но это полбеда! Беда в том, что пакость какая-то очередной слух распустила, что царевну Златославу нашёл жених обманутый почти полтора года назад и даже честь по чести обряд свадебный справить успел. Да, вот только подлый Кощей умыкнул у Ивана жену законную, которая от него уже в тягости была, и спрятал на болотах у Бабы Яги, а теперь, мол, врёт нагло, что царевна

за внуком Горыныча замужем. Некоторые особо ушлые уже к терему царскому ходили, требуя, чтобы Кощей мужу жену вернул, не гневил Богов, и люд простой гневу Ивана Светорецкого не подвергал. Вот так-то детки!

–Смотрю, длинные руки у Иванушки-то, – вдруг задумчиво произнёс Руслан, доселе молчавший, а затем злорадно добавил. – Надо бы укротить, а то негоже бунт в чужом царстве растравливать! Ох, негоже!

–Ежели вы двое всё правильно сделаете, то не будет никакого бунта, – утомленно проговорил князь Будимир. – Пове- рит люд, что у вас всё гладко и ропот поутихнет, тех, кто сму- ту сеет, слушать меньше станут, а ещё поймут, что за спиною зятя царского всё княжество Лиходольское встанет, если по- требуется. Так, что всё в ваших руках. Поняли?

–Поняли, – всё ещё хмурясь, но, уже не царапая пол от- росшими когтями, процедил Зареслав. – Чего уж тут не по- нять!?

–Ну, будет тебе, внук! – строго прикрикнул на него князь. – Покрасуетесь пару дней у всех на виду, а потом Златку и Василису сюда, ко мне в терем отправишь, а сам будь добр, начни уже с Иваном разбираться, да так, чтобы потом от этого поганца никаких бед не возникло. Думаю, ежели что, бояре быстренько найдут на кого царскую корону Светорецка надеть, а если нет, то у жены твоей братец мень- шой очень толковый, да и вотчина его с землями Ванюши граничит, приберёт к рукам земли ничейные.

–Ты, дед, всё предусмотрел, что ли?! – не скрывая усмешки, удивлённо спросил Добролюбов, понемногу успокаиваясь и уже окончательно приняв обычный свой человеческий облик.

–Ну, а кто окромя меня думать-то будет, а?! – делано возмутился Змей Горыныч. – У тебя голова женой забита, у тещи твоего тоже дел выше крыши. Надо же кому-то за общее благо радеть? Вот я и радею! Землица Иванушки уж так и быть Кощею перейдёт, граница-то у них одна. Ну, а мы, пожалуй, лесных подвинем, ещё чуток. Ихний князь уж больно породниться с нами жаждет, у него на выданье две дочки имеются, а за дочками приданное. Вот пусть шелка, да каменья себе оставит, у нас этого добра у самих полным полно. Вона пусть лучше Солнцеву Гору нам в вечное пользование отдаёт, а то сами там золото не добывают и другим не дают.

–Дед, тебе дай волю, ты у самого князя лесного с головы корону снимешь! – восхитился Зареслав, даже чуть прищипнув. – Не сильно ли замахнулся, а?

–Цыц, внучок! – рассмеялся Будимир Давыдович. – Я знаю, что делаю.

Мужчины засмеялись, но Златослава беспечности их смеха не поверила. Ясное дело, что хотели они этим Ягу, перепугавшуюся, чуть успокоить, мол, смеёмся же ведь, а значит, ничего страшного и непоправимого быть не должно. Не обманулась Ёжка этим, но виду подавать не стала, нечего мужчинам тревог да дум перед возможной битвой прибавлять.

– Дед, у меня к тебе просьба, – отсмеявшись, произнёс Зареслав и поспешил посвятить старшего Змея в её суть. – Пришли в Избушку этим вечером Бажена и Огнеслава. Хочу, чтобы они Руслану компанию составили, пока нас нет.

– Гостей ждёшь? – понятно уточнил князь Лиходольский.

– Не то что бы жду, – уклончиво произнёс княжич, проведя по волосам пятернёй, – скорее опасаюсь, что незваными явятся, пока нас тут не будет.

– Хорошо, – не став выспрашивать подробности, согласился Будимир Давыдович. – Тот час же их пошлю.

– Спасибо! – чуть улыбнувшись, поблагодарил его Зареслав.

– Не за что, – отозвался Змей Горыныч и тут же задал новый вопрос. – Ещё просьбы имеются?

– Нет, – отрицательно мотнул головой Добролюбов.

– Ну, тогда, пожалуй, на этом распрощаемся, – заявил князь и в очередной раз напомнил. – В Белояжске долго не задерживайтесь, после сразу ко мне. Всё до скорого, детишки!

– До скорого! – повторили в один голос княжичи и Златка тоже.

После в кухне повисла напряжённая тишина, через мгновение другое сменившаяся суетой. Забегала Марфа, стараясь поскорее собрать пожитки своей хозяйшки. Оба Змея поспешили обратно на улицу, волошбу охранную подновить,

да Терентий за ними отчего-то увязался. Только Златка, как сидела на лавке с ребёнком на руках, так и продолжала сидеть, усилено думая, как же ей так извернуться, чтобы по прибытии в родное царство всем злым языкам показать, что неправы они. Вот только не представляла Ягуся, как это сделать-то. Маленькая Василиса тревог её не разделяла, увлечённо пытаясь отковырять самоцветный камушек от материнского сарафана.

—О чём задумалась, родная? — неожиданное появление Зареслава, заставило Ёжку вздрогнуть и покраснеть, но, тем не менее, честно признаться:

—О том, как нам всех убедить, что мы с тобою вроде как давно женаты.

—Ты главное на людях так не вздрагивай, не красней и глаз от меня смущённо не отводи в разговоре, — присев перед женою на корточки, с улыбкой пояснил мужчина. — А в остальном положишься на меня! Я знаю, что нужно делать.

—Это откуда ж ты знаешь? — нахмурившись и нехорошо прищулив глаза, спросила Яга. — Ты же женат не был! Или был?!

—Эй, Ёжка моя, ты никак ревнуешь?! — самую малость насмешливо уточнил Змей Лиходольский.

—Вот ещё! — обиженно фыркнула и отвернулась Баба Яга, попутно отбирая у дочери всё-таки отковыранный с сарафана камушек.

—Женат я никогда не был, — приподнялся и прошептал на

самое ухо супруге Добролюбов, скрывая довольную усмешку.

–Тогда откуда знаешь, как вести себя надо?! – резко повернувшись к нему, потребовала ответа Златослава.

–Я живу на свете несколько дольше тебя и о том, как себя супруги ведут, знаю по более твоего, – открыто улыбнулся Зареслав, снова подался вперёд, целуя кончик носа Ёжки, и строго потребовал. – Я кому сказал – не красней!

–Я стараюсь, – пробурчала Златка, пряча лицо, а вместе с ним и поцелованный нос в светлой макушке дочери.

–Плохо стараешься! – пожурил её Змей и многообещающе добавил. – Это мы сегодня же исправим.

Уточнять, каким образом Зареслав собирается это исправлять, Ягуся поостереглась, да и были у неё свои домыслы по этому поводу. Домыслы, которые заставили не только лицо, но и всё тело вспыхнуть пламенем, будто не у мужа ейного, а у неё самой по жилам вместе с кровью огонь тёк. Стараясь не показать своё смущение, Злата упустила из вида то, как на лице у супруга расцвела предвкушающая улыбка.

–Хозяюшка, всё, что понадобится, может, я в короб собрала, – возвестила домовушка, появляясь на пороге кухни.

–Спасибо, Марфшка! – вместо Ёжки поблагодарил домовую княжич, выпрямился во весь рост и поспешно вышел в сени.

–Спасибо! – эхом повторила Златослава, проводив супруга недоуменным взглядом.

Баба Яга едва успела подняться, дойти до спальни и мельком заглянуть в собранный Марфой короб, как оба Змея вместе с фамильяром вернулись обратно в Избушку, что-то бурно обсуждая. Судя по отдельным услышанным фразам, мужчины обсуждали возможное появления того самого лица, что однажды уже навещался к Избушке, и способы его пленения.

–Злата, нам пора! – громко позвал жену Зареслав, а потом обратился видимо к Руслану. – Вещи, пожалуйста, принеси! Я тут пока ход пробивать начну.

–Уже? Так быстро! – растерялась Ягуся. – А батюшку предупредить, что мы сегодня будем?

–Предупредил я его уже, – успокоил жену княжич и поспешил сообщить. – Думаю, нас там даже уже чуточку заждались, так что иди-ка ты сюда, Ёжка моя.

Злата послушно направилась к супругу, в дверях столкнулась с Русланом, спешащим забрать приготовленный короб, и остановилась прямо на пороге кухни, замороженно глядя на то, как Добролюбов колдует. Поначалу Яга даже опешила, не поверивши, что проход, в Избушке находясь, создавать можно, ей то мнилось, что его сотворить можно только там, где места свободного много. Ан нет! Вон супруг уже волошбу свою закончил и теперь перед ним, словно простыня на ветру, колыхается марево, сквозь которое виден длинный коридор, будто бы из самой тьмы сотканный, вдали, которого свет едва виднеется. Что-то помимо светлого пятна Баба

Яга разглядеть не смогла, но ей от чего-то хотелось поскорее ступить в этот тёмный и довольно мрачный проход, чтобы быстрее очутиться в отчем тереме.

– Пойдём, родная! – Зареслав протянул супруге свою правую ладонь, левой же он крепко удерживал короб за прорезы в крышке ремешок.

«И когда только Руслан успел ему вещи передать?» – промелькнула в голове Златославы эта мысль, а рука сама потянулась на встречу мужниной. Вложив свои пальчики в широкую мужскую ладонь, Яга другой рукой крепче прижала вертлявую дочурку, которая с восторженным попискиванием разглядывала змееву волошбу. И с таким интересом Василиса смотрела на ход, словно бы прекрасно понимала, что это такое и даже пыталась оценить чужое мастерство.

– Терентий, вперёд иди! – неожиданно скомандовал Лиходольский княжич коту, который послушно исполнил его указания.

Задрав пушистый хвост, Реня с немалой прытью бросился по тёмному проходу вперёд, а за ним тут же последовал Зареслав, потянув за собой и Злату с малышкой на руках. Ёжка даже сказать ничего не успела, как оказалась в тёмном и каком-то зыбком проходе, только и успела что на прощание Руслану да Марфе, оставшимся в Избушке, крикнуть «До встречи!» и всё. Муж тоже что-то сказал брату на прощание, но слов Яга не различила от чего-то, а вот златовласый Змей, судя по донёсшемуся до них смеху, похоже всё прекрасно

понял.

Шли по проходу быстро, Зареслав не давал жене замедлить шаг или ещё раз оглянуться, и вскоре пятнышко света впереди выросло, давая разглядеть то место, куда они спешили. Златка сразу же признала матушкину светлицу, в которой будучи ещё девчонкой, проводила немало времени за вышиванием и чтением. А в светлице, пусть ещё не чётко различимые, но уже узнаваемые стояли все члены Кощеева семейства. У Златославы перехватило дыхание и к глазам подступили слёзы радости, когда она увидела тех, кого покинула два с половиной года назад. Тоска и вина ранее отчего-то не мучавшие Ёжку, вдруг навалились пудовым мешком, сдавив сердце, мешая свободно дышать, слёзы до сего момента ещё смиримые неудержимым потоком потекли по лицу.

Шаг. Ещё шаг. Зареслав не выпускает её руку, крепко сжимает пальцами её ладонь, чуть поглаживая большим пальцем в утешении и поддержке. Шаг. Второй. Совсем немного осталось, вон уже Терентий пересёк черту, отделяющую колдовской ход от царской светлицы, его пушистый рыжий хвост мелькнул и куда-то быстренько исчез. Последние шаги Яга преодолела быстро, даже не заметив, как ход остался за спиной, а Зареслав осторожно забрал из её рук необычно тихую Василису, потому как сама она тут же попала в крепкие объятия своих родных.

– Доченька! – шептала царица Ольга, крепко обняв, прижавшуюся к матери, Златославу. – Девочка моя, с нами, на-

конец! Вернулась!

–Вернулась, – всхлипнула Златка, уткнувшись мокрым от слёз лицом в материнское плечо.

–Вот же ты рёва, сестричка! – раздалось басовито над ухом Ёжки, и она почувствовала, как и её, и матушку обнимают сильные руки Владимира. – Ну, полно вам слёзы лить!

–Вот именно! – услышала Ягуся голос младшего из братьев. – Дайте, и я что ли сестричку обниму, а то налетели-то, налетели!

–Разгладились, – добродушно проворчал царь Кощей и, обратившись к Зареславу, заговорщицки предложил. – Давай мне внучку и иди жену свою спасай, а то же так и до утра прождать можно!

–Внучка! – заслышав слова мужа, восторженно вскрикнула царица и, чуть отстранив от себя дочь, расцеловала ту в обе щёки и ловко вывернулась из рук Владимир, всё ещё удерживавших их обеих. – Ростила, дайка я малышку на руки возьму! Ну, чего смотришь, улыбаешься?

–Знакомься, душа моя, это Василиса! Василисушка, а это твоя бабушка, – действительно улыбаясь, проговорил Кощей, передавая девочку в руки царицы.

Лиска, как с радостью отметила Злата, новым людям дюже обрадовалась, пищала восторженно, ручки ко всем протягивала и залиvisto смеялась, едва успевая вертеть головой, стараясь углядеть за всеми собравшимися. Но долго любоваться знакомству бабушки и внучки у Яги не получилось.

Владимир крепко сжал сестрёнку, чмокнул в макушку и с рук на руки, как только что передавали Василису, вручил её младшему брату. Юрий радовался как всегда шумно, многословно и просто обнять сестру не мог, вместо этого он подхватил её за талию, подбросил как в далёком детстве и с хохотом поймал в объятия. Силы у младшего из сыновей Кощея было не меряно и от проявления братской любви у Бабы Яги чуть рёбра не затрещали.

–У-у-у, идолище! Отпусти уже! Обнял как медведь, помял наверное всю! – ворчливо прикрикнула на мужа красавица Миланья, легонько хлопнув того по плечу.

–Помял? – руки брата вмиг разжались, а лицо сделалось встревоженным.

–Самую малость, – весело подмигнув, призналась ему Златослава и снова попала в объятия, на этот раз невестки.

–Вроде цела, – усмехнувшись, проговорила Мила, отстранила Злату, за плечи взяла, повертела из стороны в сторону, разглядывая. – Ох, и похорошела ты, Златушка! И раньше была девицей на загляденье, но замужество да материнство только на пользу твоей красоте пошло, – затем снова привлекла невестку к себе и заговорщицким шепотом сообщила. – Молодец, Златка! Такого мужа справного отхватила, не то, что доходяжный этот Иван! За таким, как Зареслав, как за стеною каменной будешь, прямо как я за Юршей!

Ёжка не удержалась, захихикала тихонько, а вместе с ней веселилась и Миланья.

–Доходяжный? – потешаясь, переспросила Ягуся шепотом.

–Ну, а какой ещё?! – столь же тихо и весело отозвалась невестка. – Зареслав вона какой видный, а Иван бледня бледней, мелкий, тощий, посмотреть не на что! Тьфу, пакость какая!

–Зашушукались-то! Чего обсуждаете, а? – Юрий не утерпел и влез в разговор сестры и жены.

–А тебе всё знать надо, да? – уперев руки в бока, притворно сурово спросила Миланья и двинулась на мужа, грозя кулачком. – Бабьими делами заинтересовался?

–А я чё? Я ни чё! – сделав испуганные глаза, отозвался Юрша и, миг растеряв весь свой «страх», с широченной улыбкой поймал жену в охапку и закружил на месте.

–Ох, беспутный! – засмеялась Мила, стуча кулачками в мужнину грудь. – Пусти!

Радостно пронаблюдав за братом и его женой, Бабка Ёжка, наконец, смогла толком оглядеться. Злата нахмурилась, не обнаружив Веры жены Владимира и бабушки Улиты. Матушка с отцом воркуют над Василисой, рядом с ними стоит её Змей, улыбается и отвечает на вопросы царя Кошея. Юрий и Миланья стоят, обнявшись, и перешептываются. Владимир приметивши, что сестра озирается, явно выскивая кого-то, сразу догадался, кого именно.

–Вера детей укладывает, – поспешил ответить он на её невысказанный вопрос, – а бабушка Улита холопок гоняет,

вам опочивальню готовя. Не тревожься, сестричка!

–Что же мы тут-то топчемся?! Ужинать пора, да внученьку уложить, – спохватилась вдруг царица Ольга и, обведя всех взглядом, позвала. – В гридницу идёмте, там и поговорим!

Все дружно потянулись к выходу, бурно обсуждая прибытие Златославы с мужем и дочкой. В общем гомоне Ёжка, отвыкшая от шума и суеты, почувствовала себя неудобно, ей вдруг на миг показалось, что за те два года, что провела в Избушке-на-Курьих-Ножках, она стала в отцовском тереме совсем чужой, пусть её так тепло и радостно встретили после долгой разлуки. Тут ещё как назло маленькая Василиса была на чужих руках, а Златке так хотелось прижать дочку к груди и успокоиться. Зареслав будто почувствовав смятение своей Ягуси, остановился и осторожно обнял её, прижавшись горячими губами к её виску.

–Не тревожься, Ёжка! – прошептал он ей едва слышно, ласково погладив жену по щеке. – Пойдём! Нас уже потеряли.

Мужчина улыбнулся и, держа Злату за талию одной рукой, повёл её вслед за Кощеевым семейством. Дальше Яга воспринимала всё происходящее как-то отстранённо, видимо сказались тревоги, которых в её жизни становилось всё больше и больше. Злата не помнила, о чём её спрашивали родные, и что она им отвечала, не осознавала, что ест и пьёт, не заметила даже, как нянька унесла Василису, заснувшую

на руках у царицы Ольги, даже не поняла, каким образом оказалась в просторной горнице наедине с Зареславом.

–Ой! – пискнула испуганная Ягуся, только-только осознавшая, что она вроде как с мужем в опочивальне совсем одна, а дочка, покой которой боялись потревожить в Избушке, спокойно спит в горнице вместе с детьми Юрия и Владимира. – А Лисёнок...

–С ней всё хорошо, – не дал договорить княжич жене и, сверкнув ставшими на мгновение змеиными глазами, хрипловатым, пробирающим до самой души, голосом произнёс, – с ней остался Терентий и нянюшка приставленная царицей. Можешь за неё не тревожиться.

–Мне бы проведать её, – робко пробормотала Златка, но с места отчего-то не двинулась, хотя и собиралась.

–Нет, родная, – негромко рассмеявшись бархатистым, совсем незнакомым ей смехом, проговорил Лиходольский Змей и сделал несколько плавных шагов по направлению к застывшей Ёжке. – Пусть малышка спит. Ты же не хочешь её тревожить, верно?

–Ага, – послушно кивнула Ягуся, заморожено вглядываясь в серебристые омуты очей Зареслава.

–Я так и подумал, – одарив Злату ещё одной чарующей улыбкой, заявил княжич и, медленно склоняясь к её лицу, почти касаясь губ жены своими губами, прошептал. – До рассвета так много времени, и оно принадлежит только нам двоим.

А потом был поцелуй, умопомрачительный и жаркий, а за ним ещё один и ещё. К рассвету Златослава потеряла им счёт, а ещё осознала, что краснеть она, кажется, после этой ночи совсем разучится.

В предрассветных сумерках задремав на груди у любимого, где-то на грани сна и яви чувствуя, как он перебирает пальцами пряди её волос, Злата вдруг совершенно ясно поняла, что любит. Любит так сильно своего Змея, что словами не передать! Ёжка улыбнулась сквозь сон, ощущая, как осторожно касаются её лба в нежном поцелуе любимые губы, прижалась всем телом к Зареславу и теперь уже уснула крепким сном.

– Душа моя, открывай свои дивные глазки, – прошептал на самое ухо тихий голос супруга, опалив горячим дыханием. – Пора вставать!

– Правда, пора? – зажмурившись, шепотом спросила его Ягуся.

– К сожалению, правда, – вздохнул Змей и поцеловал её пальчики. – Если ты не забыла, Ростислав Всеволодович пожелал видеть нас на праздники в честь открытия весенней ярмарки и на пиру, что для люда белояжского на главной площади будет проходить.

– Забыла, – повторила его вздох Баба Яга и, придерживая тёплое пуховое одеяло на груди, осторожно уселась подле мужа.

– Вот видишь, какой у тебя полезный муж? Всё-то он те-

бе вовремя напоминает, – задорно улыбнулся Зареслав, подмигнул и поспешил подняться.

– Действительно, – протянула она, с любопытством и вовсе без стеснения рассматривая супруга при свете дня.

Златка то чуть опускала реснички, боясь быть пойманной с поличным, то смотрела, широко распахнув глаза, пытаясь запомнить каждый изгиб его тела, каждую чёрточку шрамов, каждую родинку. Всё то, что ночью ласкали её пальцы, целовали её губы, сейчас подверглось тщательному изучению. Казалось, Зареслав не замечает пристального взгляда любимой жены, усердно разыскивая свою разбросанную по всей горнице одежду. Вот отыскалось исподнее, потом нашлись штаны, за ними рубаха и со всем вещами, собранными в очень неопрятный ком, Змей вернулся к Ёжке, которая к своему искреннему изумлению даже не покраснела, когда после долгого поцелуя мужчина тихо выдохнул ей в губы:

– А мне тоже хочется на тебя посмотреть!

– А то ты там чего-то не видел, – хмыкнула Бабка Ёжка, легонько оттолкнув супруга, и scomандовала весело прищурившись. – Одевайся лучше!

– Не честно! – делано обиделся муж, неспешно натягивая штаны и то и дело искоса поглядывая на кутающуюся в одеяло супругу. – Ты значит, меня тут разглядывала, а мне на тебя посмотреть нельзя?!

– Угу, – кивнула она, едва сдерживая смех.

– Ах, так! – воскликнул Змей, резко развернувшись к ней

лицом и одним неуловимым движением лишив Злату, её пухового заслона.

–А-а-а! – заверещала Ёжка от неожиданности и тут же осеклась.

Дверь в опочивальню распахнулась настезь и в горницу, словно на пожар спеша, влетели две холопки и одна из боярынь при царице состоявших. Златка растеряно молчала, сразу не сообразив, что в таких обстоятельствах делать. Зато Добролюбов не растерялся, глянул на них недовольно своими змеиными глазами и холодно потребовал:

–Все вон!

Девушки дружно пискнули что-то должное означать извинения и поспешили покинуть горницу, плотно прикрыв за собой дверь. Зареслав нависнув над супругой, чуть отвернул голову в сторону, выругался почти, не разжимая губ, и замер, услышав сначала тихий, а потом всё более и более звонкий смех. Златослава лежала, прикрыв лицо ладошками, и не могла прекратить смеяться, уж больно всё нелепо получилось. «Зато теперь ни у кого сомнений в тереме не будет, что женаты мы взаправду», – вертелась в её голове мысль.

–Родная, – тихо позвал Зареслав, усевшись подле Ёжки и осторожно убрав её ладони от лица. – Злата?

–Ой, не могу! – простонала она глядя на супруга блестящими от смеха и слёз глазами. – Бедненькие! Не ожидали они такого увидеть, – едва сумела она выговорить сквозь рвущийся наружу хохот.

– Нечего было в опочивальню без стука ломиться, – возмущённо фыркнул мужчина, – не пришлось бы краснеть!

– О, да! – Ёжка всё никак не могла прекратить смеяться. – Было тут с чего краснеть, им же такой вид открылся!

– Какой вид? – с нехорошим подозрением поинтересовался Добролюбов.

– У тебя штаны сползли! – охотно ответила ему Ягуся, трясясь от хохота, а за тем быстро подобрала подушку и прижала её к лицу, спрятавшись от полных укора и какой-то детской обиды серых глаз.

– Златослава Ростиславовна, как вам не стыдно! – пожурил её муж.

– Не стыдно, – отбросив, наконец, от себя подушку уже совершенно спокойно сообщила Злата.

– Я рад, – с ласковой улыбкой, поведал ей Зареслав, наклонился, коротко поцеловал и предупредил. – Пойду, позову девок, пусть одеться помогут.

Отпускать его Злате совершенно не хотелось, но заставлять родителей их ждать она не могла себе позволить. Супруг заметил перемену в настроении своей Ёжки, сладко поцеловал в утешение и, натянув рубаху, поспешил покинуть горницу. Уже кутаясь в подобранное с пола одеяло, Златослава услышала, как строго отчитывает холопок княжич Лиходольский и холодно выговаривает боярыне, допустившей такую оплошность. Мгновением позже все три женщины стояли перед княжной, смиренно опустив очи.

–Воду мне для омовения приготовьте! – распорядилась Златка едва сдерживая зевок и тут её взгляд упал на то, что никак не полагалось видеть посторонним.

Из-под подушки с её стороны выглядывал краешек бурого пятна. Мысль о разоблачении пронеслась в голове, заставив сердце забиться быстрее. Никто не должен догадать, что для неё, Златославы Лиходольской, это была именно первая брачная ночь! Лихорадочно соображая как же скрыть очевидное, взгляд Ягуси наткнулся на кувшин, что стоял на столе возле окна.

–Пить хочу! – капризно сообщила Ёжка, наблюдая, как холопки носят воду в большую медную лохань. – Морсу мне ягодного принесите!

–Как княжне будет угодно, – с поклоном ответила боярыня и поспешила исполнить указание.

Пока боярыни не было, Злата успела себя известить нехорошими мыслями. Когда воображение нарисовало картину вспыхнувшего бунта в Белояжске, наконец, явилась ещё одна холопка, принёсшая большой кубок, наполненный малиновым морсом. Боярыня вместе с холопкой отчего-то не вернулась.

–Иди-ка, милая, помоги девушкам воды набрать! – поспешила Яга отправить услужливую девчонку подальше.

Молоденька, лет пятнадцати, холопка поклонилась и быстренько метнулась прочь, видимо за ведром. Златослава сделала глоток морса и как бы невзначай отодвинула подуш-

ку, оценивая величину проблемы. «Проблема» оказалась не такой уж и великой, но и её требовалось решить. Сделав ещё глоток, Ягуся бросила осторожный взгляд на суетящихся девушек, выбрав момент, «нечаянно» опрокинула кубок на пятно и, пока никто на неё не смотрел, старательно растёрла всё по простыням. В коридоре послышались шаги, Ёжка вздрогнула и как можно правдивей воскликнула:

–Ой! Какая я безрукая!

–Что стряслось, княжна?! – вбежавшая в горницу боярыня, чуть не уронила на пол, удерживаемое в руках расшитое камнями платье.

–Златушка, дитяtko, что такое? – донесся в открытую дверь, знакомый старушечий голос.

Вслед за голосом до Яги донеслись шаркающие, но, тем не менее, довольно бодрые шаги и в горенку вошла Улита Гордеевна. С момента прибытия в отчий терем, увидеться со старушкой-ключницей не случилось, и потому-то завидев её сейчас, Злата шмыгнула носом, как маленькая девочка, выпустила из пальцев кубок и, соскочив с постели и всё ещё кутаясь в одеяло, бросилась обнимать. Бабушка Улита был небольшого росточка и чтобы обнять её, девушке пришлось согнуться почти пополам, худые, но ещё крепкие руки с материнской нежностью обняли Ёжку в ответ.

–Я так соскучилась! – всхлипнула Златка, разорвав объятия и выпрямившись.

–Мы тоже по тебе тосковали, Златушка, – погладив де-

вушку по руке и утерев свободным кулачком заблестевшие от слёз радости глаза, произнесла ключница.

–Бабушка Улита, как ты у тебя здоровье? Не хвораешь? – всполошилась Бабка Ёжка, придирчиво разглядывая сгорбленную фигурку женщины.

За старушку, бывшую когда-то кормилицей царя Кощея, Злата переживала сильно. Шутка ли?! Бабушке Улите этой осенью сто третий год будет, а когда царь Всеволод передал ей для забот новорождённого наследника, молоденькой крестьянской девчонке осемнадцать стукнуло, сама два года как отневестилась и полгода как матерью стала.

–Да что ты! Я же можно сказать помолодела! – рассмеялась старушка. – Шибко мне твои снадобья помогли, ни одна хвороба не цеплялась за зиму, да и немочи старческие тревожить перестали. Спасибо тебе, девочка моя!

–Вот и славно! – радостно заулыбалась Яга в ответ. – Я пока тут гостить буду, ещё сварить постараюсь.

–Княжна, да что случилось-то?! – не выдержала любопытная боярыня, обрывая разговор с ключницей.

–А?! – растеряно переспросила Ягуся, уже почти позабыв о своей «неловкости», но вспомнив, тут же нахмурилась и как можно равнодушнее пояснила. – Я морс на постель опрокинула, надо застирать скорее, чтобы пятна не осталось.

–Где? – сурово спросила бабушка Улита, посеменив к кровати.

Окинув разворошенную постель и красное пятно на про-

стыне, старушка прищурилась и знаком подозвала пробежавшую мимо холопку с пустым ведром.

–Ташка, ну-ка постель собери и тащи вниз! – строго приказала ключница, более не глядя на кровать и даже повернувшись к ней спиной. – Да, кидай его сразу в чан, где прачки бельё уже кипятят! Застирывать не надо, пущай покипятится как следует с щёлоком, а после можно и с мыльнянкой простирнуть. Всё поняла?

Девчонка только понятиливо кивнула и, отставив ведро у порога, принялась собирать постель в тюк. Улита Гордеевна только один взгляд и бросила на холопку, после уделив всё своё внимание молодой боярыне всё так и стоявшей посреди горницы с праздничным платьем на вытянутых вперёд руках.

–Анна Калитична, а что это вы тут спозаранку делаете? – подозрительно прищурившись, мягко спросила старая ключница, на правах данных ей долгой, честной службой и крепкой привязанностью всего царского семейства. – Не упомяну я, что бы царица-матушка тебя к дочери своей приставляла. Вот про Алёну Нежатовну помню, а про тебя нет. И ведь с некоторых пор на память не жалуясь...

–Улита Гордеевна, – зачастила боярыня, опустив голову и не глядя в глаза старушке, уже одним этим подтверждая, что дело не чисто, – Алёна захворала, живот у неё прихватило, вот она меня и попросила княжне помочь.

–Вот те раз! – делано удивлённо воскликнула ключница. –

Я когда сюда поднималась, видела её в светлице, сидела она, платье княжне дошивала. Что на это скажешь?

–Отпустило, наверное, – нервно пожав плечами, отозвалась Анна Калитична.

–Ну-ну, – фыркнула старуха и сухо произнесла. – Иди-ка ты, боярыня, в горенку свою, пока царица-матушка о твоём самоуправстве не прознала, да Алёну Нежатовну зови сюда! А платье это неси туда откуда-то взяла! Княжне совсем другое для праздника приготовили.

Вспыхнула молоденькая боярыня, потом лицо её побелело, а после и вовсе красными пятнами пошло. Попыталась Анна Калитична оправдаться, да только бабушка Улита слушать не пожелала, снова провинившуюся боярыню царицей застращав.

–Бабушка Улита, а за что вы так с ней? – тихонечко спросила у старушки Златослава, перед этим проследив, как молодая боярыня в слезах выбежала из горницы.

–А чтобы впредь неповадно поперёк слова царского идти было, нос свой длинный в чужие дела совать и обмануть пытаться, – строго проговорила ключница, будто всё ещё Анну Калитичну продолжала отчитывать. – Она ведь тут до твоего приезда пыталась слухи поганые распускать о тебе, муже твоём да дочке, вот только царица-матушка её быстро на место поставила. А она вишь не успокоилась! К тебе вот пролезть попыталась... Ну, и беси с ней! Не думай о ней девочка! Ты, горлица наша, своё гнёздышко свила, вот оно для те-

бя главное, а остальное, так пыль у дороги!

Злата только улыбнулась слегка, слова старушки слушая, а потом и времени о худом думать не осталось. Сперва девушки-холопки сообщили, что вода для омовения готова и Ёжка поспешила купаться пойти. Потом, когда княжна уже искупалась и ждала, пока одна из приставленных девчонок просуши её длинные волосы, прибежала запыхавшаяся боярыня Алёна с нарядом присланным царицей Ольгой. А потом всё закрутилось, завертелось, что Баба Яга едва успевала треть из происходящего запомнить и осознать. Ох, и отвыкла она от суеты!

Глава 16. Брат ты мне или не брат?

– Вона, смотри! Вишь, царевна идёт! – слышала Златослава за своей спиной тихие, но всё же различимые в гуле ярморочной толпы слова.

– Да не царевна, дурень ты эдакий, а княжна она теперячи! – поправил другой чуть хриплый старческий голос.

– Ой, да надолго ли? Царь Иван то её так и так назад себе вертает, – фыркнул ещё какой-то мужчина.

– С чегой это ты взял-то? – спросила его женщина, но ответ на её вопрос Яга не услышала, оглушённая восторженным гулом горожан, собравшихся поглазеть на представление скоморохов.

Ёжка нахмурилась, прислушиваясь к словам и одновременно стараясь не подать виду, что столь животрепещущая беседа ей слышна. Девушка остановилась у торговца тканя-

ми и принялась бездумно рассматривать заморские шелка и паволоки. Рядом остановился Зареслав, держащий на руках маленькую Василису с упоением мусолившую большой пряник. Пряник то и дело норовил выпасть из маленьких пальчиков, но каждый раз его падение пресекал княжич, возвращая малышке лакомство обратно. Василиска сопровождала каждую попытку падения пряника полным обиды взглядом, а каждое его возвращение весёлым залиvistым смехом, на который обращал внимание весь без исключения люд, что находился поблизости. Змей тоже позволял себе улыбку или тихий смешок, а порой, чтобы пуще развеселить девочку легонько подкидывал её на своих руках, от чего пряник вновь пытался ретироваться из крохотных ручек.

–Брешет твой Гордей, как пёс шелудивый! – снова послышался старушечий голос, обладательница которого участвовала в столь заинтересовавшей Ягусю беседе. – Ежели так и впрямь было, то Горыныча внук сейчас туточки не обреталси. Змеи тебе не простые мужики, им чужих детёв не нать...

–С таким приданым не то, что царевну с чужим дитём в жёны возьмешь, саму кикимору домой супругой притащишь! – перебил старуху не желавший признавать свою неправоту мужчина.

–Да ты и за так кикимору в дом привёл, – фыркнула насмешливо женщина, – волосища тока не зелёные, да тиной не пахнет, а так самая настоящая кикимора.

–Ты мою Влаську не тронь! – зло процедил мужик, но бо-

лее ничего сказать не успел.

–А ты, Пахом, молчал бы лучше, да бабушку Феню слушал! Бабушка на свете дольше живёт и больше знает, – перебила его старуха и назидательно продолжил. – Змеи, раз уж ты не знаешь, в жёны не берут баб, у которых дитё своё есть. У них женой только девка непорченная может стать, потому как волошба их родовая слабо в ребёнке проявится, ежели мать его до супруга-Змея другого какого мужика ублажала.

–Дудки! – рассмеялся мужчина.

–А вот и нет! – с жаром воскликнула женщина и принялась с жаром доказывать свою правоту. – Ты, Пахом, вспомни, как три года назад, по весне, царь Ерофей Крутойярский свою дочку единственную за одного из княжичей Лиходольских сватал! Помнишь, что тогда говорили, а? Не помнишь, так я тебе напомним. Народ гудел, что де князь Лиходольский тогда царю Ерофею напрямик и сказал, что девка, пушай и царевна, которую чуть ли не все витязи царёвы попробовать успели, ни одному Змею не нужна! Вот!

–И что?! – продолжил насмешничать мужик.

–И то! Ждана-то невеста завидная, в твоём разумении, единственная дочь царя, кто на ней женится, всем царством после смерти тестя владеть будет, – в тон ему, с издёвкой, отозвалась женщина.

–Вот, вот! Так что, ты тут, Пахомка, смуту не устраивай! А то же ещё кто грешным делом подумает, что ты подсыл Светорецкий, – как бы невзначай заметила старушка.

Тут занимательную беседу снова перекрыл дружный хохот, тех, кто смотрел представление. Злата даже вздрогнула от неожиданности, что не укрылось от взора Зареслава. Впрочем, приметливый Змей уже давно наблюдал за супругой, которая вот уже, сколько времени мяла в руках отрез багряного шёлка, невидящим взглядом уставившись на свои пальцы.

–Злата, не обращай внимания и уж тем более не смей расстраиваться, – склонившись к уху жены, прошептала Добролюбов.

–Что? – растерянно переспросила Баба Яга и, вдруг осознав, о чём говорил княжич, вскинула голову и с удивлением спросила. – Откуда узнал?!

–Кто-то не очень тайлся, а слух у меня получше многих, – пояснил он, внимательно вглядываясь в ёжикины очи. – Не обращай внимания, – снова повторил Зареслав.

–Да как уж тут не обращать!?! – чуть вспыхнула Златослава.

–Очень просто, – с мягкой улыбкой произнёс княжич и коснулся её виска коротким поцелуем, – собака лает, ветер уносит.

–Зар! Зареслав! – раздался вдруг громкий окрик за спиной.

И Ёжка, и Змей обернулись на крик одновременно, чтобы узреть, как через толпу прокладывает себе путь локтями царевич Юрий. На лице брата Злата углядела лёгкую тень беспокойства, что заставила встревожиться и её. Ещё после слу-

чайно подслушанного разговора горожан, праздничная ярмарка потеряла добрую часть своего очарования, а уж после появления нахмуренного Юрши, настроение и вовсе где-то затерялось и появилось острое желание вернуться в отцовский терем, а ещё лучше в ставшую такой родной Избушку-на-Курьих-Ножках. Ягушенское чутьё Златку не подвело, стоило только брату добраться до них и открыть рот, как стало ясно, случились очередные неприятности.

–Зареслав, тебе отец велел передать, что Руслан гостя встречает, – отдышавшись, туманно изрёк царевич Юрий. – Ещё просил сказать, что Яков с отрядом своим тоже гостя дорогого отправился встречать, чтобы не заплутал он ненароком.

–Бажен и Огнеслав тоже к встрече готовятся, может, знаешь? – спокойно поинтересовался Змей Лиходольский, в очередной раз легонько подбросив Василису и осторожно передав её в руки Златы.

Ответить царевич не успел, потому как малышка, не пожелавшая расставаться с Зареславом, огласила торг таким протестующим криком, что на него не обернулись разве что глухие древние старики. Василиска же утихомириться не желала, выпустив из пальчиков пряник, протянула ручонки к Змею и потребовала:

–Па-па, на-а-а!

–Ты же моя радость! – просиял Добролюбов, сперва опешив от осознания, что малышка его папой назвала. – Ну-ка,

ещё раз!

–Па-а-па! – сурово сдвину бровки, выдала девочка и ещё требовательней потянулась к мужчине.

На мгновение Змей совершенно забыл обо всём, почти выхватил из Ёжиных рук дочь, расцеловал маленькую капризницу в обе щёчки и со всей осторожностью обнял. У Ягуси от переизбытка чувств даже в носу защипало, а тут ещё и Змей одну руку освободил, жену к себе под бок притянул и шепнул восторженно, склонившись к её уху:

–Она меня папой назвала!

–Ещё бы, – стараясь выглядеть как можно непринужденнее, Ягуся насмешливо фыркнула и чуть громче, чем надо произнесла. – Кто её столько времени этому слову учил? Не помнишь? Ты с батюшкой соперничаешь, что ли? Этот всё «дедой» его называть просит. Ребёнок только-только слово «мама» научился говорить, а вы уже тут как тут!

–Не ворчи, душа моя, – светло улыбнулся Зареслав, поцеловал поочередно дочь и жену, а потом снова возвратил Василису на руки Златке.

Завидев улыбку Лиходольского княжича, несколько молоденьких девиц-красавиц одновременно испустили восторженный вздох, который вызвал в душе Бабы Яги небывалое возмущение. Вот ещё вертячки всякие на её мужа будут так бесстыже глазеть, да вздыхать!

–Не ревнуй, – снова склонившись к ушку Ёжки, прошептал Добролюбов и нехотя высвободил её из своих объятий. –

Присмотри за ними! – обернувшись к улыбающемуся от уха до уха Юрше, сурово потребовал Змей и с изрядной долей злорадства проговорил. – Пожалуй, и мне бы гостя нашего дорогого не мешало бы встретить. Пойду я.

– Я буду тебя очень-очень ждать! – выпалила Златослава, не зная, что же такого напутственного можно сказать мужу в толпе посторонних.

– Я быстро вернусь, – пообещал Зареслав и, развернувшись спиной, быстро зашагал к царскому терему.

Проводив мужнину спину взглядом, Бабка Ёжка невольно грустно вздохнула и обратила свой взор на брата. Царевич Юрий с явным интересом разглядывал лотки и прилавки, явно в уме прикидывая, оплатил, не оплатил тот или иной торговец пошлину.

– Юр, а может, и мы пойдём? – робко спросила Яга, намекая на отчий дом, но, особо не надеясь, попасть туда в ближайшее время.

– Злат, ты чего ж с ярмарки так рано уйти собралась?! – наиграно удивлённо спросил брат и, широко улыбнувшись, заявил. – Ну, уж нет! Мила тебе что-то вон в той лавке показать хотела.

Баба Яга вздохнула, поудобней уместила на руках тихую от обиды на весь белый свет Василису и, подхваченная Юршей под локоток, направилась в сторону указанной лавки. Пришлось смириться, что на ярмарке ей предстоит ещё немного помелькать перед людскими глазами.

– Видела? Видела, как он её обнял, а? Вот это любовь! А ты говоришь, что врут всё! – зацепился Ёжкин слух за разговор двух совсем ещё молоденьких девчонок у лотка со сладостями.

– Ну, слухи ходят..., – попыталась оправдаться другая.

– А ты ходишь, сплетни собираешь! – перебила её подружка, словно уличив каком-то непотребстве.

– Да, я..., – оправдания девчонки Злата к своей досаде не услышала, а хотелось.

Юрий, не замечая шепотки вокруг, вёл сестру в нужном направлении, и, останавливаясь, не достигнув цели, не желал. Яга снова вздохнула и передёрнула плечами. Казалось ей, что все на торгу смотрят лишь на неё, только и обсуждая их с княжичем Лиходольским личную жизнь. Было неуютно и как-то гадко на душе, но девушка старалась не показывать виду.

– Злата, ну наконец-то! – навстречу им из торговой лавки выбежала раскрасневшаяся Миланья и настойчиво увлекла вместе с собою назад в лавку Златославу. – Тут столько диковинок! Вон посмотри!

Княжна позволила излишне деятельной родственнице и потакающему ей во всём Юрию завести себя в просторную лавку заморского купца и, перебивая друг друга, рассказывать и показывать чудные товары привезённый из далёких и таких чужих земель. Чтобы не обидеть родных, Ягуся в меру восторгалась диковинкам, примеряла поднесённые чересчур любезным, даже скорее лебезящим, купцом украше-

ния. И только, когда широко улыбаясь, купец преподнёс на алой бархатной подушечке венец дивной красоты из серебра и морского жемчуга, Баба Яга наотрез отказалась его примерять, порадовавшись на миг, что может сослаться на то, что уставшая Василиска заснула у неё прямо на руках и девушка не хочет её тревожить.

—О пресветлая, луноликая госпожа! — воздев руки к потолку, нараспев произнёс купец. — Не обижайте скромного торговца, примерьте сей венец, который столь великолепно подходит вашей красоте! Стоило мне только увидеть вас, как я понял, что этим венцом может владеть лишь, столь ослепительная красавица.

—Злат, ну примерь! — резвой козочкой подскочила к мужниной сестре Миланья, горящими глазами рассматривая украшение. — Ведь и впрямь красота какая!

—Вот и примерь сама, раз он тебе так понравился! — не очень дружелюбно буркнула Ёжка, бочком-бочком пробираясь к выходу из лавки.

На Бабу Ягу вмиг стали давить стены, воздух показался каким-то тягучим и словно бы совсем не хотел наполнять лёгкие, застревая комком в горле, от всего этого начала слегка кружиться голова. Златка остановилась на мгновение, тряхнула головой, зажмурилась и, уже собралась было вырваться из душной, ставшей столь неприятной лавки, как её опередили. Мила обогнула Ягусю по дуге и заступила ей дорогу, держа перед собой на вытянутых руках венец и сияя

совсем уж странной улыбкой. Сперва Ёжка не поняла, что же её так смущает в облике Миланьи, но потом, как озарение на неё снизошло. Улыбалась жена брата радостно и широко, а вот глаза совсем-совсем пустые, будто и не видит она перед собою ничего.

– Померяй, Златушка! – решительно наступала на Ягу молодая женщина, продолжая улыбаться, чем ещё сильнее страшила и без того напуганную княжну. – Смотри, какие жемчуга красивые!

– Не подходи! – потребовала Златослава, прижимая к себе спящую дочь и одновременно пятясь от Милы, а потом и вовсе крикнула громко, зовя брата. – Юрша, угомони жену! Не желаю я мерять этот венец!

– Что? – растерянно переспросил царевич Юрий, которого ловкий торговец уже успел отвести к противоположной стене подальше от женщин. – Мила!?

И вот тут всё завертелось столь стремительно, возможно со стороны даже особо и не разберёшь, что, да как произошло. Златка продолжавшая пятиться налетела спиной на стену, ойкнула и согнулась, когда металлический крюк для товара больно ткнул её в бок. Краем глаза Яга заметила, как с перекошенным от тревоги и злости лицом ринулся к жене Юрий, но совершенно не успевал остановить, будучи слишком далеко. А вот Миланья времени зря не теряла. Совершив какой-то совсем уж звериный прыжок, женщина надела венец на голову сгорбившейся от боли Златославы и тут

же упала, как подкошенная. Это последнее, что увидела Баба Яга, дальше для неё одной мир вокруг завертелся или она сама, как подхваченная ураганом закружилась всё быстрее и быстрее, теряя чувство направления, единственное, что и успела проснувшуюся дочку к себе крепко прижать и зажмуриться.

Сторонние звуки исчезли совсем, стоило только глаза закрыть, пол из-под ног ушёл разом, заставив Ёжку испуганно вскрикнуть, а маленькую Василису закатиться плачем. Злате, казалось, что падает в бездонный колодец. Она отчаянно молила богов, чтобы падение не закончилось совсем уж непоправимо и, словно бы услышав её молитвы, под ногами внезапно появилась опора. От неожиданности ноги Бабу Ягу удержать не смогли, и она с размаху села на ледяные плиты каменного пола, всё так же прижимая дочь к груди и теперь шипя от боли. Ребёнок не прекращал реветь, хотя сейчас плач иногда сменялся нервным иканием, которое Яга не могла унять ни нежными поглаживаниями, ни тихим успокаивающим шепотком на маленькое ушко. Василиса затихать не желала. Ягуся хоть и открыла глаза, но всё её внимание было сосредоточено на ребенке, и потому хриплый мужской голос прозвучал для неё неожиданно:

–Ну, здравствуй, Кощеева дочь! Ох и заставила же ты меня за собою побегать.

–З-здравству-уйте, коли не шутите! – иногда сбиваясь на икоту, пролепетала Злата, страшась поднять глаза на гово-

рившего.

– При иных обстоятельствах, я бы с превеликой радостью и искренностью пожелал тебе здоровья, Златослава Ростиславовна, но, увы, сейчас это была лишь дань вежливости, – отозвался мужчина, как будто бы и впрямь опечаленный. – К сожалению, я должен вас убить...

– Нас?! – Баба Яга вмиг растеряла весь страх, молниеносно вскочив на ноги, закрыла руками дочь и почти прошипела. – Зубы обломаешь! Не подходи! Прокляну так, что заму-чаешься, потом снимать!

– Злата, Злата, – рассмеялся мужчина, откидывая в сторону плащ, в который до сего момента кутался с головы до ног. – Меня проклятья уже давно не страшат.

«И впрямь, чего ему уже бояться-то!?» – пронеслось в голове Златославы, когда она разглядела своего похитителя. Высокий, немного нескладный мужчина с совершенно лысой головой, на которой тёмными узорами выделялась вязь символов, значение которых девушке было не известно. Мужчину Яга знала. Да как же его не знать, ежели он наставником бывшего жениха, Ивана Светорецкого, был, а после того как Ванюша в Академию отправился колдун ентот при царе Евстее остался. Вот только как же так получилось, что он вроде как не живой, да только и не мёртвый ведь! Разве такое возможно?! И давно ли он такой? А ежели давно, то почему же ни кто раньше его странности не замечал?!

– Задумалась, от чего никто так и не понял, кем я явля-

юсь? – с безрадостной усмешкой поинтересовался мужчина, складывая руки на груди.

–Ага, – сил хватило у Ягуси только на то, что бы нервно кивнуть и попытаться успокоить уже не плачущую, а всего лишь всхлипывающую Василису.

–Мой господин силён в этом деле, именно он смог отвести от меня смерть, только вот к жизни так и не вернул, – обыденно пояснил колдун и, вздохнув, проговорил. – На этом, Златослава, мы, пожалуй, беседу и окончим. Зареслав не дурак и вскоре поймёт, что его обманули, значит, время не ждёт, так что девочка,ними кольцо и отдай его мне.

–Зачем это? – с подозрением спросила Ёжка, делая маленький и, как ей казалось, незаметный шагок назад.

–Свою собственность вернуть хочу, – просто ответил немёртвый, протягивая руку в сторону девушки. – Тебе она по праву досталась, а вот тот, кто его тебе отдал, делать этого не должен был. Не для него перстни венчальные делались, не ему было и этот отдавать.

–Что?! – ошарашенно переспросила Бабка Ёжка, замерев на месте и даже забыв, что надо бы пути к побегу искать. – Как так?

–Раз не догадалась, кощеева дочь, так не моя печаль, – холодно произнёс колдун и снова потребовал. – А перстень-то отдай!

–Вот ещё! – огрызнулась Ёжка и, не удержавшись, язык показала, да так его и прикусила, когда её озарение настиг-

ло. – Велимир? – слабым шепотом спросила мужчину. – Велимир Венцеславович?

–Имя своё я не скрывал, да только за столько лет ты единственная кто догадалась, – с горечью произнёс мужчина.

А Златослава теперь по-иному на колдуна глянула, выискивая в его облике знакомые черты. Нос! Нос же один в один просто! А глаза? Нет, глаза другие, не серые, а зеленоватые какие-то. Интересно, а волосы, такие как у брата были или...

–Злата, быстро ко мне за спину! – резкий, полный холодной ярости окрик застал врасплох и Ёжку, и Велимира.

Мужнино требование Златка выполнить поспешила. Хоть в сердце что-то кольнуло, когда она узнала, что колдун рódный брат её мужу, но дочьрью рисковать и пытаться объяснить Зареславу что к чему пока не стала. Вот укроется она за надёжным плечом, тогда-то можно и сообщить то, что узнать успела.

–Здравствуй, Зар! – опередил Ягу сам Велимир. – Плохо, что ты пришёл, но раз уж явился, то мне не мешай!

–И что же ты мне делать предлагаешь, а, погань, ты мёртвая?! – зло поинтересовался Змей Лиходольский, плетя защитную волошбу.

«Не узнал! – крутилось в голове у Бабя Яги, прижимающей к себе всхлипывающую дочь. – Не понял!»

–Ай, не хорошо так со старшими-то разговаривать, – покачал головой лысый колдун, да ещё и пальцем погрозил, как дитю малому, не в меру расшалившемуся. – Да, ладно уж,

прошу, не впервой. А дочку кощееву всё же отдай и дитя, которое она так к груди прижимает, как родное, тоже.

—А больше тебе ничего не надо? — ошалело переспросил Добролюбов, колдовство своё не прекращая.

—В сторонке спокойно постой, пока я их души к последнему берегу отправлю..., — мирно и даже с долей сожаления произнёс Велимир, но был прерван отборными ругательствами, на которые Зареслав не поспешил.

—Ты, мертвечина, ошалела, что ли?! — наконец смог выразить своё возмущение более достойными словами он. — Ты мне, что сейчас предлагаешь, а?!

—Зареслав, давай просто уйдём отсюда и всё, — прошептала Златослава, привстав на цыпочки, чтобы только муж её слова разобрать смог.

Ёжка понимала, что по-хорошему должна, хотя бы, дать понять супругу, что перед ним не просто какой-то незнакомый немёртвый, а его погибший, как все считали, брат Велимир. Вот только сейчас, в таком опасном положении, рассказывать Зареславу правду было неверно. Велимир, уже и так стало понятно, что меньшому брату зла не причинит, а вот ей Бабе Яге, да малышке Василисе, судьбу уже уготовил. Судьба та Ягусю совсем не радовала и будь она одна, без ребёнка, может быть, даже рискнула встать между братьями, пытаясь остановить одного, порешить второго. Только напуганная дочка и угроза, которую нёс лич, останавливала княжну от попыток разъяснить мужу всё и сейчас. Потому-то и же-

лала она уйти отсюда скорее и уже за высокими стенами родного терема или может быть терема князя Лиходольского, рассказать мужу правду о нёмёртвом. Яга отчаянно не желала поединка между этими двумя, ведь Зареслав убив брата окончательно, будет винить себя в его смерти, а может даже её Злату, за то, что вовремя не сказала. Что Добролюбов победит Яга отчего-то не сомневалась.

– Не могу я, Златка, пока нас перенести, – ответил муж, снова что-то дюже сильное наколдовывая. – Чтобы проход открыть мне время нужно, а он напасть на нас сможет, коли я от защиты отвлекусь. Сюда меня перстень привёл, остальные по моему следу пойдут, так что скоро будут, а мы пока продержимся...

– Так значит, – недобро улыбнулся Велимир. – Подмогу ждём?! Ну что ж. Не хотел я тебе вредить, брат, да придётся.

И вновь время ускорило бег, подгоняя события. Услышав слово «брат» и видимо только сейчас уразумев, кто перед ним стоит, Зареслав замер и напрягся, не позволяя себе поверить в сказанное и тем самым отвлечь от главного – защиты. Велимиру же той малой доли мгновения хватило, чтобы напасть. Младшего Змея вместе с его колдовством просто смело с пути нёмёртвого, знатно приложив того о стену, выбив дух. Княжич даже после такого сильного удара смог подняться, но волошбу сотворить ему лич не дал, снова своєю тёмною силой впечатав брата в каменную стену и только после этого Зареслав уже не поднялся.

–Зареслав! – осипшим голосом позвала Злата и, не выдержав гнетущей тишины, громко всхлипнула.

–За него можешь не тревожиться, кощеева дочь, – вымолвил вдруг Велимир, опутывая младшего брата колдовской сетью. – Он всего лишь потерял сознание, самое малое через четверть часа очнётся, всё же знатно я его приложил, – покончив с волошбой, мужчина повернулся к застывшей Ёжке и спокойно произнёс. – Сними перстень и отдай его мне.

–А если нет, то что? – с вызовом спросила Яга, нервно оглядывая помещение.

До сего момента, княжна особо по сторонам не оглядывалась, сейчас же судорожно пыталась найти путь к отступлению, или какое-никакое убежище. Увы, в большом и, судя по отсутствию окон, подземном зале укрыться было негде, а единственная дверь находилась позади колдуна. В сознании очень чётко обозначились две мысли. Первая – чтобы Зареслав не делал, Велимир не причинит ему вреда. Вторая – единственное, что сейчас останавливает лича от её убийства это перстень, ведь Терентий же говорил, что в нём заклятия охранительные очень сильные находятся. Снимет Злата перстенёк, тут-то её немёртвый на тот берег и отправит.

–Ты, Златослава Ростиславовна, больно на перстень не надейся, – хмуро произнёс Велимир. – Снять я с тебя его могу, да только не хотелось, чтобы ты перед смертью сильно мучилась. Так что отдай перстень, и боли ты не почувствуешь.

–Да зачем вообще меня убивать?! – вызверилась не ожи-

данно Баба Яга и едко поинтересовалась. – Брату что ли отомстить решил?!

–Глупая, – почти ласково проговорил немёртвый, не спеша, направляясь в сторону Ягуси. – Много ты не знаешь, а объяснять тебе это, мне не досуг, да и смысла особого не вижу. Прими, как данность, что сейчас вы обе умрёте.

–Так-так, – раздался вдруг очень знакомый голос, знакомый до отвращения. – И что же задумал мой ручной и не очень живой змеёныш? Неужели решил столь некрасиво предать своего господина?!

–Ты?! – почти взвыл Велимир, резко разворачиваясь лицом к говорившему. – Но как?!

–Да тут не логово злодея, а проходной двор какой-то! – не удержавшись, нервно выдала Бабка Ёжка, глупо понадеявшись, что, может быть, эти двое друг дружку прибьют ей на радость.

–И впрямь проходной двор, – с гадкой улыбкой подтвердил Иван Светорецкий, оглядевшись кругом, и особое внимание уделив лежавшему в беспамятстве Зареславу. – Переберёмся-ка мы в более спокойное место.

–И ты думаешь, что я позволю тебе добраться до неё? – зловеще спросил Велимир, не отрывая взгляд от царя Ивана.

–А ты можешь меня как-то остановить? – в открытую засмеялся мужчина и сам же резко оборвал свой смех, чтобы злорадно проговорить. – Ежели ты надеешься, что покрови-

тельство моей дражайшей тётушки поможет тебе, то жестоко ошибаешься! Может её муженёк и приглядывает за тобой, но не более. Так что умолкни и вяжи братца! Прихватим его с собой.

–Нет, – твёрдо произнёс немёртвый. – Сейчас ты надо мною не властен!

–Да что ты говоришь!?! – делано изумился царь Светорецкий. – Это тебе Морана посулила, да? – но ответа дожидаться не стал, а хищно усмехнувшись, выдал. – Так я тебя огорчу. Моя сила уже сравнима с её, сломить твою волю, змеёныш, будет не столь трудно. Жаль, конечно, терять такого удобного слугу, но ничего, другого червячка я себе всегда смогу добыть, уж больно много вас развелось, сократить бы надо.

–Ты не сможешь! – ошарашено воскликнул Велимир.

–Всё! Утомил, – фыркнул Иван и холодным повелительным тоном произнёс. – Вяжи Зареслава, да покрепче! С тобой мы разберёмся по прибытии в убежище, – и тут взгляд мужчины наткнулся на Злату, отчаянно пытающуюся привести мужа в чувства. – Правильно, Златушка, попрощайся со своим чешуйчатым червячком, пока он ещё дышит!

Ёжка, как только немёртвый и новоявленный царёк Светорецкий друг на друга отвлеклись, тихонечко к Зареславу прошмыгнула, в сознание его привести попыталась, да только не вышло у неё. Добролюбов лежал на боку, дышал с хрипами, но приходить в себя не спешил. Осмотрев супруга по мере возможности и сил, Ягуся обнаружила на затылке муж-

чины уже почти затянувшуюся рану и слипшиеся от крови волосы. Крови вылилось немало и, похоже, удар был очень силён, раз её Змей так в себя и не пришёл.

Заслышав же голос бывшего жениха, который её по имени звал, Златка вздрогнула и дочку обеими руками заслонила, попятившись от Ивана. Маленькая Василиса так и не успокоившаяся, но притихшая, изредка всхлипывала от страха и усталости, в голос уже не ревела. А вот Златослава, княжна Лиходольская, разревётся очень хотела, особенно глядя на предвкушающую улыбку, скользнувшую по бескровным губам молодого царя.

– Ну, полно тебе, Златушка, трястись! Я тебя не обижу, – ласково-ласково, как голубок, проворковал царь Иван, неспешно направившись к попятившейся от него бывшей невесте. – Наоборот, исполню твою давнюю мечту. Женою своею тебя сделаю.

– Спасибо, конечно, но не надо! – выпалила Баба Яга, продолжая отступать и огибать по дуге попавшийся на пути каменный стол. – Я уже замужем и очень счастлива! Отпустил бы ты нас, Ванюша! – перешла на столь же ласковый, как у Ивана, тон Ёжка. – Ты же понимаешь, что ежели нас тронешь, князь Будимир и мой отец от твоего царства камня на камне не оставят. Тебе оно надо, а?

– Ты многого не знаешь, Златушка, – рассмеялся Свето-рецкий царь, неотвратимо настигая Ягусю и загоня её в угол.

– Да, вы как сговорились! – вызверилась Баба Яга и передразнила. – Ты многого не знаешь! Многого не знаешь! Не знаю?! Так объясните мне недалёкой!

– Ух, какая ты стала! – неподдельно восхитился бывший жених. – Такой тихоней была, а сейчас огонь! Мне нравится, – и тут же отвлёкся, бросив через плечо покорно исполняющему его приказ немёртвому. – Вяжи крепче, не халтурь! Да верёвки чаруй лучше, ещё не хватало, чтобы он в самый ответственный момент очухался и пути порвал.

Златка тоже на Велимира глянула и поразилась тому, как его лицо злобой исказилось. Ох, и люто же он Ивана ненавидел и всё одно служил ему, даже против своей воли. Это как же так получается-то?! Немёртвые так подчинялись лишь тем, кто их поднял, а Ванюша этого сделать никак не мог! Ежели судить по тому, что тлен Змея Лиходольского и не коснулся почти, а так, всего лишь след лёгкий оставил, что даже бывалые колдуны в нём лича не признавали, то подняли того вестимо в самый момент смерти, тело скорее всего даже остыть не успело. И всё бы сложилось, конечно, если бы Ивану в этом году двадцать пять лет не сравнялось, а Велимир-то почти полвека назад погиб. Не сходится тут и всё!

– Попалась! – вдруг услышала Ёжка у самого своего уха насмешливый голос и едва не взвизгнула от неожиданности, когда сильные пальцы ухватили её за левое плечо. – Теперь можно и отправляться.

Не успев даже пискнуть, Злата оказалась у самого начала

колдовского прохода, чьи стены клубились тьмой, а понизу стелился зеленоватый, чуть светящийся туман. Этот ход значительно отличался от тех, что Яге последнее время доводилось видеть, а ещё от него несло могильным холодом и будто бы даже мертвечиной. Ягусе до крика не хотелось вступить в этот зелёный вихрящийся туман, вот только её никто не спрашивал. Иван с силой тащил княжну вперёд, а она прижимала к себе дочку, стараясь не споткнуться. Спротивляться не было ни сил, ни смысла, да и навредить могло, покамест следует смотреть, слушать и копить силы, а то мало ли.

Пока Ёжка размышляла над увиденным и услышанным, пока думала над тем, как бы спастись, Иван Светорецкий дотащил её до конца хода и вытолкнул уже в другом подземелье, почти ничем от того, которое они покинули, не отличавшемся. Златослава после не слабого толчка в спину невольно сделала три шага вперёд и резко остановилась, оглядываясь, в попытке найти выход. Выхода не было. Если в том подземном зале была дверь, то в этом не было на неё даже намёка, более того, не наблюдалось даже стыков между плитами, словно стены были вовсе цельными.

– В клетку его, а сам сюда подошёл! – приказал царь Иван, обращаясь к Велимиру и забыв на время про Злату.

«Действительно, что обо мне думать, так и так никуда не денусь», – с горечью размышляла Баба Яга, отступая подальше от бывшего жениха и стараясь как можно неприметней

переместиться к небольшой клетке с толстыми прутьями, куда по приказу Ивана уже определили Добролюбова. Княжич Лиходольский всё так же находился в беспамятстве, но дышал уже свободно и размерено, а Ягуся отчаянно шептала молитву Матушке-Земле, чтобы муж поскорее очнулся. Уверенность в том, что Зареслав сможет их спасти, отчего-то после всего произошедшего не убавилась, даже наоборот возросла.

–И что же она тебе посулила? Отвечай! – потребовал царь Светорецкий, после того, как лич запер брата в клетке и направился к нему.

–Ничего, – прохрипел, будто против воли Велимир, оставившись в двух шагах от Ивана.

–Лжешь! – почти выплюнул тот и со злой насмешкой спросил. – Что она тебе обещала? Воскрешение из мёртвых и вечную жизнь? Богатство? Могущество? Что?!

–Что ты сдохнешь окончательно, если род Кощеев пресеётся, – хрипло расхохотался немёртвый с презрением глядя на мужчину перед собою.

–Так даже, – задумчиво молвил Иван, и вдруг на его бледных губах заиграла улыбка, от которой Злату невольно бросило в дрожь, а лич напрягся. – И что же ещё она тебе интересного поведала? Ну, кроме способа меня умертвить? Отвечай!

–Что ты жаждешь открыть ходы в Исподний Мир и выпустить на людей всю нежить, какая там только есть, – снова

захрипел лич и упал на колени подле царя Светорецкого.

Бывший жених заливисто рассмеялся, а у Златки снова озноб страха пробежал по телу, когда она осознала, что не просто так хрипит Велимир. В голову княжны начали закрадываться подозрения, что каким-то невероятным образом Иван Светорецкий мог пытаться не мёртвого, но и не живого Змея. Такое колдуну простому не подвластно!

–Ох, насмешил! – сквозь смех произнёс мужчина, утирая тыльной стороной ладони, выступившие в уголках глаз, слёзы. – Вот значит как?! Хитрит тётка! И тебя, дурака, обманула, как дитё малое, – чуть склонив голову набок и, широко улыбнувшись, Иван поведал. – На самом деле выпускать на человечешек нежить мне не интересно, жажду я иного. Распечатать Исподний Мир и впрямь желаю, но лишь для того, чтобы получить полагающееся мне по праву.

–И что же тебе полагается? – шепотом спросила испуганная донельзя Ягуся и была услышана.

–Любопытство до добра не доводит, Златушка, – развернувшись лицом к девушке с ребёнком, произнёс царь Светорецкий и с нарочитой лаской в голосе добавил. – Но тебе тревожиться не стоит, у тебя судьба получше многих будет – ты станешь моей женой!

Тем временем в царском тереме Белояжска.

Царь Кощей нервно прохаживался вперёд-назад перед своим тронем, изредка бросая гневные взгляды на младшего из сыновей, стоявшего чуть поодаль. Царевич Юрий был

смертельно бледен, но на отца смотрел прямым взором, ожидая справедливого наказания.

– Почему ты это допустил?! – прогремел голос Ростислава Всеволодовича. – Как так вообще получилось, что в лавке с вами не оказалось никого из охраны?!

– Из лавки того торговца был всего один выход и тот хорошо охранялся и потому я не счёл нужным тащить кого-то из воинов внутрь, – сглотнув, честно ответил молодой мужчина.

– Ах, нужным не счёл!? – ярился Кощей только на словах, хотя пальцы его, сцепленные в «замок» за спиной, нервно сжимались и почти сразу расслаблялись, выдавая страстное желание надавать оплеух своему великовозрастному сыну. – И на жену свою не счёл нужным защиту от зелий и колдовства всякого навести?!

– Я не думал, что кто-то попытается через Милу до Златки добраться, – покаянно прошептал царевич и впервые за весь разговор, опустил взгляд в пол.

– Дурья твоя голова! – в сердцах бросил Ростислав Кощей, сделав шаг, тяжело опустился на трон и, сгорбившись, тихо проговорил. – Если со Златой и Василисой что-то случится я ни себе, ни тебе, Юрша, этого не прощу! Слышишь? И мать не простит.

– Я сам себе этого не прощу, – почти прошептал Юрий Ростиславович, сжимая и разжимая кулаки, но взгляда более не поднимая на отца.

В гриднице, где помимо отца и сына находился лишь Руслан Лиходольский, повисла гнетущая тишина, нарушенная всего-то спустя несколько мгновений. Юрий вдруг вскинул горящий решимостью взор на батюшку-царя и горячо попросил:

– Отец, дозвожь и мне вслед за Змеями на поиски Златы отправиться! Дай вину перед сестрой искупить!

– Молчи уж, – устало махнул на сына рукой Кощей.

– Батюшка! – попытался было возмутиться мужчина, но так этого и не сделал, ощутив, как на его плече с силой сжались чужие пальцы.

– Остынь, царевич Юрий! – посоветовал как никогда серьёзный Руслан. – И без тебя сейчас много спасителей выискалось.

– Но..., – попробовал возразить тот, и снова был прерван.

– Ты хочешь врагам нашим услугу оказать ещё одну? – с жесткой ухмылкой, столь не вязавшейся с образом самого беззаботного из княжичей Лиходольских, спросил Руслан. – Никем из Кошеева рода рисковать нам нельзя! Так что будь добр, поумерь свою мальчишескую горячность!

– Как скажете, – сквозь зубы проговорил Юрша, понимая умом правильность слов Змея, но душой принять их никак не мог.

– Вот и славно, – вновь надев личину беззаботного княжича, Руслан Лиходольский вздохнул и молвил. – Нам покамест остаётся только ждать.

Тем временем в подземельях под столицей царства Светорецкого.

Мрачная темнота подземелий под царским теремом Светорецка озарилась вспышками дюжины открытых колдовских ходов, чтобы тут же впустить в чужое логово молодых крепких мужчин, чьи змеиные глаза горели пламенем, а на лице и оголённых до локтя руках проступали блестящие чешуйки. Змеи, общим числом в девятнадцать душ, хмуро оглядывали подземную залу, пока пятеро других что-то колдовали, образовав круг у дальней от двери стены.

–Тёмный колдунишка тут обитал, – молвил один из Змеев Лиходольских, с омерзением сплюнув на пол.

–Бери выше, брат, – передёрнул плечами другой. – Судя по всему, тут цельный некромансер обретался, как его лесные бы назвали.

–«Как его лесные бы назвали», – передразнил третий и совсем по-мальчишески показал язык, в ответ на продемонстрированный кулак. – Ты, Игоряха, смотрю, уже свыкся с мыслью, что на лесной княжне жениться придётся. Или я ошибся?

–Иди лесом, Родька! – вяло огрызнулся княжич Игорь, с сожалением провожая ехидно улыбающегося двоюродного брата.

«Эх, если бы Зарик не в беде был, я бы этого поганца от души взгрел!» – вздохнув, подумал княжич, понимая, что сейчас не до мелких обид. Тут бы Зареслава да жену его, с

малой, из лап колдунишки поганого выцарапать, а уж потом можно и со всякими не в меру наглými братцами поквитаться. «Деду что ли шепнуть, чтобы он Родьку на Ждане Крутоярской женил», – злорадно рассуждал Игорь Лиходольский.

–Эй, оболтус, ну-ка цыц! – прикрикнул на не перестававшего зубоскалить Родиона один из старших Змеев.

–Дядька Владимир, я же, как лучше хочу! – обиделся молоденький вертлявый княжич, ловко избегая подзатыльников от старших братьев. – Отвлекаю всех от дум тяжёлых!

–Дурью, ты маешься, Родька, – сурово сдвинув брови, проговорил княжич Владимир, третий по старшинству сын Будимира Давыдовича. – Не дело это.

–Нашли!!! – оглушил вдруг всех Змеев радостный вопль с той стороны, где пятеро их родичей колдовством занимались.

–Чего стоим?! Строим ходы и вперёд! – обрадованно рывкнул кто-то из княжичей.

–Рано радуешься, – осадил другой Змей, потирая ладонью висок. – Отследить-то мы колдуна, отследили, да только купол над ним сейчас охранный такой, что сил его пробить, нам не меряно понадобится, а ещё туда добраться надо...

–И стоять столбом колдунишка вряд ли станет, пока мы его волошбу рушить будем, – закончил за него родич и добавил зло. – Судя по силе колдовства, да пути тёмному, что за ним будто след стелется, понятно сразу, силён колдун. Очень силён!

–И что делать предлагаете? – спросил кто-то.

–Подмога нам нужна, – убито проговорил Ладимир, будто сознаваться в том, что своими силами они колдуна не одолеют, было ему нестерпимо. – Надо к Кощею кого-то отправить, пусть своих колдунов нам отражает.

–А мы, что сидеть и ждать должны?! – возмущённо возроптали сразу несколько голосов.

–Нет, – покачал головой Бажен и спокойно принялся излагать план действий. – Тем, кто к Кощею вернётся, мы тут путеводную нить оставим, чтобы потом до нас добраться возможность была, а сами к убежищу колдуна окольным путём выйдем. Укрылся он у самой границы царства Светорецкого и земель Ростислава Всеволодовича, если мне не изменяет память, там развалины древней крепости находятся, той, что ещё воители, из-за моря Восточного приплывшие, строили. Под развалинами подземелья были обширные, да только ещё прадед царя Евстея их засыпать приказал, да видно кто-то их откопал и защиту такую наложил, что нам сил положить много придётся.

–Ну, и кто к Кощею вернётся? – не удержавшись, спросил Родион, с интересом разглядывая братьев и дядюшек.

–Вот ты, балбес, и вернёшься, – хмыкнув, выдал княжич Ладимир.

–Дядя! – возмутился юный Змей, весь покраснев от обиды. – Я с вами хочу отправиться!

–Родион Тихонович, ты слово «хочу» забудь! Не дитя ма-

ло! – грозно произнёс третий сын князя. – Сказано тебе, что за колдунами в Белояжск отправишься, значит, ноги в руки и вперёд! Понял?!

–Понял, – шмыгнув носом, как разобиженный мальчишка, ответил Родька.

–То-то же, – погрозил пальцем Владимир и обернулся к своему сыну. – Игорь, ты с Родионом отправишься, поможешь ему проход выстраивать!

–Да, отец, – только и смог ответить княжич, с тоской думая, что батюшка будто бы терпению отпрыска поучить собрался, с Родькой беспутным отправляя.

–Славно, – подвёл итог Бажен и со вздохом молвил. – Пора нам разделяться.

Далее молча занялись каждый своим делом. Родион и Игорь, силы свои сберегая и на мелкие раздоры между собой не взирая, сообща проход справили и уже умчались к Кощею за подмогой. Остальные Змеи тоже особо колдовство своё пока растрачивать не спешили, объединили усилия и напрямик к развалинам крепости себе ход сотворили, покидая подземелья Светорецкие.

Тем временем в тайном прибежище Ивана Светорецкого. Громадный подземный зал в стародавние времена служил убежищем тем немногим старикам, женщинам и детям, что проживали в стенах крепости с красивым названием Приют Весенних Ветров. Витязи-изгнанники, приплывшие из-за Восточного моря, с дальних земель, о которых и не известно

было ничего местному люду, построили эту крепость и поселились в ней вместе с теми немногими родными, что решились на отчаянный шаг последовать за ними в такое далёкое и полное опасностей путешествие.

Мало было известно об этих странных воителях, но слухи, доходившие до царей и князей сопряжённых земель, были один чуднее другого. Кто-то баял, что витязей изгнали за предательство, мол, сбежали с поля битвы, оставив сына своего повелителя лишь с малым отрядом охраны. Наследника правитель выкупил из плена, а вот предателей приказал изгнать вместе с семьями. Другие утверждали, что великие воины не пожелали подчиниться приказу обезумевшего владыки и предпочли отправиться в изгнание. Кто-то же шепотом сказывал, что во главе витязей была слепая вещунья предрекшая появление великого зла, что попытается уничтожить всё сущее. Она-то и привела витязей к нужному месту и повелела строить крепость, которая должна сдерживать Зло, а после им предстояло готовиться к появлению его.

«Не дождались», – вертелись горестные мысли в голове Велемира, чьё тело, подчиняясь силе Ивана Светорецкого, ползало по полу, вычерчивая колдовские знаки для самого мерзкого из обрядов.

Что случилось на самом деле с витязями, приплывшими из-за моря, Велимир узнал по чистой случайности. Расчищая проход к подземному залу по приказу своего создателя много лет назад, немёртвый наткнулся на небольшую ни-

шу, обрушившуюся при прикосновении и открывшую дверь в спрятанную библиотеку. Библиотека была небольшой, но книги в толстых кожаных переплётах были так тщательно защищены волошбой, что не оставалось сомнений – они являлись самым ценным для обитателей крепости. Среди древних колдовских фолиантов, мужчина и нашёл летописи, из которых и стала ясна истинная судьба заморских витязей. Самое невероятное, что самые на первый взгляд неправдоподобные слухи подтверждались написанным. Витязи и впрямь покинули родину, не пожелав служить правителю, возомнившему себя Богом на земле. В предводители они выбрали его младшего сына, которого повсюду сопровождала юная вещунья, предрекая явление Тёмного Бога в Мир Живых. И вот надо же! Ведь всё верно предрекла девица – вот он Тёмный Бог во плоти!

Рука Велимира осторожно вычерчивала куском мела знаки на каменном полу, а мысли его были далеки от этого подземелья. Они терялись на просторах памяти, подбрасывая то одно воспоминание, то другое. Мужчина знал, что это его существование в замершем между жизнью и смертью теле, скоро прекратится. Иван Светорецкий отправит его душу в Исподний Мир, стоит ему закончить подготовку к обряду, ибо в момент передачи жизненных сил, колдун будет уязвим, а немертвый, уже однажды сумевший побороть его волю, обязательно воспользуется этим моментом.

Перед внутренним взором мелькали мгновения жизни,

неправдоподобно яркими картинками. Счастливое безоблачное детство с матушкой, отцом и младшим братишкой. Отрочество в княжеском тереме деда, учёба военному делу вместе двоюродными братьями, первое обращение и полёт в облике Змея. Юность...

Велимир, лишь потеряв всё, понял, какой прекрасной была его жизнь и как ничтожны все те обиды и неудачи, что раньше казались столь значимыми. Тогда у него ещё было будущее, которого теперь нет. Нет с того момента, как его едва живого нашёл на берегу реки очень странный лесной воин, чья удушливо тёмная волошба заставила почитай умершее тело замереть на границе между жизнью и смертью. По сути Змей личем, как его называли, не был. Разве можно назвать мертвецом того, чьего тела не затронул тлен, в чьих жилах всё ещё текла кровь рода, а сердце билось, кто не утратил память и ясность мысли? Разве это мертвец?! Нет! Но и живым Велимир не был. Жизнь ему поддерживала колдовская сила его создателя и его же злая воля. Надобности в пище и питье Змей не испытывал, не чувствовал вкуса, запаха и даже боли. По воле того, кто сотворил Велимира таким, каким он сейчас был, княжич не должен был испытывать никаких чувств и частично это удалось. Колдовские знаки, выведенные на коже немёртвого, призваны были подчинить волю, заставить забыть о родных, долге перед Родом, но так до конца и не смогли вытравить из души любовь к семье, даже к младшему, такому самонадеянному и бестолковому братцу,

что лежит сейчас без сознания, чьей жизни грозит страшная опасность.

А ведь Зареслав последний столь близкий по крови родич! Не просто родич, а младший братишка, которого он, Велимир, кормил с ложки, с которым играл, обучал владению мечом, и который, не смотря ни на что, был безмерно дорог и любим!

«Морана! Ты слышишь меня?! – мысленно звал Велимир, ту, которая обещала помочь. – Морана, ты клялась, что мой брат не пострадает! Ты обещала мне, Морана!»

«А ты обещал, что изничтожишь весь род Кощеев! – раздался вдруг в голове капризный женский голос. – Ты обещал, что сможешь не допустить ЕГО к печатям! Ты не сдержал слова, обманул меня, значит, и я могу обещанное не исполнять!»

«Ты тоже обманывала! – возразил княжич. – Говорила, что ОН хочет открыть врата и спустить нежить Исподнего Мира на живых».

«А разве не так?!» – делано изумлённо переспросила Тёмная Богиня.

«Не так! ОН сказал, что сам хочет попасть в Исподний Мир и получить причитающееся по праву», – мысленно ответил Велимир, а его тело уже завершало чертить последние знаки на холодном каменном полу.

«Сам сказал? Вот прямо так, взял и сказал?! – словно не веря, переспросила Морана, а после её негромкий голос пе-

решил в полный ярости крик. – Осмелел, значит, выродок! Просто сыном Чернобога он быть не желает, ему корону папеньки и мой венец до кучи подавай! Не бывать этому! Не бывать!»

«Папеньки?!» – ошарашенный подобными новостями переспросил немёртвый.

«Папеньки, – подтвердила пышущая злостью Богиня Злых Мертвецов, как называл её простой деревенский люд. – Брат мой один раз позабавился со смертной девкой, а мне последствия его забав уже несколько сотен лет расхлёбывать приходится! И ладно бы, раньше этот выродок просто отцу своему служить желал, а теперь сам властвовать захотел. Ну, уж нет! Не позволю!»

«Как же ты его остановишь?» – не сдержавшись, едко любопытствовал Велимир.

«Не я, – вдруг весело усмехнулась Морана и злорадно добавила, – Баба Яга эта недоученная время потянет, – после чего заявила. – Хочешь дать брату шанс спастись, будешь делать то, что я прикажу, понял?»

«Понял», – мысленно подбравшись, ответил княжич.

«Тогда, как только ОН твою душу выпить захочет, к Яге обращай и проси, чтобы она твою душу провела к тому берегу, – тут голос Тёмной Богини замолк, будто её от омерзения передёрнуло, но вскоре она продолжила. – Только твоя просьба прозвучит, никто другой души твоей коснуться не сможет, даже я при всём своём желании.... Вот мерзость-то!

Словом, ори так, будто твоя собственная жизнь от этого зависит. Она должна просьбу твою услышать и ответить, не сможет этого не сделать, так Светлыми Богами всем Ягам заповедано – просящую душу на другой берег проводить».

«И чем это помочь может?!» – недоумевал Змей.

«Для начала, всё, что вокруг, светом напитается, – в голосе Мораны явственно чувствовалась гадливость, но она продолжала. – Баба Яга под покровительством Светлых находится и в такой момент сила её наружу рваться будет, чтобы душе страдающей помочь, а свет кровавому обряду помеха. Так что придётся кое-кому другое место для обряда искать, а это упущенное время. А ещё, ежели вдруг Яга и впрямь решит твою душу переправить, то все твои помыслы и чаянья для неё открыты будут и тебе надо постараться, чтобы она узнала в первую очередь именно то, что нужно. Теперь уразумел?»

«Уразумел», – едва смог подумать он.

«Тогда действуй!» – уже едва различимо, почти на грани слышимости донесли слова Тёмной Богини.

Эхо слов Мораны ещё отражалось в его сознании, тогда как тело уже стояло перед Иваном. Бескровные губы царя были растянуты в насмешливую улыбку, а светлые глаза заволокла тьма. Велимир не сразу понял, что уже тянется тёмная сила создателя к нитям, связывающим его тело и душу, а как смекнул, тут же и закричал не своим голосом, ощутив, что воля Ивана, довлеющая на него, почти не ощущается:

–Проводи меня на тот берег, Златослава, дочь Кощея!

Глава 17. Сын Чернобога или долгий путь одной души.

Злата стояла, как громом поражённая, и глупо хлопая ресницами во все глаза смотрела на Велимира, не в силах осознать то, о чём он её просил. Да, неужели он сам себе смерти желает?! Быть такого не может!

–Ну, чего глазами хлопаешь?! – занервничал немёртвый, но усмирив в себе панику, вдруг взмолился. – Злата, как Бабу Ягу, тебя прошу – проведи на тот берег! – и уже почти совсем отчаявшись, спросил. – Проведёшь?!

–Проведу, – буркнула Ёжка и прикусила язык, вдруг осознав, что ляпнула не подумавши.

Только поздно уже было. Слова услышаны, обязательство принято, а мир вокруг уже подернулся пеленой, скрывая застывшего Ивана Светорецкого с искажённым от ненависти лицом. Всё вокруг заволгло мутной пеленой тумана, под ногами вместо каменных плит оказалась утоптанная лоснящаяся от избытка влаги тропинка, по обе стороны от которой высотой в человеческий рост колыхался на лёгком ветру тростник. На грани слышимости, почти заглушенная перешёптыванием ветра с зарослями тростника, мелодично журчала вода.

Озадаченно разглядывая открывшееся взору, Златослава нервно поглаживал дочку по спинке, и пыталась понять, куда они вдвоём попали... Хотя нет, не вдвоём. Чуть поодаль за-

мер Велимир с мягкой улыбкой на губах смотрящий куда-то поверх головы Ёжки. И такой у него был полный какой-то детской радости и восхищения взгляд, что княжна невольно обернулась, чтобы поймать себя на том, что и сама улыбается.

Там поверх покачивающихся тростников, окутанное белёсой мглой, но от того ещё более прекрасное показывало свой алый край ясное солнышко. Тёплые, словно живые лучики, пробивались сквозь туман, рассеивая его медленно, но неотвратно, обещая совсем скоро осветить всё вокруг.

– Спасибо, Злата! – прозвучал тихий и полный искренней благодарности голос Велимира. – Я не ожидал, что ты согласишься и потому ещё более тебе благодарен.

– Не надо мне твоей благодарности, – пробурчала Ягуся, резко обернувшись и уставившись хмурым взглядом на мужниного брата. – Чего хотел? Говори! И так понятно, что не просто так ты на тот берег попасть хочешь.

– Мне на тот берег и не надо, – со вздохом отозвался мужчина, слабо улыбнувшись. – Не заслужил. А вот тебе кое-что поведать втайне от НЕГО мне просто необходимо.

– От НЕГО? – сделала вид, что не поняла о ком идёт речь Яга. – Ты про кого?

– Ты знаешь ЕГО, как Ивана Светорецкого, я впервые узнал его под именем Рауко, – отозвался Велимир немного отстранённо и, посмотрев на Бабу Ягу прямым взглядом, попросил. – Выслушай меня, прошу! Я знаю много такого, что

ты не узнаешь больше ни от одной живой души, да и мёртвые вряд ли об этом поведают. Просто дай мне время всё рассказать, а потом можешь вернуть мою душу ЕМУ.

–Время, – растеряно повторила Златослава и, всполошившись, воскликнула. – Там же Зареслав с Иваном один остался, да ещё и в беспомыслии!

–Ничего не случится с ним, – снова тень улыбки скользнула по губам немёртвого. – Мы сейчас на берегу реки в мир иной, здесь время течёт иначе. Сколько бы здесь мы не пробыли, там, где остался Зареслав, не пройдёт и мгновения, – улыбка его стал чуть снисходительной, но вполне дружелюбной, что Ёжку должно было бы насторожить, но не насторожило. – Так ты позволишь мне говорить?

–Говори, – со вздохом произнесла Бабка Ёжка, перехватывая удобнее Василису, успокоившуюся настолько, что уже ворочалась на руках матери пытаясь разглядеть всё вокруг.

–Спасибо! – прижав руку к сердцу и склонив голову, поблагодарил Велимир и, собиравшись было продолжить, но Злата его перебила.

–Пойдём к воде, – предложила она, оглядываясь на солнышко, едва ли поднявшееся на четверть из-за горизонта. – Там всё и расскажешь.

–Пойдём, – согласно кивнул мужчина и последовал за Златославой, неспешным шагом направившейся вперёд по тропе туда, где вставало солнце, и шумела вода.

Они шли молча. Ёжка не знала о чём говорить, а Велимир

словно задумался о своём, возможно, обдумывал то, о чём хотел рассказать. Яга порой оборачивалась, бросая короткий взгляд на старшего брата своего мужа, и пыталась сама домыслить причину, по которой этот мужчина хотел убить и её, Златку, и маленькую Лиску. Получалось плохо. В голове всё смешалось, и получилась самая настоящая каша. Ягуся вздохнула, признавая своё бессилие разобраться в поступках Велимира. Она знала только одно, мужчину отчего-то она уже не боялась. И не потому, что здесь Баба Яга была под защитой своей покровительницы и могла ничего не бояться, а потому что сердцем чуяла – не желает ей немёртвый зла, он как будто до сего момента просто не видел другого выхода, кроме убийства. Сейчас всё изменилось.

–Присядем? – вывел Златку из задумчивости голос мужчины.

Ёжка недоуменно огляделась и нервно усмехнулась, обнаружив, что оказывается, они на берег выйти успели, а она задумалась так, что даже этого не заметила. Ещё раз, осмотрев бережок, поросший густой муравой, стелящейся до самой воды, княжна заприметила небольшое бревнышко, наполовину вросшее во влажную почву и поросшее толстым слоем мягкого зелёного мха, видимо на него ей и предлагали присесть. Злата упрашивать себя не стала, опустилась на бревнышко, усадила на колени умилительно серьёзную и спокойную Василису и приготовилась слушать. Велимир, наблюдающий за Ягой, вдруг тепло улыбнулся и тихо произнёс:

– Ёжка растёт.

Бросив недоумённый взгляд на дочку, Баба Яга перевела уже вопросительный взгляд на мужчину брата. Мужчина на это только ещё раз улыбнулся и плавно опустился на траву, усаживаясь удобнее и подставляя лицо лучам рассветного солнышка.

– Для начала, я хотел бы прояснить вот что, – произнёс он после недолгого молчания, – я и впрямь не желал убивать ни тебя, ни эту кроху – это была вынужденная мера, единственный выход.

– Хороший выход, – возмущённо пробурчала Яга, отвернувшись от немёртвого и сделав вид, что любит рассветом.

– Не хороший, но вынужденный, – поправил её мужчина и со вздохом произнёс. – Чтобы объяснить почему так произошло, я начну издалека, а именно с того момента как я... умер. Меня сразило волошба лесных, когда я летел к деду. Сознание потерял сразу, видимо упал в реку, откуда меня и вытащил один из наших врагов. Он знал, что я умираю, колдовство поразило сердце, и оно почти прекратило биться. Лесной как-то умудрился вернуть мне сознание, чтобы предложить мне жизнь в обмен на службу ему. Я смалодушничал и согласился. Он провёл тёмный ритуал, привязал душу к телу, а само тело каким-то невероятным, как мне тогда казалось, образом осталось нетленным, но уже не живым, хотя сердце забилося вновь, а кровь побежала по жилам. Лишь

позже я понял, что не спас свою жизнь, а лишился её, вместе с ней потеряв и свободу. Я стал рабом лесного, представившегося странным именем – Рауко. Какое-то время я убеждал себя в том, что такая участь лучше смерти, пока не узнал, кто такой мой господин на самом деле.

Велимир вдруг смолк, вперив взгляд в рассветное небо. Злата не решалась окликнуть его, хотя уже начала изнывать от нетерпения, но мужчина не заставил себя ждать совсем уж долго.

–Мы долго путешествовали с Рауко по землям лесных, а я всё удивлялся тому, что нас не трогают их воители, – вновь продолжил он своё повествование. – Я знал, что лесные ненавидят немёртвых и ожидал, что они попытаются уничтожить как меня, так и моего господина, но что удивительно они этого сделать не пытались. Наоборот! Завидев Рауко, даже большие отряды лесных воинов старались скрыться, не пытаясь напасть и стараясь не привлекать внимания своего сородича. Это конечно породило у меня множество вопросов, которые я не побоялся задать своему господину. В то время он ещё был достаточно словоохотлив и откровенен, даже признался, что тело лесного временное пристанище его души и что через несколько лет его придётся покинуть, подыскав другое подходящее тело и проведя обряд переселения. Благодаря нескольким оговоркам я пришёл к выводу, что тело лесного не первое и даже не второе в череде переселений. Поразмыслив над его словами и всякими недо-

молвками, стало понятно, что душе моего господина не одна сотня лет, но когда я задал ему вопрос, как долго он живёт, тот лишь отшутился.

Златка, жадно слушавшая мужчину, чуть не взвыла от досады, когда он опять замолк. Велимир сидел, задумчиво вертя в руках травинку, словно вновь проживая те далёкие дни.

—Путешествие наше продолжалось около пяти лет, на протяжении которых княжество лесных было пройдено вдоль и поперёк. Рауко словно кого-то искал, но найти так и не смог, на мои вопросы о цели путешествия он отмалчивался и с каждым пролетевшим месяцем становился всё мрачнее и мрачнее. Но помимо столь явного изменения в характере и поведении господина, я заметил и другие изменения. Он старел стремительно и неотвратимо. Ты, возможно, не знаешь, Златослава, но лесные живут очень долго, куда дольше даже нас Змеев, некоторые не сведущие полагают их вечными, но это не так. Лесные стареют, как люди, Змеи, чудь. Только столь явно бросающиеся признаки старости, как морщины, седые волосы и немощь растянуты во времени не на десятилетия даже, а на столетия. На внешности Рауко всё это отразилось одновременно за столь короткий промежуток времени, что мне стало понятно, ещё совсем немного и тело умрёт, потому-то он и рыскал по землям лесных, искал новое, но так и не смог найти подходящее. В тот момент нам и повстречалась Прямислава Кощей...

—Прямислава?! – не поверила своим ушам Златка и выта-

рашилась на нёмёртвого так, что тот даже сдержанно усмехнулся на её лицо глядя.

–Именно, – подтвердил он и продолжил, задумчивым взглядом уставившись вдаль. – Мы находились у самой границы царства твоего батюшки, когда у одной захудалой веси столкнулись с очень красивой девицей, собиравшей травы. Как только Рауко увидел девушку, его взгляд зажегся каким-то зловещим огнём, но тогда я не придал этому большого значения, а следовало бы, – мужчина помолчал чуток и снова заговорил. – Девица представилась Прямиславой, ученицей местной травницы, и с осторожностью поинтересовалась, что так далеко от своих лесов делает длинноухий нелюдь. Смешно сказать, но сейчас и не вспомню даже, что врал ей Рауко, только под конец беседы девушка уже охотно улыбалась тому, кто вселял ужас даже в своих сородичей, и пообещала встретиться с ним ещё раз. Вот так мы и обосновались в развалинах древней крепости, которую мне надлежало изучить и разобрать засыпанные подземелья. Господин же тем временем посвящал большую часть своего времени ухаживанию за Прямиславой, что выглядело довольно странно в свете происходивших с его телом изменений. Меня в тот момент эта странность не заинтересовала, хотя должна была насторожить, ведь на протяжении пяти лет Рауко искал себе новое тело, не отвлекаясь ни на что, а тут вдруг позабыл обо всём, увлекшись простой селянкой. Можно было предположить, что он влюбился, но только намного позже я узнал, что

ни о какой влюблённости речи и быть не могло, просто он, наконец, нашёл то, что искал...

—Он хотел переселить свою душу в женское тело?! — не поверив своим ушам, перебила мужчину Златослава.

—Нет, — без тени улыбки отозвался он на такое смешное предположение, видимо забавным оно ему вовсе не казалось. — Он надеялся, что Прямыслава родит ему новое тело. Я до сих пор так и не смог уразуметь, почему так важно было для него, чтобы девица Кощеева рода вынашивала дитя, и почему именно такое тело он страстно желал заполучить. Своего он всё же добился. Не так быстро, как хотел, но добился. Прямыслава понесла от него ребёнка и довольно долго, по-видимому, оставалась в неведении относительно планов Рауко на их совместное дитя. Срок её близился, господин, изнывая от нетерпения, навещался к девушке почти каждый день, набрасывая на себя людскую личину, и всё вроде у него получилось бы, да только в один прекрасный день Прямыслава пропала. Как не искал её Рауко так и не смог найти...

—Погоди! — почти взмолилась Бабка Ёжка, пытаясь уместить в голове своей всё по полочкам, но судя по тому, какая там была каша, полочек отчаянно не хватало. — У меня вопросы к тебе появились!

—Задавай, — кивнул Велимир, внимательно рассматривая Ягу, зеленоватыми глазами.

—Как твой господин узнал, что Прямыслава из Кощеева

рода?— выпалила первое, что её сильно смутило в рассказе.

—Дурочка она! Сама ему проболталась, — со вздохом ответил нёмёртвый и, отвернувшись от Златы, устремил свой взгляд на восток.

И так это он безмятежно смотрел на клочки тумана, запутавшиеся в тростниках, и розоватую рассветную дорожку на воде, что Ягуся поняла — тут дело не чисто! Велимир так старался казаться невозмутимым, что сразу стало ясно, воспоминания эти причиняют боль.

—Как она вообще там оказаться умудрилась? — очень тихо спросила Яга, внимательно смотря на Змея, но в то же время, стараясь скрыть от него своё любопытство.

—Та травница, у которой жила Прямислава, была какой-то дальней роднёй её матери, — рассеяно отозвался он.

—Откуда ты это знаешь? — почти шепча, задала вопрос Златослава, уже догадываясь, каков будет ответ.

—Зачем спрашиваешь, ежели и так обо всём сообразила? — с грустной улыбкой поинтересовался мужчина, а потом всё же ответил. — Рауко не только сам искал сбежавшую Прямиславу, но и меня к этому подрядил. В отличие от него, мне удалось её разыскать довольно быстро. Нашёл я её за много вёрст от той веси, где она с господином познакомилась. Оказалось, она с лучшим местным уговорилась, и он её своими тропами тайными провёл прямёхонько к противоположной границе царства Белояжского, аккуратно к землям Светорецким. Там у неё другие родичи жили, к ним она и бежала, что-

бы укрыться. Дурёхе бы к племяннику, отцу твоему, бежать надо было, да за стенами терема Белояжского укрыться, но нет! Стыдно ей, видите ли, было! Как так-то, царя молодого перед народом позорить?! Вот и поспешила к дальним родственникам, в надежде, что они ей схорониться помогут до той поры, пока ребёнок на свет не появится.

Велимир снова смолк. Злата уже даже успела привыкнуть к тому, что он порой замолкал на какое-то время, будто воспоминания были настолько яркими, что разум терялся в них, не отличая от яви. Вот и в этот раз, когда мужчина замолк, Ёжка украдкой вздохнула и нетерпеливо заёрзала, ожидая ответа и удобнее устраивая заснувшего ребенка на своих коленях. Немёртвый молчал дольше обычного, но наконец, прервал затянувшуюся тишину.

– Да, я обнаружил Прямыславу и должен был, как приказал мне господин, доставить её к нему, но понял, что не смогу это сделать, – медленно, словно через силу, выговорил он. – Впервые я ослушался его приказа. Впервые мне удалось подавить его волю и волошбу, довлеющую надо мною. Я сам сопровождал Прямыславу к её родичам, а она по пути поведала о том, как выяснила, для чего Рауко так жаждал, чтобы она родила ему ребёнка. Оказалось, что господин, решил, что влюблённая девчонка будет послушна его воле и охотно согласится, родив ребёнка, отдать его тело для того, чтобы душа Рауко поселилась в нём. Больно самоуверенный он был в то время, – Велимир нехорошо ухмыльнулся и продолжил

твёрдым голосом. – Прямыслава ещё до знакомства с лесным собиралась в ученицы к какой-нибудь Яге податься, продолжить традицию всех дочерей Кошечевых, да не успела. Вот только кое-какие заклятия, да обряды всё же знала. Прибыв к родичам, она с моею помощью один обряд-то и провела, чтобы и себя, и дитя своё скрыть до поры до времени. Я покинул Прямыславу на следующий день после этого обряда, откликнувшись на зов господина и отчаянно придумывая, как скрыть знания о том, где схоронилась девушка. Придумывать не пришлось. Оказалось, что в тот момент, когда обряд свершился, Рауко кровавым колдовством баловался, пытаясь определить, где девчонка, сбежавшая, спряталась. Да только колдовство это с волошбой обрядовой соприкоснувшись, принесло господину весть нехорошую, будто и Прямыслава, и дитя мертвы. Видимо таково свойство той волошбы было, живых за мертвецов выдавать. Мёртвых-то искать никто не будет.

–Дальше! Дальше, что было?! – не удержалась Бабка Ёжка, уже почуяв, что Велимир вновь замолчать собрался.

–Ох, Златка и нетерпеливая же ты, – по-доброму улыбнулся мужчина и, вздохнув, продолжил. – Дальше господин побесился чуток, на мне злость сорвал за нерасторопность, да и успокоился. Нашёл он позже себе другое тело, какого-то глупого деревенского паренька, который удавиться собирался от любви неразделённой, и душу свою туда переселил. Имя ему тогда тоже пришлось сменить, ведь странно, если бы че-

ловеческого парня на языке лесных величали. Потом мы снова вернулись в ту самую крепость и принялись её обживать. Первое время после обретения нового тела, господин не покидал библиотеки, которую я обнаружил в засыпанных подземельях под развалинами крепости и потому он отправлял меня с поручениями. Ему требовались то травы для зелий, то за продуктами нужно было отправляться, то в достоверности найденных в библиотеке карт нужно было удостовериться. Словом он сам мне помог время выгадать, чтобы Прямыславу с дитём проведать. И всё было бы хорошо, если бы колдовство ослабевать не начало, – мужчина внимательно посмотрел на маленькую Василису и, отвернувшись, продолжил немного невпопад. – У Прямыславы сынок родился, крепенький и смышлёный, ушки только чуть-чуть от людских отличались, а так обычный мальчонка. Когда Ратмиру пятый годок пошёл, силушка в нём колдовская просыпаться начала, что Прямыславу и обеспокоило, про то она мне сама сказала. Молвила, что волошба, в сынке её проснувшаяся, может разрушить чары, что мы с ней тогда навели, и отыщет их господин, и будет всё непоправим худо.

Мужчина снова обернулся, мазнул взглядом по Ягусе и ребёнку, плотно сжал губы и пересел так, чтобы на девушку удобнее было смотреть. Выдернул травинку, нервным движением её разорвал, отбросил в сторону и потянулся за новой. «Злится что ли?!» – нахмурившись, подумала Ёжка, но вслух говорить ничего не стала, решила подождать, пока Ве-

лимир успокоится.

–Понимаешь, Златушка,..., – начал, было, мужчина, но сам себя вдруг перебил нервным смешком, после чего признался. – Да, беси меня поберите! Я и сам в этом ничегошеньки не понимаю, но попробую хоть кое-что разъяснить. Дело в том, что душа господина может вселиться только во взрослое тело, но тело это душу его чёрную долго выдержать не может и погибает. Потому-то он, первые признаки приближающейся гибели почуяв, сразу начинает новое тело искать. А вот с вами, детьми Кощеева рода, всё по-иному происходит. Во взрослое тело тех, в ком кровь Кощея течёт, он вселиться не может, а вот младенец это дело другое. Сдаётся мне, что причина в обряде, что сыны Кощеевы проходят, лишь только говорить научившись.

–Так вроде они только клятву приносят, что печати трогать зарекаются, – припомнила рассказ Руслана девушка.

–Так, да не так, – покачал головой немёртвый. – Есть помимо этого ещё что-то, что господину мешает тело заполучить. Только не спрашивай что именно! Не знаю я. Это мне, пожалуй, у тебя интересоваться надо по этому вопросу.

–Толку-то от меня, – вздохнула печально Баба Яга и попросила. – Продолжай.

–Да, что там продолжать? – устало махнул рукой Змей, но заговорить, заговорил. – Прямислава, почуяв, что волошба развеется скоро, решила на очередную несусветную глупость. Хотя я её и отговаривал, но упёртая девка на Ратмира

какой-то дуже сильный оберег надела, да родичам пацанёнка оставила, решив к Бабе Яге в ученицы податься, в надежде, что там найдёт способ навсегда сына от господина спрятать. Пришлось к матери её направить, чтобы глупостей не наделала. С меня Прямислава клятву требовала, что я за Ратмиром пригляжу, а в случае чего...

На последних словах голос Велимира совсем хриплый стал, что она едва-едва смысл улавливала. Мужчина молчал недолго и вскоре заставил себе до конца всё сказать.

– Не допустить я должен был любыми способами, чтобы мальчик в руки господину попал, – через силу молвил немёртвый и, злясь явно на себя, как чувствовала Ёжка, закончил. – Словом убить мальчика я обещал! – здесь он спохватился и выпалил быстро. – Ты Прямиславу строго не суди! Ежели был бы другой выход, она бы никогда этого не потребовала! Просто ни она, ни я точно не знали, найдётся ли средство, что Ратмира от папашки егойного скроет, а рисковать в таком деле нельзя. Сохранив мальчику жизнь, подвергнуть смертельной опасности сотни других, ни в чём не повинных людей, других детей – это не правильно!

И снова повисло молчание. Златослава пыталась осознать услышанное. Осознать и понять получалось лучше, чем принять поступок дальней родственницы. Баба Яга задумалась, смогла бы она на такое пойти, к смерти собственного ребёнка приговорить?! Ответа у неё на этот не находилось, а вот сжать в объятиях Василиску очень хотелось, да только раз-

будить малютку боялась. Умаялась маленькая, спит-сопит, а тут мамка со своими нежностями лезть решилась!

Злата глубоко вдохнула и выдохнула, успокаиваясь, глянула на солнышко, разогнавшее последние клоки тумана и почти оторвавшееся от горизонта, и перевела взгляд на водную гладь. Там вдалеке прикрытый лёгким маревом виднелся остров, на котором рос густой зелёный лес, над кронами его возвышался исполинский дуб, чьи могучие ветви терялись в облаках. «Вот он какой – другой берег!» – пронеслась восторженная мысль в Ёжкиной голове.

–В общем, Прямыслава оставила сына и отправилась к моей матери, – отвлёк от созерцания дальнего острова, голос Велимира. – Там её я уже не навещал, не хотел, чтобы мать меня увидела. Она меня похоронить успела и оплакала, не нужно было ей знать, в кого сын превратился. Прямыслава тоже про меня молчала, да науку ягушенскую постигала усердно. Прошло ещё несколько лет. Ратмир рос, волошба в нём тоже и совсем скоро оберег мог не выдержать его силы, тогда-то я и решился к Прямыславе отправиться, сообщить, что плохо дело, да вот только опоздал... Глупая девчонка! Она не могла смириться с тем, что сыночка её смертушка ждёт, потому и решила собой пожертвовать. Выискала в книгах матери моей упоминание о том, что ежели проклятье на крови наложить на кого-то и перед этим себя никакой волошбой защитной не прикрыть, то проклятие это на проклявшего отразится. А уж коли отразится, то тогда гос-

подин Ратмира точно никогда не найдёт.

– Не найдёт, – хмуро подтвердила Яга, припомнившая упоминание о подобном.

В книгах, что в Избушке-на-Курьих-Ножках сохранились, Златка находила упоминание о проклятиях на крови. Страшное это дело! Ежели проклял кого и защиту не выставил, проклятие на тебе отразится. Проклял соседа до седьмого колена, чтоб, к примеру, парни в роду рождаться перестали, жди и себе подобного, а в довесок кровь у проклинателя меняется, от рода отсекая, как ломоть от краухи, мол, проклял, вот сам ты и дети твои пусть мучаются, а род тут не причём!

– Карповку она прокляла, да? – хмуро уточнила Златослава, у которой, наконец, начало в голове всё проясняться.

– Она, – подтвердил Велимир и даже кивнул для пущей убедительности. – Сильно вредить не стала, хотя могла и на раннюю смерть, к примеру, проклясть.

– Ты её так выгораживаешь, как родную! – разозлилась Баба Яга ни с того ни с сего, просто случившееся и то что могло ещё случиться, злило её неимоверно, а злость искала выход.

Мужчина ничего не ответил Яге, лишь улыбнулся криво, с какой-то звериной тоской во взгляде рассматривая маленькую Василису. И тут Златка всё осознала, а за осознанием пришло чувство вины. Велимир любил Прямиславу! Любил так сильно, что просто не видел ничего плохого в её поступках! Или просто не желал видеть? Эта боль, которая про-

скальзывала в голосе Змея ещё в начале его повествования, должна была насторожить её, глупую Ёжку, но она никак додуматься не смогла, пока Велимир ей почти прямо не признался. И теперь Злате стало так нестерпимо жаль этого мужчину, что слёзы сами наворачивались на глаза. Как же это, наверное, невыносимо: любить и понимать, что будущего у этой любви просто нет!

– Ладно, я поняла про кровь и отлучение от рода, – тихо-нечко шмыгнув носом и стараясь говорить твёрдо, произнесла княжна, – только вот объясни мне, каким боком тут Василиска моя затесалась? Для чего ты её извести хотел, а?! И лучше бы тебе всё складно разъяснить, а то я на тебя очень сердита!

– Не поняла?! – изумился Велимир вполне искренне, пряча свою боль глубже.

– Не-а, – подтвердила Баба Яга, мотнув головой.

– Эта девочка внучка Ратмира и дочь господина, – коротко ответил немёртвый, пристально наблюдая за реакцией Златы.

– Етишкин свет! – огорошено выдохнула Ягуся и возмущённо воскликнула. – Вот ведь погань тёмная! Морана прибери его душу! Везде успел! – выдохнув сквозь стиснутые зубы и успокоившись немного, девушка уже чуть тише спросила. – Всё равно не пойму, зачем ты ребёнка убить пытался? Кровь её и так проклята, от рода Кошеева отлучена, так зачем же ты её в реку бросил, и мать её убил?

–Чего?! – опешил Змей, ошалело уставившись на Злату. – Кого я убил?! Мать её?! Да с чего ты вообще это взяла!?

Баба Яга хмуро молчала, пристально глядя ему в глаза и ожидая ответа.

–Не убивал я Даринку! Деду с бабкой бестолочь эту вернул, пусть сами разбираются! – выпалил Велимир, столь же хмуро смотря на Злату.

–Да-а-а?! А мне вот сказывали, что ты её по лицу ударил, в проход бросил, а потом, вернувшись, нож от крови ейной оттирал! – с вызовом бросила Яга, припомнив рассказ вороны.

–Оплеуху влепил, дело было, – охотно признался мужчина, но сразу же зло добавил, – но не убивал! Кто тебе такое сказанул вообще?!

–Мор, – отозвалась девушка, сдав ворона с потрохами.

–Вот ведь перьевого мешок! – выругался немертвый, но взяв себя в руки, всё же решил пояснить. – Дарина, дочка Ратмира, выросла в тереме боярина Микулы Плешковича, дальнего родича Прямиславы по материнской линии, а он, как ты, возможно, знаешь в совет царя Евстея, упокойте Боги его душу, входил. Микула сына Прямиславы за своего собственного выдал, воспитал как родного, женил его, правда, больно рано будто чувствовал чего. Ратмир через полгода после свадебного обряда от лихорадки умер, ему тогда всего и было-то девятнадцать годков. Жена его в тягости Даринкой была, да родив её в ту же ночь Богам душу отдала. Внуку

Микула очень любил, баловал слишком, удержу она не знала, капризная выросла и в Ивана Светорецкого с малолетства влюблённая. А тут ваша помолвка расстроилась и дурочка возомнила, что сможет царевной Светорецкой стать. Микула-то её частенько с собой в царский терем брал, там она с Иваном и спуталась, понесла от него, а я пень трухлявый ни сном не духом был! Когда узнал, что к чему, уже поздно было, – Велимир вздохнул и продолжил. – Господин тогда тебя, Злата, искал усилено и в Светорецке не появлялся долго, Даринка ему сказать о ребенке не могла, а письмо написать боялась. Как от деда с бабкой своё положение так долго скрыть умудрялась, ума не приложу! Я, как только узнал, отвёз дуру эту к знакомой повитухе, чтобы до рождения ребенка она у неё под приглядом была, а та возьми и перед родами сбеги. Нашёл её в сарае сенном, за версту от дома повитухи, рожала она уже. Ох, Пресветлые Боги! Если бы у меня волосы сохранились, я бы в тот день, наверное, поседел! – с жаром и злостью вымолвил мужчина. – Девочка родилась не намного, но до срока, я боялся, что господин кровь свою в ней почует и в тот момент ничего более умного придумать не смог...

–То есть изначально ты Василиску убивать не хотел? – прищурившись, уточнила Баба Яга, поглаживая ребёнка по спинке.

–Да, Боги с тобой! – возмутился немертвый. – Если бы Даринка моего приезда дождалась, я бы смог второй раз обряд, что мы с Прямыславой проводили, повторить и девоч-

ку от господина скрыть на время. Не получилось. Пришлось такой грех сотворить.

–Ну, а нож в крови? – не сдавалась Златка.

–Да, моя это кровь была! Моя! – выпалил Змей. – Я хоть и не живой, но кое-какую волошбу на своей крови создать могу, вот Даринке воспоминания о ребёнке и убрал, чтоб не страдала больно. Хотя судя по тому, как охотно её память моему колдовству поддалась, не больно-то она ребёнка и помнить хотела.

–Это что же получается, – вдруг осознав очевидное, прошептала севшим голосом Яга, – мать Лисёнка живая и ...

–Мать этой девочки ты, Златослава Ростиславовна, – твёрдо проговорил Велимир. – Я её по-иному и не ощущаю. Знатный ты обряд провела, теперь девчушка эта твоя по крови, да и до обряда была близка по-родственному, она же тебе племянница троюродная, как-никак!

–Дела-а-а, – задумчиво протянула Ёжка, тяжело вздыхая и внимательно глядя на мужчину, и спросила. – Зареслава ты травил?

–Злат, ты меня и впрямь за упыря какого-то держишь! – не на шутку обиделся Змей, даже губы поджал. – Чтоб я родную кровь травил?! Не было этого!

–Ага, опять Ваня постарался, – кивнула своим мыслям Яга и жалобно прошептала, обращаясь к княжичу. – Извини меня! Я ведь даже не подозревала...

–Ладно. Забудь! – немного отойдя от обиды, махнул ру-

кой он. – Тут и впрямь, если всей правды не знать, то только на меня подозрения и падут, – произнеся эти слова, мужчина стремительно поднялся на ноги, глянул, прищурившись, на солнышко и твёрдо произнёс. – Тебе Златослава прежде чем возвратиться надобно вот ещё, что знать – обряд, который я для господина готовил свершиться не сможет, потому как после твоего пребывания здесь, в подземелье всё Светом наполнится да Божьим благословением. Тёмный обряд справить не получится, а значит, у вас с Заром время появится, пока господин выход не подыщет.

–И что делать-то?! – почти простонала от отчаянья Бабка Ёжка. – Зареслав в беспамятстве, у меня дитё на руках.... Да, что я вообще смогу?!

–Тише, Ёжка! – сделав два шага, остановившись подле девушки и потрепав её по волосам, как меньшую сестрёнку, мягко проговорил Велимир. – Знаю я одно средство, которое возможно помочь сможет, – тут он нахмурился, словно что-то припоминая, и наконец, продолжил. – Дело, Златушка, в том, что Змей со своей избранницей обряд справивший, чует её, даже в забытии находясь. Даже на смертном одре ощутив, что любимой худо, он жилы порвёт, но обидчика покарает.

–И что ты мне предлагаешь? – не уразумела Ягуся, тарашась на княжича, как на чумного.

–Пораниться чуть-чуть тебе надо, Ёжка, – охотно пояснил мужчина. – До крови пораниться, боль ощутить, тогда в Зареславе проснуться должен Змей, над человеческой его ча-

стью возобладав. Только в Змея обратившись, и у него, и у тебя шанс появится выбраться из логова господина, – тут он строго глянул на притихшую девушку и непреклонно повторил. – Только так, а не иначе, у вас случай спастись появится. Поняла меня? – дождавшись растерянного кивка от Златы, он продолжил. – А ещё тебе запомнить следует, вот что. У стены, где клетка стоит, был когда-то вход в коридор подземный, но его я по приказу господина заделал и даже мороком прикрыл, чтобы стена монолитной казалась. Да только это на вид она крепка, а на самом деле Зарику хвостом задеть – вот и прошиб ход. Коридор там прямой, ведёт наверх к развалинам, главное никуда не сворачивайте. Всё поняла и запомнила?

–Ох, каша в голове! – пожаловалась Баба Яга, жалобно глядя на Змея. – Запомнить-то, я запомнила, вот только ума не приложу, как всё это устроить.

–Ты главное не волнуйся, – посоветовал Велимир. – Страх своего Ивану не показывай! А на счёт пробуждения Змея в Зареславе.... У тебя застёжка на тулупчике, смотрю, остренькая да длинная, так что жалость к себе забудь и руку коли. Запомни! Тебе больно должно быть!

–Да, поняла я, – обречённо пробормотала Ягуся.

–Вот и славно, что поняла, – кивнул мужчина, после чего запрокинул голову к небу и твёрдым голосом произнёс. – Ну, вот собственно и всё, что я тебе сказать должен был, теперь можешь меня назад отравлять...

– Сдурел, да?! – ошалела Баба Яга от такого предложения, и решила было обидеться немного на мужнина брата, но задавив детский порыв, усмехнулась и, подмигнув глянувшему на неё Змею, насмешливо произнесла. – Вот ещё! Я Ванюшу радовать не подряжалась. Да и что я за Яга буду, ежели тебя чин по чину к другому берегу не отправлю?! Тебе там быть надлежит.

– Не надо меня жалеть, Злата, – глянув на неё, покачал головой Змей. – Я много дурного натворил, так что Морана меня встречать должна, а уж никак не родичи мои на том берегу. Как я им в глаза после всего этого гляну?

– Возьмёшь и глянешь! Прямо и без опасения, – фыркнула Ёжка возмущённо. – Худо о них думать не смей! Ежели я уразумела, что вины твоей нет, то и они поймут. Так что иди-ка ты к лодочке, она тебя уже дожидается.

– Какая лодочка? – не понял мужчина, растеряно, как маленький мальчик, глядя на Ягу.

– Та, – указала кивком Златослава куда-то за спину мужчины.

Велимир резко обернулся и обомлел. У самого бережка, мягко покачиваясь на волнах, находилась лодочка, обычная такая, на которой деревенские обычно рыбачат. От носа лодки к крепкому колышку, вбитому в землю, тянулась крепкая верёвка, мешающая течению отнести её от берега. А ещё, как, к своему изумлению, заметил Змей, лодочка была до боли знакомая. Вон с левого бока детской неумелой рукой

Рыба-Кит намалёвана – это Зарик годков в пять у матушки краску стащил и отцовскую лодку разрисовал, чтобы красивше была. Из лодки весло торчит с обломанным кончиком – это уже он, Велимир, расстарался, неловко отчалил, задел веслом камень. По слухам, дошедшим до него однажды, именно в этой лодке Венцеслава, сына Змея Горыныча, в последний путь отправляли. И Будимир Давыдович, и Милаока, тогда решили, что убитого княжича правильно именно в ней к тому берегу направлять, ведь он её своими руками смастерил, сыновья его в ней плавали. Словом именно так правильно было и всё тут!

–Но как?! – прошептал мужчина, оглянувшись на Злату.

–Вот так! – чуть поддразнила его Яга, но сразу же посерьезнела. – Просто ждут тебя там. Очень ждут! А ты тут со мной сидишь и разговоры разговариваешь. Ну-ка, быстро в лодку лезь и плыви уже, не гневи и без того нервную Ёжку!

–Спасибо тебе! – задыхаясь от переполнявших его чувств, с жаром ответил княжич, низко поклонился Бабе Яге и, развернувшись, зашагал к лодочке.

Златослава медленно поднялась на ноги, глядя в спину уходящему мужчине, уверенная в том, что на том берегу все его страдания забудутся, и он наконец-то обретёт покой и счастье. Велимир шёл, не оборачиваясь, чуть приминая траву высокими сапогами, у самой кромки воды чуть замешкался, но потом уверенно шагнул в реку и добрёл до лодки. Всего несколько мгновений хватило ему, чтобы непослуш-

ные пальцы развязали верёвку, удерживающую судёнышко на месте, и кинули её на берег, потом мужчина осторожно залез в лодку, взял весло.

Ягуся сдавленно охнула, боясь разбудить ребёнка, когда заметила преобразование, что с Велимиром произошло. В лодку залезал лысый и, что уж греха таить, устрашающий немёртвый, а в лодке очутился ладный красивый парень с волной каштановых кудрей, разметавшихся по плечам. Чёрные одежды Змея превратились в белую льняную безрукавку с вышивкой у горловины, подпоясанную кожаным плетёным ремешком, и такие же белые широкие штаны, как заметила Злата, стоило парню подняться во весь рост, отталкиваясь веслом от берега. Лодка послушно заскользила к едва виднеющемуся берегу, когда Велимир обернулся в последний раз, чтобы махнуть на прощание рукой. Княжна Лиходольская вновь ошеломлённо охнула, увидевши, как на самом деле похожи Зареслав и Велимир. Только старший княжич теперь виделся моложе брата, но сходство от этого никуда не делось, лишь взгляд теперь уже ярко-зелёных, как весенняя мурава, глаз отличал этого Змея от её, Златы, мужа.

Но это было не последнее, что удивило Ёжку. Стоило Велимиру отвернуться, а Ягусе глянуть на видневшийся почти на горизонте остров, как оказалось, что остров-то не на горизонте, а всего десятках в четырёх саженах от берега. Но не это было самым поразительным!

Златке хотелось в голос смеяться от радости, когда она за-

приметила на том берегу незнакомых ей, но уж точно любимых и важных для Велимира людей. Сначала на глаза Яге попалась красивая молодая пара – высокий и крепкий рыжеволосый мужчина нежно обнимал низенькую темноволосую женщину, очень хрупкую на вид. «Венцеслав и Милаока», – догадалась Баба Яга, поймав теплую улыбку темноволосой женщины. Чуть в стороне от родителей княжича, неуверенно переминалась с ноги на ногу статная девушка, до того красивая, что захватывало дух и не верилось, что когда-то такая красота по Земле-Матушке ходила. Кто такая эта красавица Ягуся тоже сразу сообразила. Прямислава, больше некому! За спинами этих троих были ещё люди, чьи лица Злата разглядывать уже не стала, не нужно ей это.

Лодочка, тем временем, подплывала к берегу, оставляя за собой рябь на водной глади. Бабка Ёжка улыбнулась, подставляя лицо солнечным лучикам и краем глаза следя за Велимиром. Всего ничего ей осталось здесь быть. Ещё немного и она вернётся в подземелье к Ивану. Будь он неладен! Но пока, она может насладиться этим чудным солнечным утром и порадоваться тому, что помогла одой душе обрести покой.

Солнечные блики на воде немного слепили, но упрямая Ягуся глядела на них, ожидая неизбежного. Вот лодка ткнулась носом в песчаный бережок. Одновременно с этим со своего места сорвалась на бег Прямислава, Златке даже показалась, что она видит на её лице слёзы радости. Велимир вновь чуть замешкался, затем нервно передёрнул плечами,

будто сгоняя наваждение, поднял ногу, чтобы переступить через борт лодки и стоило только его босой ногой ступить на мокрый песок, как вокруг Златославы снова сгустился знакомый белёсый туман, который вмиг рассеявшись, явил перед ней пышущего яростью Ивана.

– Возвратилась, паскуда! – прошипел, чисто гадюка ядовитая, царь Светорецкий.

Но Яга на него внимания не обратила, взгляд её невольно метнулся в ту сторону, где Велимир стоял. Да только на месте Змея акромя кучки одежды, да плаща чёрного и не было ничего. Ёжка удивлённо похлопала ресничками и только тогда на Ивана взор свой перевела.

– Что смотришь? – почти успокоившись, спросил мужчина и, нехорошо прищурившись, кивнул в сторону вещей от немёртвого оставшихся. – Твоя работа! Ты его душу на тот берег перевела? Перевела. А тело без души, тем более не совсем живое, в прах обращается, стоит только душе её покинуть. Любишься теперь!

Баба Яга невольно передёрнула плечами, почувствовав, как по спине мураши от страха пробежали, но всё же взгляд светлых глаз бывшего жениха нашла. Ох, и жуткий же он у него! Как только раньше не виделось Златке до чего у Ивана глаза холодные и злые.

– Вань, а Вань! – вдруг решила Злата задать мучавший её вопрос, а за одно и злодея этого отвлечь немного. – А ты вообще кто?

–Я думал ты сама догадаешь, после того, как змеёныш тебе исповедался, – хмыкнул разочарованно царь Светорецкий и, оглядев всё вокруг, с недовольством выдал. – Такой обряд чуть не загубили! Ну, ничего, сейчас поправим дело.

–Ванюш, так ты же мне не ответил, – запаниковала Бабка Ёжка, делая осторожные шажочки в сторону мужа, при этом пытаясь отстегнуть одной рукой застёжку, а другой удержать всё ещё спящую дочь. – Может, просветишь? Даже обидно! Сказал, что женой твоей стану, а сама я даже не знаю кто ты на самом деле.

–Зубы заговариваешь? Время пытаешься оттянуть? – с хищной улыбочкой поинтересовался мужчина, развернувшись к Яге. – Не надейся! Спасения тебе ждать не откуда, муженёк твой обряд своей силой подпитает, девочка кровью, а ты, Златушка, после всего со мной отправишься...

–Тебе что сказать трудно?! – делано вызверилась Златослава, даже ножкой топнула в сердцах.

Тут тугая застёжка поддалась и с лёгким щелчком расстегнулась, заставив Злату вздрогнуть, когда длинная и толстая серебряная игла высвободилась из меха воротника. Застёжку девушка поспешила спрятать, когда Иван резко развернулся и внимательно посмотрел на неё. Мужчина усмехнулся и, вновь повернувшись к Яге спиной, принялся творить какую-то дюже страшную тёмную волошбу, при этом всё же снизошедши до объяснений.

–Эх, Златка, я то думал, ты догадаешься, – не поворачи-

ваясь, покачал он головой, выплетая тёмные чары. – Но раз нет, то так уж и быть, скажу сам. По папеньке, знаешь ли, Златушка, я вроде как бог наполовину. Тёмный бог. А вот по матушкиной линии, мы с тобой родичами приходимся. Не близкими, конечно, но всё же.

–Погоди-ка, – ошалело пролепетала Ягуся, – это что же получается, что правда всё в сказе про то, как Исподний Мир запечатали? И про сестру Кощееву...

–Вы даже имя её не помните! – с изрядной долей злости прошипел тот, кого девушка всё никак не могла прекратить даже мысленно звать Иваном. – Её звали Белава, – как-то глухо произнёс он и, не оборачиваясь, не прерывая своего колдовства, тихо продолжил, – и это имя словно создано было лишь для неё. У неё были длинные волосы, белые-белые, как первый снег. А глаза синие, как полевые васильки. Ни у кого я не видел больше таких чистых, таких прекрасных глаз. Румянцу на её щеках могла позавидовать утренняя зоря, а яркость губ соперничала с цветами мака. Она была так прекрасна, – тут сын Тёмного Бога обернулся на мгновение, мазнув взглядом по Злате, и с чуть презрительной усмешкой произнёс. – Ты на неё совсем не похожа.

На это Баба Яга лишь растеряно пожала плечами. Да, разве она хотела быть на кого-то похожей? Вроде нет. Её и так всё устраивало. А кого не устраивает, пусть лесом катится!

–Хм, – глубокомысленно произнесла Златослава, делая очередной шаг к клетки, где Зареслав томился. – Ты так о

ней хорошо говоришь, а она же от тебя избавиться хотела.

– Не смей говорить подобное о моей матери! – резко развернувшись, выкрикнул Иван.

Вместе с тем махнул он в сторону Яги рукой, от чего девушку на целую сажень назад отнесло, словно порывом урагана, пребольно впечатав в прутья клетки. Громко шмыгнув носом от неожиданной боли, княжна Лиходольская, удобнее перехватила завозившегося во сне, но так и не проснувшегося ребёнка.

– То есть не хотела, – пришла к выводу Яга, даже сама себе кивнула, мысль подтверждая. – А что же было тогда на самом деле?

– Златушка, ты мне зубы заговариваешь в надежде, что спасти вас успеют? – ласково-ласково любопытствовал мужчина и, хищно улыбнувшись, заверил. – Не надейся! Змеёныш и ребёнок тут свою смерть встретят, и четверти часа не пройдёт, а тебя я после надёжно спрячу, никто не найдёт. Так что смиришься.

– Так уже смирилась, – фыркнула Бабка Ёжка, ни единому слову его не поверив. – Просто любопытство мучает, жуть как. Ты всё равно вона как ловко колдуешь, даже со мной беседу беседуя. Вот и просвети глупую Ёжку, что к чему!

– А чего именно сейчас тебе пожелалось это узнать? – с подозрением спросил Иван. – погоди немного, доберёмся до другого убежища, я тебе и расскажу, что захочешь.

– Дык, я ж к тому времени от любопытства помру! На

ком жениться тогда будешь?! – возмущённо выдала девушка, осторожно вынимая припрятанную застёжку.

– Можешь мне не верить, но мать меня очень любила, – хмыкнув как-то странно, всё же соизволил ответить на вопрос Яги. – И отца моего, как ни странно тоже, потому и не желала, чтобы были у неё ещё дети от другого мужчины. Этим она сам себе смертный приговор и вынесла. Когда Горын её умыкнул из дворца Чернобога, матушка уже меня вскорости родить должна была. Родился я уже в княжеском тереме Лиходольска, где меня и попытались сразу подушкой удушить. Отродье Тёмного бога жить, по их мнению, не должно было. Как будто не они раньше его имя славили, да недругов на пики не по его приказу вздевали, – усмешка у мужчины вышла зловещая, а продолжение истории неожиданное. – Матушка едва-едва мою жизнь вымолить успела, посулив, что в будущем сын Тёмного Бога ещё пригодиться сможет, княжеству послужит, ежели его воспитать достойно. Успокоился Горын, подумал, да решил, что возможно и впрямь я пользу принесу, буду псом цепным для братьев единокровных, коих ему молодая жена вскорости наплодит. Да только время шло, а наследника у него так и не получилось. Мне одиннадцать сравнялось, когда узнал Горын о том, что матушка зелье пьёт, чтобы от него не понести, тогда-то он яд ей в то зелье тайком добавил и смотрел, как она умирает и меня посмотреть привёл. Она двое суток мучилась и, когда её конец близок был, на её глазах он мне горло-то и пе-

перезал. Мол, выродок твой тёмный всё равно раньше тебя сдохнет, а ты полюбишься, да и сама в Исподний мир к любовнику отойдёшь, там все и встретитесь.

Слушая его рассказ, Злата холодела от ужаса и не верила, что так и впрямь было. Да только чутьё ягушенское подсказывало – не врёт Иван, чистую правду говорит. От этого на душе было тяжело, словно и она в той давней беде виновата была.

–Я кровью захлёбывался, когда матушка, последние свои силы отдавая, заклятье древнее произнесла, от отца моего узнанное, – чересчур спокойно и даже холодно продолжал говорить мужчина. – Душу мою она властью наделила, в тела чужие вселяться, смерть обманывая, и молвила, что возродиться по-настоящему смогу только в том теле, в котором кровь кощева течь будет. Ну, вот собственно для того ты мне и нужна, Златушка, – снова в его голосе проскользнуло злорадство, развернувшись, сын Чернобога самодовольно улыбнулся и сообщил. – А теперь пора твоему змеёнышу мне подсобить. Тело Ивана Светорецкого уже тлеть начинает, силы от смерти этого червячка и девочки как раз хватит его подлатать.

–А зубы не обломаешь?! – окрысилась Баба Яга, с силой сжимая в кулаке острую иглу застёжки.

Боль была сильной, на глаза навернулись слёзы, но княжна Лиходольская продолжала сжимать кулак. Толстая серебряная игла насквозь проткнула ладонь, и её острый кончик

торчал аккурат между костяшками среднего и указательного пальца. Кровь медленно текла по сжатому кулаку, капая на подол расшитого каменьями сарафана, но кроме этого ничего ровным счётом не происходило. Ягуся нервно сглотнула, ощутив холодок, поднявшийся по позвоночнику, и взглянула в наполненные злой насмешкой глаза Ивана. «Неужто обманул Велимир?! Или Зареславу настолько худо, что он и обратиться не может?! – метались в голове Златы страшные мысли, но она быстро взяла себя в руки. – Негоже так думать!»

– Не выходит? – с показной участливостью спросил мужчина, огибая девушку и подходя к дверце клетки, чтобы распахнуть её настежь. – Ты что же глупенькая поверила, будто Змеи своих избранниц и впрямь чувствуют?! Дудки это! Эти чешуйчатые только о себе пекутся, а до остальных им дела нет. Запомни это, девочка!

– Ошшибаешшшся, тёмный! – вдруг донеслось отчётливое шипение, и на Ивана в упор глянули змеиные глаза, пока ещё на человеческом лице.

Но лицо, как и тело, стало стремительно меняться и раздаваться ввысь и ширь, так что мгновением позже заскрипели, прогибаясь под недюжинной силой, прутья клетки, разломились как прутья сухие и перед сыном Чернобога во всей красе предстал крупный Змей с золотистой чешуёй с алым отливом. Златослава, успевшая загодя каким-то непонятным даже ей образом отскочить подальше, с восхищени-

ем разглядывала не виденный ею ранее облик мужа. Змею Лихольскому же было явно тесно даже в таком громадном зале, но он этого не замечал, копя ярость и силу, собираясь вложить их в свой огонь.

– Ты думаешь, тебе удастся меня победить, чешуйчатый червячок?! – насмешливо поинтересовался тёмный, выплетая новое колдовство, в желании сразить Змея. – Я твоих родичей, ещё до твоего рождения давил как ужиков болотных и с тобой разделаюсь! Что молчишь? Испугался?!

И Зареслав ответил. Мощный огненный поток из раскрытой пасти излился прямо на колдуна, успевшего-таки оградить себя защитной волошбой. Да только ярость княжича была такой силы, что не выдержала защита колдовская, хлопьями пепла облетать стала, а огонь змеиный всё ближе к телу тёмного подступал. Злата различила в глазах Ивана неподдельное удивления, когда он, видимо, осознал, что колдовством своим не спасётся. А потом случилось то, чего никто не мог ожидать.

Глава 18. Конец – делу венец!

Сын Чернобога улыбнулся, словно бы, защищавшая его, волошба не облетала хлопьями сероватого пепла, будто не было перед ним раскрытой пасти громадного Змея, извергавшего огонь, плавивший всё вокруг. Бескровные губы того, кого многие знали как Ивана Светорецкого, кривились в какой-то совершенно безумной улыбке, глаза лихорадочно блестели, а плечи подрагивали, будто он собирался рассме-

яться.

– Думаешь, победила, да, змеёныш?! – наконец в голос засмеялся мужчина, выставляя ладони перед собой словно пытаясь сдержать пламя.

От явно сквозившего в голосе безумия, Златослава уже почти поверившая, что всё обойдется, задрожала и попятилась. Маленькая Василиса проснулась, захныкала, протянув к матери ручки. Яга прижала ребёнка к груди, чувствуя, как маленькие тёплые ладошки ложатся на шею, а пальчики путаются в выбившихся из косы прядях. Руки девушки тут же легли так, чтобы прикрыть ими полностью, крохотное тельце, а в худшем случае, Ёжка бы просто закрыла дочь собой, развернувшись спиной к смеющемуся взхлёб тёмному. Она с замирающим от страха сердцем ждала, что колдун вот сейчас сотворит нечто такое, от чего и спасения не будет. Но сын Чернобога всех удивил.

– Твой огонь сожжёт лишь тело, а душа получит свободу, – не переставал смеяться он. – Свободу, понимаешь?! Я заберу любое тело, стоит с его губ сорваться слову «да»! Ребёнок ли, отрок, взрослый мужчина... Всё равно! Одно «да» и у меня вновь есть тело! А уж снова подобраться к Кощееву роду – это дело времени. Рано или поздно я получу то, что предрекла мне мать.

С последними словами, мужчина развёл в стороны руки, будто собираясь заключить кого-то в объятия, запрокинул голову и закрыл глаза. Мгновением позже пропала его во-

лошба, будто её и не было вовсе, а змеиный огонь объял человеческое тело сына Тёмного Бога. Злата зажмурилась, крепче прижимая к себе ребёнка. Уж больно страшно было глядеть на занявшегося пламенем, как уголёк, мужчину! Ни стопа, ни звука не слетело с губ колдуна. Лишь только грохот падающих камней, заставил Бабу Ягу распахнуть глаза и вперить взгляд в удивительное зрелище.

Зареслав уже в человеческом облике стоял у горстки пепла, на том месте, где находился Иван Светорецкий. Чуть в стороне от него в стене зиял пролом, в который пробирались ладные молодцы, блестящие чешуёй промежуточной ипоста-си.

«Запоздала подмога», – хмуро подумала Бабка Ёжка, но тут же успокоилась и с опаской посмотрела на то, что осталось от бывшего жениха. Все присутствующие в подземелье Змеи смотрели туда же с лёгкой настороженностью.

Ох, не зря они бдели! Ох, не зря! Пепел у них на глазах зашевелился, будто под дуновением ветерка и от него стало подниматься нечто тёмное, жуткое и злое. Словно чёрное дымное облако разрасталось над пеплом, в какой момент это облако приняло очертания человеческого тела и обзавелось светящимися алыми глазами, Златослава упустила из виду, поскольку её внимание привлекло иное.

За спинами Змеев, столпившихся вокруг тёмной фигуры и ошетилившихся защитной волошбой, прямо из стены стройными рядами шли невысокие смуглые и скуластые во-

ины в лёгкой броне с длинными мечами наголо. Ёжка даже рот от удивления открыла, на них взирая. Что не живые они, а души не упокоенные, поняла сразу и, хотела было закричать мужниным родичам, что за спинами их творится, как вдруг из-за призрачных мужских спин выглянула забавная девичья мордашка и строго покачала головой. Баба Яги чуть не подавилась, в конец опешивши. Но тут полупрозрачная наряженная в странные многослойные одёжки девушка, всё же покинула своё убежище за спинами воинов и решительно направилась вперёд. Витязи невиданные же остановились аккуратно позади Змеев, чуть в затылки им не дыша, ежели бы дышать они могли, а девушка, стараясь не касаться даже краешком своего наряда живых, шустро их оббежала и встала напротив той жути чёрной да красноглазой, что после гибели тела Ивана Светорецкого осталось.

Злата нервно вздрогнула, не зная чего и ожидать от пришлых духов. Вдруг они с сыном Чернобога заодно?! И сейчас вся эта призрачная рать ринется на беззащитных Змеев, которые их даже и не видят, судя по тому, что не заметили они возникшей почти перед их носом тоненькой девичей фигурки. Только вот рот открыть и предупредить не выходило, не могла она это сделать и всё тут.

Чёрная, как сама тьма, фигура тем временем чуть колыхалась, будто не в состоянии осознать, что же произошло, взгляд алых светящихся глаз медленно переходил от одного Змея к другому, но постоянно возвращался к призрачной де-

вушке стоящей перед ним. Ягусе почему-то подумалось, что тёмный ещё никак в себя прийти не может и осознать, что тело-то его мертво. И вот когда в очередной раз алый взгляд вперился в странную девушку, она тряхнула головой, волосы её, заплетённые в сотни тонких косичек взвились будто змейки, а длинные тоненькие пальчики уверенно обхватили запястья тёмной фигуры. Только в тот миг чёрная душа сына Тёмного Бога, осознала, что творится нечто непоправимое, грозящее ему если не гибелью, то другой какой-то напастью.

Сотканная из тьмы фигура дрогнула и попыталась вырваться, но цепкие полупрозрачные пальчики держали крепко. Призрачная девушка, вдруг обернулась к появившимся вместе с нею воинам и кивнула на чёрную душу. Словно только и дожидаясь её указки, воители двинулись, вперёд проходя сквозь Змеев, растеряно взирающих, на отчаянно пытающуюся вырваться из незримых пут чёрную фигуру.

«Не видят», – сообразила Бабка Ёжка, глядя во все глаза, как витязи окружают мечущуюся в панике чёрную тень, ставшую совсем не похожей на человеческий силуэт.

Плотнее и плотнее сжималось кольцо призраков. Всё более отчаянно пыталась вырваться чёрная душа. В какой-то миг за полупрозрачными спинами воителей не стало видно ни тонкой девичьей фигурки, ни чёрной тени, всё слабеющей и слабеющей. Зато призрачная рать словно бы светиться начала. Да, не «словно бы», а и впрямь ярким светом разгоралась, с каждым Златкиным вздохом всё ярче и ярче дела-

ясь, пока вдруг не вспыхнула ослепительным белым светом, и пропала, будто-то бы и не было их вовсе. И лишь на грани слышимости до Бабы Яги донеслись слова: «Возвратится он ещё!», после чего дохнуло в лицо весенней цветущей свежестью и пропало всё.

– Вот ведь! – возмущённо буркнула Ягуся, пару раз моргнув, чтобы зрение восстановить.

– Это вообще что сейчас было? – подал вдруг голос Ладимир Будимирович.

– Опоздавшие Змеи это были, – хмуро припечатала Баба Яга, пробираясь к едва стоящему на ногах мужу.

– Не понял, – честно признался сын Змея Горыныча, глядя на то, как подобравшаяся к Зареславу девушка строго потребовала поклониться и сейчас ощущала свободной рукой голову непривычно покорного Змея.

– А чего тут непонятного? – фыркнула княжна Лиходольская, как-то очень быстро пришедшая в себя, но полная праведного негодования на припозднившихся мужниных родичей. – Опоздали вы, касатики. Едва-едва справились. Без вашей помощи.

– Ну, это-то я как раз и понял, – ничуть не обидевшись на сказанные сгоряча слова Яги, спокойно произнёс Ладимир и, обведя взором притихших Змеев, озвучил вопрос засевшей в голове у каждого из них. – Что с той душонкой тёмной стало?

– Не увидели, значит, – кивнув сама себя, пробубнила Ёж-

ка и, прекратив ощупывать голову разулыбавшегося Зареслава, со вздохом проговорила. – Да, если бы я знала, что это было! А скажу, не поверите же...

– Да, говори уж! – не выдержал кто-то из Змеев, изнывая от любопытства.

– Хорошо, – покладисто согласилась рассказать Баба Яга. – Когда душа тёмная появилась тут из вон той стены, – она кивнула в ту сторону, откуда призрачная рать вышла, – вышли воины какие-то чудные с мечами, а с ними девчонка была молоденькая. Они его пленили каким-то образом, а потом засветились и сгнули все разом. Вот и весь сказ!

– Дела-а-а, – протянул Бажен, нервно пригладив волосы.

– Да не то слово! – вторил ему голос другого Змея.

– Златослава Ростиславовна, а можно как-то более подробно об этом!? – попросил, да что там попросил, почти взмолился княжич Ладимир.

– Нельзя, – сказал, как отрезал, за место Златы муж её, но вздохнув, пояснил. – Во всяком случае, не сейчас, дядька Ладимир. Нам бы в Белояжск вернуться, отдохнуть, успокоиться... А вы как коршуны налетели! Всё, пробивайте ход и отправляете нас в кощеев терем! Остальное всё потом. Всё потом!

С этими словами княжич обнял жену с дочерью крепко и стал ждать, пока его просьбу выполнят. А как только сотворили Змеи ход до самого царского терема, не раздумывая жену в него увлёк. Ведь и впрямь всё после можно бу-

дет узнать, теперь спешить некуда. Сын Чернобога повержен, зла больше натворить он не сможет, а с остальным они справятся. Просто не могут не справиться! Ведь против тёмного сдюжили, значит, всё прочее по плечу будет!

Тут бы и сказочке конец, но...

На уютной небольшой кухоньке было полутемно, только одинокая свеча на грубоватом столе из цельного дерева освещала пространство вокруг, выхватывая из тьмы небогатый интерьер жилища. Большая белёная печка с полатями, прикрытыми красной занавеской с вышитыми бело-чёрными узорами, была жарко натоплена. Рядом с печкой притулилась широкая лавка, на которой дремал крупный рыжий кот с лобастой головой и длинным пушистым хвостом, нервно подёргивающимся время от времени. Коту, возможно, снились мыши или, что вернее, пёстрые бабочки, в изобилии водившиеся летом на лесной полянке, где стояла Избушка-на-Курьих-Ножках. Кот спал убаюканный тихим женским голосом, который доносился из-за полуприкрытой двери и вот уже второй час подряд рассказывавший очередную сказку.

– Жили-были лисичка и зайчик. У лисички была изба ледяная, а у зайчика лубяная... – рассказывала домовушка, провязывая очередной ряд на будущем шарфике.

– Лисичка, что совсем глупенькая?! – прервал домовушку звонкий детский голосок. – Лёд же весной растает! Она где жить-то будет?!

– Тише, Василисушка! Братиков разбудишь! – взмолилась

Марфа, откладывая в корзинку вязание и на цыпочках подкрадываясь к детской кроватке, где никак не желала засыпать маленькая озорница.

–Ну, так пошли на кухню, там и дорассказываешь, – предложила пятилетняя малышка, выбираясь из-под одеяла и решительно шлёпая босыми ногами на кухню.

–Куда без носков побежала?! – вознегодовала домовая, вскакивая вслед за ребёнком в попытках догнать и заставить надеть тёплые носочки. – Ух, мамке с папкой расскажу, что босиком бегаешь!

Но девочка её уже не слушала, потому как почувствовала знакомую волошбу, которую никогда бы, ни с чьей другой не спутала. И пуцай говорят, что она маленькая ещё, чтобы колдовству учиться! Подумаешь! У неё же и глаза, и уши есть, за родителями подсмотришь и не хочешь, да научишься волошбу творить. А она Василиса и сама, ух как, до всяких колдовских штук охоча, главное чтобы мамка не прознала, а то по попе полотенцем-то отхлещет. Мама она дюже строгая, но отходчивая, а вот...

–Папка! Папка пришёл! – восторженно заверещала девочка и бросилась со всех ног на кухню.

–Лисёнок! – у самых распахнутых настежь дверей, малышку поймали сильные отцовские руки, подбросили и тут же поймали в крепкие, пахнущие морозным лесом объятия. – Чего не спишь, ягоза?

–Тебя и мамку жду, – доверительно сообщила Василиса,

прижимаясь к отцовскому тулупу мордашкой и выглядывая из-за его плеча маму.

–Непоседа вот ведь! – рассмеялась мама, появляясь из сеней в сопровождении золотоволосого Змея.

–Дядька Руслан! – уже просто пищала от восторга кроха, протягивая ручки в сторону княжича Лиходольского.

–Лиска-Василиска, не верещи так, а то оглохну же! – смеясь, проговорил мужчина, забирая у брата племянницу.

На такое предположение девочка только фыркнула и надулась надув губы. Только вот долго она печалиться и обижаться не умела, разулыбалась, заметив топорщившийся на груди дядюшки тулуп. Что там прячется подарок для неё, Василиса была убеждена, ведь дядя Руслан никогда к ним без подарков не приходит.

Проследив за взглядом маленькой непоседы, Руслан хитро улыбнулся, поставил кроху на лавку и, повернувшись к ней спиной, делано медленно вынул подарок. Мужчина слышал, как нетерпеливо притопывает босой ножкой девочка, и потому спешил развернуть завёрнутую в холстину игрушку. Когда Змей обернулся, у него на правой руке красовалась новая придумка кукольников – такая перчатка на три пальца, к одному из которых мастер приладил сшитую из холстины голову скомороха, а к пальцам правее и левее головы были пришиты такие же холщовые ладошки. Скоморох был одет в красную рубаху в крупный белый горох, которая прикрывала перчатку, ладонь и даже всё запястье, на голове иг-

рушки был нахлобучен трёхрогий колпак с бубенцами, из-под которого торчали соломенного цвета толстые нитки заменявшие волосы.

Заметив игрушку, девочка охнула и, забавно всплеснув руками, прижала пальцы к приоткрытому от удивления и восторга роту. Она смотрела на скомороха с таким восхищением, что Змея, обычно язвительного и совсем не склонного к проявлению чувств, затопила волна нежности, щемившая сердце и вызывающая мечтательную улыбку на губах. Большие зеленущие глаза девочки, блестели от едва сдерживаемой радости. Руслан улыбнулся шире и подвигал пальцем, от чего игрушечная рука словно бы помахала Василиске в приветствии. Малышка задохнулась от восторга и радостно запищала, радуясь подарку.

— Вот ради этого я готов хоть каждый день наведываться в вашу глухомань, — доверительно сообщил золотоволосый княжич подошедшему к нему брату.

После этих слов, одним слитным и неуловимым движением Змей скользнул к девочке, подхватил её свободной от игрушки рукой и уселся вместе с ней на лавку, усадив кроху на своё колено. И мир сузился до лавки, на которой они уютились, до смешной игрушки, надетой на руку и блестящих от смеха зелёных глазах.

— Эй, ты не взопрел там, а? — насмешливо поинтересовалась через какое-то время Баба Яга.

— Чего? — потеряно переспросил Руслан, отвлекшись от иг-

ры с племянницей.

Златка, к тому моменту успевшая снять верхнюю одежду, проверить спящих сыновей и даже выставить на стол поздний ужин, смотрела на родственника с доброй насмешкой. Змей только усмехнулся в ответ и пожал плечами, после чего снял с руки игрушку, отдал Василисе и, ссадив девочку со своих колен на колени сидевшего напротив Зареслава, поспешил снять тёплый тулуп и сапоги.

–Во-о-от Марфушка тебя взгреет за грязю-ю-юу-уку! – широко раскрыв пасть, зевнул Терентий, поглядывая на Лиходольского княжича хитрющими и бесстыжими глазами, как бы намекая, что сдаст домовушке Змея со всеми потрохами. – Ты в сапожищах своих сначала в хлеву, что ли грязь месил?

–Реня, не обижай дядю Руслана! – строго попросила Василиса мамкиного фамильяр, отвлекшись от игры.

–Дык я его разве обижаю?! – делано удивился рыжий кот и снова заразительно зевнул, с удовлетворением отметив, как по его примеру столь же широко зевает девочка.

–Ой! – пискнула малявочка, прикрыв рот ладошкой и потерев глаза. – Реня, ты мне дядю не обижай! Он хороший!

–Не буду, – насмешливо фыркнув, заверил её Терентий, спрыгивая с лавки и потягиваясь всласть.

–Спасибо! – серьёзно кивнула девочка и снова увлеклась разглядыванием новой игрушки.

Когда Руслан вернулся к столу, маленькая зеленоглазая

непоседа покинула колени отца и залезла на руки к дяде, шепча ему на ухо свои маленькие, но такие важные для них двоих секреты. Змей кивал, улыбался, а когда было необходимо, становился серьёзным и вдумчиво слушал то, что ему рассказывала племянница. Это продолжалось бы очень долго, если бы не Златослава строго глянувшая на дочь и попросившая «дать дяде отужинать спокойно». Лиска, скроив серьёзную мордашку, кивнула и принялась деловито пододвигать к любимому дядюшке самые вкусные на её взгляд кушанья. Так возле Руслана очутились мисы с ягодными пирожками и ватрушками, а вот вожделенный борщ с бараньими ребрышками оказался вне пределов его досягаемости. Мужчина печально вздохнул, глядя на глубокую тарелку с супом. Зареслав различимо хохотнул, поглядывая на брата. Бабка Ёжка только глаза закатила, да поспешила поменять миску с ватрушками, на тарелку борща. Руслан посмотрел на Ягу с искренней благодарностью, а маленькая непоседа обиженно фыркнула и хотела что-то возразить, но мама вовремя протянула ей кружку с любимым лакомством.

Василиска приняла пузатую кружку, где плескалось тёплое молоко с лесным мёдом, заставившее маленькую лакомку облизнуться и приникнуть к краю посуды. И за столом наступило затишье, прерываемое тихим мурлыканьем и причмокиванием Василисы над своей кружкой. К концу трапезы девочка уже клевала носом, а стоило Златославе разлить по кружкам травяной взвар, как девочка уснула, удобно

устроившись на коленях Руслана.

– Давай я отнесу её в кровать, – тихонько предложил Зареслав, собираясь встать из-за стола.

– Не надо, – покачал головой его двуродный брат. – Пусть спит.

– Мы вообще-то собиралась побеседовать, – напомнила ему Злата, присаживаясь подле мужа.

– Пусть спит, – повторил златовласый Змей и просительно закончил. – Златка, утром, когда она проснётся, меня уже не будет тут, дай хоть немножко с ней рядом побыть. Я с ней душой отдыхаю, понимаешь?!

– Ладно, Змеище, – делано сурово глянула на него Яга, подныривая под руку мужа и прижимаясь к его груди, – сидите уж!

Зареслав обнял жену, поцеловал в светлую макушку и приготовился слушать. Руслан с долей зависти глянул на брата, прикоснулся к беловолосой головке, что уместилась на его плече, и вздохнул, собираясь с мыслями. То, что он собирался поведать Зареславу и его жене одновременно, и утешало, и заставляло волноваться, этокое двоякое чувство удалённой во времени тревоги.словно идёшь по горному ущелью, что так много на землях Змея Горыныча, видишь, что скала над тропой опасно накренилась и понимаешь, что ты-то сам минуешь её спокойно, а вот те путники, что пройдут за тобою позже, точно под обвал угодят.

– Эх, с чего же начать? – задумчиво спросил сам себя

Руслан и, услышав возмущенное сопение Златославы, слабо улыбнулся и заговорил. – Значит дело такое, те записи, что в разрушенной крепости обнаружили, мы перевели, прочли и перечитали, – возмущённое фырчание, заставило Змея на мгновение замолкнуть и с долей снисходительности проговорить, – но это вы и без меня знаете. Дед, когда ему обо всём этом доложили, сразу Игоря, Милорада да Радима с Ратибором отослал далеко на восток, искать то царство Хинское, что в летописях крепости упоминалось. Помотало, конечно, братиков наших беспутных славно, по чистой случайности они на заставу хинцев этих набрели. Встретили их не шибко ласково поначалу, но потом ничего, даже дружбой их заручились, – тут мужчина хитро улыбнулся и, подмигнув сидящим напротив, самодовольно заявил. – Скоро вот свадебку ещё одну сыграем, Милораду дочка царя ихнего уж очень приглянулась, а он ей полюбился. Словом крепкой дружбой заручились, но сейчас не о том.

– Не томи! – не выдержала Златка и задала уже давно мучавший её вопрос. – Скажи лучше, те призрачные воины и девочка с косичками, они из хинцев этих, да?

– Вот же ты нетерпеливая, Ёжка! – пожурил родственницу княжич. – Всё толком рассказать не дашь.

– Да тебя если не подгонять, балабола такого, ты же до самого рассвета байки травить будешь! – возмутилась Баба Яга, но тут же успокоилась, побоявшись разбудить детей.

– А тебе хорошую баечку и послушать лень! – не остался

в долгу Змей, шутивно попеняв Яге.

–Руслан! – прикрикнул на брата Зареслав и выразительно изогнул бровь, мол, продолжай уже.

–Не интересно с вами! – делано обижено возвестил золо-товолосый и уже с большей серьёзностью продолжил. – В об-щем, братцы пообщались с тамошним царём, и выяснил, что заставило такой большой отряд воинов в путь отправиться, да так далеко от родной земли осесть. Сказывал он, что пра-щур его далёкий в уме повредился шибко на старости лет, сыновей своих изничтожить собрался, боялся, мол, что они его ради венца царского порешат по-тихому. Царевичи смек-нули, что дело плохо и решили бежать, кто куда, схорониться в месте спокойном до поры до времени, а как батюшка Бо-гам душу отдаст, тогда и возвратиться. Двое их было. Стар-ший в горах укрылся у родичей дальних. А вот меньшей ре-шил на запад идти, земли разведать, за ним воины из дру-жины ближней пошли, и девчонка-вещунья отправилась, да только перед тем, как храм покинуть и с царевичем в путь пуститься, было у неё ведение, которое по правилам мест-ных сразу в книгу особую внесли, чтобы не забылось пред-сказанное. Предсказала она, что явится в Мир Живых Тём-ный Бог и бесчинства всякие творить будет, да так, что на одном краю Земли-Матушки начнёт, а на другом закончит и не будет от него спасения никому. А ещё записано было в той книге, что сама Великая Мать Всех Людей, так они, тёмные, Землю-Матушку величают, пришла девчонке этой во сне и

поведала, как Тёмного Бога остановить. Сказала, что живым с Тьмою справиться не под силу, а вот души чистые, за дело правое радеющие, смогу пленить Бога Тёмного, ненадолго, но смогут. Вот тут и сказочке конец. Остальное сами домысливайте!

– Это что же получается – сын Чернобога и впрямь вернётся, – растеряно, ни к кому конкретно не обращаясь, прошептала Злата.

– Похоже, что так, – подтвердил ёжины опасения Руслан, но тут же поспешил и утешить. – Да, только не на нашем веку он вернётся и даже Василиска, скорее всего его не встретит, а вот правнуки наши или кто подальше столкнутся. Сказано в книгах, тех храмовых, что душу чёрную воинство призрачное в плену своём держать будет до появления Кровавой Звезды на небе ночном. Хинские звездочёты и вещуны предрекают, что звезда энта через шесть сотен лет появится. Не знаю, сколько тут правды, но за что купил, за то и продаю!

– Страшно-то как, – прошептала Златослава, в плечо мужнину уткнувшись лицом и обняв его крепко-крепко. – И что же делать нам теперь?

– Нам? – задумчиво переспросил Зареслав, который слушал брата молча и старательно размышлял об услышанном. – Жить! Просто жить.

– Ага, а потом как вернётся Ванюша..., – не договорила Яга и громко шмыгнула носом.

– Когда вернётся он, нас уже не будет, – напомнил кня-

жич жене и сразу же пресёк дальнейшие возмущения. – Но в наших силах сделать так, чтобы о его возвращении знали и помнили! В наших силах искать способ, как его окончательно изничтожить и передать это знание нашим потомкам, – назидательно проговорил Добролюбов и с улыбкой закончил. – В конце концов, возможно, даже в наших силах будет вообще не допустить его появления на Земле-Матушке.

–Эк ты замахнулся! – тихонько хохотнул Руслан, стараясь не потревожить спящую девочку.

–Ну, а что?! – столь же тихо, почти беззвучно рассмеялся Зареслав. – Надо верить в свои силы, иначе ничего не получится!

–Да, ну вас! – фыркнула Златка, уже почти переставшая тревожиться и вновь вернувшая ягушенскую бойкость. – Ишь бахвалятся, будто им с тем злом сражаться. Лучше вон взвар допивайте и спать! Ночь-полночь уже.

Мужчины послушно вернулись к недопитым кружкам, а осушив их, принялись подниматься из-за стола. Руслану пришлось вставать с пушей осторожностью, чтобы не потревожить сон малышки Василисы, а потом неторопливым шагом направиться в горенку, чтобы уложить девочку. За несколько лет Избушка-на-Курьих-Ножках обзавелась двумя лишними горницами, в одной из которых и обитали дети Зареслава и Златы. Волшебный домик Бабы Яги при помощи своей хозяйки, да при колдовской поддержке цельного Змея смог сам своё внутреннее пространство расширить,

чтобы разросшемся семейству было удобно.

В горнице в дальнем углу горела одинокая свеча, чуть затённая с одной стороны, чтобы не разбудить спящих в кроватках мальчишек, у изголовья которых сидела Марфа и вязала шарф. Домовой для вязания свет не требовался, ведь она в темноте не хуже Терентия видела, но свеча горела не для неё. Свечу Марфушка зажигала специально для Василисы, которая до слёз боялась темноты и раньше, до того как догадались зажигать свечу, часто просыпалась ночью и испугавшись начинала плакать. Теперь свеча горела в детской горенке каждую ночь.

Переступив порог, Руслан приветственно кивнул домоушке и, осторожно ступая, прошёл к маленькой кровати с отогнутым чуть-чуть одеялом. Мужчина бережно уложил ребёнка, аккуратно укрыл одеялом и, не удержавшись, чмокнул курносый носишко, с робко проступающими, ещё пока бледными веснушками. Потом Змей глянул на мальчишек, украдкой вздохнул и, поднявшись на ноги, покинул горницу.

В кухне его уже дожидалась Златослава, снабдившая родича указаниями о том, где ему ночевать, и пожеланием хороших снов. Руслан подмигнул ей и направился в указанном ею направлении, зевая и потягиваясь.

Ёжка осталась стоять у окна, глядя в звёздное небо над макушками деревьев. Она смотрела на перемигивающиеся голубые и зелёные искорки, страшась увидеть багровую, ту, что предрекла когда-то хинская вещунья. Ягушенское чутье

молчало, а Злата знала, что все её страхи напрасны. Для неё и Зареслава, и даже для их детей и может даже внуков, но потом ведь...

– Ягуся моя, хватить в окошко глаза лупить да звёздочки считать! К мужу давай топай, а то он уже, поди, заждался, – насмешливо проговорил Терентий, запрыгивая на подоконник и бодая лбом под локоть свою подопечную.

– Рень, как ты думаешь..., – начала было Златослава, протянув руку и погладив кота.

– Я думаю, что тебе пора спать, – фыркнул фамильяр и уже без усмешки, до сего момента слышащейся в голосе, добавил. – Не прилетит она, Ёжка. Не тревожься и спать иди!

Последний раз погладив рыжего по пушистой шёрстке, Златка благодарно ему улыбнулась и поспешила к мужу. Терентий проводил её взглядом и, широко зевнув, улёгся спать прямо на подоконнике. «Всё будет хорошо, – засыпая, думал Ёжкин кот. – Всё у нас теперь будет хорошо».

Эпилог.

– А я тебе говорю, ни в какую Академию она не пойдёт учиться! – топнула ногой Златослава Лиходольская, она же Баба Яга.

– Хочешь, чтобы наша дочь неучем росла?! – возмущённо спросил её супруг, княжич Зареслав, которого в Белояжском царстве знали как Святозара Добролюбова, главу Магической Академии.

– А я ей на что?! – взвилась Яга пуще прежнего. – Ты сам

сказал, что моих знаний достаточно, чтобы детей учить...

–До того как они в Академию поступят! – не отступал от своего слова внук Змея Горыныча. – Уж прости, моя дорогая супруга, но дети должны обучаться в Академии и наша дочь в том числе!

–Я тебе сказала, сама её обучу! Ягой будет она и точка! Не хватало ещё, чтобы ты из девки колдуна-воителя делал! – горячилась Ёжка, размахивая руками и одновременно пробираясь ближе к стоящей у колодца ступе.

–Вот откроешь свою ягушинскую Академию, вот тогда и посмотрим, может я и соглашусь, чтобы ты детей обучала, – не сдавал позиции колдун, следуя по пятам за Ягой. – А пока таковой нет, наши дети будут учиться в Магической Академии!

Глядя на расшумевшихся родителей сквозь заросли малины, я ловко прихлопнула севшего мне на нос комара и, поёрзав на траве-мураве, устроилась удобнее. Скандал набирал обороты, но беспокоиться пока было не из-за чего. Мамка с папкой себе такое развлечение раз в седмицу устраивают. Сначала ругаются из-за какого-то пустяка, а после мирятся и снова в нашей Избушке-на-Курьих-Ножках тишь, да гладь и Божья благодать.

Позади меня послышалось пыхтение и через пару мгновений слева и справа от меня на травке под кустом малины вытянулись во весь рост мои братики: близнецы Венцеслав и Велимир, да младшенький Всеволод. Двойнёвые наши мо-

лодцы уже совсем взрослые, осемнадцать годков стукнуло. Они уже два года, как в Академии учатся, отец на их успехи никак не нарадуется. Красивые они у нас, загляденье просто, все в папку нашего пошли: рослые, широкоплечие, волосы кудрявые каштановые, глаза серые, словно озерца чистые. Девки за ними стайками бегаю, да в унисон вздыхают, а этим бы только колдовство творить, да упырей всяких на трактах гонять. Мамка говорит, годков через десять перебесятся и за ум возьмутся, хотя после очередной их шалости она порой сообщает, что эти два озорника, наверное, никогда не повзрослеют. Младшему Севушке только одиннадцать минуло, он всеобщий любимец и баловень. Внешне он на маму похож, а вот характер отцовский обстоятельный и спокойный. Дед его частенько в Белояжск забирает погостить, Сева науку воинскую постигает среди отроков, при царе Кощее состоящих. Люблю я своих братиков, сил нет как!

– Давно шумят? – тихонько поинтересовался Велимир, отцепляя репей от рукава рубахи.

– Почитай уж час беснуются, – со вздохом ответила я, поглядывая то на братьев, то на родителей. – Как улов?

– Вон в ведре смотри, – отозвался Венцеслав, махнув головой куда-то за спину.

Привстав чуток и обернувшись, без удивления обнаружила вместительное ведёрко, в котором рыбки было, что называется с «горкой». Окуни да мелкие щучки топорщили вверх свои хвосты, а некоторые поглядывали на нашу компанию

мутными глазами. Горестный вздох вырвался сам по себе. Это ж мне, сколько чистить придётся!?

– Да, не вздыхай так, Лиска-Василиска! – хохотнул Веня, обернувшись ко мне и заговорщицки подмигнув, добавил уже серьёзно. – Чего мы сестре не поможем, что ли!

– Тогда рыбу делим поровну, – тут же решила я стробовать обещание.

А то знаю я их! Ляпнут нехотя «почистим», а потом назад пятками, мол, не мужское это дело рыбу чистить. Тут надо сразу их на слове ловить, потом поздно будет. Вот если пообещают, деваться им не куда, они у меня такие, ежели чего пообещали завсегда сделать должны.

– Давайте, что ли к заводи русалочьей проберёмся, – предложил Велимир, с опаской поглядывая на то, как наша боевая мама, пытается залезть в ступу, а отец её не пускает, – а то чует моё сердце на кухню нам сейчас никак нельзя. Да и Марфа занята, она капусту квасит, не до нас ей с рыбой ентой.

Я снова вздохнула, мысленно жалея нашу домовушку. Проблема с квашеной капустой в нашей Избушке уже десять седмиц длится, словно капуста эта какая-то заколдованная – исчезает почти на глазах. Марфушка бедная замаялась уже с ней, ну, ничего скоро прекратится всё.

– Ку-у-уда!?! – возмущённый вопль папки заставил нервно передёрнуть плечами и снова обратить свой взор к родной Избушке. – А ну не тронь, кому говорю! Не тронь!

– Ты мне тут не командуй! – возмущённо заверещала Баба Яга, отчаянно цепляясь за край ступы, в то время, как папа пытался аккуратно её оттащить от столь опасного, по его мнению, средства передвижения. – Ишь взялся честной Ёжке что-то запрещать!

– Злата, не доводи до греха! – прорычал княжич Лиходольский, удерживая жену за обе руки. – А то запрю в Избушке и только к осени выпущу! Поняла меня?!

Что там мамка ему отвечала, мы уже слушать не стали, слаженно отползая в лес, чтобы незамеченными скрыться, а то увидят и нам достанется на орехи. Получим-то все за дело, но от этого менее обидно не становится. Мир и Веня в Академии отличились, драку затеяли. И вроде не особо виноваты, за девочку какую-то вступились, но папка им всё равно спуска не даст, скажет, мол, полюбовно надо было всё решить. А как тут полюбовно решишь, коли обнаглел боярский сынок донельзя, на девчонку руку поднял?! Ну, да ладно, с двойнёвых всё, как с гуся вода! Сева меньше всех провинился, без спроса в Сколки сбежал к друзьям. Ему отец в тот день задание дал, заклятье оборонительное выучить. Он выучил его за полчаса, даже потренировался чуток и к друзьям сбежал. Папка, да и мамка за такое по головке не поглядят, но и сильно наказывать не будут. А вот я...

И всё равно, я всё правильно сделала, вот! И не сводня я никакая! Я же видела, что они друг другу нравятся. Да, что там нравятся – любят они друг друга! Ежели б не я, они бы

так вокруг да около ходили ещё бы лет пять. Он бы боялся её смутить, да напугать. Она бы ходила и вздыхала, что не пара ему. Глупость несусветная! Я же вижу, что они счастливы будут. Всё же как-никак дочь я Бабы Яги или нет?!

–Лиска, быстрее давай! – отвлёк от невесёлых дум Сева и даже за руку взял, словно боялся, что потеряюсь. – А то ж заметят.

–Бегу я, – вздохнула я и припустилась по тропинке, сжимая ладошку младшего братика.

Перед нами резво бежали Венцеслав и Велимир. Им и положено резво бежать, всё ж колдуны-воители будущие. Я и Всеволод чуток отстали, всё потому что я путалась в подоле длинного сарафана. И зачем только его нацепила? Ума не приложу.

Долго ли, коротко ли, а к русалочьей заводи мы добежали аккурат в тот момент, когда её обитательницы посиделки с мавками, водяным и лешим устроили. Настойка мухоморная щедро лилась в берестяные стаканцы, закусывалась грибными пирожками, которые, как сейчас помню, Марфушка стряпала поутру. Та-а-ак, меня терзают смутные сомнения...

–Опа! Ребятишки, а вы тут откуда? – нервно икнув, спросил водяной Прост, поспешно пряча за спину бочонок с мухоморовкой.

–Кажись, нас здесь не ждали, – шепотом сообщил мне на ухо Мир.

–Я даже догадываюсь, кого именно они тут дожидаются

на самом деле, – в ответ шепнула я брату.

– Да мы тут все уже об этом догадались, – насмешливо фыркнул Сева, отпуская мою ладонь и решительно направляясь к берегу. – Вы как хотите, а я пойду, поплаваю. Жара!

– А ну стоять! – прикрикнула на меньшого, выразительно указав на ведро, которое Веня уже поставил на травку подле себя. – Рыбу кто чистить будет?!

– Детишки, а что это вы тут делать собрались? – вкрадчиво поинтересовался Хмурич, отставляя свой стаканчик и пытаюсь суровым взором на нас глянуть. Не получилось у него.

– От мамки с папкой спасаемся, – с охотой сообщил Венцеслав. – Опять скандалят. Вот мы сюда убежище искать и пришли, да рыбку заодно поджарить. А вы выпивайте дальше! Мы вам мешать не будем.

– Выпьешь тут с вами, – проворчал леший и с надеждой посмотрел на водяного.

Водяной вздохнул и развёл руками, мол, сам не знаю, что делать. Экие они у нас боязливые стали. Хотя сами виноваты! Нечего было по весне Венке с Миром настойки на кедровых орешках предлагать. Братцы-то до того момента крепче кваса и не пили ничего, а тут сразу такое. Окосели они тогда в раз, домой разве что не ползком приползли. Ох, мамка тогда лютовала! Хмурич к нам в Избушку две седмицы боялся заглядывать, если бы Верeya за него не вступилась, ещё столько бы от Бабы Яги бегал. Правда, братикам тогда тоже знатно досталось. Папка их хворостиной вокруг Избуш-

ки час гонял, больше для острастки, конечно, бить-то он их не бил.

– Да не бойтесь! – нервно хохотнул Мир, видимо тоже припомнив ту взбучку. – Мы в сторонку уйдём, костерок запалим и на вас даже смотреть не будем. Нам прошлого раза хватило.

– Да нам как-то тоже, – хмыкнул в ответ Хмурич, потирая шею, его мама тогда полотенцем в воспитательных целях тоже приласкала.

– Ладно, идите уж, – проворчал водяной, доставая бочонок из-за спины и обновляя настойку в стаканах.

Мы и пошли. Добрались до поваленного у самой воды дерева и принялись костерок налаживать, да рыбку чистить. Когда первая партия рыбешек, нанизанных на ивовые прутья, жарилась над весело потрескивающим костром со стороны лесной, речной и болотной нечисти донеслась какая-то залихватская песенка, затем была ещё одна задорная песня затянутая мавками. А потом все вдруг как-то притихли, вертя головами то туда, то сюда. Я с братишками тоже глянула, куда развесёлая компания взгляд метала, и чуть в голос не рассмеялась.

С противоположных концов лесной тропы, что вдоль русалочьей заводи шла тихонько крались пап и мама, оглядывались постоянно, будто гнался кто за ними. И всё бы ничего, да только посередь тропы недавней бурей дерево повалило, и оно родителей наши друг от дружки скрывало. Только

нам у реки всё видно было.

Мама кралась, от папки хоронясь, папка от мамки. Как дети малые, честное слово! Баба Яга несла корзинку полотенцем вышитым прикрытую. У папы за плечами котомка внушительная висела. Словом оба подготовились. Интересно только вот что – кто из них первый это непотребство организовал и почему им никто не проболтался о том, что вторая половинка тоже в посиделках участие принимает?

–Сейчас начнётся, – с предвкушением прошептал Веня, раздавая нам уже прожаренную рыбку.

Напряжение нарастало тем больше, чем ближе подбирались наши родители к притихшей нечисти. Нечисть же, судя по всему, тоже предвкушала бесплатное представление, особенно заметно это было по радостной улыбке лешего. Со всем немного осталось.... И вот она долгожданная встреча!

–Ты чего это тут делаешь?! – подбоченившись возопила Баба Яга, столкнувшись возле поваленного дерева со Змеем Лиходольским.

–Я тебя о том же спросить хочу, душа моя, – не остался в долгу Змей.

–Народ! – раздался вдруг развесёлый голос из лесной чащи. – Я медовуху принёс! И орешков у белок занял. Гуляем!

–Прокопий, чтоб у тебя борода мхом поросла! – возмутился Хмурич, недобро зыря на старшего лешего, так неудачно прервавшего разговарившийся скандал.

А предполагаемый скандал и впрямь не начался. Мамка с

папкой оглядели друг дружку, заметили корзинку полную пирогов и котомку доверху набитую соленьями, переглянулись и прыснули со смеху. Верно дядька Руслан всё время говорит, что жена да муж – змея да уж. Вона они уже и не обижаются. Наоборот, папа поспешил маме с корзинкой помочь, потом усадил её удобнее на пенёчке, котомку опустевшую подстелив. Мамка же папе сразу самые вкусные да большие ломти пирогов подкладывать начала. Вот и помирились. Так и знала, что долго ссориться они не смогут, те более было бы из-за чего скандал разжигать.

– Может, меньших ваших позовём? У них рыбка есть, – предложил, вдруг, Прост, сдавая нас четверых с потрохами.

Родители снова переглянулись и глянули в том направлении, куда водяной указывал. Если бы не он, нас бы и не заметили за сплошным занавесом ветвей ив плакучих, даже ветер нам на руку был, в нашу сторону дул, отец бы не учуял. А теперь взбучки не избежать.

– А ну-ка подь сюды! – строго так позвал нас отец, что даже мысли не возникло послушаться. – И рыбёшек ваших захватите!

Собрав поджаренную рыбку, мы поплелись к родителям нога за ногу. Суровым взглядом за нами папа и мама следили, что лично у меня мураши по коже бегали. Судя по сопению Севы, он тоже к наказанию готовился. Дошли мы до сей честной компании, в ряд перед папкой выстроились и головы покаянно опустили, авось пронесёт.

– Ну, как сестрёнку назовём? – неожиданно задал вопрос Зареслав Лиходольский и тихонько рассмеялся, когда наши озадаченные лица увидел. – Или скажете, что не придумали ещё?

– Варькой! Варюшей! Варварой! – выпалили мы все четверо одновременно.

– Душа моя, как тебе это имя? – ласково спросил отец у мамы и, получив в ответ счастливую улыбку и утвердительный кивок, постановил. – Значит, будет Варварой, – папа нежно коснулся маминого уже очень большого и круглого животика и, блеснув хитрым взглядом в нашу сторону, командовал. – Рыбёшек нам оставили и к костерку вернулись, себе ещё нажарите. А теперь кру-у-угом! Шагом марш!

Нам дважды повторять не надо. Скоренько сгрузили на холстину, вместо скатёрки которая была, рыбу жаренную и к своему костерку направились чуть ли не бегом.

– Фу-ух! Пронесло, – выдохнул Мир, когда мы уже в кружок сели и новую партию рыбок на веточки принялись нализывать.

– Точно, – подтвердил Веня, подбрасывая в костёр сушняк.

Веточки потрескивали, рыбка поджаривалась, а мы прислушивалась к весёлому разговору взрослых. Мавки, русалки и мама обсуждали какие-то травы и что из них приготовить можно. Отец, лешие и водяной байки травили про охоту да рыбалку. Чуть позже мавки снова затянули песню, к

ним присоединилась и мама. Ещё чуть погодя, когда все уже напробовались медовухи началась главная забава, которую все очень любили – это частушки. Русалки и мавки, хитро переглянувшись и подмигнув Бабе Яге, задорно выдали:

Приходил колдун к Яге

И в любви ей клялся.

Лучше б ступу починил,

Чем без дела шлялся!

Мужская часть не пожелала остаться в стороне и, чуть посоветовавшись, сочинила ответ:

Приходил колдун к Яге,

А у той гулянка...

Нет, что б мужа привечать –

Замутила пьянку!

Все, включая Ягу, прыснули со смеху, но прекращать веселье не собирались:

Ёжка к лешему пришла,

Попросить грибочков.

После тех грибов колдун

Ужей ловил по кочкам!

Снова раздался залиvistый смех и развлечение продолжилось. День плавно перетёк в вечер, а вечер засеребрился первыми ночными звёздочками по стремительно темнеющему небосклону. Лес затих, а шумная разношёрстная компания всё никак не могла угомониться.

Если бы сторонний наблюдатель вдруг забрёл на полян-

ку, расположившуюся на берегу заводи, в народе именуемой русалочьей, он бы не поверил своим глазам. Да разве такое вообще может быть, чтобы русалка лихо отплясывала с лесшим? Или Баба Яга пела зазорные частушки? Ну, уж точно никто бы не поверил, что Змей будет с водяным в кости на щелбаны играть! Да и мавок, весело играющих в салочки с молоденькой Ёжкой и её братьями, тоже не каждый день увидишь. Но никто посторонний, конечно же, появиться тут не мог, и помешать чужому веселью не получилось бы. Только большой рыжий кот, засевший на ветке одной из дальних берёз, снисходительно фыркал в усы, наблюдая за творящимся балаганом. Но он-то не посторонний! Он-то как раз свой.